

№ 2/X 10.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. ОКТЯБРЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1910 года.

Библіографическій листокъ.

Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы россійскаго книгоиздательства за 1909-й годъ. Пять таблицъ. Спб. 1910.

Въ основу своей работы составитель положилъ издаваемую главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати „Книжную Лѣтопись“ и, обстоятельно разработавъ и сгруппировавъ по статистическимъ рубрикамъ ея данныя, представилъ въ цифрахъ картину русскаго книгоиздательскаго дѣла въ прошедшемъ году. Всего въ этомъ году было отпечатано 86.957.814 экземпляровъ книгъ (въ 1908 г. 75.868.320) общею стоимостью въ 26.836.819 р. 50 к. Больше всего напечатано книгъ богословскихъ, беллетристическихъ, народныхъ, медицинскихъ; почтенную цифру дала мелкая детективная беллетристика (559 названій, болѣе 8½ милліоновъ экземпляровъ). Правительственныя учрежденія и ученыя и другія общества выпустили 2.677 разныхъ наименованій; изъ коммерческихъ книгоиздательствъ особенно выдѣляются товарищество Сытина (издавшее 721 сочиненіе, въ 10.931.500 экз., на 2.357.687 руб.), Березовскій, Вольфъ, Панафидина, „Польза“, Суворинъ, Сойкинъ, Тихомировы, „Посредникъ“, Саблинъ, Юргенсонъ, „Міръ“, Тузовъ, „Брокгаузъ и Ефронъ“, Ступинъ, „Шиповникъ“, „Знаніе“, Любичъ, Башмаковы, Гранатъ, Девріенъ, „Просвѣщеніе“, Марксъ, „Петербургскій учебный магазинъ“, „Общественная Польза“. Больше всего книгъ печаталось, конечно, въ столичныхъ губерніяхъ (8.849 и 4.862 названія), меньше всего на окраинахъ (въ губерніяхъ и областяхъ: плоцкой, радомской, сѣдлецкой, ломжинской, елизаветпольской, карсской, закаспійской—по *одному* названію). Главными центрами издательской дѣятельности были, какъ всегда, столицы; провинція сильно отстаетъ отъ нихъ, и, напримѣръ, столь крупный центръ какъ Одесса напечаталъ въ прошломъ году почти въ 14 разъ меньше книгъ, чѣмъ Петербургъ (печатались книги всего въ 283 городахъ). Большую часть книгъ (52½ милліона) издали болѣе или менѣе крупныя коммерческія фирмы; гораздо большее число случайныхъ и безыменныхъ издателей напечатали менѣе половины этого количества. Интересныя таблицы, стоившія составителю немало кропотливой работы, наглядно показываютъ положеніе книгоиздательскаго дѣла въ Россіи, и, если издатель будетъ ихъ продолжать и улучшать, дадутъ матеріалъ для интересныхъ историческихъ и соціологическихъ выводовъ.

И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели отъ Гоголя до нашихъ дней. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей литературѣ. Бердянскъ. 1909.

„Данная работа предназначается для широкихъ круговъ читающей публики. Намъ кажется“ — справедливо говоритъ составитель, — „что въ настоящее время ощущается извѣстная потребность въ негромоздкомъ справочномъ пособіи, содержащемъ въ себѣ все наиболѣе цѣнное въ критической литературѣ нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій. Съ одной стороны, сильно возросъ интересъ къ литературѣ, и выдвинулись новые кадры читателей; съ другой стороны—усложнившаяся жизнь привела къ идейному „разброду“, и оріентироваться стало труднѣе, чѣмъ когда-либо. Смотря на свою работу какъ на изданіе справочное по преимуществу, составитель вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что для извѣстныхъ круговъ читателей она можетъ служить пособіемъ характера руководящаго“. Составитель пользовался извѣстнымъ трудомъ г-жи Мезіеръ, но „большая часть журнальныхъ статей была пересмотрѣна наново; критическая литература послѣдняго десятилѣтія, какъ журнальная, такъ и отдѣльно вышедшая, просмотрѣна самостоятельно. Для болѣе удобнаго оріентированья проведено дѣленіе на литературу біографическую и критическую; первой удѣляется особенно много мѣста тамъ, гдѣ она, по характеру своему, представляетъ большой общественный интересъ“. Значенія руководства, какъ наивно полагаетъ составитель, эта работа имѣть не можетъ, но для справокъ вполнѣ годится, не претендуя, конечно, на полноту матеріала. Въ выборѣ писателей, заслуживающихъ, по мнѣнію составителя, „вниманія“, виденъ произволъ: такъ, среди прозаиковъ, гдѣ прилежно указаны разные Крандіевскія, Яблоновскіе, Скитальцы и Федоровы, мы не нашли ни Кохановской, ни Сухово-Кобылина; въ числѣ критиковъ и публицистовъ есть и Лавровъ, и Плехановъ, но нѣтъ ни Хомякова, ни Ап. Григорьева, ни Анненкова, ни Юрія Самарина, ни Флеровскаго, ни Дружинина, ни Овсянико-Куликовскаго (а на сочиненія послѣдняго чуть не на каждой страницѣ брошюры разсѣяны многочисленныя ссылки). Попадаются существенные недосмотры: такъ, не указаны извѣстныя статьи о Короленкѣ Ю. Николаева (Говорухи-Отрока), статьи о Щербинѣ, появившіяся въ 1906—1908 г.г. въ „Историч. Вѣстникѣ“ и въ „Русс. Старинѣ“; среди матеріаловъ о Бѣлинскомъ упоминаются такіе пустячки, какъ статья Ангела Богдановича, но не указаны статьи А. Л. Волынскаго, В. В. Каллаша, „Исторія русской общественной мысли“ Иванова-Разумника, сборникъ писемъ Бѣлинскаго, изданный Зинченко. Но главнымъ недостаткомъ работы являются, повторяемъ, не подобные пробѣлы, а грубые пропуски крупныхъ литературныхъ явленій. Страннымъ показалось намъ предупрежденіе (замѣтимъ, во всей брошюрѣ единственное)— „съ осторожностью относиться“ къ статьямъ одного критика (стр. 23); слѣдовало, по крайней мѣрѣ изъ простой добросовѣстности, объяснить этотъ оракульскій совѣтъ, который не всякому читателю можетъ быть понятенъ,—тѣмъ болѣе, что осторожность полезна не только въ данномъ случаѣ, а рѣшительно всегда и всюду, въ особенности при пользованіи указателями вродѣ настоящаго.

Марія Владиміровна
Безобразова

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1911 годъ.

Вступая въ 1911 году въ сорокъ второй годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто

Прилагается объявленіе о подпискѣ на 1911 годъ съ обозначеніемъ статей, которыя будутъ напечатаны.

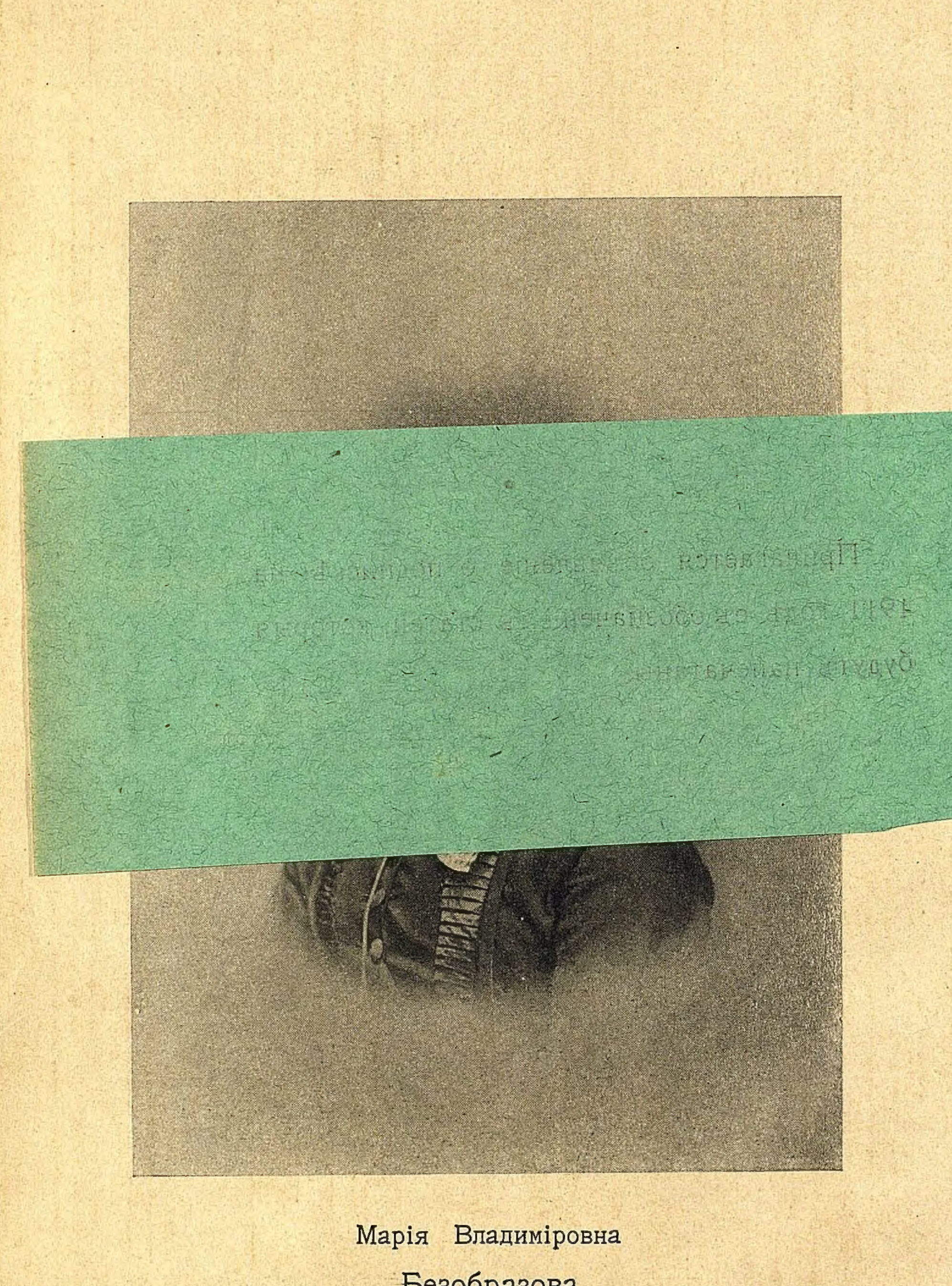
каза...
нера. Воспоминанія жизни (о Вышнеградскомъ, Витте, ... гр. А. А. Ливенѣ, гр. Валуевѣ, Горемыкинѣ, И. Н. Дурново, Сипягинѣ, Ванновскомъ, гр. К. И. Паленѣ, К. К. Гротѣ, М. Н. Анненковѣ, гр. Л. Н. Толстомъ, А. Г. Рубинштейнѣ, Айвазовскомъ, Захарьинѣ, ст. секр. Безобразовѣ, гр. А. А. Толстой, Е. А. Нарышкиной, кн. Ек. Радзвиллъ, Бисмаркѣ и др. **И. Лаврентьевой**.—Другъ дѣтей.—Изъ жизни Е. М. Бемъ.—Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ. о. Т. П. Пассекъ. **Е. А. Альбовскаго**.—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **Д. Перскій**.—Новый директоръ. Міокотисанъ. На абордажъ. **М. В. Безобразовой**.—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **Ф. Д. Филоненко**.—Изъ подольской старины. (Изъ быта духовенства). „Депутатъ отъ Россіи". Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой**. **Н. Раевскій**.—Къ постройкамъ стараго Петербурга. **А. И. Сергѣева**. — Изъ быта духовенства. **Е. А. Рагозиной**.—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліонга, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Митхадъ п., Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **И. И. Оноре**.—11 лѣтъ въ театрѣ (о Вагнерѣ, Сѣровѣ, Ларошѣ и др.). **А. А. Чебышева**.—Письма П. А. Катенина—И. А. Бахтину и много другихъ историческихъ изслѣдованій и воспоминаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Марія Владиміровна
Безобразова

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

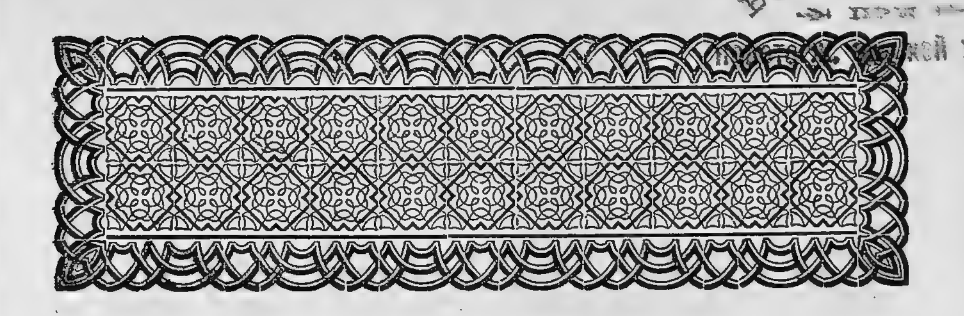
1910.

ОКТЯБРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864—1909 г. г.).

ГЛАВА VI [1]).

Изъ другихъ нашихъ писателей, исключительно Петербургскихъ (о знакомыхъ Московскихъ я говорилъ раньше въ первыхъ главахъ), я наиболѣе близко былъ знакомъ съ почтеннымъ Павломъ Александровичемъ Гайдебуровымъ, редакторомъ, если не основателемъ, за многіе годы извѣстной „Недѣли“, одного изъ нашихъ распространенныхъ органовъ печати, погибшаго, къ сожалѣнію, въ полномъ расцвѣтѣ отъ злого рока, въ видѣ безжалостной цензуры. Меня познакомилъ съ Павломъ Александровичемъ человѣкъ совсѣмъ не литературный, мой добрый покровитель, Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій, московскій прокуроръ, извѣстный ораторъ, соперникъ князя Урусова и Плевако по многимъ процессамъ. Онъ гдѣ-то подцѣпилъ или познакомился случайно съ Гайдебуровымъ и привезъ его ко мнѣ, желая обоимъ сдѣлать одолженіе: мнѣ молодому и жаждавшему дѣла профессору и писателю дать полезное знакомство въ лицѣ редактора, а Гайдебурову доставить сотрудника.

Когда я познакомился съ Павломъ Александровичемъ, онъ еще былъ вначалѣ своего литературнаго успѣха. „Недѣля“ лишь начала распространяться, и онъ жилъ довольно бѣдно, гдѣ-то на Кузнечномъ, но затѣмъ быстро въ нѣсколько лѣтъ, особенно, когда явилось приложеніе, въ видѣ „Книжекъ Недѣли“, журналъ и редакторъ великолѣпно расцвѣли и процвѣли. Они

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1910 г.

перешли въ хорошую квартиру на Кабинетской, завели прекрасную обстановку и расширили кругъ своихъ знакомствъ и сотрудниковъ. Я очень подружился и съ самимъ Гайдебуровымъ и съ его милой супругой Евгеніей Карловной, а впослѣдствіи и съ его дѣтьми и сдѣлался почти своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ. Пріѣзжая, напримѣръ, иногда лѣтомъ изъ Москвы, я останавливался у нихъ въ Теріокахъ на дачѣ и жилъ по нѣсколько дней, пользуясь и полнымъ вниманіемъ и радушнымъ гостепріимствомъ.

Вскорѣ, вначалѣ нашего знакомства я сталъ изрѣдка пописывать статьи въ „Недѣлѣ", первоначально очень робко и скромно, безъ имени или съ выдуманнымъ псевдонимомъ или подъ иниціалами, а потомъ мало-по-малу началъ и подписываться по просьбѣ редактора. Статьи касались всевозможныхъ предметовъ для меня интересныхъ. Сюда попадали не только экономическія замѣтки и разсужденія, но даже почему-либо интересныя или курьезныя встрѣчи за границей, или наблюденія дома: въ родѣ, напримѣръ, неподписанной статьи „Встрѣча съ курятникомъ изъ Апраксина двора, въ Лондонѣ и разговоръ съ нимъ". „Разговоръ въ Москвѣ съ хозяйкой-бѣлошвейкой о поставкѣ для раненыхъ бѣлья", и т. д. и т. д. Подобныя шалости пера особенно нравились П. А. Гайдебурову, который меня поощрялъ писать въ такомъ родѣ, но имени я не открывалъ. Къ такимъ шалостямъ пера я отношу въ настоящее время анонимную статью противъ Чичерина и Герье въ пользу общиннаго землевладѣнія, котораго тогда я былъ, къ сожалѣнію, сторонникомъ. Въ „Недѣлѣ" въ первый разъ, вѣроятно, съ роду была, помнится, также моя статейка о несчастьяхъ отъ машинъ въ московскихъ фабрикахъ, по тогдашней несовершенной статистикѣ, данныхъ собранныхъ, по карточной системѣ, доставленной мнѣ М. А. Саблинымъ; своей новостью содержанія она обратила вниманіе и вызвала даже правительственный запросъ, откуда могли попасть такія свѣдѣнія въ частныя руки — показалось, вѣроятно, опаснымъ совать въ нихъ носъ!..

Изъ болѣе серьезныхъ плодовъ моей литературной дѣятельности въ „Недѣлѣ", могу назвать помѣщенную въ „книжкахъ приложенія къ „Недѣлѣ" весьма любопытную статейку „Искусство писательства". Анкетъ или изслѣдованіе одного англійскаго писателя Джоржа Бентона, путемъ опроса многихъ авторовъ объ искусствѣ выработки стиля или хорошаго языка. Въ живомъ изложеніи маленькая статья знакомитъ съ способами, которые весьма многіе англійскіе, а отчасти иностранные авторы (176 человѣкъ) сообщили Бентону о наилучшихъ способахъ выучиться хорошо выражать свои мысли, или просто сочинять и что они сами дѣлали для этой цѣли? Тутъ

приводятся любопытныя мнѣнія самыхъ разнообразныхъ и очень крупныхъ писателей, въ родѣ физика Тиндаля, нѣмецкаго эволюціониста Геккеля, многихъ англійскихъ романистовъ: Уильки Колинза, Миссъ Олифантъ, Марка Твэна, Крауфорда, Уильямъ Блэккъ и мн. др. Общіе выводы весьма поучительны: 1) хорошій стиль или языкъ составляетъ, прежде всего, природный даръ, 2) огромное большинство писателей, повидимому, не довольствуясь такимъ даромъ, употребляли многіе годы на дальнѣйшее развитіе его путемъ чтенія, писанія, изученія иностранныхъ языковъ и т. д. Наконецъ, 3) важнѣйшій выводъ изслѣдованія Бентона заключается въ наблюденіи у большинства писателей и писательницъ важнаго вліянія ихъ матерей на образованіе (хорошаго стиля или языка у будущихъ литераторовъ) и лишь въ одномъ случаѣ замѣчено вліяніе отца—крупная важность слѣд. женскаго образованія.

Другая любопытная статья, помѣщенная мною въ „книжкахъ Недѣли“, носитъ оригинальное названіе, вполнѣ опредѣляющее ея содержаніе: „Мы всѣ слишкомъ падки на даровщинку“. Въ статьѣ этой на основаніи наблюденій каждодневной русской жизни и въ сравненіи съ хорошо мнѣ извѣстной жизнью Англіи, я утверждаю, что у насъ, у русскихъ, развита большая и зловредная слабость—живиться на чужой счетъ, выпрашивать и канючить, и это рѣшительно никого не возмущаетъ, въ то время, когда попрошайничество между англичанами презирается и терпится лишь, какъ непріятное исключеніе; „полагайся на самого себя, думай о самомъ себѣ, помогай самому себѣ“—составляетъ тамъ общепринятое правило руководства житейской мудрости, а у насъ, у русскихъ вмѣсто того—„помогите, подайте копеечку!“

Вообще принципъ даровщинки составляетъ, по моему мнѣнію, характерную особенность русской жизни, проникающую одинаково черезъ всѣ слои русскаго народа и кладущую грань между нашей и западно-европейской жизнью. Конечно, и на западѣ много охотниковъ для дарового полученія разныхъ благъ, но тамъ этотъ способъ не одобряется, а представляется достойнымъ лишь трудовое, такъ сказать, начало, которое проходитъ черезъ всю Европейскую жизнь и задаетъ господствующій тонъ... У насъ же наоборотъ—всякая тяжесть, сплошь и рядомъ, сваливается, какъ бы съ общаго молчаливаго согласія на государство, общество, или частныхъ лицъ и во всѣхъ классахъ народа, подъ разными видами, одно и то же стремленіе—къ даровщинкѣ [1])!

---

[1]) Настоящая статья о „Даровщинкѣ“ была написана мною первоначально для перваго нумера новаго спеціальнаго журнала „Трудовая

Очень можетъ быть, что въ маленькой журнальной статьѣ я не успѣлъ и не сумѣлъ обосновать и укрѣпить свои положенія, но во всякомъ случаѣ я руководствовался добрыми мотивами и желалъ только хорошаго русскому народу, поэтому я не могу не признавать рѣзкую критику Евгенія Маркова статьи моей „Даровщинка“, появившуюся въ „Новомъ Времени“ за тотъ годъ (1897) отчасти недоразумѣніемъ, отчасти большой несправедливостью и обвиненіе ad hominem меня самого въ стремленіи къ „Даровщинкѣ“, было забавно для всѣхъ, кто знакомъ съ исторіей моей жизни, въ томъ числѣ, надѣюсь, и для читателей „Русской Старины“.

Очень скоро у Гайдебуровыхъ развелось множество знакомыхъ, какъ въ литературныхъ, такъ и ученыхъ кругахъ. Внимательный, любезный и разнообразно-свѣдущій хозяинъ привлекалъ всѣхъ. За прекрасными обѣдами и, наконецъ, на вечерахъ у Гайдебуровыхъ можно было одинаково встрѣтить и Н. С. Таганцева, и В. И. Сергѣевича, Н. В. Шелгунова, Ѳ. М. Достоевскаго, Я. П. Полонскаго и многихъ другихъ ученыхъ и литераторовъ и болѣе или менѣе лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ. Изъ упомянутыхъ литературныхъ именъ остановлюсь на Ѳ. М. Достоевскомъ; мнѣ его пришлось видѣть лишь 3 раза въ жизни, уже въ дни его славы! Изъ нихъ два раза на вечерѣ у Гайдебурова. Я былъ большимъ его почитателемъ, не только его произведеній отдѣльно печатаемыхъ или въ журналахъ, но особенно въ „Дневникѣ Писателя“.

Когда меня Гайдебуровъ подвелъ къ нему, я чрезвычайно обрадовался и отнесся къ нему, что называется, со всѣмъ сердцемъ. Къ сожалѣнію, мой невольный порывъ встрѣченъ былъ Достоевскимъ болѣе нежели холодно, почему-то ему не понравилось званіе профессора, которое прибавилъ при моей рекомендаціи Гайдебуровъ. Я пытался и даже нѣсколько разъ завести съ нимъ разговоръ, онъ уклонялся и вообще держалъ себя на вечерѣ букой или буддой, принимавшимъ поклоненіе отъ поклонниковъ и съ важностью молчавшимъ. Во время общаго чая за огромнымъ столомъ я усѣлся, помню, между Шелгуновымъ и поэтомъ Андреевскимъ и скоро завязалъ съ ними (дѣло, кажется, было весной) разговоръ о

Помощь“ при его основаніи... Но статья моя не понравилась Редакціи, потому что пристрастіе къ даровщинкѣ приписывается мною въ настоящей статьѣ одинаково всему русскому народу, т. е. помимо простого—такъ же дворянству и купечеству... Мнѣ было предложено выкинуть мѣсто статьи, относящееся къ привилегированнымъ сословіямъ... Я не согласился, взялъ статью обратно и послалъ „Даровщинку“ въ „Недѣлю“, гдѣ она и была уже напечатана цѣликомъ, безъ купюровъ (см. сборникъ „Между дѣломъ“).

И. Я.

пріятности деревенской жизни, при чемъ я разсказалъ своимъ сосѣдямъ, что въ деревнѣ Тверской губерніи (въ имѣніи моего тестя), гдѣ я провелъ тогда нѣсколько лѣтнихъ вакатовъ, я имѣлъ всегда два любимыхъ занятія, доставляющихъ мнѣ столько же удовольствія, сколько и здоровья:—„ходить въ лѣсъ по грибы“ и разводить овощи въ огородѣ. Я съ жаромъ описывалъ обѣ свои любимыя забавы! Какъ я слѣжу за проростаніемъ сѣмянъ въ огородѣ, какъ много въ этомъ поэзіи и интереса въ опытахъ разнаго рода, напримѣръ, въ искусственномъ ускореніи созрѣванія и т. п. Какъ, наконецъ, пріятно находить подъ кустами рыжики, какъ цѣлыми часами я просиживалъ на одной большой полянѣ съ своими близорукими глазами, болѣе раскапывая, нежели ища маленькіе грибки въ травѣ и мохѣ и т. д. и т. д. Мои сосѣди слушали меня съ видомъ сочувствія, иногда лишь вставляя свои реплики или замѣчанія.

Какъ вдругъ раздался рѣзкій, нѣсколько визгливый голосъ Ѳ. М. Достоевскаго съ другого конца стола, гдѣ онъ сидѣлъ около милой хозяйки Евгеніи Карловны,—„Профессоръ, а профессоръ!“ воскликнулъ онъ, хотя ему хозяинъ и назвалъ мое имя съ отчествомъ! „Скажите, зачѣмъ вы занимаетесь въ деревнѣ скучнымъ огородничествомъ, когда гораздо веселѣй и пріятнѣй садоводство?!“ Меня очень поразило такое странное, если не сказать болѣе, замѣчаніе, я отвѣчалъ ему коротко и сухо: „Да потому, что я не имѣю счастья владѣть собственнымъ имѣніемъ, а проживаю, и то изрѣдка, на дачѣ, а въ 1—2 года разводить садъ и фруктовыя деревья невозможно“. „Ну вотъ и неправда“, выстрѣлилъ Достоевскій, „есть сорта яблонь, которыя въ два, три года даютъ фрукты“. „Можетъ быть такъ и есть, но, во всякомъ случаѣ, это занятіе не по профессорскому карману и требуетъ слишкомъ много возни и хлопотъ!“ — „Напрасно, напрасно, попробуйте!“ и все это говорилось самымъ раздраженнымъ злымъ тономъ. Присутствующіе переглянулись, а Шелгуновъ со свойственной ему прямотой, нисколько не стѣсняясь и глядя въ глаза Достоевскому, замѣтилъ мнѣ полусмѣясь: „Ну, что какъ вамъ нравятся, Иванъ Ивановичъ, наши знаменитые писатели, не правда ли, мы ихъ очень избаловали, давая возможность говорить все, что придетъ имъ въ голову?!“ Хозяинъ Гайдебуровъ умоляющимъ образомъ взглянулъ на Н. В. Шелгунова, тотъ понялъ, поднялся и пошелъ въ сосѣднюю комнату, туда же вслѣдъ за нимъ отправился и я.

Другой разговоръ, который я велъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, тоже былъ неудачный, или потому, что наши натуры не сошлись, или я ему не понравился; это было въ Александринскомъ театрѣ, я встрѣтилъ его во время антракта. Онъ меня спросилъ, давно ли

я пріѣхалъ изъ Москвы и давно ли видѣлъ Владиміра Соловьева, къ которому, очевидно, онъ былъ расположенъ. На дальнѣйшіе его разспросы о Соловьевѣ, какъ онъ поживаетъ, когда узналъ, что мы знакомы, я отвѣтилъ, что, повидимому, хорошо, что по слухамъ все больше обрѣтается около Каткова съ Леонтьевымъ и Любимовымъ, гдѣ ему тепло, и что въ Москвѣ это многимъ не нравится, начиная со старика-отца! Достоевскаго это передернуло, онъ бросилъ на меня довольно свирѣпый взглядъ и тотчасъ отошелъ, и больше я его не видалъ.

Изъ другихъ литераторовъ, бывавшихъ въ домѣ Гайдебуровыхъ, мы больше всего сошлись съ Н. В. Шелгуновымъ, съ человѣкомъ въ высшей степени интереснымъ, наблюдательнымъ, съ запасомъ многихъ цѣнныхъ экономическихъ свѣдѣній и обширнымъ знакомствомъ съ хозяйственной жизнью народа на сѣверѣ, особенно Вологодской губерніи, мѣстѣ его продолжительной ссылки. Мы настолько съ нимъ сошлись, что, я помню, онъ даже подарилъ моей женѣ свою фотографію на прощанье въ одно изъ свиданій.

Точно также на вечерахъ у Гайдебуровыхъ я встрѣтился и познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ Я. П. Полонскимъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я вскорѣ же узналъ о пунктѣ, насъ сближающемъ: оказалось, мы оба съ Я. П. были воспитанниками одной и той же Рязанской гимназіи, но, конечно, онъ гораздо старше меня и приблизительно лѣтъ на двадцать! Тѣмъ не менѣе нашлись учителя, надзиратели и даже сторожа, которые одинаково жили и дѣйствовали въ Рязанской гимназіи и во время Полонскаго, какъ и въ мое! И вотъ посыпались у насъ воспоминанія о шалостяхъ, забавныхъ приключеніяхъ гимназистовъ и т. д. Особо частую роль играли два лица: учитель французскаго языка Барбэ и швейцаръ „Камрадъ“, исполнитель всякихъ секуцій и, несмотря на то, первый другъ гимназистовъ. Мы съ Полонскимъ встрѣтились у Гайдебуровыхъ раза три, и онъ усердно звалъ меня къ себѣ на пятницы, но я нѣсколько лѣтъ не могъ собраться.

Однажды въ одинъ изъ своихъ частыхъ, но кратковременныхъ наѣздовъ въ Петербургъ, въ концѣ, помнится, 70-хъ годовъ, Гайдебуровъ мнѣ напомнилъ: „Сегодня именины Я. П. Полонскаго и какъ разъ пятница, поѣдемте къ нему, вы собирались много разъ, онъ человѣкъ нецеремонный и только обрадуется Вамъ, народу будетъ масса, и едва ли ему придется отвести душу съ Вами о Рязани и ея гимназіи“.

Въ тотъ же вечеръ довольно поздно по-московски, что-то часовъ въ десять, мы отправились съ Гайдебуровымъ къ Якову Петровичу; Полонскій встрѣтилъ насъ буквально съ распростертыми объятіями

и очень, очень благодарилъ меня, что я вспомнилъ свое обѣщаніе и кстати именины, немедленно представилъ меня своей супругѣ и кое-кому изъ своихъ гостей и затѣмъ прочно меня усадилъ на весь вечеръ между двумя наиболѣе почетными гостями, и я, увы! почти не двигался до конца вечера, отданный, такъ сказать, имъ на жертву почету и при томъ при довольно оригинальной обстановкѣ: мнѣ припоминается небольшая комната и особаго вида, изогнутая какъ S софа, только съ тремя мѣстами, вблизи другихъ сидѣній не было, два крайнихъ мѣста на софѣ было уже занято, когда меня ввелъ въ эту комнату хозяинъ, и представивши сидѣвшимъ, предложилъ мнѣ занять мѣсто посрединѣ, что я и сдѣлалъ. Хозяинъ назвалъ имъ мое имя и званіе: „Московскій профессоръ Янжулъ", но забылъ назвать мнѣ ихъ, предполагая, что я долженъ знать этихъ знаменитостей, но я какъ разъ не зналъ ни одного! Между тѣмъ былъ посаженъ съ ними для почета и долженъ былъ бесѣдовать болѣе или менѣе долгое время.

Одинъ изъ собесѣдниковъ—высокая, длинная, сухощавая фигура, другой—средняго роста, одѣтъ щеголевато и гораздо менѣе говорливый, нежели первый, который, едва меня хозяинъ представилъ и я усѣлся между ними, къ великому моему удивленію, что называется съ мѣста въ карьеръ, принялся бранить Московскій университетъ, представитель котораго сѣлъ съ нимъ рядомъ. Авторитетнымъ, не допускающимъ, повидимому, возраженій, рѣзкимъ тономъ, онъ осуждалъ и чуть ли не оплакивалъ упадокъ, будто бы, и разложеніе Московскаго университета (это въ періодъ одного изъ лучшихъ моментовъ его процвѣтанія!??). Преимущественно доставалось отъ моего сосѣда именно юридическому факультету, наиболѣе близкому моему сердцу. Къ моему негодованію, онъ позволилъ себѣ употребить такую фразу, говоря о старыхъ профессорахъ: „Всѣ старики или перемерли, или ушли, изъ старыхъ, хорошихъ профессоровъ въ Москвѣ" (и при этомъ слѣдуютъ имена) „остался одинъ и тотъ дуракъ!" Послѣднее ругательное выраженіе относилось къ моему любимому и почтенному декану Василію Николаевичу Лешкову, добрѣйшему оригиналу, но отнюдь не глупому человѣку. Я вспыхнулъ отъ такой крайней безцеремонности этого незнакомца и выступилъ въ горячую защиту милаго старика и всего юридическаго факультета, оговорившись, что, конечно, мнѣ не къ лицу защищать свое, своихъ товарищей, гораздо старше меня, но что я не могу хладнокровно слушать такіе отзывы о почтенныхъ людяхъ, особенно при столь рѣзкихъ обвиненіяхъ и осужденіяхъ. Тогда, не ограничиваясь сказаннымъ, мой собесѣдникъ напалъ спеціально на молодыхъ и наиболѣе всѣхъ на моего друга М. М. Ковалевскаго; предметомъ его выходокъ по-

служила незадолго передъ этимъ напечатанная книжка М. М. о старой французской финансовой администраціи съ большимъ количествомъ выписокъ и выдержекъ на старомъ французскомъ языкѣ. На это-то и обрушился желчный незнакомецъ, приписывая вполнѣ неосновательно ему лишь желаніе покрасоваться своей ученостью и многоязычіемъ, а вовсе не любовь къ наукѣ [1])?!. „Вотъ Забѣлинъ ни одного языка не знаетъ, а выше всего факультета"!

Положеніе мое было довольно жалкое, онъ продолжалъ разносить Московскій университетъ, а я даже не зналъ, кто онъ такой, возражать же ему въ его тонѣ не считалъ себя въ правѣ, какъ молодой человѣкъ передъ стариками, тѣмъ болѣе я видѣлъ, что всѣ входящіе отвѣшивали ему низкіе поклоны и, прислушавшись нѣсколько минутъ къ нашей бесѣдѣ, удалялись. Я не могъ выдержать дольше такого измывательства надъ своими чувствами и, услышавъ пѣніе или музыкальное исполненіе и отговорившись любовью къ музыкѣ, направился въ сосѣднюю комнату. Тутъ лишь отъ кого-то изъ присутствующихъ, мнѣ раньше знакомыхъ (юристъ Неклюдовъ, или поэтъ Садовниковъ) я наконецъ узналъ, кто это былъ тотъ желчный старикъ, поносившій нашъ университетъ; оказалось, это былъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, а другой молчаливый собесѣдникъ, князь Волконскій, тогдашній попечитель Петербургскаго Учебнаго Округа!..

Но не долго продолжалось мое произвольное удаленіе отъ почетныхъ гостей: добрѣйшій хозяинъ Яковъ Петровичъ внезапно появился около меня въ комнатѣ, гдѣ я бесѣдовалъ съ кѣмъ-то изъ упомянутыхъ выше лицъ, и сообщилъ мнѣ на ухо: „Очень понравились Константину Петровичу, (!) проситъ Васъ вернуться, ему что-то надо Вамъ сказать о Добровольномъ флотѣ". Дѣлать было нечего, я вернулся и водворился на прежнемъ мѣстѣ на софѣ, между двумя сановниками. На этотъ разъ уже мягкимъ тономъ, безъ всякаго брюзжанья, Побѣдоносцевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что онъ слышалъ отъ кого-то, что я по своей спеціальности финансиста интересуюсь портовыми и ластовыми сборами и что даже дѣлаю какую-то работу по этому предмету или собираюсь дѣлать для Московскаго общества содѣйствія мореходства. К. П. выслушалъ внимательно мои объясненія и вдругъ любезно вызвался быть мнѣ даже полезнымъ по своей служебной дѣятель-

[1]) Довольно любопытная, между прочимъ, иронія судьбы: въ настоящемъ, 1909, году Парижская Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, на мѣсто своего члена-корреспондента, освободившагося за смертію К. П. Побѣдоносцева, избрала именно М. М. Ковалевскаго!!!

ности при Добровольномъ флотѣ, имѣя не мало матеріаловъ по этому вопросу; затѣмъ завязалась у насъ интересная бесѣда, которая мнѣ наглядно въ нѣсколько минутъ показала, какой, все-таки, умный и свѣдущій человѣкъ былъ Побѣдоносцевъ, несмотря на извѣстный фанатизмъ и желчное отношеніе и брюзжаніе ко всему свѣжему, что не укладывалось по его привычнымъ старымъ мѣркамъ и трафаретамъ!..

Я, конечно, очень благодарилъ его за предложеніе и обѣщалъ съ благодарностью воспользоваться всѣмъ, что онъ доставитъ мнѣ по этимъ сборамъ. На другой день, дѣйствительно, онъ мнѣ прислалъ съ курьеромъ въ гостиницу кучу печатныхъ и частью гектографическихъ матеріаловъ по указанному вопросу, собранныхъ, очевидно, въ дѣлахъ и въ архивахъ Добровольнаго флота. Такимъ образомъ, въ именинную пятницу у почтеннаго Якова Петровича я имѣлъ случай познакомиться съ новымъ для себя лицомъ въ видѣ будущаго оберъ-прокурора Синода, но зато упустилъ его для болѣе близкаго ознакомленія и сближенія съ симпатичнымъ поэтомъ и хозяиномъ: намъ ни разу не пришлось за этотъ вечеръ обмѣняться словомъ о дорогой Рязани.

Зато мнѣ совершенно неожиданно пришлось чуть не въ тотъ же самый пріѣздъ въ Питеръ познакомиться съ нашимъ крупнымъ писателемъ-сатирикомъ Михаиломъ Евграфовичемъ Салтыковымъ, по литературѣ Щедринымъ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ почтеннымъ писателемъ лишь одинъ разъ въ жизни, на вечерѣ, можно сказать карточномъ, у Григорія Захарьевича Елисѣева, сотоварища Салтыкова по „Отечественнымъ Запискамъ“. Я уже нѣсколько лѣтъ предварительно познакомился съ послѣднимъ, желая найти пріютъ для своихъ статей на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ и двѣ изъ моихъ статей были уже, кажется, тамъ напечатаны. На вечерѣ былъ лишь небольшой кружокъ, очевидно, лицъ пріятныхъ Михаилу Евграфовичу и дружественно-расположенныхъ, а именно: Алексѣй Михайловичъ Унковскій, присяжный повѣренный, мнѣ уже хорошо знакомый, какъ большой другъ моего тестя Вельяшева, извѣстный юристъ Александръ Львовичъ Боровиковскій и, кажется, Лихачевъ, бывшій потомъ городскимъ головой и впослѣдствіи сенаторомъ. Хозяева, видимо, всячески старались угодить и ублажить нервнаго гостя; хозяйка прямо труса праздновала и всплескивала руками, если что-нибудь не такъ удавалось.

Салтыковъ весь вечеръ проигралъ въ карты, я же переходилъ отъ одного къ другому свободному гостю и упражнялся въ разговорахъ, такъ какъ въ карты совсѣмъ не играю. По временамъ, впрочемъ, слышенъ былъ будто нѣсколько повышенный голосъ Ми-

хаила Евграфовича, но затѣмъ немедленно слѣдовала шутка остроумнаго Унковскаго, и все приходило опять въ порядокъ. За ужиномъ, или за чаемъ наступилъ большой антрактъ, въ теченіе котораго мнѣ и пришлось бесѣдовать съ Салтыковымъ. Я ему разсказалъ между прочимъ, какъ мы, воспитанники Рязанскаго т. н. Благороднаго пансіона, бѣгали когда-то тайкомъ отъ своихъ надзирателей смотрѣть несчастнаго повѣсившагося казачка, котораго Михаилъ Евграфовичъ описалъ въ одномъ своемъ разсказѣ во время его службы въ Рязани. Салтыковъ немедленно оживился при упоминаніи о Рязани и вступилъ со мной въ охотный и длинный разговоръ по поводу ея. Видимо, Рязань оставила на немъ глубокое впечатлѣніе, онъ разсказывалъ мнѣ довольно долго о своихъ рязанскихъ знакомыхъ и о тѣхъ господахъ помѣщикахъ, гдѣ служилъ вышеупомянутый казачекъ, и который подалъ поводъ къ его разсказу. Многое изъ того, что онъ разсказывалъ, къ сожалѣнію, ускользнуло изъ моей головы, тѣмъ болѣе, что скоро нашъ разговоръ перешелъ въ общій; между прочимъ припоминаю, что А. Л. Боровиковскій поднялъ вопросъ, почему-то, вѣроятно, придравшись къ какому-нибудь случаю того времени, объ адвокатской этикѣ: всякое ли дѣло имѣетъ право брать адвокатъ для защиты или нѣтъ? къ сожалѣнію, я не помню, что высказалъ по этому поводу Салтыковъ, и скоро споръ продолжался между нами двумя. А. Л. упорно держался мнѣнія, что адвокатъ долженъ брать всякое дѣло, если только оно соотвѣтствуетъ его личнымъ убѣжденіямъ. Я же старался ограничить этотъ слишкомъ обширный и неопредѣленный кругъ принимаемыхъ дѣлъ исключительно уголовными дѣлами, въ гражданскихъ же дѣлахъ я выражалъ мнѣніе: такъ какъ право писанное очень расходится нерѣдко съ правомъ моральнымъ, поэтому дѣла гражданскія должны съ особенною осторожностью приниматься къ разсмотрѣнію, исключительно лишь тѣ, при томъ, которыя оправдываются общими началами нравственности.

Изъ состава редакціи „Отечественныя Записки" я чаще всего видался, кромѣ Елисѣева, съ Николаемъ Константиновичемъ Михайловскимъ; съ нимъ меня познакомилъ Николай Ивановичъ Зиберъ, постоянно проживавшій за границей, но въ этотъ разъ почему-то временно находившійся въ Петербургѣ. Мы безъ церемоніи явились къ нему съ Зиберомъ въ его пріемный день, не помню какой, и были очень любезно приняты. Николай Константиновичъ объявилъ мнѣ, что онъ уже обо мнѣ слыхалъ отъ своего пріятеля Глѣба Успенскаго, который видѣлъ меня какъ-то въ Москвѣ (и даже бывалъ у меня) и много ему разсказывалъ о моей личности, какъ новомъ-де типѣ профессоровъ, которые своимъ дѣ-

ломъ прилежно занимаются, а въ то же время и выпить при случаѣ не прочь, и который отлично фехтуетъ на всякихъ смертоносныхъ оружіяхъ, начиная съ рапиры и эспадрона и кончая штыкомъ (я дѣйствительно тогда усердно занимался фехтованьемъ по совѣту врачей)!..

Впослѣдствіи нашему сближенію съ Н. К. Михайловскимъ много способствовала его милая племянница (дочь его сестры) Марія Геннадіевна Мягкова, ученица Московской Консерваторіи. Н. К. М., когда эта молодая особа поступила въ Консерваторію, просилъ насъ письменно изъ Петербурга позаботиться о ней, оказать возможное радушіе, что мы и сдѣлали: черезъ нее мы получали часто извѣстія о дядѣ.

Вечера у Михайловскаго мнѣ очень нравились по своей непринужденности, интересной болтовнѣ и сообщенію всѣхъ литературныхъ и городскихъ новостей. Главнаго украшенія общества—дамъ, насколько я припоминаю, почти не бывало, можетъ быть, впрочемъ вслѣдствіе нелегальнаго положенія супруги хозяина. Съ Григоріемъ Захарьевичемъ Елисѣевымъ онъ былъ въ положительной ссорѣ по извѣстнымъ тогда въ Петербургѣ причинамъ, а о Салтыковѣ просто избѣгалъ почему-то говорить. Изъ его посѣтителей чаще всего я припоминаю Анненскаго и Кривенко, и въ пріятной бесѣдѣ съ хозяиномъ и ими двумя и за стаканомъ рейнвейна, почему-то тамъ любимаго, мы засиживались долго за полночь.

Впослѣдствіи, моя пріязнь съ Михайловскимъ продолжалась довольно долго и, бывая въ Москвѣ, онъ посѣщалъ меня, а я въ свою очередь бывалъ у него, но, увы, уже долго спустя послѣ кончины „Отечественныхъ Записокъ“ и перехода Михайловскаго въ „Русское Богатство“ нашей дружбѣ суждено было покончиться. Николай Константиновичъ прежде всего былъ человѣкъ кружковый и строго смотрѣлъ, чтобы никто изъ его добрыхъ пріятелей не отступалъ отъ малѣйшей буквы правилъ и завѣтовъ, принятыхъ кружкомъ въ былое время; между тѣмъ вмѣстѣ съ годами шла, естественно, перемѣна взглядовъ въ русскомъ обществѣ. Появлялись новыя направленія, новые писатели, переставшіе поклоняться старымъ богамъ. Какъ извѣстно, Михайловскій не переносилъ этого и немедленно вступилъ напр. въ борьбу съ народившимся въ 90-хъ годахъ поколѣніемъ ново-марксистовъ.

Хотя я всегда считалъ себя противникомъ Маркса и Марксъ, мнѣ былъ крайне несимпатиченъ, тѣмъ не менѣе вновь созданное направленіе ново-марксистовъ вызвало немедленно мое сочувствіе и симпатіи въ одномъ отношеніи своимъ стремленіемъ освободиться отъ привычной рутины и здравыми взглядами во многихъ вопросахъ экономіи. Между

прочимъ, въ нѣсколькихъ строкахъ своей новой книги „Промысловые синдикаты" я сказалъ комплиментъ талантливому и остроумному очерку г. П. Б. Струве, и что съ главнѣйшими его выводами я вполнѣ-де согласенъ [1]). Моя книга о синдикатахъ положила конецъ нашей дружбѣ съ Михайловскимъ, онъ перестал у меня бывать, посѣщая Москву, а въ „Русскомъ Богатствѣ" появилась довольно нелѣпая, но рѣзкая критика о моей книгѣ, написанная, по слухамъ, моимъ товарищемъ и ученикомъ профессоромъ Карышевымъ.

Sic transit gloria mundi!!!...

До настоящаго времени я говорилъ лишь о положительныхъ типахъ нашей литературы, людяхъ вполнѣ добропорядочныхъ и въ большей или меньшей степени извѣстныхъ по своему таланту и той пользѣ для родной литературы, которую они посильно принесли. Въ заключеніе этого отдѣла моихъ воспоминаній, я хочу хотя бы въ сжатой передачѣ разсказать то, что память моя сохранила о совершенно иного рода нашемъ литераторѣ, отрицательномъ типѣ журналистики, который принесъ ей очень сомнительную долю пользы, но въ личной жизни своей оказалъ русскому обществу несомнѣнно много вреда.

Я разумѣю свое преходящее, но по сложности времени довольно продолжительное знакомство съ однимъ любопытнымъ субъектомъ, долго вращавшимся въ нашей литературной средѣ,—это Евгеній Львовичъ Кочетовъ, корреспондентъ и фельетонистъ.

Если память не измѣняетъ, наша встрѣча съ нимъ въ первый разъ произошла еще въ 1866 году. Я проживалъ тогда въ Москвѣ въ домѣ дьякона Покровскаго около Патріаршихъ Прудовъ, набитаго студентами, въ маленькой каморкѣ съ очень легкой стѣной или перегородкой, отдѣлявшей меня отъ сосѣдней большой комнаты, занятой какимъ-то корректоромъ изъ Синодальной типографіи Зубковымъ, женатымъ человѣкомъ, довольно смирнымъ малымъ, но по временамъ выпивавшимъ. Въ одну ночь, мы со студентомъ Павломъ Ивановичемъ Кедровымъ, моимъ хорошимъ пріятелемъ, сидя за чаемъ въ моей комнатѣ, услышали въ комнатѣ Зубковыхъ крупный разговоръ, который скоро перешелъ въ явную ссору, едва не драку: съ одной стороны слышались угрозы выгнать на морозъ (а морозъ былъ тогда сильный въ серединѣ зимы), съ другой стороны жалобы на судьбу и на жестокость людей. Поневолѣ прислушиваясь, мы поняли только одно, что хозяинъ комнаты Зубковъ,

---

[1]) См. „Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки". СПБ. 1895 г. И. И. Янжулъ, стр. 402.

котораго мы знали, выгоняетъ какого-то господина, у него ночевавшаго за какое-то оскорбленіе, нанесенное имъ его женѣ, говорившаго все это довольно пьянымъ голосомъ. Молодой жалобный мужской голосъ умолялъ его о милосердіи, увѣрялъ въ своей невинности и больше всего ссылался на то, что у него вѣдь нѣтъ теплаго пальто, теперь холодно и онъ замерзнетъ и т. д. Но все было напрасно, скоро послышалась возня, изъ сосѣдней комнаты кого-то выталкивали въ общій корридоръ. Мы съ Кедровымъ немедленно бросились въ корридоръ и увидали плачущаго юношу лѣтъ двадцати съ чѣмъ-то, небольшого роста и одѣтаго очень налегкѣ.

Возмущенные фактомъ безчеловѣчія, мы немедленно пригласили пострадавшаго ко мнѣ въ комнату, завѣряя, что мы не дадимъ ему замерзнуть; какъ бы заранѣе гарантируя его отъ такой случайности, напоили его чаемъ съ ромомъ, при чемъ поздно замѣтили, что онъ и такъ уже выпилъ изрядно. Этотъ молодой человѣкъ и былъ Евгеній Львовичъ Кочетовъ [1]), эстандартъ-юнкеръ какого-то кавалерійскаго полка („штыкъ-юнкеръ" по студенческому прозвищу) впослѣдствіи же извѣстнѣйшій сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Новаго Времени". Таково было начало нашего знакомства съ этимъ интереснымъ субъектомъ изъ литературнаго міра.

Изъ его разсказовъ въ этотъ же вечеръ немедленно мы узнали, что Кочетовъ сынъ, будто бы, богатыхъ тульскихъ или орловскихъ помѣщиковъ, но въ ссорѣ съ отцомъ и что послѣ хорошей домашней подготовки и, кажется, какого-то кадетскаго корпуса онъ поступилъ на военную службу юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ, стоявшій гдѣ-то около Вильны, тамъ послѣ непродолжительной службы, во время повстанія, онъ попалъ въ какую-то исторію, влюбился въ польку и въ чемъ-то ей проговорился, въ очень важномъ; за это онъ былъ заключенъ въ тюрьму и нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ въ ожиданіи надъ собою военнаго суда, будто бы, угрожавшаго ему смертной казнью; въ заключеніе по какому-то счастливому случаю онъ былъ освобожденъ отъ суда и выпущенъ на свободу. Послѣ этого онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ разныя занятія, между прочимъ состоялъ, будто бы, переводчикомъ при Петербургскомъ Окружномъ судѣ, благодаря хорошему знанію языковъ, изученныхъ еще дома, а отчасти во время службы. Онъ, дѣйствительно, при насъ съ Кедровымъ говорилъ съ разными лицами довольно свободно по-нѣмецки, по-французски, по-польски и на еврейскомъ жаргонѣ. Въ

[1]) Е. Л. Кочетовъ всегда подписывался, насколько мнѣ извѣстно, „Львовъ Кочетовъ",—его литературное имя.

Москву онъ былъ вызванъ (намъ извѣстно по слухамъ) магистрантомъ Ляпидевскимъ, пригласившимъ его для какого-то совмѣстнаго изданія не то журнала, не то книгъ, но Ляпидевскій, будто бы, въ концѣ концовъ обманулъ его и никакой работы ему не предоставилъ, и онъ, проживши скоро ранѣе сдѣланныя имъ сбереженія, уже болѣе мѣсяца жилъ, какъ мы, студенты, выражались, „закладнымъ правомъ"—спустилъ все, что имѣлъ.

Пріискивая средства къ существованію, онъ описывалъ тогда свои приключенія въ Западномъ краѣ въ сочиненіи, озаглавленномъ „Недавнее съ Недалекаго Запада" и теперь пріискивалъ издателя; при этомъ онъ намъ показалъ, вынувъ изъ кармана, небольшую засаленную рукопись, довольно дурно написанную, съ помарками и ошибками. Теперь-де онъ, для исправленія своихъ ошибокъ, въ виду литературной неопытности, познакомился съ нашимъ сосѣдомъ Зубковымъ и послѣдніе дни даже у него ночевалъ, но сегодня Зубковъ будто бы вообразилъ, что онъ ухаживаетъ за его женой и, наговоривши ему дерзостей, выгналъ его, какъ мы видѣли, и поставилъ въ ужасное положеніе. Мы немедленно съ Кедровымъ объявили ему, что мы не дадимъ ему замерзнуть и поможемъ, чѣмъ возможно. На эту ночь я предложилъ ему (на что молодость только способна!) раздѣлить со мною единственную постель, очень узкую и колченогую, а на завтра мы его устроимъ-де лучше и болѣе прочно; такъ и сдѣлали: эту ночь мы проспали съ нимъ не особенно удобно, а на другой день онъ помѣстился въ квартирѣ Кедрова, въ Спиридоновскомъ переулкѣ, въ такъ называемомъ студенческомъ вагонѣ Цемпша (большой деревянный длинный срубъ, стоявшій посреди большого двора и набитый студентами, какъ русская изба тараканами). Комната была побольше моей, и хозяйка Кедрова откуда-то притащила диванъ, и на немъ водворился Кочетовъ, предвкушая свою будущую знаменитость въ газетномъ дѣлѣ!..

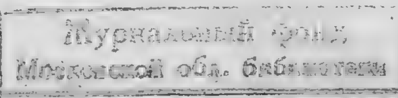
Прежде всего намъ съ Кедровымъ, такъ сказать, воспріемнымъ отцамъ этого злосчастнаго литератора, представлялось рѣшить вопросъ, какъ добыть ему средства къ существованію, которыхъ у насъ самихъ было мало?! Мы скоро убѣдились, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, что онъ самъ слишкомъ мало образованъ, чтобы быть путнымъ преподавателемъ, кромѣ развѣ разговорныхъ языковъ. Тутъ внезапно явился и созрѣлъ у насъ смѣлый финансовый планъ, такъ какъ по его словамъ имъ было заложено чуть ли не цѣлое большое имущество по разнымъ закладчикамъ; и вотъ достали нѣкоторую сумму денегъ и поѣхали съ господиномъ Кочетовымъ къ разнымъ евреямъ въ Зарядье отыскивать его имущество и, смотря по суммѣ залога или стоимости его, выкупать или прода-

вать; оказалось, дѣйствительно, что имъ заложено довольно обширный на нашъ студенческій взглядъ гардеробъ и даже золотыя и серебряныя вещи; что стоило того, мы выкупали, перезакладывали и продавали, этимъ путемъ была выручена довольно порядочная, по нашимъ соображеніямъ, сумма, которая и была вручена Кочетову на прожитье и расплату съ нами. Мы прожили вмѣстѣ, помнится, еще два весеннихъ мѣсяца въ домѣ Цемпша, и только ближе къ лѣту, въ концѣ нашихъ экзаменовъ, нашли какой-то подходящій урокъ для Кочетова въ Смоленскую губернію, къ помѣщику Иванову, куда онъ и уѣхалъ.

Изъ продолжительной довольно жизни его въ домѣ Цемпша, среди студенческой компаніи, для насъ выяснились, какъ я сказалъ раньше, во-первыхъ,—малая образованность г. Кочетова, тогда еще плохо владѣвшаго перомъ, и во-вторыхъ,—удивительнѣйшая феноменальная лживость: можно сказать, каждый день онъ придумывалъ какой-нибудь слухъ или извѣстіе, которое въ скоромъ времени не подтверждалось; первоначально это ему сходило съ рукъ, но вскорѣ молодежь, не терпѣвшая надъ собой издѣвательства, начала его преслѣдовать за вранье. Онъ съежился и присмирѣлъ. Никому изъ насъ рѣшительно, несмотря на всѣ сдѣланныя ему любезности, онъ не показалъ никакой благодарности и простился очень холодно, когда уѣхалъ на урокъ. Его сплетни не разъ служили поводомъ ссоръ между пріятелями.

Примѣрно черезъ годъ, мы съ Кедровымъ, или кто-то изъ насъ, встрѣтилъ на улицѣ Евгенія Кочетова, на этотъ разъ уже вполнѣ прилично одѣтаго и гордо поднявшаго голову. На наши вопросы, что онъ дѣлаетъ и когда вернулся съ урока, Кочетовъ отвѣчалъ, что онъ покончилъ скандаломъ съ послѣднимъ хозяиномъ Ивановымъ, такъ какъ онъ невозможный человѣкъ и предъявлялъ ему неосновательныя, будто бы, требованія, что онъ теперь находится здѣсь въ Москвѣ не одинъ, а съ дѣвицей, которую привезъ изъ Смоленской губерніи и на которой собирается жениться. При этомъ просилъ къ себѣ зайти въ сравнительно очень приличные номера на Никитской. Кто-то изъ насъ зашелъ къ нему, и оказалось, дѣйствительно, онъ жилъ довольно зажиточно съ дѣвицей немолодой и некрасивой, племянницей одного изъ знаменитыхъ Севастопольскихъ адмираловъ (фамилію я забылъ), при чемъ Кочетовъ открыто хвасталъ золотыми и серебряными вещами, принадлежавшими родственнику его гражданской жены.

Мое личное знакомство этотъ разъ съ Кочетовымъ возобновилось и продолжалось не долго. Квартира его превратилась совершенно въ игорный домъ и по временамъ, не стѣсняясь, очень гру-

бо онъ помыкалъ этой несчастной дѣвушкой, которую съ собой привезъ. Я скоро прекратилъ свои посѣщенія, но извѣстія о немъ постоянно доходили до меня, сначала черезъ прислугу, потомъ разныхъ общихъ знакомыхъ. Прислуга разсказывала, напримѣръ, разные ужасы, какъ онъ обращается съ женой, при чемъ подъ конецъ онъ бросилъ или выгналъ ее и все ея наличное имущество осталось, будто бы, въ его собственности!..

Прошелъ еще годъ, я, оставленный при университетѣ, жилъ въ деревнѣ на урокѣ у родителей своего товарища по университету графа Камаровскаго. Кто-то въ семьѣ прочелъ и обратилъ мое вниманіе на романтическое убійство. Дѣвица Тр. изъ хорошей семьи (сестра ея—жена извѣстнаго тогда писателя Ф. Д. Нефедова), имѣла несчастье сблизиться съ тѣмъ же самымъ г. Кочетовымъ; въ какихъ-то номерахъ или меблированныхъ комнатахъ, гдѣ она жила, или очутилась, ночью однажды послышались громкіе, сердитые голоса, раздался выстрѣлъ, и когда явились прислуга и полиція, то оказались на-лицо: г. Кочетовъ и сильно раненая дѣвица Тр. Кочетовъ сначала показалъ, что онъ будто бы нечаянно ее ранилъ, а затѣмъ дѣвица заявила, со своей стороны, что никто не виноватъ, она сама стрѣляла въ себя, но къ сожалѣнію неудачно. Этотъ случай вызвалъ большіе толки въ Москвѣ, и всѣ утверждали довольно единогласно, что это было покушеніе на убійство, но несчастная дѣвушка приняла по любви на себя.

Съ тѣхъ поръ въ продолженіе довольно многихъ лѣтъ мнѣ не приходилось встрѣчаться съ виновникомъ всѣхъ этихъ исторій, но изрѣдка слышалъ о разныхъ романическихъ приключеніяхъ въ томъ же родѣ. Любопытно во всемъ этомъ, что этотъ русскій Донъ-Жуанъ не обладалъ вовсе красивою наружностью; небольшого роста, довольно полный, круглая голова и торчащіе рыжіе усы, такъ что напоминалъ собою фигуру кота, но рѣшительность, назойливость и нахальство обнаруживалъ всегда въ достаточной степени; очевидно, что этихъ качествъ, вѣроятно, было довольно для его побѣдъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ Кочетовъ уже состоялъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ качествѣ извѣстнаго корреспондента, ѣздилъ во время Русско-Турецкой кампаніи на войну, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ корреспондентомъ „Новаго Времени“. Приблизительно въ это же время онъ сдѣлалъ скандалъ въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ и вызвалъ В. М. Соболевскаго и кого-то другого на дуэль. Позднѣе, уже въ девяностыхъ годахъ, къ моему великому удивленію, я узналъ изъ газетъ, что Кочетовъ поступилъ на государственную службу по министерству финансовъ и былъ назначенъ сразу на важную должность директора Русскаго Черноморско-Дунай-

скаго Пароходнаго Общества, послѣ закрытія котораго онъ скоро и умеръ. Мнѣ пришлось его видѣть послѣдній разъ въ жизни въ мѣстѣ, гдѣ я никакъ не ожидалъ,—при посѣщеніи дома Л. Н. Толстого. Я тотчасъ же узналъ его сидящаго за чайнымъ столомъ въ кругу семьи Толстого, посреди дамъ. Отъ кого-то изъ лицъ семейства Льва Николаевича я узналъ тогда же, что это было чуть ли не первое его посѣщеніе и, разумѣется, я счелъ долгомъ немедленно разсказать, какую личность представлялъ изъ себя этотъ господинъ и какъ осторожно надо относиться къ его знакомству.

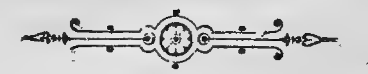
Въ заключеніе разскажу одну нехорошую продѣлку, или шалость господина Кочетова, которая нанесла многимъ непріятности. Весной въ 1866 году, когда мы съ Кедровымъ открыли Кочетова и спасли его отъ замерзанія, случился извѣстный Каракозовскій выстрѣлъ въ Государя Александра II; послѣ него полиція, естественно, обнаружила усиленную дѣятельность въ многочисленныхъ обыскахъ и арестахъ у студентовъ; въ томъ числѣ былъ обыскъ въ знакомомъ намъ вагонѣ Цемиша. Спасаясь отъ будущихъ непріятностей, многіе студенты начали поэтому уничтожать или прятать свои письма или запрещенныя книги, чтобы себя не компрометтировать, на случай обыска, въ числѣ прочихъ и мы съ Кедровымъ; хотя мы и не имѣли ничего выдающагося, чтобы скрывать, но владѣли, конечно, немногими книгами, вродѣ Герцена, Фейербаха и т. д., и я, между прочимъ, имѣлъ свое гимназическое сочиненіе о французской революціи,казавшееся мнѣ весьма краснымъ. Мы начали думать, куда бы намъ скрыть всѣ эти творенія на время, какъ вдругъ наши совѣщанія прервалъ незадолго передъ тѣмъ спасенный нами Кочетовъ: „Да я вамъ, господа, отлично могу спрятать!“ „Куда вы можете спрятать?“ „Видите ли, вчера (хотя объ этомъ ничего не слыхали) я случайно нашелъ свою родственницу, старушку-тетушку, живущую въ Замоскворѣчьѣ, на церковномъ дворѣ въ маленькомъ домикѣ“. Мы имѣли глупость съ Кедровымъ ему повѣрить, собрали все якобы запрещенное, что у насъ было, завернули въ толстую сахарную бумагу, перевязали крѣпкими бичевками и передали Кочетову. На другой день, на нашъ запросъ, онъ отвѣтилъ, что отнесъ къ тетушкѣ, и та съ удовольствіемъ согласилась беречь, сколько времени мы пожелаемъ. Затѣмъ, какъ это водится съ беззаботной молодостью, мы просто забыли всю эту исторію о нашихъ запретныхъ книгахъ.

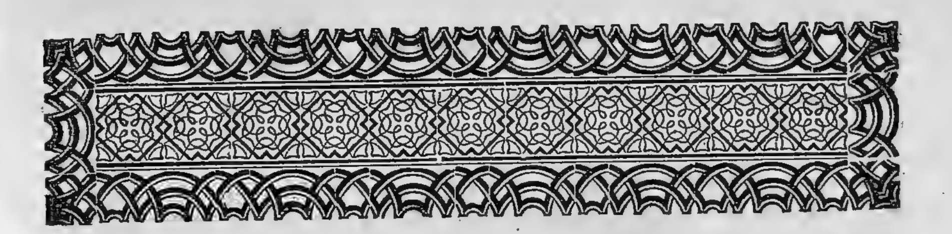
Черезъ полтора примѣрно года уже, кончивши, помнится, курсъ, лѣтомъ я, гуляя, встрѣтилъ гдѣ-то на Спиридоновкѣ добрѣйшую старушку Анну Ивановну, содержательницу комнатъ въ вагонѣ Цемиша, гдѣ жили раньше Кедровъ и Кочетовъ; естественно, разспросы о здоровьѣ и „какъ поживаете?“. Старушка Анна Ивановна

пользовалась большимъ расположеніемъ своихъ жильцовъ, ибо готовила вкусно и ждала долго деньги со студентовъ. Подѣлились общими воспоминаніями, какъ вдругъ она вспоминаетъ: „А знаете, прошлый годъ меня едва не уморили вы, господа студенты!“ „Что же такое съ вами случилось?“ „Представьте себѣ, изъ подъ нашего дома, собаки, которыхъ было всегда такъ много на дворѣ, вытащили къ лѣту какой-то свертокъ съ книгами и порядочно растрепали его, дворникъ отнялъ у нихъ этотъ свертокъ, увидавши книги—нѣчто цѣнное, отнесъ хозяину, хозяинъ такъ и такъ передалъ въ участокъ—запрещенное-де. Вотъ и пошла писать губернія!“. Въ это время у генералъ-губернатора засѣдала особая комиссія по дѣлу о Каракозовѣ, — производилось слѣдствіе. Бѣдную старушку Анну Ивановну начали таскать для допросовъ чуть не каждый день, кому принадлежали книги, бумаги, и кто у нея жилъ? „Ну, что же мнѣ было отвѣчать?!“ возражала бѣдная Анна Ивановна, „почемъ же я знаю, кому эти книги понадобились. Да студенты, по правдѣ сказать, книгами мало и занимались“. „А не было ли у васъ такихъ, которые занимались этими книжками и политикой?“. Я имъ говорю: „больше господа занимались водкой, дѣвицами“. Смѣются и пристаютъ ко мнѣ, а одинъ даже пригрозилъ. Спасибо, добрый жандармскій полковникъ подарилъ мнѣ 3 рубля и отпустилъ: „Ну, старушка, ступайте, больше къ вамъ приставать не будутъ!“.

Таковы оказались послѣдствія и слѣды безцѣльнаго вранья Евгенія Львовича Кочетова, безъ всякой личной надобности, для краснаго словца о какой-то несуществующей тетушкѣ, погубившаго наши рукописи и книги и надѣлавшаго кучу непріятностей невинной старухѣ!!!..

Иванъ Янжулъ.

Розовое и черное изъ моей жизни.

(Посвящается А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой).

Марія Владиміровна Безобразова, дочь академика, Владиміра Павловича и писательницы Елизаветы Дмитріевны, род. 29 мая 1857 г. въ Петербургѣ, получила первоначальное образованіе въ пансіонѣ Мезе. 16 лѣтъ держала экзаменъ на домашнюю учительницу, взявъ всѣ предметы главными, въ 1876 г. окончила педагогическіе курсы при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ по отдѣленію русскаго языка, была съ 1880—83 гг. учительницей новыхъ языковъ въ Вяземской женской гимназіи, а съ 1883—85 г. начальницей пятиклассной прогимназіи въ г. Жиздрѣ (Калужской губ.), гдѣ преподавала естествовѣдѣніе, географію и исторію. Потомъ поѣхала заниматься философіей въ Лейпцигъ, гдѣ въ 1887 г. появилась ея работа „Ueber Plotin's Glückseligkeitslehre" (Ученіе Плотина о счастьѣ). Въ 1888 г., 26 января, прочла первую публичную лекцію въ Москвѣ „О значеніи Канта" и потомъ провела 2 семестра въ Цюрихскомъ университетѣ. Въ 1891 г. получила степень доктора философіи Бернскаго университета, при чемъ диссертація „Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland" была плодомъ изысканій въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Румянцевскаго Музея, Публичной библіотеки, Чудова монастыря, духовныхъ академій Петербургской, Московской и Кіевской. Мысль о существованіи философіи въ Россіи въ древнія времена всецѣло принадлежитъ М. В., и никому не приходило раньше въ голову изслѣдовать съ такой цѣлью рукописи. Въ 1897 г. сочиненіе подъ заглавіемъ „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи", представленное въ Академію Наукъ на премію митрополита Макарія, получило почетный отзывъ. Нѣсколько главъ были напечатаны въ „Извѣстіяхъ Академіи", „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и „Богословскомъ Вѣстникѣ". М. В. прочла два курса по исторіи философіи всеобщей и русской въ Москвѣ и 8 лекцій по введенію въ философію въ Петербургѣ. Читала кромѣ того публичныя лекціи въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Тамбовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ, Вязьмѣ, Рославлѣ, Твери, Либавѣ и—въ Русскомъ кружкѣ въ Вѣнѣ,—всего до 70 разъ.

Какъ дѣятельный членъ Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества, М. В. основала 2 кружка—домашнихъ чтеній и этическій въ 1899 г., вступившій теперь подъ ея руководствомъ въ 11 годъ своего существованія. По ея мысли основано Философское Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, Вяземская общественная библіотека и народное училище Дмитровскаго у. Московской губ.

М. В. принимала живое участіе въ „Женскомъ Дѣлѣ“ А. К. Пѣшковой-Толивѣровой, въ ея же „На помощь матерямъ“, а теперь участвуетъ въ „Воспитаніи и Обученіи“ Н. А. Альмедингенъ. Отдѣльными изданіями появились: „Философскіе этюды“, „Краткій обзоръ исторіи философіи“, „Публичныя лекціи“, „Мысли и афоризмы“, „О Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ Обществѣ“[1]).

Ред.

---

[1]) Венгеровъ. Краткій біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ вып. 28, Экциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона, т. III, Малый экциклопедическій словарь, т. I, стр. 412.

Существуютъ странные люди, къ которымъ я несомнѣнно принадлежу, и потому и разсказывать о себѣ я не могу такъ, какъ это дѣлаютъ другіе; къ тому же не знаю, стоитъ ли это дѣлать, можетъ ли быть интересно то, что я могу сказать?

Потомъ, когда я хочу что-нибудь разсказать, то наталкиваюсь на одну большую трудность—я не умѣю разсказывать или не владѣю той формой, въ которой ведется обыкновенно повѣствованіе.

Тотъ языкъ, который я себѣ выработала, по возможности кратко передаетъ содержаніе моихъ мыслей—онъ прежде всего точенъ и сжатъ, а съ такимъ языкомъ нельзя приступать къ повѣствованію. Или пропустишь то, что съ моей точки зрѣнія не заслуживаетъ вниманія, или же впадешь въ другую крайность—начнешь размазывать.

И потому я заранѣе прошу о снисхожденіи всѣхъ тѣхъ, которые будутъ читать эти строки—я не родилась повѣствовательницей.

Можетъ быть, удивитъ еще больше, когда я скажу, что не родилась женщиной. Не воскресъ ли во мнѣ потомокъ какой-нибудь современницы матріархата, или въ меня не вошло чего-то, что въ теченіе вѣковъ обусловливало собой тотъ типъ женщины, которую мы всѣ знаемъ—итогъ ея порабощенія. Моей натурѣ чужды всѣ чисто женскіе элементы женщины, чуждо ея порабощеніе.

Съ самаго ранняго дѣтства я чувствовала, что не родилась дѣвочкой.

— Не ошиблась ли Луиза Христіановна, меня принимавшая, былъ вопросъ, который я не разъ задавала.

Но нѣтъ, она не ошиблась.

Я родилась не только дѣвочкой, но даже красивой дѣвочкой, и всѣ тѣ знаки вниманія, которые мнѣ оказывали, должны были разубѣдить меня въ возможности физіологической игры природы.

Драма была на духовной почвѣ. Всѣ мои психическіе задатки и способности не вязались съ тѣмъ, что обыкновенно природа даетъ женщинѣ, всѣ мои вкусы шли въ разрѣзъ съ издавна сложившимся строемъ жизни этой пресловутой дѣвочки.

Я не только никогда не играла въ куклы, но возненавидѣла поводъ, по которому ихъ дарятъ—елку. На елку пріѣзжали тѣ старшіе родные, для которыхъ мои молодые родители не были законодателями и не могли имъ сказать: „не дарите“. Эти старшіе заваливали меня, какъ первенца, аршинными куклами, ихъ кроватками,

шкапиками и другой дребеденью, а я была несчастна не потому только, что все это было мнѣ не нужно, а по совсѣмъ другой причинѣ. Мнѣ надо было показать благодарность, даже радость. Какъ неглупая дѣвочка, я знала, что это было необходимо, а между тѣмъ для меня всего тяжелѣе была ложь. Потому-то я искренно радовавалась, когда проходилъ этотъ несносный вечеръ, уѣзжали старшіе, провожаемые всѣми знаками почтенія, и я могла забросить или, лучше сказать, забыть аршинныхъ куколъ, пищавшихъ „мама“. Для меня не было бо́льшаго праздника, чѣмъ когда мы съ братьями принимались опустошать елку, и я могла поиграть въ ихъ игрушки. Я совсѣмъ не была выше игрушекъ. До сихъ поръ помню одинъ подарокъ отца—онъ подарилъ мнѣ его задолго до елки такъ же, какъ и я, сгорая отъ нетерпѣнія. Какъ сейчасъ, вижу эти бѣлыя сани, такія большія, что въ нихъ могли усѣсться оба брата, съ облучкомъ для меня—сани, запряженныя парой вороныхъ въ серебряной сбруѣ. Сбруя снималась и надѣвалась, и моему блаженству не было конца. Милый папа зналъ, что подарить.

Отецъ кончилъ курсъ съ серебряной медалью въ Александровскомъ лицеѣ и 23 лѣтъ женился на своей троюродной сестрѣ Масловой. Матери было только 18 лѣтъ. Она воспитывалась за границей и знала по-французски лучше, чѣмъ по-русски. Сестры ея даже едва говорили на своемъ родномъ языкѣ, а вышли обѣ за провинціаловъ. Двѣ сестры отца всю жизнь провели въ провинціи и оказались замужемъ за итальянцами—одна даже за ревнивымъ сициліанцемъ, доведшимъ ее до чахотки,—другая за извѣстнымъ санскритистомъ Дегубернатисомъ. Отецъ очень быстро шелъ по службѣ, чуть не 25 лѣтъ былъ начальникомъ отдѣленія, а 32 л. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. И отецъ, и мать оба писали.

Лѣтомъ разыгрывалась фантазія матери. Съ нетерпѣніемъ ждала я своихъ именинъ, зная, что она готовитъ мнѣ сюрпризъ. Но то, что она дарила, всегда превосходило мои ожиданія. За деревяннымъ топоромъ слѣдовала маленькая соха съ желѣзными лемехами,—соха, въ которую я впрягала братьевъ, и наконецъ явилась коса въ сообществѣ бруска въ брусочницѣ и молотка съ бабкой.

Когда этой настоящей маленькой косой я выкашивала нашъ, такъ называемый, чистый дворъ, ремешокъ брусочницы опоясывалъ красную кумачную рубашку съ косымъ воротомъ, а внизу торчали высокія голенища сапоговъ. Лѣтомъ мать уступала моей слабости и позволяла мнѣ ходить въ рубашкѣ. Но за то зимой мнѣ оставалось только завидовать. У этихъ счастливыхъ мальчиковъ были такіе красивые синіе кафтаны съ золотыми пуговками, отороченные сѣрымъ барашкомъ, и къ довершенію моей зависти еще красные кушаки и шапки, а я... ходила въ салопѣ и капорѣ.

Мои прогулки въ городѣ были отравлены этими аттрибутами „дѣвочки“. Мнѣ было неловко въ нихъ, и они казались мнѣ некрасивыми.

Въ рубашкѣ было такъ удобно вскочить въ телѣгу, править, лазить на каждое дерево.

Я ѣздила, правда, въ платьѣ на козлахъ нашего большого крытаго тарантаса, потому что уговорить меня сѣсть въ клѣтку было трудно, и править я любила больше всего на свѣтѣ, пока не стала ѣздить верхомъ, и тогда править показалось мнѣ уже скучнымъ.

Кучеръ былъ нерѣдко пьянъ, какъ это подобаетъ деревенскому кучеру, и я совсѣмъ одна справлялась съ тройкой. Я изучила всѣ нехитрые пріемы этого управленія, и лошади меня слушались: возжей я не дергала,—для этого я слишкомъ любила лошадей. Любила и собакъ и помню, какъ 4-хъ лѣтъ ничѣмъ не сумѣла угостить собаку, кромѣ освященной просфоры, и до чего всѣ перепугались.

Уже если я завидовала братьямъ, то еще больше кучеру, у котораго все было настоящее. Его шляпа съ павлиньими перьями и наборный поясъ были лучше того, что носили мальчики.

Но хотя у меня не было ни шляпы съ павлиньими перьями, ни кушака, за то уже въ 13 лѣтъ у меня была собственная лошадь. Не зная, что мнѣ покупать, отецъ давно дарилъ мнѣ деньги, и на нихъ-то я купила лошадку.

Хотя „Кареньную“ не только кормила на свой счетъ бабушка (въ ея имѣніи мы жили всегда лѣтомъ), но моя лошадка и пахала, и возила навозъ и сѣно, все же я каталась на ней раза 2 въ недѣлю, а остальное время заботилась о томъ, чтобъ ее не мучили. Впрочемъ, бабушка и сама любила лошадей, и имъ жилось у нея хорошо.

Мое мальчишество не нравилось старушкѣ. Она пыталась иногда читать мнѣ наставленія, хотя и дѣлала это въ очень мягкой формѣ.

„Зачѣмъ мама тебѣ это позволяетъ? Развѣ дѣвочкѣ можно“?

И я вспыхивала, хотя бабушка была такая добрая и слабая, что на нее нельзя было сердиться. Къ тому же она и сама меня опасалась: то же, какъ я проводила время, подкупало ее въ мою пользу.

А именно лѣтомъ я вся отдавалась своему садику.

Бабушка отвела мнѣ лужокъ за домомъ, и на этомъ лужкѣ я устроила себѣ садъ-огородъ. Были у меня тамъ и цвѣты, и овощи, и ягодные кусты, цвѣла и поспѣвала клубника. Очень занимала меня компостная куча, которую я постоянно перелопачивала, но не помню, чтобъ мои урожаи отличались обиліемъ. Напротивъ, у бабушки хотя и не было компоста, все родилось несравненно лучше. Мой уголокъ былъ слишкомъ тѣнистъ и не удобренъ издавна, какъ

бабушкинъ огородъ. Тѣмъ не менѣе я гордилась своимъ садикомъ и его не бросала—чуть ли не до 18 лѣтняго возраста. Тутъ стало уже не до него, и какъ жаль, что стало такъ.

Мое дѣтство въ деревнѣ неразрывно связано съ сосѣдями по имѣнію, именно, двумя дѣвочками однихъ со мной лѣтъ. Мы проводили два дня въ недѣлю вмѣстѣ и проводили ихъ неизмѣнно... въ банѣ. Баня изображала избу, а мы мужиковъ. Мужики производили всѣ сезонныя работы. Роли были распредѣлены разъ навсегда: самая энергичная изъ насъ была хозяиномъ, ея сестра—хозяйкой, а я—работникомъ. И мы совсѣмъ уходили въ свою крестьянскую жизнь.

Теперь, когда я вспоминаю эту игру, мнѣ всегда кажется, что мы предугадали въ ней свою судьбу. Хозяинъ дѣйствительно сталъ хозяиномъ, управляетъ образцово имѣніемъ, тѣмъ самымъ, гдѣ мы играли въ банѣ, хозяйка также хорошо ведетъ свое городское хозяйство, а я... такъ и осталась работникомъ, чѣмъ была въ банѣ.

Хорошо жилось въ деревнѣ и, когда наступала осень, не хотѣлось въ городъ. Не то, чтобъ я не любила учиться, но весь складъ городской жизни, заключенной въ стѣнахъ, и аттрибуты дѣвочки были мнѣ противны.

Всего менѣе пришлась я ко двору въ пансіонѣ, куда ходила съ 10 лѣтъ.

Это былъ очень приличный нѣмецкій пансіонъ, гдѣ воспитывалось 3-е поколѣніе дѣвочекъ тихихъ и выдержанныхъ, готовившихся стать со временемъ добрыми Hausfrauen и Mütter'а до тѣхъ поръ усердно зубрившихъ то, что полагалось зубрить. И среди нихъ вдругъ очутилась я—этотъ русскій сорванецъ, добрый товарищъ моихъ братьевъ, для которыхъ я оказывалась очень часто слишкомъ бойка, когда ихъ муштровала и находила, что они не умѣютъ войти во вкусы лошадей и плохіе кучера.

Что было мнѣ дѣлать въ пансіонѣ! Моей удали не было никакого исхода, и во все время существованія этого пансіона, съ тѣхъ поръ, какъ велась толстая черная книга, именуемая „журналъ“, ни у кого еще никогда не было такихъ балловъ за поведеніе. Я оставалась одна и сама по себѣ въ этомъ отношеніи. Меня такъ много и часто бранили, что я давно перестала слушать и интересоваться тѣмъ, что̀ мнѣ собственно говорили. Помню, что мнѣ пророчили адъ, но я не боялась и ада. Когда я была въ младшихъ классахъ, моя классная дама—нѣмка даже выдумывала для меня особенныя наказанія, никогда въ пансіонѣ не существовавшія и вѣрно послѣ меня канувшія въ вѣчность. Она отправляла меня завтракать въ отдѣльную комнату, а я этимъ гордилась.

Ни баллы, ни наказанія не производили на меня ни малѣйшаго

впечатлѣнія: я такъ же мало обращала на нихъ вниманія, какъ на слова, и продолжала жить по-своему. Предосудительнымъ я считала говорить по-французски и по-нѣмецки (я недурно уже говорила дома), а напротивъ стремилась обучить лучшему выговору своихъ товарокъ-нѣмокъ, которыя немилосердно коверкали русскій языкъ. И совершалось то великое чудо, что нѣмочки, не боясь даже замѣчаній, отвѣчали мнѣ по-русски, и я отъ души могла радоваться ихъ успѣхамъ, за которые мнѣ столько доставалось. У нѣмочекъ же я ничему не научилась.

Въ классѣ я или читала русскую книгу, или писала сочиненіе; слушать, какъ по 10-ти разъ отвѣчаютъ то же самое, казалось мнѣ нестерпимо скучнымъ. И все это дѣлалось на глазахъ учителей, такъ какъ я никогда не скрывала того, чѣмъ занималась. Меня оставляли въ покоѣ, потому что сдѣлать со мной все равно ничего не могли.

Учителю французскаго языка, возлѣ котораго я имѣла удовольствіе сидѣть (я была у него второй ученицей, а мы помѣщались за длиннымъ столомъ по рангамъ и сидѣли на стульяхъ), я даже сама читала наставленія, когда мнѣ казалось, что онъ недостаточно внимательно слушаетъ то, что ему отвѣчаютъ. Онъ мнѣ надоѣдалъ тѣмъ, что на меня смотрѣлъ и на мой вопросъ. „Que me regardez vous" всегда увѣрялъ: „J'étudie votre caractère".

Уроковъ дома я никогда не учила, а только въ классѣ. Дома я читала и со страстью играла на роялѣ, потому что мнѣ нравилась моя учительница музыки (ученица Антона Рубинштейна), и хотѣлось доставить ей удовольствіе. Таланта же къ музыкѣ у меня не было, какъ вообще не было никакихъ талантовъ.

Моя жизнь въ пансіонѣ протекала довольно спокойно—я умѣла избавить себя отъ всѣхъ скучныхъ обязанностей, которыя на мнѣ лежали, и училась исподволь. Я не знала, что такое переутомленіе, и не понимала самолюбія хотѣть быть первой ученицей. Съ удивленіемъ пожимала я плечами, когда меня бранили за то, что я недостаточно хорошо учусь. Вѣдь въ числѣ же лучшихъ я, думалось мнѣ, когда я постигала наконецъ, за что мнѣ досталось на этотъ разъ.

„А баллы, какое мнѣ дѣло до ихъ балловъ", недоумѣвала я, сидя за Гоголемъ или Тургеневымъ и уносясь въ иной міръ. Все равно умремъ, все суета суетъ и, когда человѣкъ живетъ на землѣ такъ недолго, стоитъ ли заботиться о баллахъ! Въ моихъ глазахъ это было верхомъ суеты, и отъ этой суеты я была избавлена или избавила себя сама.

Мысль о смерти не давала мнѣ покоя. Совсѣмъ еще маленькой

дѣвочкой я видѣла страшные сны: себя въ гробу и пробужденіе потомъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ моихъ сновъ, который развивался во всѣхъ подробностяхъ и, какъ это бываетъ со снами, часто повторяющимися, у него была своя обстановка, и я относилась къ этому сну, какъ къ чему-то своему и родному.

Когда я стала старше, мысль о смерти являлась мнѣ и наяву и принимала образъ нирваны. Въ любое время дня или ночи я могла представить себѣ, что болѣе не существую, и уничтожались для меня время и пространство. Ничего болѣе ужаснаго не могу вообразить до сихъ поръ. Когда нѣтъ времени и пространства, то нѣтъ ничего, и состояніе безпредѣльной пустоты, чего-то худшаго, чѣмъ пустота, потому что пустота все еще наше человѣческое понятіе, внезапно меня охватывало. Я выходила изъ этого сомнѣнія, произнося обыкновенно одно слово „мама", и направлялась къ матери ближайшимъ путемъ.

Разъ я перелѣзла черезъ комодъ, потому что путь по полу показался мнѣ длиннымъ. Только когда я видѣла близкаго человѣка, состояніе это проходило. Въ немъ я изучила понятія пространства и времени и убѣдилась, что безъ нихъ человѣкъ не можетъ жить. Все обращается въ ничто, когда нѣтъ времени и пространства, было мнѣ ясно задолго до того, какъ я читала Канта.

Рано начала я читать все то, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ философіи. Никто мнѣ этого не говорилъ, но я чутьемъ знала, что тѣ вопросы, которые меня мучаютъ, создали философію, и философы тѣ люди, которые одни могутъ меня утѣшить и успокоить. У нихъ искала я разрѣшенія вѣчныхъ вопросовъ о происхожденіи міра и его будущемъ,—разрѣшеніе и разгадку того, что составляло мою внутреннюю жизнь. Объ этомъ я не говорила даже съ матерью, хотя была съ ней дружна и разсказывала ей много такого, чего обыкновенно не говорятъ матерямъ.

Я еще не была въ пансіонѣ, когда мнѣ попалась въ дѣтскомъ журналѣ психологія, которую я списала и хранила, какъ святыню. Изъ этого же источника почерпнула я, вѣрно, правила жизни Франклина—другое мое сокровище, занесенное въ тетрадку. Когда задавали урокъ исторіи, я шла въ кабинетъ отца и въ его пространномъ нѣмецкомъ Веберѣ читала о томъ періодѣ, который у насъ проходился, но читала только то, что дѣлали въ это время философы. Я не всегда учила урокъ—какое мнѣ было дѣло до войнъ и суеты королей, но я всегда читала въ Веберѣ о томъ, что составляло для меня содержаніе жизни.

Мать рано начала удовлетворять моей страсти къ чтенію. Въ то же время начались и мои первые литературные опыты, которые

были такъ же неудачны, какъ и многіе послѣдующіе. Помню, какъ я сидѣла надъ первымъ дѣтскимъ чтеніемъ — сказками и всѣми своими силами пыталась выкинуть изъ нихъ волшебный элементъ. Иногда мнѣ казалось, что я нашла рѣшеніе, и я долго радовалась, но потомъ обыкновенно разочаровывалась. Волшебный элементъ былъ такъ крѣпко вплетенъ въ сказку, что когда я замѣняла его естественнымъ, то ничего не оставалось. Я чувствовала, что ничего не выходитъ и моя работа пропала.

Когда сказки замѣнились нравоучительными повѣстями въ родѣ „Квичи" и Le Vaste monde", я до того сжилась съ ихъ героинями, что начала проводить въ жизни то, что дѣлали эти дѣвочки. Въ этихъ повѣстяхъ особенно часто шла рѣчь о суетѣ мірской—истинный міръ, міръ религіи не имѣлъ ничего общаго съ нашей жизнью. Иногда я помышляла даже о томъ, чтобы обратиться къ своимъ близкимъ съ вопросомъ о томъ, почему они такъ мало думаютъ о будущей жизни и не дѣлаютъ того, исполнять что мнѣ казалось просто. Иногда я представляла себѣ, что придетъ тотъ день, когда я это скажу всѣмъ людямъ—они поймутъ меня, увѣруютъ и перестанутъ грѣшить.

Но какъ ни казалось просто то, что надо дѣлать, настaлъ тотъ день, когда я и сама разочаровалась въ томъ, чему прежде такъ горячо вѣрила.

Произошло это въ Италіи, гдѣ мы проводили осень. Былъ ли то переходный возрастъ—14 лѣтъ, вліяніе католицизма съ его процессіями и мадоннами въ платьяхъ или разговоры дяди-атеиста, которые доносились до меня урывками изъ другой комнаты—вѣрно все вмѣстѣ взятое заставило меня рѣшить, что религія лишь измышленіе, иллюзія и фантазія человѣка.

Вернувшись въ пансіонъ, я стала мучить несчастныхъ нѣмочекъ и ежеминутно ихъ спрашивала:

— Вѣришь ли ты?

Когда мнѣ говорили, что „да", я скорѣе отвязывалась, чѣмъ когда слышала „не знаю". Все мое негодованіе изливалось на произносившую такія глупыя, по моему мнѣнію, слова.

— Какъ можешь ты говорить „не знаю", когда это самое важное въ жизни,—громила я несчастную дѣвочку и объясняла ей всю важность вопроса.

Не помню, чтобъ я когда-нибудь говорила, что сама не вѣрю, а тѣмъ болѣе, чтобъ развивала свои мотивы. Отъ меня этого никто не требовалъ, и я считала нужнымъ молчать.

Только разъ помню, что возбудила споръ въ классѣ, который долго насъ занималъ.

Рѣчь шла о томъ, какъ мыслитъ человѣкъ — словами или несловами. Началось съ того, что я по своему обыкновенію приставала къ одной изъ нѣмочекъ и на этотъ разъ дразнила ее тѣмъ, что она думаетъ по-нѣмецки. Дѣвочка эта говорила по-русски лучше всѣхъ, была даже православная, а все же я увѣряла, что она нѣмка, и въ доказательство и привела этотъ свой аргументъ.

Она отвѣтила мнѣ такъ, какъ я вовсе не ожидала.

— Совсѣмъ не думаю словами.

— Какъ не думаешь!—накинулась я на нее.—Нельзя думать безъ словъ! Каждый человѣкъ думаетъ словами!

— А вотъ,—объясняла она мнѣ,—придетъ къ намъ въ классъ Флёри, неужели ты себѣ это говоришь, а я такъ представляю себѣ его вицмундиръ, лысину....

Меня осѣнило, что я была неправа. Да, конечно, и я, когда думаю, что Флёри придетъ въ классъ, представляю себѣ его, а не говорю слова. Но какъ же это однако? Есть такія вещи, о которыхъ безъ словъ совсѣмъ нельзя думать, и я вспоминала свои излюбленныя „добродѣтель, вѣра, грѣхъ“. Да, нельзя—кто же правъ—Лейшке или я?

И кто бы ни входилъ къ намъ въ классъ—былъ ли то учитель ариѳметики, географіи или рисованія, которая-нибудь изъ нѣмокъ непремѣнно докладывала, что его просятъ отвѣтить на одинъ вопросъ: „Какъ думаетъ человѣкъ?“

И учителя путали и путали. Изъ ихъ объясненій я ничего не вынесла и такъ и осталась съ убѣжденіемъ, что это трудный вопросъ, пока не узнала, что мы спорили о понятіяхъ и представленіяхъ и никакъ не могли прійти къ соглашенію, что нужны и тѣ, и другія.

Хотя этотъ споръ имѣлъ мало отношенія къ воззрѣніямъ Лейбница и Локка на прирожденныя и пріобрѣтенныя идеи, тѣмъ не менѣе ихъ разногласіе было мнѣ всегда особенно понятно и близко, чѣмъ-то совсѣмъ своимъ благодаря нашему спору.

У меня была еще мысль, которой обыкновенно не бываетъ у дѣтей: мнѣ совсѣмъ не хотѣлось выросги, даже больше того — я страшно боялась того времени, когда буду большая, не стану больше ходить въ пансіонъ, и мнѣ придется жить.

„Хотя бы теперешнее время никогда не прошло“, было единственное, о чемъ я мечтала, шествуя въ пансіонъ, играя на роялѣ и въ карты съ француженкой, гувернанткой младшихъ.

Мнѣ было хорошо, и я представляла себѣ, что дальше будетъ хуже.

Можетъ быть, иногда потомъ мнѣ было лучше, чѣмъ я себѣ это представляла, боясь выросги—я слишкомъ уже боялась.

Итакъ, я росла не такой дѣвочкой, какъ многія, и имѣла право спрашивать Луизу Христіановну—не ошиблась ли она.

Но я не любила и даже обижалась, когда одна русская товарка (моя любимая) называла меня чудачкой.

Несмотря на свою бойкость, я была застѣнчива, и мнѣ хотѣлось быть, какъ всѣ.

Когда въ пансіонѣ меня цѣловали чужія дамы, я сгорала отъ стыда и готова была провалиться сквозь землю только, чтобъ не сдѣлать реверанса.

Дѣтскіе балы смущали меня необходимостью войти въ залу, хотя я охотно на нихъ ѣздила.

Застѣнчивость уживалась во мнѣ съ бойкостью и мальчишество съ мыслью о смерти.

Много неразгаданнаго въ человѣческой душѣ, и крайности не всегда одна другую исключаютъ.

Мнѣ не было еще 16-ти лѣтъ, когда, просидѣвъ 2 года въ старшемъ классѣ, чтобъ не кончить 14-ти, я вышла изъ пансіона и вступила въ жизнь, которой такъ боялась.

II.

Во время послѣдняго года, который я проводила въ пансіонѣ, рѣчь все чаще и чаще заходила объ экзаменѣ на домашнюю учительницу.

Въ самомъ пансіонѣ экзаменовъ не существовало.

Въ каждомъ классѣ было такъ мало учениць (не болѣе 15-ти), что всѣхъ знали и переводили по годовымъ балламъ. Иногда оставляли, когда ученье не давалось; случалось, что оставляли и за способность, т. е. слишкомъ юный возрастъ.

Естественно, что вопросъ объ экзаменѣ всѣхъ пугалъ. Держали его далеко не всѣ, спрашивали же другъ друга рѣшительно всѣ.

— Будешь держать экзаменъ?

Когда съ этимъ вопросомъ обращались ко мнѣ, то я неизмѣнно отвѣчала.

— Книги никогда не возьму въ руки.

И я говорила чистосердечно. Мнѣ еще совсѣмъ не приходило въ голову, что я буду дѣлать, когда кончу въ пансіонѣ. Менѣе всего было мнѣ ясно то, что я когда-нибудь заинтересуюсь учебниками. Слишкомъ мало удѣляла я имъ до сихъ поръ вниманія. Но потому-то именно учебники мнѣ еще совсѣмъ не надоѣли, и моя работа была впереди.

Случилось очень скоро то, о чемъ я совсѣмъ не помышляла.

Въ 16 лѣтъ я была еще слишкомъ молода, чтобъ выѣзжать: надо было подождать годъ. Братья не были болѣе моими товарищами: старшій учился въ лицеѣ, второй въ гимназіи, и они продолжали быть мальчиками въ то время, какъ я стала взрослой.

Что оставалось мнѣ дѣлать?

Я купила себѣ программы экзаменовъ и русскіе учебники (въ пансіонѣ всѣ предметы, въ томъ числѣ и ариѳметика, проходились по-нѣмецки). День былъ у меня правильно распредѣленъ, и каждому предмету отведено свое время. Сколько меня ни отговаривали, я брала всѣ предметы главными и приводила аргументомъ то, что главный предметъ можно обратить въ дополнительный, не выдержавъ экзамена, но почему не попробовать, и кому это мѣшаетъ?

Я относилась теперь къ экзаменамъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ бывало въ пансіонѣ къ балламъ, и совсѣмъ не волновалась. Любимымъ моимъ предметомъ сдѣлалась ариѳметика, которой я совсѣмъ не знала въ пансіонѣ. Мнѣ попался очень хорошій учебникъ Назарова, и я до того увлекалась рѣшеніемъ задачъ, что забывала даже о распредѣленіи своего дня. Память у меня всегда была хорошая и, когда я разъ пришла къ матери съ толстой книгой хронологіи, то оказалось, что я знаю въ этой книгѣ всѣ событія до одного.

И вотъ мы садились въ карету и ѣхали въ шестую гимназію. Я ощущала только радость. Меня не охладилъ даже первый экзаменъ—французскій, несмотря на то, что учитель все время ко мнѣ придирался и поставилъ 4. Тотъ же баллъ получила я изъ нѣмецкаго, всѣ же остальные экзамены выдержала на 5. Это случалось рѣдко. Во время послѣдняго экзамена ко мнѣ подошелъ окружный инспекторъ и меня поздравилъ.

Этотъ первый успѣхъ произвелъ на меня впечатлѣніе. Я увѣровала въ свои способности и рѣшила..... поступить въ Цюрихскій университетъ. Одна знакомая барышня дала мнѣ университетскую программу, и я ее хранила какъ самое дорогое, что у меня теперь было. Въ этомъ только заключалась вся моя связь съ университетомъ. Долго, очень долго у меня не было другого отношенія къ Цюриху, какъ эта программа.

Но когда я попробовала разъ объявить о своемъ рѣшеніи матери, то она только разсмѣялась.

То была мать, сочувствовавшая моему желанію учиться, но былъ еще отецъ, ему вовсе не сочувствовавшій.

Ученыя женщины были кошмаромъ отца: онъ ихъ преслѣдовалъ внѣ дома и могъ ли примириться съ ними у себя?

Отецъ только потому отдалъ меня въ нѣмецкій пансіонъ, что тамъ учили меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ, а, по его словамъ, не учили естественной исторіи. По его мнѣнію, женщинамъ совсѣмъ не надо было учиться, но такъ какъ не учиться въ XIX в. было нельзя, то онъ и нашелъ палліативъ въ образѣ нѣмецкаго пансіона.

Странно, конечно, что, при такомъ отношеніи къ женскому образованію вообще и къ моему въ частности, отецъ сдѣлалъ изъ меня своего секретаря, не помню, съ какихъ лѣтъ, но кажется, когда я еще была въ пансіонѣ. Я разсылала повѣстки и циркуляры, а позже читала корректуру его изданій. Другой его секретарь, магистрантъ Петербургскаго университета, никогда не оспаривалъ у меня первенства.

Но хотя я сбиралась въ Цюрихъ, тѣмъ не менѣе не уяснила себѣ вопроса, чему хочу учиться и чѣмъ стать? Если въ дѣтствѣ меня всего больше интересовала философія, то въ юности привлекало естествовѣдѣніе. Я по-прежнему любила деревню, и мнѣ хотѣлось дѣятельности, гдѣ для женщины будетъ такой же просторъ, какъ и для мужчины. А въ сельскомъ хозяйствѣ они равны, и я всего чаще мечтала о томъ, чтобъ стать агрономомъ.

Далека была отъ меня мысль, что я могу стать кабинетнымъ ученымъ. Въ нашемъ домѣ мнѣ давно надоѣли ученые, и та атмосфера, которой я была окружена, казалась мнѣ скучной. Тѣ подробности, о которыхъ мнѣ приходилось постоянно слышать, представлялись мнѣ ненужными. Сути государственныхъ наукъ я не могла уразумѣть, и онѣ оставались мнѣ чуждыми.

Когда мать давала мнѣ читать экономистовъ, то я только удивлялась тому, что такія книги ей нравятся. Отецъ имѣлъ привычку читать мнѣ свои статьи, и я всегда радовалась, когда онъ кончалъ. Мнѣ было жаль сказать ему, что скучно.

Мать до тонкости изучила спеціальность отца—политическую экономію. Она не только читала Адама Смита (онъ-то и былъ мнѣ особенно противенъ), Рошера, Молинари, Лоренца Штейна, но переводила и академическіе мемуары отца на французскій языкъ. Мать писала по-французски лучше, чѣмъ по-русски.

Ея писательская дѣятельность началась съ фельетоновъ въ „Journal de St.-Pétersbourg“. То были критическіе очерки русской литературы, блиставшіе остроуміемъ и возбуждавшіе постоянныя нападки „Гражданина“ благодаря своему либерализму. Еще замѣчательнѣе были ея корреспонденціи въ „Journal des Débats“. Онѣ обращали на себя всеобщее вниманіе, и авторомъ ихъ считали одно время Анат. Леруа-Болье. Она писала ихъ въ теченіе 10-ти лѣтъ и вела одно время этотъ отдѣлъ въ „Revue Suisse“ и въ „Contemporary

Review“ (по-англійски). Въ „Rivista Europea“ (издавалъ ее Дегубернатисъ) были помѣщены ея статьи о Тургеневѣ и въ „Nouvelle Revue“ о женскихъ типахъ въ русской литературѣ. Можетъ быть, лучшее, что написала мать,—статья въ „Journal des Economistes“ о женскомъ вопросѣ. Она доказываетъ, что ошибаются тѣ экономисты, которые считаютъ освобожденіе женщинъ соціалистической теоріей, и что въ политической экономіи не существуетъ аргумента противъ свободы женщины.

Отецъ же, одинаково изучавшій политическую экономію и преподавшій ее въ Александровскомъ лицеѣ и Великимъ Князьямъ, былъ ярымъ противникомъ этой свободы и недалеко ушелъ въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ отъ кн. Мещерскаго.

И мать 10 лѣтъ скрывала отъ отца, что она писательница. Ея псевдонимъ „Татьяна Свѣтова“ оставался глубокой тайной (я была въ числѣ 3, 4 посвященныхъ).

Когда эта тайна раскрылась—мать написала дѣтскіе разсказы и подписалась Е. Васильевская и показала ихъ отцу, случилось, что онъ первый началъ расхваливать эти разсказы и написалъ о нихъ рецензію. Особенностью отца было необыкновенно мягкое сердце, сердце не мужское, но горячъ онъ былъ, конечно, страшно, какъ всѣ добрые люди.

Стоицизмъ матери произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Онъ при своей экспансивности не могъ себѣ представить, какъ можно скрывать что-нибудь нѣсколько часовъ, а не только десять лѣтъ.

Я мечтала тѣмъ временемъ о чемъ-то большомъ и захватывающемъ. Мнѣ хотѣлось дѣйствовать и творить большое и великое. Великое не умѣщалось у меня въ рамкахъ писанья. Писать было чѣмъ-то черезъ-чуръ обыденнымъ и прозаическимъ въ нашемъ домѣ, гдѣ всѣ писали, начиная съ отца и кончая 10 лѣтней сестрой и 9-лѣтнимъ братомъ, сочинявшими повѣсти.

А я, напротивъ, никогда не писала и не слыла въ семьѣ писательницей—слишкомъ много уже всѣ это дѣлали.

Твердо рѣшено было у меня лишь одно—попасть въ Цюрихъ, а для этого надо было пройти, по моему мнѣнію, курсъ мужской гимназіи. И вотъ я взяла программу—вычеркнула то, что знала, и занялась тѣмъ, чего не знала—математикой и древними языками. Алгебра мнѣ понравилась—я опять увлеклась рѣшеніемъ задачъ, но геометріи не понимала и никогда не была въ состояніи рѣшить ни одной задачи. Когда же дошла до тригонометріи, то стала совсѣмъ втупикъ. Мнѣ казалось, что геометрія построена на какомъ-то чудовищномъ недоразумѣніи—въ чемъ оно, я не могла разъяснить, но для меня это была фиктивная наука.

Древніе языки пошли у меня недурно, только греческій смутилъ на первыхъ порахъ своей азбукой. Второй братъ, всегда первый ученикъ своего класса, мнѣ помогъ, время отъ времени просматривалъ мои переводы и неизмѣнно ставилъ тройки. Больше я не заслуживала, хотя все же подвигалась не совсѣмъ медленно и въ 2 года прочла тѣхъ авторовъ, которые полагается читать въ гимназіи. Аттестата зрѣлости мнѣ, конечно, никто не выдалъ, да я о немъ и не помышляла.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я мало читала за исключеніемъ спеціальныхъ сочиненій по химіи и ботаникѣ, такъ какъ слушала лекціи Менделѣева и Бекетова на Владимірскихъ курсахъ. Меня возила на эти лекціи мать къ великому ужасу отца, который, съ своей стороны, усердно пропагандировалъ манежъ и балы.

Я ничего не имѣла противъ манежа—лошади вѣдь были съ дѣтства моей страстью и, когда я брала первый урокъ, берейтору и мнѣ казалось, что я провела всю свою жизнь на лошади.

Одинаково не имѣла я ничего и противъ баловъ, хотя танцовала гораздо хуже, чѣмъ ѣздила верхомъ. Въ жизни барышни балы являлись оазисами. Насколько скучны были визиты и разговорные вечера, настолько интересны балы. Только на балу и чувствовала я себя свободной. Самая атмосфера бала казалась мнѣ обаятельной: общее оживленіе, блескъ залы, чудная музыка.

Но однихъ баловъ для моей жизни было мало, и пришелъ тотъ день, когда я вошла въ кабинетъ къ отцу и повела съ нимъ рѣшительный разговоръ.

Я объявила ему, что хочу учиться. Онъ удивился, потому что никакъ не могъ понять, о какомъ ученьѣ я говорю.

Но я твердо стояла на томъ, что хочу поступить на педагогическіе курсы.

Отецъ разсмѣялся.

— Ты хочешь быть учительницей. Но какая же ты учительница? объявилъ онъ мнѣ.

Хотя я давно уже учила и крестьянскихъ дѣтей, и сестру съ братомъ и любила учить, но отвѣчала:

— Я не хочу быть учительницей, такъ какъ дѣйствительно думала о совсѣмъ другомъ. Но я знала, что это другое, по его воззрѣніямъ, мнѣ еще болѣе недоступно, и потому-то рѣшила добиваться того, что казалось мнѣ болѣе возможнымъ.

Давно уже направляла я шаги гувернантки на Гороховую, чтобъ лишній разъ взглянуть на милую мнѣ, синюю вывѣску курсовъ.

— Мнѣ только хочется учиться,—очень краснорѣчиво убѣждала я отца, такъ какъ долго готовилась къ этому разговору и обду-

мала всѣ его слова. И онъ внимательно меня слушалъ. Но тутъ явился новый вопросъ.

— Какже ты будешь ходить одна по улицамъ?

Мнѣ было 18 лѣтъ, но я еще никогда не ходила одна. Помню, какъ разъ мать послала за мной къ знакомымъ карету съ лакеемъ, но отецъ нашелъ такую охрану недостаточной и посадилъ въ карету еще гувернантку.

Однако у меня былъ готовъ отвѣтъ. На курсы поступала одна наша сосѣдка по дому, и я объявила отцу, что буду ѣздить съ ней. Л. принадлежала къ очень почтенному семейству, и отецъ неожиданно согласился.

Я пошла объявить матери о томъ, что произошло.

Она была такъ поражена, что мнѣ не вѣрила.

— Какъ могъ онъ позволить!—все повторяла она. Но это невѣроятное случилось, и наступило время конкурсныхъ экзаменовъ.

Я была увѣрена, что ихъ не выдержу, такъ какъ на 40 вакансій желающихъ поступить оказалось 100 и 40 изъ нихъ были съ медалями. Медали меня всего болѣе смущали. Мнѣ почему-то казалось, что должны поступить ихъ обладательницы, а никакъ не я. Мои шансы казались мнѣ ничтожными.

И потому трудно себѣ представить мою радость, когда я была принята и значилась въ спискѣ четвертой. На этотъ разъ мое мѣсто доставляло мнѣ неописанное блаженство.

Итакъ, я вступаю въ храмъ науки достаточно подготовленною: мое домашнее образованіе не оказалось ниже гимназическаго, и блескъ медалей потускнѣлъ къ моихъ глазахъ. Я перестала взирать на нихъ съ прежнимъ благоговѣніемъ и скоро убѣдилась, что многія, имѣвшія медали, знали гораздо меньше тѣхъ, у которыхъ медалей не было.

Наступило славное время.

Передъ мной открылся новый міръ,—міръ университетскаго знанія, хотя собственно курсы не были университетомъ, и изъ преподавателей профессоромъ былъ одинъ В. В. Никольскій. Онъ читалъ въ духовной академіи.

Педагогическіе курсы переживали въ 1875—76 г.г. блестящее время: они были преобразованы, и при нихъ открыта прогимназія взамѣнъ прежней школы, а вѣдь извѣстно, что въ Россіи метутъ особенно чисто только новыя метлы.

Ревностно занимался курсами несомнѣнно талантливый педагогъ, покойный И. Ф. Рашевскій. Мы были первыми слушательницами, учившими въ прогимназіи, и съ своей стороны одинаково старались— усердно посѣщали содержательныя лекціи, много читали и писали дѣльныя сочиненія.

Но лучшимъ на курсахъ были для многихъ изъ насъ лекціи Владиміра Васильевича Никольскаго. Онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умеръ, и у него нѣтъ того имени, которое онъ оставилъ бы, если бы прожилъ дольше. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Александровскаго лицея, и, кажется, недолго.

Кто внимательно слушалъ его лекціи, никогда ихъ не забудетъ. Н. не былъ краснорѣчивъ, но то, что онъ говорилъ, было лучше всякаго краснорѣчія. Каждое его слово было продумано и взвѣшено, и основная мысль лекціи была проведена всегда образно и ярко.

Онъ читалъ намъ исторію русской литературы и чего только не вносилъ въ свои курсы. Впервые постигла я смыслъ тѣхъ понятій, которыя прежде оставались для меня мертвой буквой.

Н. объяснялъ намъ, что такое народное самосознаніе, и какъ оно отражается на литературѣ.

Въ литературу, по Никольскому, входили не одни произведенія словесности—она охватывала всѣ плоды просвѣщенія, выражавшіеся въ словѣ.

Помню его лекціи объ эпохѣ Екатерины II. Онъ разъяснилъ, чѣмъ былъ „Наказъ", и ввелъ насъ въ науку о правѣ. По поводу французскихъ энциклопедистовъ Н. изложилъ вкратцѣ исторію новой философіи.

Я не согласилась съ тѣмъ, что онъ говорилъ о Декартѣ, и когда меня просили какъ-то разъ повторить его лекцію, я передала собственное мнѣніе. А именно Н. назвалъ „мыслю, слѣдовательно существую" Декарта силлогизмомъ. Я же понимала это положеніе въ болѣе широкомъ смыслѣ—для меня оно было не силлогизмомъ, т. е. чѣмъ-то только формальнымъ, а въ этихъ словахъ заключалось цѣлое міросозерцаніе. Впослѣдствіи я узнала, что изложеніе Н. было семинарскимъ, мое же обыкновеннымъ.

Другой нашъ авторитетъ Рашевскій читалъ намъ, будущимъ учительницамъ языковъ, дидактику и методику русскаго языка, разъясняя сущность грамматики и связь русскаго языка съ церковно-славянскимъ. Въ то же время Р. прививалъ намъ гуманное отношеніе къ учащимся.

Занятія въ прогимназіи были организованы образцово. Сначала мы слушали уроки преподавательницъ и разбирали эти уроки на особыхъ конференціяхъ. Каждая изъ насъ представляла письменный отчетъ и имѣла право высказывать свободно свое мнѣніе. Далѣе надо было составить программу собственныхъ уроковъ и выбрать себѣ ассистентокъ. Слѣдовали эти уроки, и за ними опять конференція, на которой дававшая уроки представляла о нихъ отчетъ, ассистентки же дѣлали свои замѣчанія.

Разъ на одну изъ такихъ конференцій пріѣхалъ Осининъ, начальникъ курсовъ. Многія изъ насъ, въ томъ числѣ и я, его не любили за высокомѣрное обращеніе, неумѣстное въ высшемъ учебномъ заведеніи. Но Осининъ считалъ курсы гимназіей, а насъ ученицами.

На первой же своей лекціи (онъ читалъ педагогику, излагая психологію по Бенеке, но никогда не называя источника) онъ объявилъ намъ, что мы не имѣемъ права пропускать уроки, и насъ будутъ записывать. Этого, кажется, никогда не дѣлалось, да и было некому, а всего чаще пропускали мы уроки именно самого Осинина. И часъ былъ ранній, и его манера спрашивать и заставлять стоять непріятны. Помню, какъ я и сидѣвшая рядомъ со мной В. боялись, что онъ насъ вызоветъ, и этого не случилось съ нами въ теченіе двухъ лѣтъ.

Но вотъ онъ пріѣхалъ на конференцію и какъ разъ, когда я была ассистенткой. Мнѣ пришлось сдѣлать при немъ мои замѣчанія, и я осталась сидѣть, какъ это было заведено на конференціяхъ.

Не знаю, это ли или моя критика не понравилась Осинину, но когда я кончила, онъ объявилъ:

— У всякой медали есть двѣ стороны.

— У насъ здѣсь принято только критиковать, мы никогда не хвалимъ,—быстро возразила я къ всеобщему удивленію.

Осинина на курсахъ очень боялись, и странно прозвучали мои слова начальнику о томъ, что у насъ принято.

Мнѣ не приходило, конечно, въ голову, что это дерзость. Я сказала только то, что знали всѣ, но чего никто бы не сказалъ.

Осининъ промолчалъ, но оказалось вскорѣ, что онъ моихъ словъ не забылъ.

На своемъ урокѣ онъ задалъ классное сочиненіе. Когда въ слѣдующій разъ онъ принесъ то, что мы написали, то въ числѣ первыхъ вызвалъ меня.

Сосѣдка дергала меня за платье, боясь, что я опять не встану. Но я стояла и слушала.

— Вы не умѣете писать, у васъ встрѣчаются ошибки въ родѣ „не“ вмѣсто „ни“ (въ одномъ мѣстѣ было дѣйствительно переправлено, но другихъ ошибокъ не было),—распекалъ меня начальникъ и поставилъ 7. Сочиненіе это относилось къ педагогикѣ, а не къ русскому языку. И такая месть показалась всѣмъ мелкой, такъ какъ всѣ знали, что я не могла написать на 7. Осининъ уронилъ себя въ глазахъ слушательницъ, и промолчала на этотъ разъ я.

У него была еще одна черта, которая одинаково не заслужи-

вала уваженія. Онъ дѣлалъ выговоры наставникамъ при слушательницахъ.

Всего чаще приходилось выносить такое обращеніе старушкѣ-надзирательницѣ, единственной на всѣ курсы. Что могла она подѣлать съ бурлившей молодежью? Мы пользовались большой внѣшней свободой, проводили скучныя лекціи въ корридорѣ и не всегда входили въ классъ по звонку.

Наши бесѣды въ корридорѣ, такъ называемые журъ-фиксы, были гораздо полезнѣе скучныхъ лекцій, и старушка поступала умно, оставляя насъ въ покоѣ.

Разъ Осипинъ набросился на учителя французскаго языка за то, что на его урокъ мы собрались не всѣ сразу.

Это былъ тотъ самый Флёри, который училъ меня въ пансіонѣ (лекторъ университета). Здѣсь не онъ не слушалъ, а не слушали его. Какъ свою бывшую ученицу, онъ меня особенно отличалъ и читалъ мои сочиненія вслухъ.

В. П. Острогорскій, преподававшій иностранную литературу, поставилъ мнѣ за годовое сочиненіе 11. То былъ большой ударъ моему самолюбію. Я просидѣла надъ этимъ сочиненіемъ всю зиму, перечитала не только указанные О. десятки источниковъ, но и многое другое и написала 100 большихъ страницъ. Не мало заставили меня страдать мои „Страданія молодого Вертера“. Я ожидала слова поощренія и не получила даже полнаго балла!

Итакъ, я бездарность, полная бездарность, приходило мнѣ нерѣдко въ голову.

Не понимаю до сихъ поръ, отчего это случилось? Неужели причиной служило то, что мои взгляды не сходились съ воззрѣніями учителя? О. подчеркнулъ тѣ мѣста, гдѣ не былъ со мной согласенъ, а я думала вотъ что.

„Неужели развитіе заключается въ томъ, чтобы повторять сказанное учителемъ. Развѣ нельзя сказать что-нибудь другое? Меня поражала такая узость, и я всего менѣе прощала ее тому, кто былъ на словахъ поборникомъ свободы. Какая нетерпимость и непослѣдовательность! И съ пыломъ молодости я долго помнила, что меня обидѣли.

На второй годъ я не могла себя заставить заниматься у О. и даже не прочла того произведенія, которое онъ всю зиму разбиралъ въ классѣ; кажется, то было „Домби и сынъ“ Диккенса; къ тому же онъ слишкомъ растягивалъ свои объясненія, все что-то обѣщая, а на самомъ дѣлѣ повторяя старыя фразы: то былъ катехизисъ либерализма и, по моему мнѣнію, О. совершенно напрасно опошлялъ хорошее.

На этотъ разъ я написала два сочиненія—оба въ одинъ вечеръ прямо набѣло, какъ писала, бывало, въ пансіонѣ. На этотъ разъ я получила 12, и это меня нѣсколько успокоило. Итакъ, 12 Острогорскаго оказались для меня величиной достижимой, хотя и не дались за цѣлый годъ труда. Это все же было несправедливо, а съ несправедливостью я какъ-то не мирюсь. Много еще такихъ 11 пришлось мнѣ получить въ жизни и всегда, по моему мнѣнію, когда я ихъ не заслуживала.

Острогорскій считался нашимъ курсомъ преподавателемъ изъ среднихъ (раньше и, можетъ быть, и позже его ставили выше всѣхъ), а были совсѣмъ плохіе, въ особенности историки. Они читали старыя записки и дремали сами, а, подражая имъ, и мы. Я же была занята. Литографированныхъ записокъ у насъ тогда не существовало, тѣ же, которыя были въ ходу изъ года въ годъ, у меня не доставало терпѣнія переписывать, потому что въ нихъ заносилось буквально все отъ слова до слова. И потому я писала только главное и прямо въ тетрадь перомъ. Мои записки никому не годились, но я приготовлялась по нимъ къ экзаменамъ въ нѣсколько часовъ.

Экзамены я выдержала хорошо и кончила второй. Первой была моя сосѣдка по скамейкѣ В. Когда мы переходили на старшій курсъ, Рашевскій назвалъ насъ лучшими. Это было удивительно, потому что во время его уроковъ мы неизмѣнно молчали. Молчали на вопросы „что такое подлежащее?“ и т. п., ибо понимали, что Р. даетъ новыя опредѣленія, и старыя уже никуда не годятся. Молчали еще потому, что не любили вставать и слышать, какъ насъ называютъ просто по фамиліямъ. Когда къ намъ относились не какъ къ барышнямъ, мы чувствовали себя неловко.

Разъ пришлось щегольнуть тѣмъ, что мы—барышни.

Старшій курсъ былъ приглашенъ на балъ къ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Это случилось впервые во все время существованія курсовъ и составляло событіе. Старушка-надзирательница учила насъ добросовѣстно тому, какъ себя держать, и даже реверансамъ.

Но мы болѣе, чѣмъ оправдали ея надежды. В. танцовала съ маленькими великими князьями, а я кадриль съ ненавистнымъ мнѣ Осининымъ. Собственно кавалерами были приглашены ученики коммерческаго училища, поражавшіе неотесанностью и неумѣньемъ танцовать рядомъ съ нами. Наверху о насъ было сказано, что мы приличнѣе даже институтокъ, и больше педагогическіе курсы никогда уже не приглашались съ коммерческимъ училищемъ, а всегда съ лицеемъ и правовѣдѣніемъ.

В. и я держались вдали отъ учителей. Мы даже досадовали, когда любимаго Никольскаго мучили послѣ лекціи,—вѣдь онъ усталъ, и зачѣмъ ему надоѣдаютъ! И въ числѣ этихъ жаждущихъ поговорить съ учителями была обыкновенно Л., съ которой я ѣздила на курсы.

Отецъ не любилъ, чтобъ опаздывали къ обѣду, и потому я уѣзжала одна. Теперь уже давно было предано забвенію, что я не могу ходить одна по улицамъ, хотя кромѣ курсовъ я нигдѣ и не бывала.

Вся моя жизнь сосредоточивалась тамъ. Очень хорошо сложились товарищескія отношенія, такъ какъ было много развитыхъ дѣвушекъ, съ которыми я сошлась. У меня существовала, впрочемъ, одна слабость: я не могла видѣть слушательницу, чтобъ съ ней не познакомиться и, когда приходила на курсы, то здоровалась со всѣми, потому что всѣхъ знала. В. не мало трунила надъ „моей популярностью“. А я не прощала ей замкнутости или „аристократизма“, по моимъ словамъ. Когда у насъ затѣвалось какое-нибудь общее дѣло и нужны были депутатки, выбирали всегда меня, а я тащила за собой ее. Она сердилась и соглашалась только, чтобъ отъ меня отвязаться.

Общественное служеніе не доставляло ей ни малѣйшаго удовольствія, толпа пугала. Извѣстная замкнутость была и во мнѣ—я сторонилась старшихъ, но меня тянуло къ товарищамъ. Это какое-то органическое чувство, сильнѣе меня самой.

И сколько я испытала горя отъ того, что меня тянуло къ людямъ, какъ къ своимъ.

Но на курсахъ жилось хорошо, и эти счастливыя страницы жизни никогда не изгладятся изъ моей памяти.

Когда первый разъ въ жизни я вошла въ классъ, чтобъ дать пробный урокъ, то почувствовала себя совсѣмъ свободной. Моя ассистентка, баронесса К., у которой была собственная школа, даже попросила меня ее поучить.

Я разсмѣялась и объяснила, что никогда еще не учила въ классѣ. Мнѣ кажется, что умѣнье учить нельзя передать, какъ и многое другое. Это даръ природы.

Сущность хорошаго преподаванія заключается въ томъ, чтобъ видѣть въ классѣ цѣлое и всегда имѣть передъ собой это цѣлое. Тогда классъ будетъ заинтересованъ, и дисциплина сведется на нѣтъ.

Мнѣ было предложено мѣсто образцовой учительницы русскаго языка въ прогимназіи при курсахъ. Мѣста этого всѣ добивались, а я должна была отказаться.

То, что я не буду учительницей, было обѣщано отцу и, когда

подходило время къ окончанію курсовъ, онъ даже увѣрялъ, что уѣдетъ изъ Петербурга, если я буду учительницей.

Итакъ, мнѣ пришлось отказаться, а къ Цюриху я не приблизилась ни на шагъ.

Когда я читала свѣдѣнія, сообщаемыя о студенткахъ заграничныхъ университетовъ, у меня сжималось сердце. „Есть же такія счастливицы“, думалось мнѣ, и ихъ становилось съ каждымъ годомъ все больше, а я все сидѣла въ Петербургѣ и вѣрно просижу тутъ всю жизнь.

Цюрихъ былъ теперь окруженъ въ моихъ глазахъ не только ореоломъ,—къ его блеску прибавились острыя иглы. Давно забросила я программу, такъ какъ одинъ ея видъ заставлялъ меня страдать еще сильнѣе.

И, кончивши курсы, я опять обратилась въ ненавистную мнѣ куклу—барышню.

Разскажу только одинъ эпизодъ, который случился со мной два года позже.

Въ 1878 г. былъ открытъ 3-й курсъ, и говорили, что дадутъ особыя права тѣмъ, которыя его кончатъ. Я проводила зиму съ бабушкой въ уѣздномъ городѣ, но мнѣ захотѣлось записаться. Когда пришло время экзаменовъ, я достала записки и пріѣхала въ Петербургъ экзаменоваться.

Я прекрасно выдержала всѣ экзамены—оставался послѣдній—русская исторія.

Почему-то 2-й и 3-й курсы были соединены, и мнѣ пришлось сидѣть нѣсколько часовъ и слушать, какъ отвѣчаетъ 2-й курсъ. Это было нѣчто ужасное. Экзаменаторъ до невозможности придирался, слушательницы терялись и отвѣчали плохо вовсе не потому, что не приготовились. Я переживала всѣ эти муки издѣвательства надъ людьми, которые не могли собой овладѣть и объявить, что все знаютъ.

И вотъ дошла очередь до меня. Рѣчь шла о какой-то войнѣ. Не успѣла я сказать двухъ фразъ, какъ меня прервалъ экзаменаторъ:

— Вы же говорили, что война велась изъ-за Аравіи, а теперь увѣряете, что причиной войны явились курды.

— Желаніе овладѣть Аравіей было причиной войны, возмущеніе курдовъ явилось поводомъ къ ней,—объяснила я спокойно и продолжала прерванный разсказъ.

Онъ очень скоро меня опять перебилъ.

— Зачѣмъ были нужны туркамъ нѣмецкіе офицеры?

— Чтобъ реорганизовать армію.

— А вы сейчасъ сказали „чтобы вести войну“.

— Развѣ одно мѣшаетъ другому, по-прежнему невозмутимо отвѣчала я. Реорганизованная армія была нужна, чтобъ воевать.

— Если вы будете продолжать такъ мнѣ отвѣчать, я перестану васъ спрашивать,—вспыхнувъ, объявилъ учитель.

— Какъ вы хотите,—спокойно сказала я, положила на столъ билетъ и ушла изъ класса.

Когда я пріѣхала домой, меня всѣ спросили, что случилось и почему я такая счастливая?

— Выдержала экзаменъ?.

Но выдерживала я ихъ много, и къ этому давно всѣ привыкли.

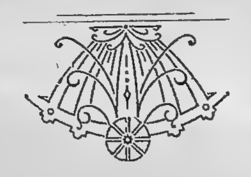
— Не выдержала,—разсказывала я съ восторгомъ. Вечеромъ, въ концертѣ, я встрѣтила одну изъ экзаменовавшихся со мной, и она мнѣ разсказала, какъ долго не могъ прійти въ себя П., и что онъ поставилъ мнѣ 7.

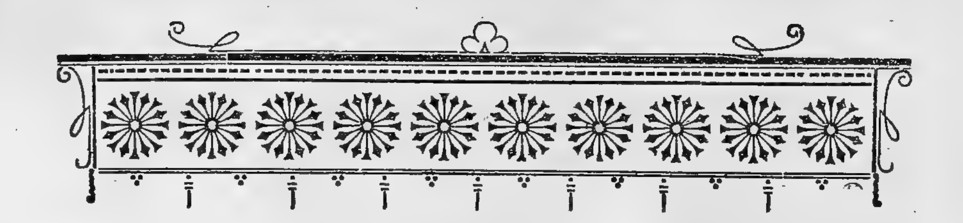
Учитель отказался экзаменовать меня еще разъ и такимъ образомъ я не получила аттестата объ окончаніи 3-го курса. Все равно правъ этого аттестатъ не давалъ никакихъ.

Отецъ сообщилъ мнѣ, что инцидентъ былъ гдѣ-то описанъ— учителя бранили, а меня хвалили.

Какъ я была счастлива, что отомстила. „Можетъ быть, это остановитъ другихъ“, мечтала я.

М. Безобразова.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VII [1]).

Судъ объѣзжаго головы.

Съѣзжій дворъ былъ подчиненъ Разрядному приказу. Разрядъ назначалъ объѣзжаго голову и давалъ ему наказъ. Въ Разрядѣ обжаловывались рѣшенія объѣзжаго головы; въ этотъ приказъ переносились со съѣзжаго двора и невершеныя дѣла по челобитью одной изъ сторонъ. Объѣзжему было дозволено наказывать только людей „самыхъ малыхъ чиновъ"; объ остальныхъ провинившихся онъ долженъ былъ подавать въ Разрядъ „докладныя письма"; туда же со съѣзжаго двора отсылались колодники, арестованные объѣзжимъ головой. Кн. Өедоръ Борятинскій по приведенному выше дѣлу съ Климомъ Купреяновымъ долженъ былъ оправдываться тѣмъ, что онъ хотѣлъ отослать арестованнаго Купреянова въ Разрядъ, но „отослать было того числа неколи, потому что то число было въ субботу". Судебная дѣятельность объѣзжаго головы ограничивалась кругомъ не слишкомъ важныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и весьма походила на юрисдикцію современныхъ мировыхъ судей. Объѣзжій голова разбиралъ дѣла, какъ возникшія въ предѣлахъ Китая-города, такъ и по челобитьямъ всякихъ чиновъ людей на торговыхъ людей Китая-города: съѣзжему двору были подсудны дѣла о нанесеніи побоевъ въ Охотномъ ряду или за Покровскими воротами, разъ побои были нанесены торговыми людьми Китая-города.

---

[1]) См. „Русская Старина" февраль 1910 г.

Дѣлопроизводство съѣзжаго двора не отличалось сложностью. Дѣло обыкновенно начиналось челобитьемъ потерпѣвшаго, большею частью „словеснымъ“, которое записывалось на съѣзжемъ дворѣ. Иногда истецъ указывалъ на отвѣтчика „имянно“, иногда же, въ случаѣ, напримѣръ, драки или брани на улицѣ съ какимъ-нибудь встрѣчнымъ, заявлялъ, что онъ, „какъ его (отвѣтчика) зовутъ, того не знаетъ, только въ лицо его укажетъ“. За отвѣтчикомъ со съѣзжаго двора посылались „ходаки“, т. е. стрѣльцы, иногда съ подьячимъ, снабженныя „сыскною памятью“, т. е. приказомъ объ арестѣ. По приводѣ отвѣтчика на съѣзжій дворъ его допрашивали. Надо замѣтить, что отвѣтчикъ почти всегда запирался, вопреки обличеніямъ истца утверждая, что онъ его „не бранивалъ, не безчещивалъ, не бивывалъ“, „денегъ не вырывывалъ“, платья „не дирывалъ“ и вообще въ глаза его не видалъ. Случалось, что на съѣзжій дворъ приводили не того, кого было нужно; въ 1693 году по челобитью человѣка стольника Алмазова В. Бакшѣева на съѣзжій дворъ былъ взятъ торговый человѣкъ Алексѣй Алексѣевъ, будто бы „безчестившій Бакшѣева скаредными словами“; но Бакшѣевъ, присмотрѣвшись къ Алексѣеву, заявилъ, что „тотъ человѣкъ его, Василья, не бранивалъ и не безчещивалъ, и въ лицо того человѣка онъ, Василій, опознался“. При допросѣ происходилъ осмотръ вещественныхъ доказательствъ: объѣзжій смотрѣлъ „битаго“, „дранаго“, „разореныхъ мѣстъ“, „ломаной коробьи“: когда въ Суконномъ Смоленскомъ ряду была найдена подброшенная для поджога горѣвшая тряпица, эта тряпица, хотя и загашенная, была принесена торговыми людьми на съѣзжій дворъ; когда садовникъ В. Осиповъ въ Нижнемъ Москательномъ ряду вздумалъ бросать подушкой въ одного торговаго человѣка, эта подушка добросовѣстно была представлена на съѣзжій дворъ. О результатѣ осмотра на съѣзжемъ дворѣ составлялся протоколъ. Осмотръ „битаго“ за отсутствіемъ врача носилъ поверхностный характеръ: записывалось просто, что „по осмотру на такомъ-то битаго лобъ и носъ и лѣвая щека и руки обѣ разбиты до крови и по бокамъ и по спинѣ бито-жъ и синева и вспухло“; иногда вносилось въ протоколъ, что „битыхъ мѣстъ не объявилось“. При осмотрѣ „дранаго“ аккуратно записывалось, напримѣръ, что у одного кафтанъ „выше красныхъ клиновъ подранъ, да оторваны двѣ пуговицы серебряныя“, а у другого „кондырь [1]) у праваго рукава оторванъ“. „И тотъ драный кондырь, говорилось въ протоколѣ, отданъ за караулъ сторожу Якушкѣ Алексѣеву“. Тотъ же Якушка хранилъ и болѣе рѣдкостныя веще-

---

[1]) Обшлагъ.

ственныя доказательства: когда выдрали бороду у одного тяглеца Покровской сотни, „та драная борода, волосы, были отданы за караулъ“ тому же сторожу. Послѣ допроса обвиняемаго и осмотра вещественныхъ доказательствъ приступали къ допросу свидѣтелей; предписывалось „взять у истца третьимъ (т. е. свидѣтелямъ) роспись“, и на представленной „третейской росписи“ помѣчалось: „сыскать тѣми людьми въ правду безо всякія поноровки противъ истцовой третейской росписи“. Отвѣтчикъ иногда отводилъ всѣхъ „третьихъ“, иногда нѣкоторыхъ, указывая, что такіе-то свидѣтели „друзья и хлѣбосольцы“ истца, иногда же „слался на тѣхъ же третьихъ въ повальный обыскъ“. Иные челобитчики слались на цѣлые ряды и даже на „всю Красную Площадь“. Нерѣдко стороны, „не ходя въ сыскъ, поговоря межъ себя полюбовно“, мирились и уплачивали „мировыя“ деньги; иногда отвѣтчикъ былъ вынужденъ извиниться, „добить челомъ“ истцу. Если дѣло не оканчивалось, то по отвѣтчикѣ собирали поруку въ томъ, что ему „ставиться на съѣзжемъ дворѣ противъ челобитья по вся дни и безъ указу съ Москвы не съѣхать“, и отпускали восвояси. Съ отвѣтчика всегда [1]) взыскивались „приводныя“ деньги въ размѣрѣ 4 алтынъ 2 денегъ. Большинство имѣющихся въ нашемъ распоряженіи дѣлъ съѣзжаго двора оканчивается взысканіемъ этихъ „приводныхъ“ денегъ [2]).

Для буйныхъ или особенно важныхъ преступниковъ на съѣзжемъ дворѣ имѣлись „желѣза“ и „чепи“, послѣднія даже „двойныя“; но тюрьмы въ собственномъ смыслѣ не было, а сажали просто въ „конюшню“ или „подполья“ и вообще съѣзжій дворъ въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи не имѣлъ способовъ устеречь своихъ колодниковъ. Въ 1687 году, напримѣръ, стрѣльцы привели на съѣзжій дворъ квасника Семена Ерофеева и „греческаго работника“ Андрюшку, нанесшихъ побои на Никольской человѣку боярина П. М. Салтыкова; приводные люди оказали упорное сопротивленіе, „били стрѣльцовъ и изодрали кафтанъ“ на одномъ изъ нихъ, и поэтому были посажены на съѣзжемъ дворѣ „въ желѣзахъ“. Но колодники въ самомъ скоромъ времени, „видя вину свою, въ желѣзахъ ушли на Спасскій (Заиконоспасскій) монастырь, а съ Спасскаго монастыря прошли на Никольскій монастырь, и стрѣльцы Сенку квасника на Никольскомъ монастырѣ поймали и, поймавъ, повели на съѣзжій дворъ, а греческій работникъ Андрюшка, разбивъ желѣза, ушелъ“. Повидимому, „желѣза“ на съѣзжемъ дворѣ не были слиш-

---

[1]) Исключеніе изъ этого правила было одинъ разъ сдѣлано (Пр. 1061, 224).
[2]) Пр. 1061, 2, 7, 40, 189; Пр. 1512, 52, 70, 97, 206, 250, 279, 300; 2513, 6.

комъ прочны; сажать же на „двойную“ цѣпь объѣзжіе головы не имѣли права, и Печатнаго Двора тередорщикъ (печатникъ) Борисъ Ѳедосѣевъ въ 1695 году жаловался на то, что его на съѣзжемъ дворѣ незаконно „посадили на двойную цѣпь, будто въ какомъ разбойномъ или татиномъ дѣлѣ“.

Нѣкоторыя дѣла со съѣзжаго двора переносились въ разные приказы, какъ неподсудныя объѣзжему головѣ. На дѣлѣ о кражѣ со взломомъ коробьи у подьячаго Лихачонкова въ 1674 году на съѣзжемъ дворѣ состоялась помѣта: „искать о томъ судомъ, гдѣ онъ судимъ, то дѣло судное“. Дворцовые крестьяне отсылались въ приказъ Большого Дворца или въ Дворцовый Судный, солдатъ Преображенскаго полка къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. Въ іюлѣ 1674 года на съѣзжемъ дворѣ производили сыскъ о найденномъ у церкви Николая Чудотворца въ Посольской улицѣ [1]) „въ пустой избѣ мертвомъ маломъ ребенкѣ“, брошенномъ матерью, крестьянкой, пришедшей съ мужемъ изъ Галицкаго уѣзда въ Москву „покормиться“ и здѣсь овдовѣвшей [2]); послѣ предварительнаго дознанія женка была отправлена въ Патріаршій Духовный приказъ.

На съѣзжемъ дворѣ подьячіе „дѣлали всякія приказныя дѣла“, т. е. вели обычное канцелярское дѣлопроизводство того времени. На дворѣ были книги „указныя“, куда записывались указы, получавшіеся изъ Разряда, „переписныя“, однѣ „дворовыя“, другія „рядовыя“, т. е. „дворомъ и рядомъ“, записныя поручнымъ; велись и приходныя книги, при чемъ была особая книга „приводнымъ деньгамъ“; была заведена и особая книга, куда записывалось, „кому какое наказаніе учинено и за какую вину“. Встрѣчаются жалобы на медленность дѣлопроизводства съѣзжаго двора, въ родѣ жалобы нищаго Тишки Иванова, который 12 сентября 1693 года заявилъ въ Разрядѣ, что еще 19 іюля онъ подалъ челобитную на съѣзжемъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ, и „по тому его челобитью указу никакого не учинено и по се число, волочится онъ и убытчится многое время“. Но вообще надо сказать, что судъ на съѣзжемъ дворѣ, если не всегда былъ „правый и милостивый“, но нерѣдко былъ столь „скорый“, что о такой скорости не могутъ и мечтать люди, имѣющіе въ настоящее время дѣла не только въ окружныхъ, но и въ мировыхъ судахъ. Достаточно привести слѣдующій примѣръ для доказательства того, что судъ XVII вѣка не былъ сплошной волокитой, „судомъ для осуда, а не для разсуда“ 9 августа 1693 года на съѣзжемъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ билъ че-

---

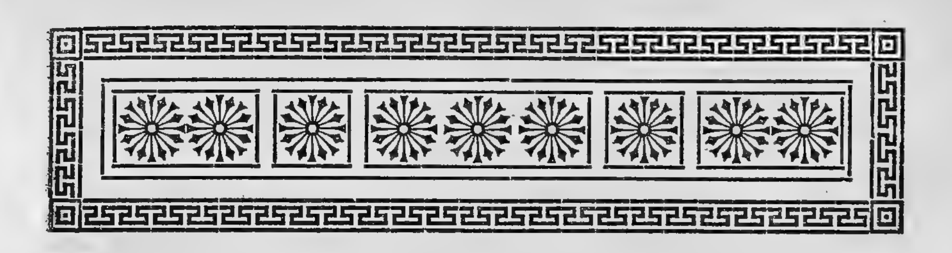
[1]) Никола Красный Звонъ въ Юшковомъ переулкѣ.

[2]) Любопытно, что мать пришла ночевать въ ту избу, гдѣ „покинула“ ребенка, потому, что „ее безъ молитвы въ домъ никто не пускалъ“.

ломъ словесно кровельный караульщикъ Верхняго Овощного ряда Константинъ Сидоровъ на неизвѣстнаго ему торговаго человѣка Горшечнаго ряда съ товарищи въ томъ, что они его „били и увѣчили и крестъ сорвали“. „И то видѣли многіе люди, заявлялъ онъ, и тѣмъ людемъ онъ принесетъ третьимъ роспись“. Тотчасъ на съѣзжемъ дворѣ состоялась помѣта „сыскать и допросить“, и въ тотъ же день отвѣтчикъ, оказавшійся торговымъ человѣкомъ Лукьяномъ Ивановымъ, былъ приведенъ на съѣзжій дворъ и допрашиванъ, при чемъ показалъ, что Сидоровъ самъ его „учалъ бить“, а онъ его „не бивалъ и не увѣчивалъ“. Уже на другой день 10 августа „противъ общей ссылки Горшечнаго ряду и рыбныхъ шалашей и портными мастерами большимъ повальнымъ обыскомъ было сыскивано, по святѣй, непорочнѣй евангельской заповѣди Господни, еже ей-ей, въ правду“, и „въ сыскѣ по отвѣтчикѣ сказали десять человѣкъ, а по истцѣ въ томъ сыску торговые люди никто не сказали“. Оказалось, что Сидоровъ съ товарищемъ забралися въ погребъ при „разломанной“ лавкѣ Иванова и „учали“ тамъ „рѣшетами землю грести“, ища денегъ, а, когда Ивановъ сталъ ихъ „изъ той ямы высылать“, Сидоровъ „учалъ его, Лучку, бить и за горло давить и повелъ было на съѣзжій дворъ и на улицѣ его, Лучку, кулаками билъ“. На основаніи обыска, 14 августа объѣзжій голова стольникъ Никита Ксенофонтовичъ Таракановъ, „слушавъ сего дѣла, приказали истцу въ бою и въ увѣчьѣ отказать для того, что по истцѣ въ повальномъ обыску противъ его челобитья третейскіе люди ничего не сказали, а по отвѣтчикѣ сказали десять человѣкъ въ томъ, что онъ, отвѣтчикъ, его, истца, не бивалъ, а билъ де онъ, истецъ, его, отвѣтчика, и въ томъ иску истца обвинили, а отвѣтчика оправили“ [1]).

[1]) Пр. 1061, 99—100, 323; Пр. 1116, 120: Пр. 1512, 167—172; Пр. 1534, 1—8, 131; Пр. 1655, 122—125; Пр. 1716, 514, 550; Пр. 2513, 1—4, 42, 107; Чт. О. Ист. Др. Рос. 1894, III, 4—5.

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

Вмѣсто предисловія.

Когда перевалитъ за полсотню лѣтъ, естественнымъ является желаніе и самому себѣ дать отчетъ о пережитомъ и подѣлиться съ другими воспоминаніями о прошломъ. Оно такъ не похоже на настоящее, при измѣнившихся кореннымъ образомъ обстоятельствахъ уже не повторится и можетъ исчезнуть безслѣдно, если правдивый лѣтописецъ не занесетъ его въ свою записную тетрадь.

Авторъ этихъ воспоминаній постарается быть правдивымъ лѣтописцемъ-бытописателемъ. Онъ опишетъ пережитое и видѣнное безъ прикрасъ, безъ сгущенія и безъ того густыхъ красокъ, безъ употребленія беллетристической формы. Послѣдняя, будучи введена въ правдивую лѣтопись событій, придаетъ имъ характеръ вымышленности. Авторъ ручается, что здѣсь нѣтъ ничего вымышленнаго, развѣ только имена. Это является вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя описываемыя здѣсь событія отстоятъ отъ настоящаго времени лишь на 40 — 45 лѣтъ. Можетъ быть, не сошли еще съ жизненной сцены нѣкоторыя изъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ описываемыхъ здѣсь событіяхъ. Наконецъ, остались дѣти этихъ лицъ, ихъ родные и близкіе, чувства которыхъ не хотѣлось бы безъ нужды тревожить.

Сначала я не предполагалъ печатать своихъ воспоминаній; я хотѣлъ, чтобы они были доступны лишь тѣсному семейному кругу да тѣсному кругу близкихъ друзей. Но недавно у меня на квар-

тирѣ собрался небольшой кружокъ хорошихъ знакомыхъ — товарищей по профессіи и по школѣ. Были тутъ и юристы и педагоги. Зашла рѣчь о больномъ въ настоящее время вопросѣ: о положеніи средней школы. Разговоръ невольно перешелъ на то, какъ мы сами воспитывались и учились. Я вспомнилъ старину и разсказалъ нѣсколько выдающихся, наиболѣе выпуклыхъ случаевъ изъ своего дѣтства, описалъ обстановку своей школьной жизни. Мой школьный товарищъ не только подтвердилъ вѣрность разсказаннаго мною, но даже добавилъ его кое-чѣмъ, мною упущеннымъ, и слушатели, удивляясь, что „бурса“, описанная Помяловскимъ, была возможна и въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, выразили пожеланіе, чтобы я не таилъ своихъ воспоминаній о новой „бурсѣ“, которая существовала въ то время, когда Россія вступила уже на путь реформъ царствованія Александра II. Конечно, время взяло свое: многія явленія, описанныя Помяловскимъ, въ наше время были уже невозможны, но многое еще осталось. Оно въ наше время не было такъ выпукло и рѣзко, какъ во времена Помяловскаго, но все-таки оно стоитъ того, чтобы дать о немъ правдивый разсказъ...

I. Первыя впечатлѣнія дѣтства.

Первыя мои воспоминанія дѣтства относятся къ тому времени, когда только что окончилась крымская война. Смутно помню, что въ мое родное село возвращались тогда такъ называемые „ратники“, т. е. ополченцы, которыхъ во время войны пришлось отправить въ дѣйствующія въ Крыму (подъ „Вастополемъ“) и на Кавказѣ (на Капказѣ — какъ у насъ говорили тогда) войска. Я, конечно, не отдавалъ себѣ отчета въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на наше деревенское общество разсказы о событіяхъ несчастной для насъ войны, но все-таки, какъ сквозь сонъ, припоминаю грустные разсказы, какъ гибли наши ратники, попадая на минированныя непріятельскія мѣста, потому что, не понимая предупрежденій: „мины“, не хотѣли сворачивать мимо. Помню, какъ мать моя и домочадцы щипали „корпію“ изъ ветхаго бѣлья для отправленія въ госпитали („вошпитали“—говорилось въ селѣ), гдѣ еще были тяжело больные и раненые. Помню, какъ мы, дѣти, любовались темнобронзовымъ крестомъ на Владимірской лентѣ, полученнымъ моимъ отцомъ, сельскимъ священникомъ, за минувшую войну.

Не больше сохранилось у меня воспоминаній и о Кавказской

войнѣ и о „волѣ“. Послѣдняя, правда, осуществилась въ то время, когда мнѣ шелъ 9-й годъ. Но, благодаря тому, что тѣ два села, съ которыми я имѣлъ тогда соприкосновеніе, П — ое и Кр — во, были государственными и не знали „барщины“, воспоминанія о „волѣ“ у меня остались смутныя.

II. Мои родители.

Родился я въ 1852 году, въ с. П—скомъ, М—го уѣзда, Т — ой губ., въ семьѣ сельскаго священника. Изъ родныхъ своихъ, кромѣ отца, матери и старшаго брата, который, когда я сталъ себя помнить, уже учился въ семинаріи, помню хорошо дѣда, заштатнаго пономаря, да жившую съ нами мою крестную мать, крестьянскую дѣвушку-„вѣковуху“, которая выняньчила моего старшаго брата и сдѣлалась почти членомъ нашей семьи.

Отецъ мой получилъ семинарское образованіе, былъ, по тогдашнему времени, довольно развитымъ человѣкомъ, хорошо помнилъ латынь, на которой въ его время въ семинаріи говорили, писали сочиненія и преподавали почти всѣ предметы, кромѣ богословія и русскаго языка. Мать, дочь сельскаго пономаря, нигдѣ не училась и, кажется, не умѣла даже писать. Дѣдъ тоже едва могъ подписать свое имя и отчество. Престарѣлый и глухой, онъ копался около дома по хозяйству, а лѣтомъ сидѣлъ на пчельникѣ, который былъ у отца. Крестная мать, Авдотья Ивановна, была совершенно неграмотна. Она знала нѣсколько молитвъ, была очень богомольна. Стоя на колѣняхъ во время вечерней молитвы, она долго пересчитывала имена извѣстныхъ ей святыхъ и названія праздниковъ, прося ихъ простить ее, грѣшную. Я любилъ слушать ея наивныя молитвы: „Иванъ Предтецъ [1]) престолъ, прости ты меня, грѣшную“. „Звисенье (Вознесенье) Божіей Матушки, прости ты меня, грѣшную“. Но еще болѣе я любилъ слушать ея чувствительные разсказы—сказки объ Аленушкѣ и ея братцѣ, превращенномъ въ козленка, котораго ожидала тяжелая участь:

„Точатъ ножи булатные,
Кипятъ котлы кипучіе...“

Она была просвирнею. Печеніе просфоръ сопровождалось у нея усердными молитвами, и я помню, бывало, помогалъ ей предъ праздникомъ Благовѣщенія, когда просфоры заготовлялись въ огромномъ

[1]) Уроженка Елатомскаго уѣзда, она букву „ч“ произносила какъ „ц“.

числѣ для раздачи прихожанамъ [1]), печатать верхушки просфоръ деревянною печатью съ изображеніемъ креста и буквъ: іс-хс ні-ка.

III. Родное село и родительскій домъ.

Село П—ое, гдѣ я родился и провелъ свое дѣтство до десяти лѣтъ, отличается отъ другихъ селъ средней полосы Россіи довольно живописнымъ мѣстоположеніемъ. Оно расположено на берегу довольно большой рѣки, въ промежуткахъ между нѣсколькими, довольно высокими, горами, спускающимися къ рѣкѣ. За рѣкой—заливные луга и громадный, казавшійся мнѣ тогда безконечнымъ, казенный лѣсъ. На одной изъ горъ стояла (стоитъ и теперь) небольшая деревянная одноглавая съ колокольнею церковь, построенная въ 1842 году. Близъ нея, на горѣ—нашъ небольшой плодовый садъ, а за нимъ, чрезъ дорогу, и нашъ домъ. Это была постройка изъ вѣковыхъ сосновыхъ, распиленныхъ на-двое, бревенъ, крытая камышомъ. Она состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ холодными сѣнями: чистой половины, такъ называемой „горницы", и жилой половины, такъ называемой „избы". „Горница", состоявшая всего изъ двухъ комнатъ и холодной пристройки, была предназначена главнымъ образомъ для пріема гостей и праздничнаго препровожденія времени и зимою даже не всегда топилась. Въ ней, помню, стоялъ столъ, покрытый бѣлою вязанною (издѣліе матери) салфеткою, старинный диванъ и нѣсколько стульевъ съ сидѣньемъ изъ мягкаго камыша. Въ переднемъ углу стоялъ маленькій столикъ-угольникъ, на которомъ обыкновенно лежала епитрахиль съ крестомъ и евангеліемъ, требникъ и служебникъ. Надъ столикомъ — кіоты съ образами, предъ которыми почти постоянно теплилась лампада, наполнявшая комнату запахомъ деревяннаго масла. Здѣсь же былъ небольшой, за стекломъ, ящикъ, гдѣ хранилась дарохранительница для запасныхъ Св. Даровъ. На стѣнахъ висѣло нѣсколько портретовъ государей и архіереевъ, какая-то старинная гравюра-ландшафтъ да старинные въ высокомъ, отъ пола почти до потолка, деревянномъ футлярѣ стѣнные часы съ боемъ. Помню, что бой этихъ часовъ въ дѣтствѣ всегда занималъ меня. Тяжелыя свинцовыя гири часовъ висѣли на веревочкахъ. Пока веревочки новы,

---

[1]) Послѣ Благовѣщенія (25 марта) крестьяне уже начинали полевыя работы, и просфоры брали съ собою, какъ благословенный хлѣбъ, способствующій урожаю хлѣбовъ.

гири хорошо держались, но когда выступы веревочекъ скоро сглаживались, какъ ни старался отецъ мой натирать веревочки мѣломъ, чтобы онѣ не скользили по шестернѣ часовъ, такъ называемая „боевая гиря“ (т. е. тянувшая пружину, производящую бой) почти всегда въ концѣ боя колокольчика ухитрялась сорваться и съ шумомъ падала на полъ футляра, заканчивая этимъ бой часовъ.

На окнахъ висѣли миткалевыя занавѣски да стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами—фуксіей и геранью,—вотъ и все украшеніе горницы. Впрочемъ, я забылъ упомянуть объ одномъ украшеніи горницы, которое меня очень занимало. На потолкѣ большой комнаты, въ самомъ ея центрѣ, была нарисована масляными красками звѣздоподобная фигура съ указаніями странъ свѣта (с., ю., в., з.). Предмѣстникъ моего отца, большой любитель физики и астрономіи, устроилъ на домѣ флюгеръ, который вращалъ пристроенную на потолкѣ стрѣлку, показывавшую направленіе вѣтра. Въ мое время этой стрѣлки уже не было и нарисованная на потолкѣ фигура только напоминала о бывшемъ здѣсь приспособленіи для метеорологическихъ наблюденій.

„Изба“ состояла изъ двухъ половинъ: собственно кухни, гдѣ происходила стряпня, и чистой половины, гдѣ мы обѣдали, зимою спали и вообще проводили большую часть времени. Убранство этой половины тоже ничѣмъ не выдѣлялось. Большой липовый бѣлый столъ, покрытый или самотканною скатертью или клеенкою домашняго издѣлія, на которой деревенскій живописецъ нарисовалъ масляными красками арбузы, огурцы и фрукты, нѣсколько широкихъ лавокъ вдоль стѣнъ, нѣсколько табуретокъ и скамеекъ, кроватей за цвѣтнымъ пологомъ, нѣсколько иконъ въ переднемъ углу и лубочныхъ картинъ по стѣнамъ—вотъ все украшеніе избы. Громадная „русская“ печь (въ горницѣ была „голландка“ изъ простого кирпича) имѣла вверху большое помѣщеніе для спанья. Здѣсь зимою нерѣдко сушилась рожь и гречиха, предназначавшіяся къ отправкѣ на мельницу или круподерку. Помню, какъ мы, дѣти, послѣ бѣганья по морозу и катанья на салазкахъ, забирались на эту печь и старались согрѣться на ней, зарываясь въ горячую рожь или гречиху. Близъ печи, нѣсколько выше ея, были расположены палати—широкій помостъ изъ досокъ, настланныхъ приблизительно на аршинъ ниже потолка. Въ холодное время это было любимое мѣсто для спанья дѣтей. А пока уснешь — прекрасный наблюдательный пунктъ, такъ какъ оттуда, свѣсивъ голову, можно было видѣть все, что дѣлается въ избѣ, и слышать все, что тамъ говорилось. Въ избѣ зимою наша семья проводила почти все свое время. Здѣсь мать и крестная занимались рукодѣліями. Дѣдъ ковырялъ лапти, которые онъ почти повседневно

употреблялъ, кромѣ праздниковъ и пріѣзда гостей, когда надѣвались сапоги. Мать и крестная пряли ленъ и шерсть и ткали „красна“ на устроенномъ въ избѣ домашнемъ станкѣ („станъ“). Отецъ занимался со мною науками, подготовляя меня къ духовной школѣ, и принималъ здѣсь прихожанъ и причетниковъ. Здѣсь же по зимамъ отецъ крестилъ приносимыхъ изъ села младенцевъ, такъ какъ церковь была холодная, безъ печей. Здѣсь же, въ крѣпкіе морозы, доилась корова и помѣщались на первое время новорожденные телята и ягнята, а въ углубленіи подъ печкой во время морозовъ сберегались и лечились пѣтухи и индюки съ отмороженными гребнями.

Въ избѣ было душно и сумрачно. Горѣла большею частью березовая лучина, вставляемая въ такъ называемый „свѣтецъ“—высокую подставку, наверху которой была устроена желѣзная вилка о трехъ концахъ, куда вкладывалась лучина, предварительно хорошо высушенная въ печи. Около свѣтца надо было сидѣть, чтобы поправлять лучину и бросать обгорѣшіе ея концы въ лоханку съ водою, которая помѣщалась подъ свѣтцомъ и въ которую падали уголья, образовавшіеся отъ горѣнія лучины. Лучина давала много чаду и слабо освѣщала избу. По праздникамъ да при гостяхъ на столѣ появлялась сальная свѣчка, а въ торжественныхъ случаяхъ зажигались и стеариновыя свѣчи, называвшіяся тогда „каллетовскими“. О керосинѣ у насъ не имѣли и понятія. Сальныя свѣчи издавали смрадный запахъ, оплывали и съ ними тоже было немало возни, такъ какъ постоянно надо было слѣдить за свѣтильнею, снимать ее или особаго рода щипцами, или просто обмоченными слюною пальцами.

Уже по описанному выше можно судить, что обстановка жизни въ домѣ моихъ родителей была самая простая. Отъ крестьянской обстановки она отличалась главнымъ образомъ тѣмъ, что изба наша была „съ трубою“, а не курная, гдѣ дымъ прежде, чѣмъ выйти въ дверь и слуховыя отверстія вверху стѣны, долженъ былъ долго пробыть въ самой избѣ.

IV. Образъ жизни сельскаго духовенства. „Помочь“.

Образъ жизни сельскаго духовенства того времени также мало отличался отъ крестьянскаго. Мой отецъ, напримѣръ, самъ пахалъ землю въ полѣ и огородѣ, косилъ и убиралъ хлѣбъ и сѣно, участвовалъ въ молотьбѣ и возилъ въ сосѣдній городъ на продажу

сельско-хозяйственные продукты. Мать, по болѣзненному состоянію, не принимала участія въ полевыхъ работахъ, но огородъ, садъ, домашній скотъ и птица были на ея попеченіи. Кухарки у насъ не было; кушанье готовили мать и крестная. Для работъ по сельскому хозяйству нанимался „работникъ“, обыкновенно молодой крестьянскій парень изъ мѣстныхъ прихожанъ, которому платилось 20 — 30 рублей въ годъ.

Въ пользованіи причта нашей церкви было около 90 десятинъ полевой и сѣнокосной земли. На долю отца приходилась половина этого пространства. Хотя часть земли была подъ оврагами, но всетаки своими силами трудно было убрать хлѣбъ и сѣно. Тутъ отца выручала такъ называемая „помочь“ (искаженное—„помощь“), заключавшаяся въ томъ, что въ воскресный или небольшой праздничный день, послѣ богослуженія и обѣда, цѣлая толпа крестьянскихъ парней, дѣвицъ и молодухъ, по предварительному приглашенію отца, сдѣланному въ церкви, послѣ службы, являлись на работу за угощенье, въ видѣ плотнаго ужина, водки и браги (домашняго пива). Я долженъ сказать, что отца моего за его простоту и благожелательное отношеніе къ прихожанамъ, за совѣты, услуги и даже матеріальную помощь, которую онъ оказывалъ нуждающимся, прихожане очень любили и не отказывались выручить въ трудныхъ случаяхъ. А къ такимъ случаямъ и относилась нужда въ помощи, когда надо было нáскоро убрать хлѣбъ и сѣно. Поэтому, помочь о. Якову устраивалась очень охотно. Весело работала молодежь, а еще веселѣе становилась она вечеромъ, послѣ ужина и угощенья. Невдалекѣ отъ дома, на пригоркѣ и лужайкѣ, гдѣ устраивалось угощенье, затѣвалось пѣніе. Плясокъ и хороводовъ, конечно, не было: близко отъ церкви, да и неловко на глазахъ „батюшки о. Якова“, но пѣсни лились чуть не до полночи. Батюшка, чтобы не стѣснять молодежи своимъ присутствіемъ, уходилъ, а мы долго любовались веселостью собравшейся молодежи, удивляясь, когда она успѣетъ выспаться, если съ зарей ей предстоитъ подниматься на свою собственную работу.

V. Доходы сельскаго духовенства. Христославленье.

Вышеописанная обстановка жизни сельскаго духовенства становится понятною, если будутъ извѣстны тѣ доходы, которыми оно въ то время пользовалось, особенно въ бѣдныхъ приходахъ, вродѣ отцовскаго. Въ с. П—скомъ считалось въ то время 150 дворовъ съ 500 ревизскихъ душъ. Зажиточныхъ крестьянъ было мало.

Помню, во всемъ селѣ тогда былъ одинъ только каменный, да и то очень небольшой домъ; во всемъ селѣ едва-ли было болѣе 2—3 самоваровъ. Денежный доходъ причта не превышалъ 300 руб. въ годъ, изъ которыхъ на долю отца приходилось не болѣе 150 руб. Исправленіе требъ оплачивалось незначительными суммами: крещеніе младенцевъ 20—25 коп., похороны отъ 50 коп. до 1 руб., включая въ эту сумму и вознагражденіе за сопровожденіе покойника изъ дома въ церковь и изъ церкви на кладбище, расположенное далеко въ полѣ, за селомъ. Пасхальные молебны въ домѣ прихожанъ оплачивались 20 коп.; рождественскіе и крещенскіе—вмѣстѣ 25 коп. Случалось, что бѣдные крестьяне не платили и этого ничтожнаго вознагражденія, прося „записать до Хрещенья" или до Пасхи, и причтъ ни съ чѣмъ уходилъ изъ курной избы, гдѣ во время молебна ему чуть не выѣлъ глаза наполнявшій избу дымъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ уплаты 15—20 коп. за молебенъ, „батюшку" и причтъ просили иногда „присѣсть", т. е. угощали закуской, состоящей изъ жареной баранины, свинины, гуся или утки, да браги и сивухи. Конечно, изрѣдка послѣ продолжительнаго и утомительнаго хожденія по селу въ теченіе цѣлаго дня, такое угощеніе приходилось кстати. Но на Пасхѣ, когда такія угощенія учащались, они были очень обременительны. Отказаться „присѣсть"—значило обидѣть радушнаго хозяина, и приходилось присаживаться и довольно часто. И вотъ весь причтъ церковный, а также и „богоносцы", носившіе съ причтомъ образа по селу [1]), къ вечеру возвращались домой порядочно нагрузившимися... И это было очень грустное явленіе, подрывавшее благоговѣйное, праздничное настроеніе. При этомъ бывали и пьяныя ссоры, такъ не гармонировавшія съ любвеобильнымъ призывомъ церкви: „другъ друга обымемъ" „простимся воскресеніемъ"... Дѣтское чувство подсказывало мнѣ, что этого не должно было быть, и краска стыда покрывала мои щеки при созерцаніи такихъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ явленій. Больно и теперь вспоминать объ этомъ...

VI. Отношеніе къ духовенству прихожанъ, интеллигенціи и начальства.

Оправданіемъ всего этого можетъ служить развѣ низкій уровень развитія сельскаго духовенства того времени. Полное отсутствіе

---

[1]) Это были или любители или давшіе обѣтъ (напр. во время болѣзни) носить иконы при хожденіи причта по селу съ молебнами.

всякихъ высшихъ запросовъ, кромѣ механическаго, подчасъ, исправленія требъ, вѣчная забота о кускѣ насущнаго хлѣба, о воспитаніи дѣтей, захолустная жизнь, — все это располагало къ возможности вышеописанныхъ грустныхъ явленій. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляло сельское духовенство? Прихожане-простецы, правда, уважали „добрыхъ“ пастырей, хотя бы они и не высоко стояли по умственному развитію. Но не такъ относилась къ духовенству, особенно сельскому, мѣстная интеллигенція, высшее духовенство и разнаго рода начальство. Дворяне-помѣщики, теперь такъ стремящіеся (на словахъ, по крайней мѣрѣ) къ поддержанію основъ государственной жизни, между которыми красуется и „православіе“, — чего только они не дѣлали для того, чтобы убить уваженіе къ этому православію своимъ отношеніемъ къ сельскому духовенству? Какому унизительному обращенію подвергались тогда не только низшіе члены клира, но и сами „батюшки“? Но объ этомъ писалось такъ много, что не стоитъ распространяться [1]). Я коснусь только отношеній къ сельскому духовенству его духовнаго начальства. Начну съ самаго посвященія въ священный санъ. Боже мой, какія мытарства нужно было пройти, чтобы получить мѣсто священника или діакона въ селѣ! Начиная съ обращенія къ консисторскому сторожу и кончая всесильнымъ секретаремъ консисторіи — вездѣ униженіе, вездѣ нужны были взятки. Про консисторію, вѣдь, не даромъ сложилась поговорка на семинарско-латинскомъ языкѣ: consistorium est oblupatio et obdiratio poporum, diaconorum, diatcorum, ponomarorumque (консисторія есть облупація и обдирація поповъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей). Наконецъ, мѣсто священника или діакона дано. Предстоитъ посвященіе въ санъ. Начинаются мытарства „ставленника“, т. е. лица, готовящагося къ посвященію. Надо дать псаломщику, иподіаконамъ, діаконамъ и самому протодіакону, а то при посвященіи будетъ устроена какая-нибудь неловкость, за которую владыка не похвалитъ. Ставленнику нужно подсказать, гдѣ стать, какъ и гдѣ поклониться, что и гдѣ поцѣло-

---

[1]) Разскажу очень характерный случай. Въ помѣщичьемъ селѣ ожидался пріѣздъ архіерея, объѣзжавшаго епархію. Встрѣча владыки духовенствомъ ближайшихъ селъ назначена въ помѣщичьемъ селѣ, и потому масса духовенства, пріѣхавшаго съ своими облаченіями, собралась въ домѣ помѣщика. Помѣщикъ приказалъ своимъ челядинцамъ перепутать облаченія, чтобы полюбоваться тѣмъ смятеніемъ, которое должно было овладѣть духовенствомъ, когда при пріѣздѣ владыки оно должно было впопыхахъ разбирать подходящее каждому облаченіе.

вать, а вся эта наука не даромъ давалась ему. Про одного протодіакона, Саввушку, отличавшагося громаднымъ ростомъ и громадною силою, у насъ ходили преданія, что при возгласѣ „повели"! онъ, неугодившимъ ему ставленникамъ, заставляя ихъ нагибаться для поклоновъ при посвященіи, давалъ такіе тумаки въ шею, что ставленники долго потомъ помнили свое посвященіе въ санъ. И это въ храмѣ Божіемъ, при торжественной обстановкѣ архіерейскаго богослуженія, при томъ благоговѣйномъ настроеніи, которое должно окрылять молодого человѣка, отдающаго себя на служеніе Богу... А отношеніе самихъ владыкъ къ сельскому духовенству? Естественно было бы ожидать, что младшіе представители священства найдутъ въ лицѣ старшихъ чиновъ—покровителей и наставниковъ, къ которымъ открытъ доступъ, къ которымъ въ минуты затрудненій можно идти за духовною помощью и совѣтомъ. А между тѣмъ, припоминаю тотъ страхъ и трепетъ, которыми, бывало объято сельское духовенство, когда ему приходилось предстать предъ грозныя очи владыки. Вѣроятно, многіе изъ нихъ читали при этомъ псаломъ: „помяни, Господи, Давида и всю кротость его"—псаломъ, которому встарину приписывалось укрощающее гнѣвъ начальства дѣйствіе. Я слышалъ, что владыки, при явкѣ къ нимъ сельскаго духовенства, допускали колѣнопреклоненіе его предъ ними. А „разнести" священника въ церкви, при прихожанахъ и постороннихъ людяхъ, за малѣйшую неисправность, обнаруженную въ церкви, въ книгахъ, при объѣздахъ епископомъ церквей — это было обыденнымъ явленіемъ. И тутъ надо было дать лицамъ, сопровождавшимъ епископа, чтобы они не очень уже рылись въ церкви и книгахъ и были снисходительны къ упущеніямъ, не доводили о нихъ до свѣдѣнія епископа. Вообще, объѣздъ архіереемъ сельскихъ церквей — это было нѣчто ужасное для сельскаго духовенства. Священники и діаконы (не говоря уже о низшихъ причетникахъ) часто сбивались въ произнесеніи возгласовъ и эктеній при встрѣчѣ архіерея, путали многолѣтія Царствующему Дому. Въ то время при богослуженіи требовалось перечисленіе всѣхъ членовъ Царствующаго Дома. Вдругъ, забудешь кого-нибудь или упомянешь его не въ надлежащемъ, по порядку, мѣстѣ. Помню, долго послѣ отъѣзда архіерея шли толки по селамъ о посѣщеніи архіереемъ храмовъ, подсчитывалось, во что обошелся пріемъ архіерейской свиты, которая собирала не только деньгами, но и натурою—холстами, индѣйками и т. п. домашними продуктами. Благодаря поборамъ, которые позволяла себѣ архіерейская свита, у насъ про одного изъ архіереевъ (изъ малороссовъ) сложена была даже пѣсня-пародія на извѣстную патріотическую пѣсню объ Императорѣ Александрѣ I: „Ѣздилъ бѣлый русскій царь".

Не малое безпокойство и переполохъ причиняли, бывало, и посѣщенія мелкихъ начальниковъ, вродѣ благочинныхъ и даже столоначальниковъ существовавшихъ тогда духовныхъ правленій (отдѣленія консисторіи въ уѣздныхъ городахъ). Они тоже ревизовали метрическія исповѣдныя и обыскныя книги, ревизовали, кажется, затѣмъ, чтобы поживиться насчетъ духовенства. Помню, къ намъ появлялся нерѣдко правленскій столоначальникъ Василій Васильевичъ, жилъ нѣсколько дней, пилъ и угощался до опьяненія и уѣзжалъ, снабженный разными припасами — подарками для его супруги Евгеніи, которую духовенство наше называло въ насмѣшку „Явленіемъ“, можетъ быть, характеризуя такъ неожиданныя появленія ея мужа на ревизію.

VII. Церковное учительство. Отправленіе богослуженія.

Приниженное, обездоленное, мало развитое сельское духовенство имѣло слабое вліяніе на паству. Требованіе Св. Писанія: „подобаетъ пресвитеру быти учительну“ выполнялось очень мало. Сельскій пресвитеръ „поучалъ“ рѣдко, да и то больше по печатнымъ образцамъ. Я помню, сколько труда прилагалъ сельскій священникъ, чтобы составить проповѣдь, которую ему, послѣ цензуры соборнаго протоіерея, приходилось по очереди произносить въ городѣ. Покойный Побѣдоносцевъ („Московскій Сборникъ“) считалъ проповѣдничество въ нашей церкви и не особенно нужнымъ, такъ какъ само наше богослуженіе поучительно и весьма назидательно. Это послѣднее соображеніе довольно справедливо. Наши духовныя пѣснопѣнія полны высокой поэзіи и величественной простоты и способны вызвать умиленіе и быть назидательными. Но понимать наше церковное пѣніе и чтеніе не подъ силу не только неграмотному простолюдину, но даже и такъ называемому образованному классу православнаго населенія. Наши богослужебныя книги переведены съ греческаго языка самымъ невозможнымъ образомъ. „Лядвія моя наполнишася поруганій“... „еродіево жилище предводительствуетъ ими“... „сушу глубородительную землю солнце нашествова иногда“. „Странствія Владычня, безсмертныя трапезы“... Готовъ держать пари, что и теперь многіе изъ духовенства не въ состояніи правильно перевести эти и имъ подобныя выраженія, очень часто встрѣчающіяся въ богослужебныхъ книгахъ. Еще недавно одинъ молодой батюшка затруднялся объяснить мнѣ выраженіе Евангелія, „во едину отъ субботъ“. Помню хорошо случай, происшедшій въ родительскомъ домѣ во время моего дѣтства. На рождественскихъ праздникахъ

у насъ собрались сосѣдніе священники. Бесѣдовали о божественномъ, и кто-то предложилъ перевести извѣстный ирмосъ рождественскаго канона: „любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ“ и т. д. Перевели, но въ концѣ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Не имѣя подъ рукой книги, недоумѣвали, слѣдуетъ ли читать „имати (имѣти) силу“, или и мати, силу. И только справка съ книгою дала возможность разрѣшить недоразумѣніе [1]).

Если даже священники затруднялись перевести столь употребительную церковную пѣснь, то что же сказать о низшемъ клирѣ и прихожанахъ-простолюдинахъ? Что послѣдніе поймутъ изъ быстраго чтенія дьячка, который и самъ-то не понимаетъ читаемаго имъ? Я хорошо помню, какъ нашъ сельскій дьячекъ, читая на Рождествѣ апостолъ: „Многочастнѣ, многообразнѣ древле Богъ, глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ сынѣ“, прочиталъ послѣднее слово „во снѣ“, такъ какъ по славянски это слово пишется сокращенно съ титломъ. А разсказы о передѣлкахъ Салафіиля и Зоровавеля, Акиллы и Прискиллы въ Соловея и Журавеля, „Акислы и Прикислы“, вѣдь это не зубоскальные анекдоты. Для того, чтобы богослуженіе наше было назидательнымъ, нужно далѣе, чтобы оно отправлялось не такъ механически, какъ это зачастую бываетъ. У насъ въ селѣ былъ, во время моего дѣтства, дьячекъ, который считалъ грѣхомъ пропустить что-либо при чтеніи каѳизмъ и паремій. И вотъ, для того чтобы богослуженіе не затягивалось, онъ рекомендовалъ мнѣ и другому мальчику, стоявшему со мною на клиросѣ, читать каѳизмы сразу вдвоемъ: я долженъ былъ читать одну страницу, а мой товарищъ въ то же время другую. Можете себѣ представить, что выходило при такомъ параллельномъ, вслухъ, чтеніи псалмовъ! А вычитываніе или, лучше сказать, бормотаніе 40 разъ: Господи, помилуй? При поспѣшности, съ которою произносится это, слышится все, что угодно („поминосъ“, „помилось“), но только не моленіе о помилованіи. Недостаетъ также нашему

---

[1]) Да, пора бы подумать о нашемъ богослужебномъ языкѣ. По этому поводу припоминаю случай изъ моей позднѣйшей, уже семинарской жизни. Нашъ учитель гомилетики о. П. П. Р—въ, указывая на то, что слогъ проповѣди долженъ быть высокимъ, совѣтовалъ достигать этого употребленіемъ славянскихъ оборотовъ. Когда я сказалъ, что славянскіе обороты не всегда вразумительны, и что лучше бы вообще славянскій языкъ замѣнить русскимъ, о. Р—въ возразилъ, что русскій языкъ еще не доросъ до этого. „Ну, какъ ты переведешь: отверзу уста моя? Разину ротъ мой“? И мои товарищи и я не могли не признать, что такой переводъ былъ бы кощунственнымъ, но, вѣдь, развѣ нельзя употребить другое, болѣе подходящее выраженіе, тѣмъ болѣе, что слово „уста“ уже обрусѣло?

богослуженію выразительности чтенія. Часто громадный басъ діакона гудитъ въ церкви, но звуки выходятъ, какъ изъ пустой бочки, не членораздѣльными. Псаломщицкое чтеніе монотонно, съ глотаніемъ словъ. Мнѣ передавали, что когда одинъ молодой священникъ сталъ отправлять богослуженіе безъ традиціонной интонаціи, а приближаясь къ тому идеалу, который должно преслѣдовать общественное богослуженіе—бесѣда души съ Богомъ, священника вызвали къ архіерею и внушили ему не вводить новшества: „вѣдь церковь не театръ“. Допустимъ, что выразительное чтеніе въ неумѣлыхъ устахъ можетъ превратиться въ актерскую декламацію. Но тогда бороться надо не съ выразительностью чтенія, а съ излишествами. Умный, благоговѣйный членъ причта не допуститъ излишества и не превратитъ святого дѣла богослуженія въ театральную декламацію. Недавно мнѣ пришлось быть на двухъ похоронахъ. Молодой, проникнутый важностью событія, священникъ совершалъ чинъ отпѣванія. Маленькая кладбищенская церковь почти вся рыдала, когда священникъ благоговѣйно, съ выраженіемъ произносилъ умилительныя слова, которыми церковь, сочувствуя человѣческой скорби, старается смягчить ее надеждою на вѣчную память, вѣчный покой, вѣчную жизнь и воскресеніе. Присутствуя затѣмъ на вторыхъ похоронахъ, гдѣ службу отправлялъ другой священникъ, я былъ пораженъ: какъ будто другія слова, другія пѣсни! А между тѣмъ и покойникъ для меня былъ ближе, чѣмъ первый, и діаконъ здѣсь былъ громогласный, и церковь богаче, и пѣвчіе пѣли куда лучше, чѣмъ въ кладбищенской церкви! А все это оттого, что священникъ только механически вычитывалъ, что полагалось по требнику. Его самого, повидимому, не умилялъ обрядъ, — не умилялъ онъ и присутствующихъ въ церкви.

VIII. Деревенскія занятія и развлеченія.

Но возвратимся къ разсказу о быломъ. Росъ я, большею частью, на лонѣ природы. Кромѣ нѣсколькихъ часовъ занятій по подготовкѣ къ поступленію въ духовное училище, почти все весеннее, лѣтнее и осеннее время я проводилъ на воздухѣ. Отецъ мой любилъ ловить рыбу и собирать грибы. И того и другого было вдоволь. Нѣсколько часовъ ходьбы по лѣсу, часа $1^1/_2$—2 ловли рыбы бреднемъ въ р. Цнѣ и прилегающихъ къ ней озерахъ, и мы приносили полныя корзины грибовъ, рыбы и раковъ.

Умственная жизнь была мало развита. Тѣ книги, которыя были въ домѣ и въ церкви, были перечитаны по десятку разъ. Да и что

же тамъ было? Какъ теперь помню, наиболѣе употребительнымъ было чтеніе „Примѣровъ благочестія“—нѣчто вродѣ хрестоматій изъ жизни святыхъ. Получались епархіальныя вѣдомости, но въ нихъ, кромѣ оффиціальнаго отдѣла, помню, помѣщался сдѣланный мѣстнымъ преосвященнымъ переводъ съ французскаго разсужденій От. Николая о христіанской религіи,—чтеніе мало доступное. Нѣсколько томовъ проповѣдей, естественная исторія Горизонтова (эту книгу я любилъ читать и перечитывалъ десятки разъ), да нѣсколько томовъ сочиненій по сельскому хозяйству, съ описаніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, вотъ все, что я помню изъ того, что перебывало въ моихъ рукахъ, кромѣ букварей и азбукъ съ картинками, изъ которыхъ помню какъ теперь на букву Ѳ—„Ѳеодора съ квасомъ“.

IX. Первые шаги ученія.

Ученье мое началось довольно рано. Собственно говоря, я даже не помню, какъ я научился читать. Припоминаю только, что дѣдъ мой изъ лыка и лучинъ складывалъ буквы, и, такимъ образомъ, научился я читать по наглядному способу. Писать училъ меня мой отецъ; съ нимъ я прошелъ чтеніе по-славянски, первыя начала ариѳметики, молитвы, псалмы, заповѣди и священную исторію. Отъ отца же я получилъ первыя познанія и въ древнихъ языкахъ. Совершенно случайно я чуть было не научился и рисованію. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ пришлось въ нашей церкви сдѣлать довольно большой ремонтъ, особенно иконостаса. Посѣтившій въ концѣ 50-хъ годовъ нашу церковь преосвященный Макарій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) нашелъ, что въ церкви слишкомъ много скульптурныхъ изображеній, напоминавшихъ католическіе храмы. Рѣзное распятіе, рѣзныя фигуры ангеловъ и архангеловъ, даже одна икона: коронованіе св. Дѣвы Маріи—все это должно быть замѣнено новыми иконописными изображеніями. Отецъ собралъ нѣсколько сотъ рублей, и на цѣлое лѣто у насъ поселился извѣстный въ округѣ живописецъ Кириллъ Рыжковъ, съ учениками и подмастерьями. Живописная работа меня очень занимала, и я цѣлые дни проводилъ въ церкви, гдѣ спѣшно производилась работа. Живописецъ былъ, конечно, не изъ важныхъ, но все-таки это не была шаблонная работа, когда всѣ святые выходятъ на одно лицо, съ одинаковыми глазами, носами и ртами, отличаясь лишь цвѣтомъ одежды. У Рыжкова были цѣлые альбомы рисунковъ живописныхъ произведеній, и онъ взялся учить меня рисованію. Отецъ мой ничего не имѣлъ противъ этого, но мать, увидавши въ моихъ

рукахъ альбомы съ голыми тѣлами, запротестовала противъ занятій художествомъ, и занятія эти скоро прекратились.

X. Первая деревенская школа въ домѣ отца.

Выучившись читать и писать, я сталъ оказывать помощь отцу въ обученіи крестьянскихъ дѣтей. И до нашего захолустья дошли отголоски идей эпохи реформъ, начавшейся послѣ Крымской войны. И у насъ стала пробуждаться умственная жизнь; потребность грамотности въ крестьянскомъ населеніи стала назрѣвать, и отецъ мой завелъ первую школу у себя въ домѣ, конечно, безплатную и самъ сталъ учить въ ней крестьянскихъ ребятъ грамотѣ. И вотъ, въ нашей „избѣ“ съ осени до весны стало собираться болѣе десятка парнишекъ, которыхъ отецъ мой началъ обучать чтенію по-русски и по-славянски и письму. Когда отцу, по его служебнымъ обязанностямъ, некогда было заниматься въ школѣ, помогалъ дѣдъ, помогалъ и я, уже перешедшій первоначальную премудрость. А наука была, дѣйствительно, премудреная и нелегкая. Оправдывалось старинное изреченіе: „корень ученія горекъ“... Обученіе производилось по старому, слогосоставительному способу. Сначала по букварю заучивались названія буквъ по-славянски: азъ, буки, вѣди, глаголъ, добро, есть и т. д. Называя ту или другую букву, ученикъ долженъ былъ указкой изъ лучины показывать эту букву въ букварѣ. Играла роль, конечно, слуховая и зрительная память. Долго происходилъ процессъ заучиванья по порядку всѣхъ буквъ славянскаго и русскаго алфавитовъ. Затѣмъ переходили къ составленію слоговъ, первоначально простыхъ, состоящихъ изъ согласной и гласной буквъ. И вотъ начиналось заучиванье: буки—азъ=ба, вѣди—азъ=ва; слово—есть=се и т. д., пока не заучивались на память всевозможныя комбинаціи согласныхъ буквъ съ гласными. Затѣмъ шло заучиваніе сложныхъ слоговъ, состоящихъ изъ 3—4 буквъ: буки—рцы—азъ=бра, вѣди—рцы—укъ (у)=вру и т. д. Послѣ всего этого приступали къ чтенію словъ, а потомъ молитвъ и псалмовъ. Чтеніе начиналось по слогамъ, изъ которыхъ, я теперь, право, уже не знаю, какъ ученикъ ухитрялся составить слово. Напримѣръ, чтобы прочитать по этому способу: „отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“, нужно было продѣлать такую тарабарщину, онъ—твердо—червь—есть—че=отче; и—живете—есть—же=иже; есть—слово—иже—си=еси; нашъ—азъ=на; нашъ—есть—не—буки—есть—бе=на небе, слово—ять—сѣ=на небесѣ, херъ—еръ—хъ=на небесѣхъ. Наконецъ, трудности преодолѣны; съ грѣхомъ пополамъ

чрезъ полгода ученія начинается чтеніе по-славянски. Безъ знанія сокращеній, такъ называемыхъ титлъ, нельзя ступить и шагу. И вотъ опять заучиванье на память всѣхъ словъ, гдѣ употребляются титла, въ алфавитномъ порядкѣ, азъ—ангелъ, архангелъ, архангельскій, буки—титло—цы—есть—це=Богородице. За букваремъ слѣдовало чтеніе по псалтыри съ выучиваніемъ псалмовъ наизусть: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ... Вскую шаташася языцы... Помилуй мя, Боже“. На сколько я помню свое дошкольное время, ученики наши дальше не доходили. Параллельно съ чтеніемъ шло и обученіе письму. Учились по прописямъ, срисовывая буквы. Объ элементахъ буквъ понятія тогда у насъ не имѣли, а прямо списывались буквы по алфавиту, Писали гусиными перьями и самодѣльными чернилами, которыя приготовлялись у насъ дома изъ отвара чернильныхъ орѣшковъ и зеленаго купороса. Плохо держится перо въ непривычныхъ, грубыхъ хотя и дѣтскихъ рученкахъ. То и дѣло, бывало, слышишь возгласы учениковъ: „батюшка, у меня перо раскорячилось!“ Это значило, что прилежный мальчуганъ приналегъ на перо такъ, что оно раскололось по раскепу (разрѣзъ кончика пера), и нужно было или переочинивать перо или снабжать ученика новымъ. За матеріаломъ этимъ дѣло не останавливалось. Всегда былъ запасъ гусиныхъ перьевъ, собранныхъ на лугу самими же мальчуганами. Позднѣе, когда я самъ поступилъ въ школу, и такимъ образомъ моя „педагогическая дѣятельность“ прекратилась, школа, учрежденная отцомъ, сдѣлалась, земскою. Появились и учебныя пособія, книги для чтенія, которыми снабжало школу, земство, и дѣло пошло впередъ. Появился и учитель отъ земства, котораго у насъ назвали почему-то „учельщикомъ“, но все-таки крестьяне не забыли старой „батюшкиной“ школы, родоначальницы земской школы [1]).

Занятія въ нашей школѣ начинались съ ранняго утра и оканчивались только къ вечеру. Среди дня былъ небольшой отдыхъ для обѣда. Это было очень веселое время. Я и мои ученики, изъ которыхъ нѣкоторые были гораздо старше меня, отправлялись играть въ снѣжки, лѣпить изъ снѣга фигуры, кататься съ горъ.

---

[1]) Спустя болѣе 35 лѣтъ, посѣтивъ родину и могилы своихъ родителей, я на церковномъ бугрѣ (гора, гдѣ стояла наша деревенская церковь), около церкви замѣтилъ небывшія тамъ прежде двѣ небольшія постройки и узналъ, что въ одной изъ нихъ помѣщается земская, и въ другой— церковно-приходская школа. Съ грустью узналъ, что между школами существуетъ антагонизмъ. Какъ будто двѣ сосѣднія лавочки, соперничающія въ торговлѣ однимъ и тѣмъ же товаромъ!..

Это послѣднее было особенно занимательно. На высокую гору втаскивались большія салазки, а то и сани. Мы садились на нихъ большою кучею и, сломя головы, летѣли внизъ по крутымъ скатамъ горы. Порою салазки или сани втискивались въ сугробъ, и всѣ мы, въ силу инерціи, вылетали изъ саней и салазокъ и зарывались въ сугробахъ снѣга. Немалое удовольствіе доставляло также катанье на гладкомъ, какъ зеркало, льду широкой рѣки, еще не покрытомъ снѣгомъ. О конькахъ мы тогда и не слыхали.

Нѣсколько лѣтъ тянулось ученье въ описанной мною примитивной школѣ, и все-таки оттуда выходили еле-еле грамотными. Бывшее тогда въ ходу изреченіе: „я учился не по этой псалтыри" было насмѣшкою надъ грамотеями, умѣвшими читать только ту книгу, по которой они учились, но оно было примѣнимо и къ большинству. Да и по своей-то псалтыри деревенскій парень скоро забывалъ умѣть читать, развѣ, благодаря какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ (голосу, умѣнью пѣть) онъ имѣлъ случай читать и пѣть въ церкви на клиросѣ. Все это объясняется, конечно, и слабою подготовкою, которую давала школа, но болѣе всего отсутствіемъ въ деревнѣ какого бы то ни было рода книги. Нечего было читать, и начинался рецидивъ неграмотности. Да что говорить о нашемъ деревенскомъ захолустьи? Недалеко отъ моей родины расположенъ богатый торговый городъ съ хлѣбною пристанью. Тамъ въ описываемое нами время не было книжнаго магазина и библіотеки, изъ которой можно было бы брать книги. Лубочныя изданія: книжки сказокъ о „Бовѣ-королевичѣ", „Францѣ Венеціановичѣ", „Еруслано Лазаревичѣ", „Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа", лубочныя картины съ изображеніемъ страшнаго суда, „какъ мыши кота хоронили", „сильный храбрый воинъ Аника", нѣчто вродѣ каррикатуръ на пьянство и скупость, „желѣзная дорога" [1])—все это можно было раздобыть въ деревнѣ только у офеней, а въ городѣ на ларяхъ, гдѣ продавалась разная мелочь. Помню, что долго еще въ нашемъ селѣ царила полная безграмотность. Почти никто въ деревнѣ, кромѣ чиновъ причта, да

[1]) Вѣроятно, не многіе видѣли послѣднюю картину. Мимо деревни мчится поѣздъ и представлена группа мужиковъ, изумленныхъ такою невидалью. Подписаны стихи, въ которыхъ прославляется смѣтливость русскаго человѣка: „Что за дивная запряжка, богатырская ухватка! Везетъ тысячъ сто пудовъ, будто бы вязанку дровъ. Нѣмцы вздоръ наговорили, что машину сочинили. Нѣтъ, голубчики, нихтъ варъ! Русью пахнетъ самоваръ!"

и то не всѣхъ, не умѣлъ ни прочитать, ни написать письма. Помню, что по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ нашъ домъ приходили мужики и бабы, чтобы прочитать письмо отъ сына-солдата или родственника, ушедшаго на заработки „на линію" „въ Тараполь" (Ставропольская губ.) или „за Волгу" (Самарская губ.[1]).

XI. Интеллектуальная жизнь деревенскаго духовенства. Развлеченія. Лѣкарства.

Какъ уже можно судить изъ сказаннаго мною о бытѣ сельскаго духовенства въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, умственная жизнь была слабо развита. Политикой совсѣмъ не занимались. Я даже не помню, видѣлъ ли я въ родительскомъ домѣ до поступленія въ школу газету или журналъ, кромѣ епархіальныхъ „Вѣдомостей".

---

[1]) Мнѣ много пришлось прочитать подобныхъ писемъ. Обыкновенно, слушателей, а въ особенности слушательницъ собиралась масса, такъ какъ письмо, адресованное, напр., отцу, всегда заключало въ себѣ упоминаніе и о другихъ родныхъ кумовьяхъ и сватахъ. Слогъ этихъ писемъ очень однообразный: „Любезному моему батюшкѣ NN и любезной моей матушкѣ NN отъ сына вашего NN желаю я вамъ добраго здравія и всякаго благополучія, въ дѣлахъ вашихъ скораго и счастливаго успѣха и прошу у васъ родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго, которое будетъ по гробъ моей солдатской жизни. Затѣмъ идутъ такія же фразы (кромѣ родительскаго благословенія) въ отношеніи братьевъ, дядей, тестя и тещи (богоданные батюшка и матушка). Если корреспондентъ женатъ, въ концѣ-концовъ доходила очередь и до супруги: еще богоданной моей любезной супругѣ NN отъ супруга вашего NN, низко вамъ кланяюсь и цѣлую въ сахарныя уста". Почти все письмо состояло изъ подобныхъ привѣтствій и только въ концѣ были короткія сообщенія или о службѣ или о заработкахъ, а отъ солдатъ—и просьба прислать нѣсколько денегъ. Кажется, что интереснаго въ такомъ письмѣ? И тѣмъ не менѣе, чтеніе письма вызывало слезы умиленія. Каждая изъ слушательницъ, какъ только о ней упоминалась въ письмѣ, сморкалась и утирала слезы рукавомъ рубахи или фартукомъ (запонъ), причитая: не забылъ, нашъ голубчикъ (или нашъ кормилецъ). Расчувствовавшіяся бабы награждали и чтеца какъ ласковыми словами: „спасибо, касатикъ", такъ и деревенскимъ угощеніемъ, вродѣ подсолнечныхъ и тыквенныхъ сѣмячекъ и т. п. Приходилось мнѣ и писать отвѣтъ на письма. По установившемуся обычаю, отвѣтъ долженъ былъ повторить привѣтствія отъ всѣхъ, кому они были присланы. Избави Богъ, пропустить какую-либо тетушку или написать письмо безъ „низкаго съ любовью поклона, родительскаго благословенія и поцѣлуя въ сахарныя уста отъ супруги".

Только позже отецъ сталъ выписывать духовно-нравственный журналъ „Странникъ“, издаваемый священникомъ Гречулевичемъ. Помню, полученіе ежемѣсячной книжки журнала составляло чуть не праздникъ, и книжка, кажется, по нѣскольку разъ перечитывалась нами. Развлеченій, которыя носили бы образовательный характеръ, у насъ не было. Иногда собирались къ намъ сосѣди — духовные. Всѣ разговоры сводились къ хозяйственнымъ заботамъ, урожаю, доходности приходовъ, пріѣзду архіерея и благочиннаго. Соберутся, поговорятъ, выпьютъ, попоютъ — да и восвояси. Пѣть у насъ въ домѣ очень любили. Отецъ былъ большой любитель пѣнія и, обладая прекраснымъ баритономъ, всегда, бывало, устраивалъ пѣніе между гостями. Пѣли духовныя пѣсни, но позволялось и свѣтское пѣніе. Конечно, это были большею частью кантаты о суетности и бренности земной жизни, но, подъ хмѣлькомъ, позволялось и суетное. Припоминаю нѣкоторыя изъ употребительныхъ тогда пѣсенъ.

1.

Все со временемъ промчится,
Горе съ счастьемъ пролетитъ.
Къ разрушенью все стремится...
Кто сей цѣли избѣжитъ?
Кедръ кудрявый съ облаками
Наравнѣ вчера стоялъ.
Дунулъ вѣтеръ — вверхъ корнями
Кедръ поверженный упалъ.
Гдѣ цвѣточекъ тотъ прекрасный,
Кой долину украшалъ?
Дунулъ вѣтеръ, вѣтръ ужасный,—
И цвѣтокъ навѣкъ завялъ!
Такъ и я скоро увяну,
Скоро кончится мой вѣкъ;
Прахомъ и землей я стану
И не буду человѣкъ...

2.

Какъ отъ вѣтки родной
Листъ осенней порой,
Оторвавшись, по вѣтру летаетъ,—

Такъ и жизнь здѣсь моя
Все грустнѣй день отъ дня
Вдоль безбрежнымъ потокомъ несется.

3.

Пчелка златая, что ты жужжишь,
Все, вкругъ летая, прочь не летишь?
Или ты любишь Лизу мою?
Соты ль душисты въ алыхъ устахъ?
Розы ль огнисты въ яркихъ глазахъ?
Сахаръ ли бѣлый грудь у нея?..

Въ пѣніи принимали участіе и матушки, и тогда можно было слышать заунывную пѣсню:

Катя въ рощицѣ гуляла,
Друга милаго искала,
Кой клялся ее любить,
Каждый вечеръ съ нею быть.

Но ужъ солнце закатилось,
Небо ясное затмилось;
На цвѣты роса падетъ,
А сердечный другъ нейдетъ.

Другъ не идетъ, и все не мило!
Въ Катѣ сердце пріуныло.
Стала Катя тосковать
И не знала, что начать.

То ходила, то стояла,
Руки бѣлыя ломала,
То смотрѣла сквозь лѣсокъ
И кляла свой лютый рокъ...

Отецъ мой былъ общительнаго, веселаго нрава. Часто во время скромной пирушки онъ предлагалъ тостъ: „Выпьемъ по полной, вѣкъ нашъ недолгій. Многая лѣта, многая лѣта!“ Или на напѣвъ:

прокименъ гласъ 3-й—онъ затягивалъ: „Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили“. Или: „Чарочка моя серебряная! Кому чару пить, кому выпивать? Кто не допиваетъ, тому наливаютъ“. И чарочка усердно прогуливалась вокругъ стола, заставленнаго „яствіями и питіями“. Преобладали, конечно, водка и брага, но иногда, особенно въ праздникъ, гостей угощали и наливкою домашняго приготовленія и даже лиссабонскимъ виномъ, кажется, кашинскаго производства. Невозможная тогда водка—сивуха сдабривалась сарептскимъ бальзамомъ, который отцу привозили въ подарокъ прихожане, ѣздившіе съ извозомъ на Волгу и оттуда привозившіе рыбу. Кромѣ того, въ ходу была настойка на смородиновыхъ листьяхъ, шелухѣ кедровыхъ орѣховъ и, какъ лѣкарство почти отъ всѣхъ болѣзней, внутреннихъ и наружныхъ, настойка на звѣробоѣ.

Кстати о лѣкарствахъ. Лѣчились тогда, въ общемъ, мало и то домашними средствами. Помню, что къ намъ только одинъ разъ пріѣзжалъ врачъ изъ уѣзднаго города. И тамъ онъ былъ, кажется, единственный. Извѣстенъ онъ былъ тѣмъ, что его рѣдко можно было застать трезвымъ. Обыкновенно дѣлалось такъ, что этого врача привозили въ деревню къ больному, немного протрезвляли, а затѣмъ, по оказаніи медицинской помощи, онъ опять напивался, и его отправляли домой. Кромѣ врача, помню, были еще „подлѣкарь“ и „восценникъ“ (простой крестьянинъ, наученный прививать оспу) да баба-повитуха. Болѣзней мудреныхъ тогда не знали. Отъ лихоманки (лихорадка) пили водку, настоенную на полыни, трефоли и тысячелистникѣ. Болѣла голова, былъ жаръ—прикладывали къ вискамъ листы отъ вилка (кочана) кислой капусты, отъ живота помогалъ огуречный разсолъ и „накидывались горшки“ (суррогатъ сухихъ банокъ). Отъ кашля давали лакрицу, а „жаба“ лѣчилась и симпатическими средствами. Наша сосѣдка, Варя Аѳонькина (интересно, что мужа ея звали Аѳонька Варинъ), отъ жабы давала пить воду съ уголька и дѣлала массажъ шеи, причитывая что-то „о Зарѣ-Зарницѣ, красной дѣвицѣ“ и рекомендуя жабѣ удалиться куда-то подальше отъ раба Божія (имя рекъ). Отъ чесотки (ее называли у насъ „шелуди“) помогало смазываніе тѣла въ жаркой банѣ дегтемъ, сваренным съ шелухою отъ лука и куринымъ пометомъ (!). Помню, примѣнялись и довольно героическія средства. При сильныхъ боляхъ въ животѣ рекомендовалось встряхиваніе больного, поднятаго за ноги (чтобы перемѣстившіяся внутренности приняли нормальное положеніе), а одинъ разъ я видѣлъ, какъ крестьянка, страдавшая какою-то внутреннею болѣзнью, попросила татарина, водившаго ручного медвѣдя, чтобы медвѣдь потопталъ ее ногами, для чего легла животомъ на землю. Заразительныхъ болѣзней (такъ

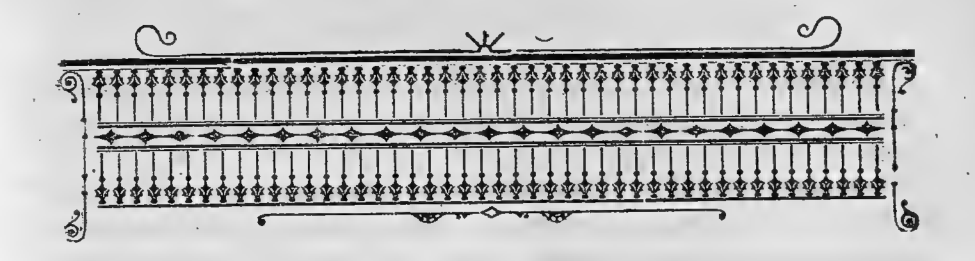
называемыхъ у насъ „прилипчивыхъ") не особенно боялись тогда, и я помню, какъ мой отецъ, отправившись напутствовать больного натуральною оспою, почему-то взялъ меня съ собою (мнѣ тогда было лѣтъ 8—9).

Въ особыхъ тяжелыхъ случаяхъ, когда всѣ вышеописанныя средства не помогали, предоставлялось все на волю Божію. При трудныхъ родахъ просили батюшку, чтобы онъ отворилъ царскія врата...

В. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

11.

5/17 іюля 1823. Шаево.

Почтою ранѣе отвѣчалъ бы я, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, на Варшавское письмо ваше, если-бъ на имянины мои 29-го іюня не наѣхало ко мнѣ множество гостей, которыхъ я долженъ былъ принимать и подчивать; все это только что кончилось. Теперь толпа эта уплыла, и насъ двое осталось, сирѣчь я и князь Голицынъ преумный и прелюбезный; онъ проживетъ долго, и можетъ быть вплоть до осени, когда дѣла позовутъ меня въ Кострому, такъ что мы и поѣдемъ отселѣ вмѣстѣ. Любя меня, Вы примете участіе въ облегченіи моей скуки и одиночества. Удивляюсь отъ чего Вы не получили въ Варшавѣ моего письма; я отправилъ его не медля ни мало, коль скоро Вы меня увѣдомили о своемъ направленіи, и на оберткѣ помѣстилъ таинственныя слова: poste restante. Что это значитъ? ждутъ ли письма, или въ догоню за проѣхавшимъ отправляются? Хотѣлъ бы послѣдняго, но боюсь, что только первое, и что такимъ образомъ, часть моей переписки будетъ вѣчно тяготить ящики разныхъ почтовыхъ домовъ, въ разныхъ столицахъ Европейскихъ. Какъ величать Васъ? Секретаремъ ли А. Л. [2]) или просто *Г-нъ при*, attaché à? разрѣшите такое важное недоумѣнье.

---

[1]) „Русская Старина" августъ 1910 г.

[2]) А. Л. Нарышкинъ.

Обратимся къ письму Вашему и путевымъ наблюденіямъ. Перемѣна климата бросилась вамъ вдругъ въ глаза: вспомните же о здѣшнемъ, гдѣ всѣ сосѣди мои рты разинули отъ удивленія, ибо у меня уже поспѣли на грядкахъ... огурцы! а экаго дива съ роду не бывало.

Устройство Рижскаго театра я предугадывалъ; жаль, что Вы не видали какой-нибудь драмы: нѣтъ ли актеровъ порядочныхъ? оперы же, а особливо *романтическія*, суть чудовища отъ которыхъ здравый смыслъ, истинный вкусъ и дѣльное искуство не найдутъ убѣжища. Въ Варшавѣ все это никогда не обитало, и такъ подробные ваши разсказы объ ней утверждаютъ меня только въ давнешнемъ малоуваженіи моемъ къ Польшѣ и чадамъ ея. Вязать въ театрѣ чулки, какъ въ Ригѣ, это странно, смѣшно своимъ прозаизмомъ; но давать оперы надъ болотомъ и заставлять пѣвцовъ спѣваться съ лягушками, это великолѣпно, это достойно отчизны слова: *не позволямъ*. Возвратимся на часъ во свояси. Вы что-то шутите надъ Карамзинымъ, а ему не до шутокъ: ко мнѣ пишетъ А. А. [1]), что онъ при смерти боленъ, и даже слухъ о его смерти носился. Если умретъ онъ, большая сдѣлается революція въ мірѣ литературномъ; въ особенности Россійская Академія спасется отъ глупости новой и останется при невѣжествѣ старомъ. О Каченовскомъ много было писано въ первомъ письмѣ моемъ; въ добавокъ вотъ вамъ изъ 9-й книжки Увѣдомленіе: „Г. Д. З. и другія особы, приславшія свои піесы для напечатанія и требующія отчета, почему долго не выходятъ онѣ въ свѣтъ посредствомъ В. Е., симъ почтеннѣйше увѣдомляются, что Редакторъ не можетъ отступить отъ предположенныхъ для себя правилъ, и что онъ объявляетъ причины свои только тѣмъ особамъ, которыхъ *самъ просилъ* доставить къ нему извѣстныя статьи для помѣщенія въ семъ журналѣ“ [2]). Гречь со своей стороны подвизается; онъ теперь, въ половинѣ іюня, объявляетъ въ своей библіографіи о Сидѣ, печатанномъ въ его же типографіи въ прошломъ году, и вотъ какъ: „Въ первой книжкѣ Благонамѣреннаго на сей 1823-й годъ помѣщена критика на сей переводъ, строгая, жестокая, но—сказать правду—не несправедливая. Зная таланты г-на Катенина и свѣденія его въ русскомъ и французскомъ языкахъ, мы полагаемъ что онъ торопился симъ переводомъ, желая, вѣроятно изготовить оный къ сроку, назначенному для бенефиса“ [3]). Обращаюсь къ Вамъ съ вопросомъ: Кто лучше?

---

[1]) А. А. Жандръ.

[2]) Вѣстн. Евр. 1823. № 9 стр. 80. Въ бумагахъ Бахтина сохранилось его письмо, вызвавшее печатный отвѣтъ Каченовскаго.

[3]) „С. О.“ 1823 г. ч. 86-ая, № 24, стр. 180.

Гречь, или Каченовскій? Каченовскій, или Гречь? Впрочемъ къ нимъ я давно привыкъ; но горько съ новыми чернотами знакомиться. Горько, а кажется не миновать тому: живой портретъ Карла XII-го на мази, врядъ ли не тронулся [1]); онъ повторяетъ примѣръ молодыхъ Скуратовыхъ, перестаетъ писать ко мнѣ, объявляетъ себя обязаннымъ за что-то Семеновой и пр. и пр. и пр. даже слухъ носится отъ пріятелей Гнѣдича, что сей одинокій мужъ уже и обучаетъ, или, какъ говорятъ, *усовершенствываетъ* моего экс-пріятеля. Впрочемъ явнаго разрыва со мной еще нѣтъ; пріѣздъ же Колосовыхъ ускоритъ развязку. Точно, сударь, дѣвка преумная [2]), и какъ пишетъ хорошо!—но скажите что сказать, выдумайте что думать о всѣхъ людяхъ, о всемъ родѣ человѣческомъ, о всѣхъ связяхъ, обязанностяхъ, чувствахъ, словомъ о всѣхъ словахъ, которыми набиты всѣ книги, если Вася [3]) сдѣлаетъ то, что уже говорятъ, и что кажется на правду похоже. Вспомните всѣ обстоятельства вамъ извѣстныя, съ перваго дебюта въ бенефисъ отцу по усильной прозьбѣ старухи Колосовой [4]) къ Тюфякину [5]) и до путешествія моего въ Красное село и красной кабакъ и красной Кологривъ, вспомните, подумайте, и назовите; у меня нѣтъ словъ на это. Прощайте, мой почтенный Николай Ивановичъ. Жду вашихъ писемъ; Варшавское читали мы съ Голицынымъ, и смѣялись, и толковали, и васъ похвалили. Онъ знаетъ что Вы М. И., но о Д. З, я ему не говорилъ ни слова, храня чужую тайну; онъ же подозрѣваетъ Зыкова. Bon voyage до свиданія, увы! и до свиданія въ Кологривѣ. Весь вашъ

Павелъ Катенинъ.

12.

6-го декабря 1823 г. Кологривъ.

Ваши письма, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, приносятъ мнѣ несказанное удовольствіе, оживляютъ нѣсколько мое чувство и во-

---

[1]) В. А. Каратыгинъ выступалъ въ 1822 г. съ большимъ успѣхомъ въ переводной драмѣ „Карлъ XII при Бендерахъ“ (пер. А. Шеллера).

[2]) А. М. Колосова.

[3]) В. А. Каратыгинъ.

[4]) Мать А. М. Колосовой, Евгенія Ивановна, род. 1782, ум. 1869, извѣст. танцовщица, оставившая сцену въ 1826 г.

[5]) Гофмейстеръ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, род. въ 1769, ум. 1845, занималъ должность главнаго директора Императорскихъ театровъ съ 1818 по 1821.

ображеніе; ибо то и другое почти умерли отъ скуки и хлопотъ. Я не въ пору вздумалъ прошедшимъ лѣтомъ купить имѣніе за 74 тысячи рублей, надѣясь осенью получить выгодную поставку вина; вмѣсто того новый министръ финансовъ [1]) постановилъ такую цѣну что и брать убытокъ, ищу вездѣ денегъ для уплаты моему продавцу, а деньги товаръ рѣдкій, словомъ сказать, погрязъ въ безднѣ золъ и не знаю какъ выкарапкаться. Но оставимъ это: зачѣмъ мнѣ и вамъ наводить тоску въ столицѣ веселостей? ась! каковъ Парижъ? чудо, не правда ли? прошу реляціи о всемъ что тамъ есть; обѣщанная же толстая тетрадь по сію пору не пожаловала, а письмо изъ Карлсруэ отъ 14/26 октября лежитъ передо мною. Не знаю ничего самъ навѣрно о Каратыгинѣ: онъ и отецъ его продолжаютъ весьма дружески со мною переписываться, но на счетъ Гнѣдича офиціально отвѣта не бывало; я изъ этого замѣчаю, что Василій нѣсколько шаговъ сдѣлалъ было по дорогѣ пагубы, но по чему-нибудь вспять обратился, и теперь заминаетъ рѣчь чтобъ не краснѣть въ разговорѣ; ни съ Семеновой, ни съ Колосовой, судя по его словамъ ладовъ большихъ нѣтъ, а онѣ между собою pro forma помирились посредствомъ княгини Кутузовой [2]), на пробахъ дружески цѣлуются, и въ этой комедіи доказываютъ большое дарованіе и искуство. Федра Лобанова сыграна дурно и принята холодно [3]): не смотря на то Орестъ Сомовъ въ сынѣ отечества [4]) осыпаетъ глупыми похвалами переводчика и актеровъ, и увѣряетъ что мѣстами Лобановъ побѣдилъ непобѣдимаго—Лобановъ Расина! блажены вѣрующіе! Низость Хвостова, который влачился за мною какъ хвостъ, и теперь ругаетъ, ничуть неудивительна: Есть ли душа въ такомъ стихотворцѣ? на счетъ же журналовъ Греча и Каченовскаго, я все совершенно не могу съ вами согласиться; конечно, первый больше пристрастенъ, больше подлъ, но за то второй больше скученъ и глупъ. Вы не повѣрите какимъ онъ вздоромъ набитъ: есть статья

---

[1]) Егоръ Францовичъ Канкринъ, род. 1776 г., ум. 1845 г., министръ финансовъ съ 1823 по 1844 г.

[2]) Екатерина Ильинична Кутузова, жена кн. М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, урожд. Бибикова, род. въ 1754 г., ум. 1824 г.

[3]) „Федра" Расина, въ переводѣ М. Е. Лобанова, была представл. 9-го ноября 1823 г. и, по свидѣтельству П. Арапова („Лѣтопись русскаго театра, стр. 345—346), имѣла успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ Е. С. Семеновой (роль Федры) и В. А. Каратыгина (роль Ипполита).

[4]) „С. О." 1823 г., ч. 89-ая № 46, стр. 242—260. Переводъ Лобанова хвалилъ также и А. Бестужевъ въ „Пол. Звѣздѣ" на 1824 г. (Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 г., стр. 6—7). Ср. отзывъ Пушкина (Соч. изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 69).

писанная кѣмъ-то изъ Женевы объ игрѣ *Mlle Duchesnois* [1]), въ родѣ Бестужева, но еще ближе къ совершенству. Благодарю васъ душевно, любезный другъ, за похвальное намѣреніе вывести на чистую воду по возвращеніи въ Россію плутни по которымъ статья Д. З. остановлена: это необходимо; что же касается до краткаго обозрѣнія русской литературы, я стою въ своемъ словѣ, и готовъ быть вашимъ переводчикомъ, съ условіемъ чтобы никто меня и не подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ [2]). Только стиховъ и не требуйте, французскій языкъ такъ неспособенъ къ переводамъ въ стихахъ, что при величайшемъ трудѣ надо будетъ потерять большую часть красоты, а краска подлинника совершенно исчезнетъ; нынѣ же Шатобріанъ, Г-жа Сталь, Женгене, Сисмонди [3]) пріучили французовъ къ хорошимъ переводамъ изъ иностранной поэзіи: по ихнему сдѣлать будетъ и легче и успѣшнѣе: развѣ что-нибудь мѣлкое можно попытаться и въ стихи передѣлать, и выдать это единственно за образчикъ, настаивая притомъ на трудности и даже невозможности длинѣйшаго опыта. Я отвѣдаю Державинскихъ Харитъ [4]), сверьхъ того есть мой пѣвецъ Усладъ прелестно переведенный Голицинымъ [5]). На всякій случай посылаю его къ вамъ теперь; можетъ быть, вы взду-

---

[1]) Cathérine-Josephine Rafin, dite Mlle Duchesnois, знамен. франц. актриса, род. 1777 г., ум. 1835 г. Письмо объ ея игрѣ отъ 10/21 сент. 1823 г. изъ Женевы (подпись Г. л. г. л-въ) напеч. въ „Вѣст. Европы", 1823 г. № 19, стр. 216—230 и № 20, стр. 241—267.

[2]) Статья Бахтина появилась въ „Mercure du XIX siècle", 1824 г. t. V, съ подписью L. N. Въ русскомъ переводѣ статья появилась въ „Вѣстн. Европы" 1824 г. (ч. 138 №22, стр. 102—113), подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя Замѣчанія Россіянина, живущаго нынѣ въ Парижѣ, на Антологію Г. Дюпре де Сентъ-Мора (Изъ Mercure du 19 Siècle, 77 livraison. 505 p.)". Переводъ подписанъ буквами А. Р. Къ статьѣ редакторъ присоединилъ слѣдующее примѣчаніе: „Мы должны были выпустить нѣсколько строкъ изъ сей піессы и напослѣдокъ здѣсь остановиться. Въ окончаніи, какъ читатель могъ уже замѣтить, говорится о самой щекотливой и раздражительной половинѣ словесности нашей, *еще въ живыхъ* находящейся: предлагать о ней свои мнѣнія не безопасно: irritabile genus vatum!-Рдръ". См. вводную статью.

[3]) Jean-Charles-Leonard Simonde des Sismondi, знам. франц. истор. и литераторъ, авторъ „L'Histoire des français". 31 т. и De la Litterature du midi de l'Europe. Paris, 1813 г., 4 v. in 8, род. 1773 г., ум. 1842.

[4]) „Хариты" Г. Р. Державина (1795 г.), перев. Катенинымъ на франц. яз. подъ названіемъ „Les Graces" и появились въ „Mercure" 1824 г., въ статьѣ Бахтина.

[5]) „Пѣвецъ Усладъ", стих. Катенина (напеч. въ 1-ый разъ въ „Вѣстн. Евр." 1818 г. № 2) перев. на франц. яз. кн. Н. С. Голицынымъ подъ названіемъ „Le Troubadour" (напеч. въ „Mercure", въ ст. Бахтина, а также и въ I-омъ т. соч. Катенина, стр. 179—180) и на нѣмецк. яз. Элькановъ, подъ заглавіемъ „Der Sänger" (Соч. Катенина, I, стр. 180—181).

маете его помѣстить въ Revue encyclopedique [1]); не худо, если бы издатель сдѣлалъ при томъ замѣчаніе что эта бездѣлка сообщена ему русскимъ путешественникомъ, обѣщавшимъ по его прозьбѣ черезъ нѣсколько времени доставить ему любопытное и толковое обозрѣніе словесности, мало или дурно извѣстной во Франціи. Съ осторожностію совѣтовалъ бы я также узнать отъ Ланглеса [2]), не имѣетъ ли онъ или Его сотрудники литературныхъ спошепій съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, а особенно изъ Арзамасскихъ, и въ какой они тамъ чести. Мнѣ что-то сдается что эти интриганты вездѣ себя припутали; они изъ поприща чистѣйшей человѣческой славы сдѣлали вертепъ разбойничій. Но оставимъ ихъ и поговоримъ о себѣ: въ Августѣ мѣсяцѣ случилось со мною нещастіе, я сильно вывихнулъ большой палецъ правой руки, и хотя его вправили, но все что-то плохо, боль по сіе время продолжается, писать рука скоро устаетъ, въ концѣ около ногтя помертвѣлость, лѣкаря смотрѣли и за новость сказали мнѣ что палецъ болитъ, что это непріятно, что сомнительно выздоровѣетъ ли онъ когда-нибудь совершенно, и тому подобное, что пособить не знаютъ чѣмъ, а не худо помазать тѣмъ другимъ, авось и поможетъ, богъ милостивъ: мое презрѣніе къ шарлатанамъ только утвердилось.

Шесть или семь недѣль пробылъ я у Голицына въ Ростовѣ, познакомился тамъ еще кое съ кѣмъ, между прочимъ съ Голицынымъ бывшимъ Ярославскимъ губернаторомъ и братомъ Министра [3]), игралъ комедію два раза, а въ третій зрителемъ былъ: въ Ярославлѣ тоже посѣщалъ театръ, играли Пожарскаго [4]) весьма сносно, а потомъ любовную ссору [5]), но къ сожалѣнію играли въ пустынѣ; никто изъ жителей города театра не любитъ, а предпочитаетъ бостонъ и вистъ. Впрочемъ, вы пишите что то же самое и въ чужихъ краяхъ: tutto il mondo e fatto come la nostra famiglia [6]). Довольны ли Вы своимъ патрономъ? я полагаю что дѣлъ у него не

---

[1]) „Revue Encyclopédique“, изд. съ 1819 по 1833 г. Въ ней удѣлено было не мало мѣста статьямъ о русской литературѣ.

[2]) Louis-Matthieu Langlés, р. 1765 г., ум. 1824 г., франц. оріенталистъ, сотрудникъ Revue Encyclopédique.

[3]) Кн. Мих. Ник. Голицынъ род. 1755 г., ум. 1827 г., былъ Ярославскимъ губернаторомъ съ 1802 по 1816, братъ кн. Александра Ник. Голицына, Министра Дух. Дѣлъ и Народ. Просвѣщ. (1773—1844).

[4]) Трагедія М. В. Крюковскаго представл. въ 1-й разъ въ 1807 г.

[5]) *Любовная ссора,* ком. въ 2-хъ д., въ стихахъ (передѣлка „Dépit amoureux“), А. Бухарскаго, Спб., 1806.

[6]) „Весь міръ устроенъ подобно нашей семьѣ“.

много, но знатные часто и бездѣліемъ своимъ другихъ обременяютъ, Князя Хованскаго, выведеннаго на театрѣ Раупахомъ[1]), я знаю; но зналъ ли авторъ что онъ писалъ? изъ чего онъ это взялъ? и что вывелъ? жаль что люди съ истиннымъ талантомъ не всегда имѣютъ что еще нужнѣе, здравый разсудокъ; а кажется всему виновато одно слово: romantique. Съ этимъ волшебнымъ словомъ дается воля писать безсмыслицу и пріобрѣтать похвалу: кто же захочетъ отказаться отъ такого лестнаго преимущества, сочинять добросовѣстно, трудиться, быть ото всѣхъ разруганнымъ, а благодаря равнодушію нынѣшняго столѣтія къ искуствамъ, еще и забытымъ? Познакомьтесь въ Парижѣ, буде случай представится, съ молодымъ стихотворцемъ Lavigne[2]). Куда хорошо пишетъ! но и тотъ въ трагедіяхъ не имѣетъ порядочнаго расположенія. Что же у насъ! что за Персей Ростовцева[3])! по счастію неигранный. Для бенефиса Колосовой возобновляется Гамлетъ[4])! Она Офелія, а Семенова Гертруда; Ее приняли очень хорошо и фраза модная, что Семенова больше природнаго имѣетъ, а Колосова болѣе искуства: должно ли объяснять что это искуство приписывается Тальмѣ[5])? Тальма выучилъ говорить русскіе стихи: не пророкъ, а отгадчикъ.

Жандръ ко мнѣ изрѣдка пишетъ, я самъ это время былъ не вовсе исправенъ, рука больная и безпрестанныя переѣзды разстроили мою аккуратность. Прощайте, милый Николай Ивановичъ, жду отъ

---

[1]) „Ernst-Veniamin-Solomon Raupach", род. 1784 г., ум. 1852 г., долгое время проживалъ въ Россіи, занималъ каѳедру всеобщей литературы въ Спб. Университетѣ. Въ 1821 г. послѣ суда надъ нимъ и нѣкот. другими профессорами, по обвиненію въ распространеніи атеизма и матеріализма, былъ уволенъ отъ должности и покинулъ Россію. Авторъ многочисл. драмъ, пользовавшихся въ свое время большимъ успѣхомъ. Его „Fursten Chovansky" появились въ печати въ 1818. Въ числѣ другихъ его пьесъ назовемъ еще „Die Leibeigenen oder Isidor und Olga" (1826), драму изъ жизни русскихъ крѣпостныхъ.

[2]) Jean-François Casimir Delavigne, изв. франц. поэтъ и драматич. писатель, р. 1793 г., ум. 1843 г.

[3]) „Персей", траг. въ 5 д., соч. Я. Ростовцева. Спб., 1823. Хвалебный отзывъ о пьесѣ данъ въ „Поляр. Звѣздѣ" на 1824 г., стр. 6—7 (А. Бестужевымъ) и въ „С. О.", 1823 г., ч. 85, стр. 234—235.

[4]) Въ бенефисъ А. М. Колосовой, 29 янв. 1824 г., былъ представленъ „Гамлетъ", въ передѣлкѣ Висковатова (главная роль была исполнена В. А. Каратыгинымъ).

[5]) François-Joseph Talma, знаменитый франц. трагикъ, р. въ 1763 г., ум. въ 1826 г.

васъ многаго и многаго; отъ меня прошу требовать мало, я живу въ глуши, по уши въ хлопотахъ, одинъ какъ перстъ, и съ перстомъ выломленнымъ, точно Іовъ: каковъ *цитатъ*? прощайте до свиданія, Весь вашъ.

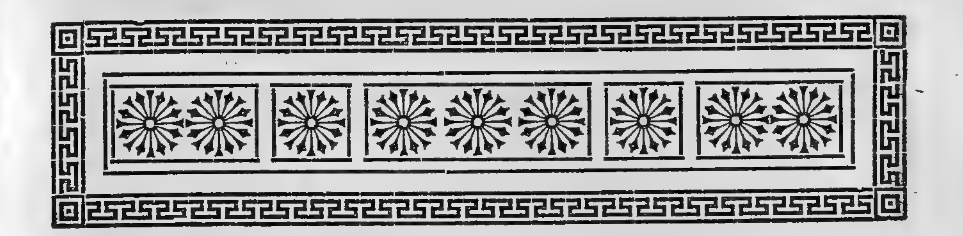
Павелъ Катенинъ.

P. S. Поздравляю съ днемъ ангела.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года[1].

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1485).

Въ этотъ день мы шли именно такимъ образомъ, но движеніе исполнялось дурно, по причинѣ скорости движенія, и въ цѣпи образовались промежутки; наше счастье, что непріятель не показывался, и только аррьергардъ помѣнялся съ горцами лишь нѣсколькими скоро прекратившимися выстрѣлами,—это были первые выстрѣлы въ эту кампанію.

Часовъ около 3-хъ пополудни я достигъ съ своими людьми Хубарскихъ высотъ, гдѣ былъ разбитъ лагерь отряда.

Въ предшествовавшіе годы[2]) эти высоты нѣсколько разъ ставились цѣлью похода, но онѣ имѣли значеніе до тѣхъ поръ, пока мы не овладѣли Чиркеемъ (тетъ-де-понъ на лѣвомъ берегу Койсу, съ занятіемъ котораго высоты обходились съ тыла).

Я лично отправился въ главную квартиру засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Воронцову, котораго я не видѣлъ двое сутокъ. Я его засталъ за обѣдомъ со всей свитой, состоявшей примѣрно изъ сорока человѣкъ[3]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1910 г.

[2]) Особенно, начиная съ 1840 года, т. е. 1841, 42, 43 и 44-й.

[3]) Свита и штабъ гр. Воронцова, помимо нач. штаба (ген. В. О. Гурко) и офицеровъ генер. штаба, состояла изъ лицъ: Принцъ *Александръ Гессенскій*, князь Ѳ. И. *Паскевичъ*, князь Эмилій *Витгенштейнъ*, полк. *Минквицъ*, кн. *Дундуковъ-Корсаковъ*, ген. *Фокъ*, чиновники—баронъ А. П. *Николаи* и *Щербининъ*, личные адъютанты—*Лонгиновъ* (убитъ), *Нечаевъ* (авторъ воспом., нами изданныхъ) и *Глѣбовъ*, при Паскевичѣ—поручики *Самсоновъ* и *Бекле-*

После обеда главнокомандующій оказалъ мнѣ честь, заговоривъ со мной о той быстротѣ, съ которой мы со всѣмъ нашимъ обозомъ исполнили двѣнадцативерстный переходъ. Я позволилъ себѣ критиковать это движеніе и указать на отсутствіе порядка въ движеніи и должно быть отстаиваніе мной діаметрально противуположной системы движенія явилось слишкомъ продолжительнымъ, такъ какъ графъ началъ напѣвать нѣкую англійскую пѣсенку, которую мы привычно переводили словами „Вы мнѣ надоѣли“ [1]).

Урочище Хубаръ и окружающая мѣстность представляютъ весьма возвышенное плато. Это плато начинается у подножія скалистаго гребня, отдѣляющаго Салатавію отъ Гумбета, и простирается до менѣе возвышенной области, покрытой великолѣпными лѣсами, заключенными между нашимъ лагеремъ и равниной, и надъ которыми мы теперь вполнѣ господствовали.

На этихъ высотахъ—чудесный воздухъ, и на нихъ-то въ періодъ спокойствія въ этихъ странахъ [2]) паслись лѣтомъ многочисленныя стада жителей Шамхальства и Кумыкской плоскости. Это плато въ различныхъ мѣстахъ перерѣзано очень глубокими и очень обрывистыми оврагами, поросшими густымъ лѣсомъ, и переходъ одного изъ таковыхъ, такъ называемаго Теренгульскаго, составлялъ для насъ задачу слѣдующаго дня. На двухъ противуположныхъ сторонахъ именно этого оврага въ прошломъ 1844 году встрѣтились лицомъ къ лицу нашъ экспедиціонный отрядъ и всѣ силы Шамиля, и обѣ стороны оставались въ этомъ расположеніи двое сутокъ. Съ насту-

---

мишевъ, затѣмъ еще—кап. *Альбрантъ*, докт. *Андреевскій*, сынъ графа *Семенъ*, князь *Васильчиковъ* (адъютантъ, былъ раненъ), полковникъ графъ *Строгановъ*, пор. *Едлинскій* (кажется еще Дараганъ), князь *Яшвиль*, князь Ал. *Голицынъ*, князь Ираклій *Грузинскій*, флиг.-адъют. *Сколковъ*, графъ де-*Бальменъ* (здѣсь убитый) и мн. др.

[1]) Совершенно естественно, что Бенкендорфъ—ученикъ Вельяминова, подвергъ критикѣ это движеніе, но онъ видимо плохо зналъ Воронцова, если рѣшился ему это высказать, да еще ссылаясь на превосходство другой системы дѣйствій вообще. Ревнивому къ своей славѣ Воронцову, полагаемъ, все это крайне не понравилось, и съ этого времени правдивый Бенкендорфъ едва-ли пользовался искреннимъ расположеніемъ Воронцова, что впрочемъ послѣдній, по свойственной ему скрытности, ничѣмъ не обнаружилъ, продолжая, по внѣшности, оказывать ему вниманіе, считаясь вѣроятно съ большими связями Бенкендорфа въ Петербургѣ.

[2]) Когда господство Шамиля далеко еще не простиралось на эти области, оставшіяся намъ преданными, что доказываетъ, что до 40-хъ годовъ мы были сильнѣе на Кавказѣ.

пленіемъ ночи отрядъ въ 6 баталіоновъ съ частью конницы получилъ приказаніе перейти другимъ, менѣе обрывистымъ, оврагомъ, выводившимъ въ обходъ праваго фланга расположенія скопищъ Шамиля, и, обойдя этотъ флангъ подошвой высотъ, стать на сообщеніяхъ Шамиля. Одновременно, съ завязкой боя этимъ обходнымъ отрядомъ, главныя силы должны были форсировать оврагъ съ фронта.

Но нашъ обходный отрядъ былъ открытъ непріятелемъ заблаговременно и не счелъ себя достаточно сильнымъ для развитія рѣшительныхъ дѣйствій, а Шамиль успѣлъ снять свой лагерь и отступить. По зрѣломъ обсужденіи обстоятельствъ, мы тоже повернули обратно, и кампанія 1844 года кончилась[1]).

Въ настоящемъ году насъ не ожидало ничего подобнаго и тамъ, гдѣ стоялъ нашъ противникъ, со стороны Буртуная, двигался къ намъ на соединеніе Дагестанскій отрядъ князя Бебутова.

Итакъ, авангардъ и главныя силы перешли Теренгулъ послѣ полудня 3-го іюня. Обозъ двигался всю ночь, и мой баталіонъ получилъ приказаніе прикрывать здѣсь переправу черезъ небольшой ручей.

Ширина Теренгульскаго оврага вверху равнялась дальности орудійнаго выстрѣла, внизу—10 сажень, глубина—1.500 футъ. Тропа, по которой мы спускались на дно оврага, была очень крута, а незадолго до насъ прошедшій сильный дождь и масса прослѣдовавшей здѣсь пѣхоты до-нельзя затруднили движеніе по этой тропѣ лошадей. Людямъ спускаться было легче, такъ какъ, сѣвъ на корточки, они сползали прямо внизъ, что продѣлывало большинство людей пѣхоты, особенно же люди, побывавшіе въ этотъ день на полковомъ праздникѣ Навагинскаго полка.

Орудія были выпряжены, подвѣшены на канатахъ, спущены на рукахъ и тѣми же способами подняты на противуположный берегъ оврага.

Эта послѣдняя операція была возложена и на меня, и на долю моего баталіона досталось 2 полевыхъ орудія и 4 зарядныхъ ящика;

---

[1]) Безрезультатность этой экспедиціи вызвала большое неудовольствіе на Нейдгарта, руководившаго ею лично и немедленно послѣдовало замѣщеніе его графомъ Воронцовымъ. Не оправдывая вообще Нейдгарта, какъ дѣятеля на Кавказѣ, замѣтимъ лишь, что въ данномъ случаѣ ему болѣе ничего не оставалось, какъ отойти назадъ, такъ какъ планъ дѣйствій, составленный въ Петербургѣ, совершенно не отвѣчалъ свойствамъ мѣстности и противника и всѣмъ вообще обстоятельствамъ веденія войны на Кавказѣ.

не менѣе 3-хъ часовъ ушло на эту работу, при чемъ каждое орудіе требовало не менѣе роты полнаго состава.

Эта ночь съ 3-го на 4-ое іюня, ночь въ глубинѣ оврага отличалась полнымъ отдыхомъ; мы ее провели въ густомъ лѣсу, переполненномъ пнями и давно заброшенными завалами, заваленными сухимъ хворостомъ и травой. Топоръ и разнообразная дѣятельность солдата прервали тишину этой мрачной пустыни, а бивачные огни озаряли громадныя деревья, казавшіяся призраками. Въ этомъ зрѣлищѣ было что-то фантастическое, и вся обстановка этой ночи на походѣ носила во многомъ характеръ притона калабрійскихъ разбойниковъ.

Послѣ полуночи усталость и покой вновь погрузили все въ молчаніе, которое нарушалось только мрачнымъ завываніемъ шакаловъ.

Утромъ 4-го мы достигли вершины лѣваго берега оврага и здѣсь поставили нашу палатку рядомъ съ палатками главной квартиры. Къ вечеру всѣ ко мнѣ собрались; помню, что были—*Щербининъ*, *Николаи* (баронъ), *Лобановъ*, *Паскевичъ*, *Витгенштейнъ* и *Дундуковъ*. Лежа на землѣ, частью сидя на барабанахъ, мы чокались стаканами, подъ звуки хора пѣсельниковъ Карабинерной роты. Знаменитая „Куринская“ пѣсня для многихъ была еще новостью, а потому немало золотыхъ перепало въ карманы Карабинеровъ. Затѣмъ настала очередь Минквица, этого неизмѣннаго предсѣдателя всѣхъ нашихъ вакхическихъ празднествъ,—неутомимаго запѣвалы всѣхъ нашихъ собраній. Вспоминая свою молодость, онъ затягивалъ нѣмецкія пѣсенки, вынесенныя имъ изъ жизни студентовъ—буршей Лейпцига. Мы всѣ подтягивали ему хоромъ.

Минквицъ—самый веселый и самый пріятный товарищъ въ кампаніи; городская жизнь и „Friedenzeit“, какъ называетъ онъ мирное время, совсѣмъ ему не по нутру; женщина дѣлаетъ его сентиментальнымъ и мечтательнымъ. Въ Минквицѣ есть что-то среднее между нѣмецкимъ студентомъ и русскимъ кавалерійскимъ офицеромъ, но, прежде всего, онъ достойнѣйшій и благородный представитель нашей доброй расы, которая искренне восприняла все хорошее отъ русскихъ, благоговѣйно храня въ своемъ сердцѣ чувство долга и обязанности по отношенію Государя и Россіи, но и не отказываясь одновременно отъ происхожденія своихъ предковъ. Исполненіе этого двойного долга, какъ русскихъ по отношенію Россіи, и какъ нѣмцевъ по отношенію самихъ себя,—мы ставимъ вопросомъ нашей чести и требованія нашей религіи.

У насъ достаточно такта — ставить эти вопросы открыто и взаимно сочетать ихъ, но никогда одновременно ихъ не смѣшивая,

что мы исполняемъ не подъ давленіемъ требованій разума или по расчету, а потому, что мы прежде всего честные и порядочные люди и хотимъ во всемъ оставаться таковыми.

Наше Балтійское дворянство потому и прекрасно, что, оставаясь неприкосновеннымъ и самобытнымъ, оно гордится не столько своими рыцарскими предками, сколько воспитаніемъ таковыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и до нашихъ дней и поддержанія въ средѣ своихъ членовъ принциповъ, покоющихся на чувствахъ чести и благородства.

У насъ прежде всего принципъ—„noblesse oblige", который мы ставимъ въ основу всѣхъ нашихъ дѣйствій, въ чемъ и заключается превосходная гарантія того, что мы гордимся отдавать себя на службу Россіи и ея государей.

Часть главнаго хребта, раздѣляющая Салатавію и Гумбетъ, прерывается въ 2-хъ мѣстахъ, чѣмъ и получается возможность сообщаться между собой жителямъ этихъ странъ. Первый и главный изъ этихъ путей образуетъ долина р. *Акъ-таша*, въ верхней своей части, называемой урочищемъ или ущельемъ *Мичи-кале*, доступнымъ для движенія во всякое время года, равно и удобны и доступы къ проходу со стороны Салатавіи, и самая дорога, съ кавказской точки зрѣнія, считается сносной, но она преграждена завалами противника и ея форсированіе стоило бы намъ значительныхъ потерь.

Графъ Воронцовъ рѣшилъ обойти это направленіе и перейти хребетъ по другой—*Киркинской дорогѣ*, настолько неудобной и малодоступной, что она была заброшена даже горцами.

Было рѣшено, что графъ Воронцовъ лично произведетъ рекогносцировку къ Кирки, пока непріятель укрѣпляется на Мичи-кале. Мы получили приказаніе быть готовыми къ движенію къ разсвѣту 5-го іюня. Въ составъ развѣдочной колонны вошли 6 баталіоновъ и 4 горныхъ орудія, въ томъ числѣ и 1-й баталіонъ Куринскаго полка, которому, въ виду молодости 40-го полка, по обычаю, надлежало идти въ головѣ колонны [1]).

Командованіе отрядомъ было возложено на генералъ-маіора *Пассека* и въ условіяхъ, какъ мною упомянуто выше, личнаго общаго руководства графа Воронцова. Пассекъ былъ только-что назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣх. дивизіи, въ составъ которой входили Кабардинцы и Куринцы, и онъ долженъ былъ

---

[1]) Куринцы и Кабардинцы были большіе мастера въ лѣсныхъ дѣйствіяхъ и, казалось, было бы цѣлесообразнѣе назначить въ экспедицію войска, искусившіяся въ дѣйствіяхъ въ горахъ, а таковыхъ было довольно. *Б. К.*

впервые предстать передъ войсками, знавшими его до сихъ поръ только по имени.

Пассекъ имѣлъ громкую репутацію, заслуженную въ операціяхъ 1843 года: превосходно исполненное отступленіе изъ Аваріи, блистательная оборона Зырянъ, многочисленность знаковъ Высочайшаго благоволенія за заслуги, безпримѣрная на Кавказѣ быстрота движенія по службѣ (менѣе, чѣмъ за годъ—изъ подполковниковъ въ генералъ-маіоры), всѣ эти обстоятельства въ общей ихъ совокупности значительно его выдвинули, и его имя было на всѣхъ устахъ.

Ко времени описываемыхъ событій Пассеку было 35 лѣтъ отъ роду, и за нимъ уже были безспорно выдающіяся военныя заслуги и качества. Обладая необычайнымъ глазомѣромъ и смѣлостью, граничившей съ отвагой, чрезвычайной увѣренностью въ себѣ, энергіей и непоколебимой волей, Пассекъ, одновременно, при безграничномъ честолюбіи былъ и крайне самолюбивъ [1]. Онъ производилъ впечатлѣніе могучаго льва, только-что порвавшаго свои цѣпи.

Въ европейской войнѣ онъ обратилъ бы на себя вниманіе и прославилъ бы нашу армію, но на Кавказѣ онъ былъ именно тѣмъ военачальникомъ, каковымъ здѣсь быть не слѣдовало. Здѣсь ничѣмъ нельзя рисковать и никогда нельзя здѣсь разсчитывать „на авось“. Здѣсь, при всякомъ предпріятіи, надо быть увѣреннымъ въ силѣ удара: всякое здѣсь дѣйствіе должно быть спокойно и осторожно взвѣшено, такъ какъ въ этомъ краѣ десять успѣховъ не окупятъ послѣдствій одной ничтожной неудачи.

Пассека тоже нѣтъ въ живыхъ, и эту потерю арміи пришлось пережить въ теченіе этой ужасной кампаніи 1845 года. Онъ велъ въ атаку свой послѣдній взводъ, когда одинъ горецъ разрядилъ свой пистолетъ въ упоръ въ грудь Пассека; со словами: „прощай, моя бригада“, онъ умеръ мгновенно.

---

[1]) Нѣкоторые изъ современниковъ, близко знавшихъ Пассека и событія 1843 года въ Дагестанѣ, воздавая должное этому замѣчательному военачальнику, истому богатырю во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе, признаютъ, что честолюбіе, увѣренность въ себѣ и пылкость Пассека были причиной большихъ военныхъ осложненій этого года, и ему ставится въ упрекъ, что онъ, владѣя перомъ и имѣя огромное вліяніе на генерала Клюки фонъ-Клюгенау, настоялъ на оставленіи въ Хунзахѣ (въ Аваріи) отряда значительной силы, что совершенно не отвѣчало обстоятельствамъ, но что было соединено съ отдѣльнымъ начальствованіемъ Пассека этимъ отрядомъ. Пребываніе Пассека въ Хунзахѣ дало возможность Шамилю взять Гергебиль, а затѣмъ и блокировать въ Шурѣ и самого командующаго войсками въ Дагестанѣ генерала Гурко; только своевременное прибытіе генерала Фрейтага спасло насъ въ Дагестанѣ отъ большихъ бѣдъ.

Б. К.

Я имѣлъ драгоцѣнный сувениръ, полученный мною изъ рукъ самого героя, смерть котораго еще болѣе увеличила его цѣнность,— онъ мнѣ подарилъ *свой собственный георгіевскій крестъ*, который я, конечно, свято сберегъ бы, если бы мнѣ дано было его сохранить, но, послѣ того какъ я былъ вторично раненъ, мой сюртукъ остался въ рукахъ непріятеля, и съ нимъ исчезъ и прекрасный бѣлый крестъ героя.

Но вернемся къ утру 5 іюня.

Я долженъ былъ получить приказаніе отъ этого генерала и представить ему свой баталіонъ. Онъ вскорѣ появился передъ фронтомъ въ сопровожденіи блестящей свиты, которая на Кавказѣ обыкновенно примыкаетъ къ начальникамъ, которыхъ сопровождаетъ успѣхъ по службѣ. Пассекъ былъ очень высокаго роста, имѣлъ могучую грудь и ту ширину въ плечахъ, которая встрѣчается только въ Россіи и главнымъ образомъ на его родинѣ—въ Сибири; голосъ его былъ очень громкій, и онъ хорошо говорилъ, несмотря на нѣкоторую тривіальность.

Онъ обратился къ войскамъ съ небольшой рѣчью, которую закончилъ слѣдующей фразой, покрытой громкимъ солдатскимъ „ура": „я считаю честью доказать вамъ, что я тоже хочу быть старымъ Куринцемъ".

Съ нашимъ солдатомъ слѣдуетъ постоянно говорить; словомъ и пѣсней его можно вести на край свѣта. Къ мелкимъ житейскимъ и матеріальнымъ утѣхамъ онъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ къ слову похвалы или одобренія, такъ какъ, не зная радостей жизни, онъ мало о нихъ и думаетъ.

Отрядъ нашъ двинулся впередъ. Солдаты шли налегкѣ, имѣя на себѣ лишь суточную сухарную дачу. Мы подымались по скату, покрытому скудной травой; за первымъ подъемомъ открывались все новые, на которые слѣдовало взбираться. Это движеніе было затруднительно для нашихъ Егерей, привыкшихъ къ равнинамъ Чечни, гдѣ они дѣлали изумительные по быстротѣ переходы, но не привыкшихъ къ походамъ въ горахъ [1]).

Нахожу здѣсь умѣстнымъ замѣтить, что на Кавказѣ все спеціализируется, какъ свойства и качества войскъ, такъ и офицеровъ, что является необходимымъ по причинѣ различія природы и свойствъ разныхъ

[1]) Удивительно, какъ это графъ Воронцовъ не принялъ во вниманіе, что Куринцы не привыкли дѣйствовать въ горахъ, и что къ этому, чисто горному маневру у него были спеціалисты этого дѣла—Апшеронцы и Навагинцы.

мѣстностей края. Естественно, что одинъ полкъ превосходно дѣйствуетъ въ лѣсахъ, другой, благодаря быстротѣ своего хода, въ горахъ; одинъ офицеръ провелъ долгіе годы въ борьбѣ съ чумой на турецкой границѣ, другой—въ административной службѣ Закавказья, третій—всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ лихорадкой и спячкой на службѣ гарнизона въ небольшомъ фортѣ морского побережья; одинъ — на бивакахъ въ ледникахъ лезгинскихъ горъ, другой—въ преслѣдованіи конныхъ партій черкесъ на Кубани; нѣкоторые офицеры провели всю жизнь въ Чечнѣ, въ этой странѣ вѣчной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца, другіе — въ Дагестанѣ — странѣ всевозможныхъ лишеній, но гдѣ легко создаются репутаціи, блистательныя карьеры, и легко дается успѣхъ.

Каждая изъ различныхъ мѣстностей Кавказа имѣетъ свою, ей присущую природу, свойства, свой типъ, требуя и особаго способа веденія войны и прежде, чѣмъ дѣйствовать въ той или другой мѣстности и быть на что-либо годнымъ, надо ее изучить; и все это различіе происходитъ по той простой причинѣ, по которой Арменія относится къ Осетіи, Имеретія къ Кабардѣ и Кахетія къ Кумыкской плоскости, также, какъ Франція относится къ Китаю.

Мы продолжали наше движеніе. Главнокомандующій опередилъ насъ съ кавалеріею. Вскорѣ адъютантъ за адъютантомъ потребовали нашего скорѣйшаго къ нему присоединенія. Мы же уже совсѣмъ выбились изъ силъ; за крутымъ подъемомъ послѣдовала выбитая въ скалѣ тропинка, которую мы прошли почти бѣгомъ. Тамъ, гдѣ кончилась тропинка, обнаружилась довольно широкая сѣдловина, на которой мы застали графа, бывшаго пѣшкомъ и стоявшаго къ намъ спиной. Передъ нимъ открывалась глубокая и довольно широкая долина, безплодная, скалистая, лишенная всякой растительности,—долина, обычно встрѣчаемая на значительныхъ высотахъ Кавказа; небольшой ручей пересѣкалъ ее справа налѣво на всемъ ея протяженіи, а съ противоположной стороны долины высились командующія нами высоты;— мы достигли *Киркинскаго перевала*—воротъ въ Гумбетъ, и высота передъ нами была гора *Анчимееръ*.

Здѣсь графъ Воронцовъ рѣшилъ перейти въ Гумбетъ, и этотъ перевалъ отвѣчалъ его соображеніямъ. Всѣ тотчасъ же поняли, что намъ предстоитъ драться, и вся усталость была забыта. Простая развѣдка обратилась, по приказанію графа, въ захватъ господствующаго положенія, въ цѣлую операцію, исполненіе которой предстояло Пассеку.

Я уже говорилъ, что эта дорога была заброшена годами, а на верху перевала она совершенно прерывалась. У самыхъ нашихъ ногъ двухсаженная скалистая стѣна отдѣляла насъ отъ крутого спуска къ ручью, и здѣсь-то и предстояло намъ слѣдовать. Передовые солдаты выломали кирками нѣсколько глыбъ, нѣсколько человѣкъ были еще спущены внизъ и образовали изъ этихъ глыбъ нѣчто въ родѣ лѣстницы. Работа кипѣла съ такой быстротой и энергіею, что полчаса спустя можно было уже спустить внизъ нѣсколько орудій. Пассекъ, кипя нетерпѣніемъ, воодушевлялъ солдатъ и голосомъ и жестами. Надъ его головой развѣвался бѣлый значокъ съ серебрянымъ крестомъ, его вышивали нѣжныя ручки,— это была какъ бы эмблема любви и надежды, но смерть, о которой я уже упоминалъ, унесла всѣ эти надежды на будущее.

То было блестящее начало кампаніи. Подъ звуки боевыхъ пѣсенъ и крикахъ „ура" работа кипѣла съ той силой, которую даетъ вѣрное обѣщаніе побѣды. Самъ главнокомандующій присутствовалъ при этой сценѣ, стоя на выдающемся уступѣ скалы и опираясь на свою турецкую саблю. Онъ снисходилъ до насъ—молодежи, шумно выражающей свою радость при видѣ непріятеля, котораго наконецъ начнемъ колотить. Онъ подавлялъ насъ всѣмъ обаяніемъ своего величія, своей старой славы, ясностью взгляда и тѣмъ спокойствіемъ стараго воина, которое такъ шло его благороднымъ чертамъ.

Наконецъ столь долго сдерживаемому нашему рвенію данъ сигналъ: Воронцовъ обнажилъ свою бѣлую голову и, минуту спустя, мы уже были у подошвы высоты, поджидая Пассека. Прибылъ и онъ, отдавъ свои послѣднія приказанія.

Дружина Грузинской милиціи подъ начальствомъ князя *Левана Меликова* [1]) стала въ головѣ колонны. Она должна была подняться къ подошвѣ Анчимеера и начать эскаладу этой высоты въ мѣстѣ, указанномъ приданными ей проводниками. Я получилъ приказаніе поддержать грузинъ и слѣдовалъ за ними вблизи, вскорѣ замѣтивъ, что они повернули къ высотѣ.

Высота Анчимеэръ въ этомъ мѣстѣ имѣла 1.500 футъ высоты при скатѣ въ 45°. Колебаніямъ не было мѣста: грузины полѣзли вверхъ.

---

[1]) Князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, получившій здѣсь своего офицерскаго Георгія, быстро затѣмъ продвигался по служебной лѣстницѣ и въ 1859-мъ году явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей покоренія восточнаго Кавказа, въ семидесятые годы мы видимъ его уже начальникомъ Дагестанской области, а вскорѣ и помощникомъ главнокомандующаго Кавказской арміею.

Б. Кол—ъ.

Я крикнулъ своимъ сбросить мѣшки и остаться въ однѣхъ рубахахъ; они оставили при себѣ только патронныя сумки и ружья. Я указалъ имъ на главнокомандующаго, остававшагося личнымъ свидѣтелемъ ихъ храбрости; отвѣтомъ мнѣ было уже не „ура“, а какой-то ревъ восторга и нетерпѣнія.

Бой дѣло святое. Бой для русскаго солдата заключаетъ въ себѣ что-то священное. Онъ идетъ въ бой съ тѣмъ же сосредоточеннымъ чувствомъ, съ какимъ вступаетъ въ церковь; горе тому, кто выругается подъ огнемъ,—его сочтутъ за нехриста. Передъ вступленіемъ въ дѣло всѣ обнажаютъ головы, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, и уста шепчутъ краткую молитву. Кавказскія войска не нуждаются въ одушевленіи себя барабаннымъ боемъ и звуками трубъ.

Я подалъ сигналъ атаки движеніемъ руки, и карабинеры (1-ая рота), предводимые *Пассьетомъ*, бросились впередъ; во 2-мъ эшелонѣ пошла 2-ая егерская рота. Самъ я намѣревался вести 3-ью и 4-ую роты, какъ ядро и резервъ моего отряда. Но это предположеніе такъ и осталось кабинетнымъ соображеніемъ, и на мѣстѣ все пошло иначе; невозможно удержать разъ вызванный порывъ, и нельзя остановить на полпути пущенныя впередъ войска.

Чтобы взобраться на Анчимееръ надо было карабкаться наверхъ на четверинкахъ. Первоначальнаго порыва хватило на половину подъема, но импульсъ былъ еще настолько силенъ, что войска все еще подвигались бѣгомъ; ну какъ тутъ сохранить единство и порядокъ!?

Вскорѣ однако боевой порядокъ установился, но не по порядку номеровъ ротъ, а по правилу „равненія по переднимъ“: карабинеры, грузины—милиціонеры и егеря—всѣ перемѣшались. Это былъ уже не штурмъ, а бѣгъ на призы, и это было для насъ большимъ счастьемъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, взять Анчимееръ нельзя было спокойствіемъ и порядкомъ, а именно только наскокомъ и порывомъ.

Противникъ встрѣтилъ насъ сверху жестокимъ огнемъ, но насъ выручала крутизна ската, и мы укрывались въ мертвомъ пространствѣ; ядра и пули проносились надъ нашими головами. Одновременно горцы скатывали на насъ цѣлыя глыбы камня, но наши солдаты умѣло отъ нихъ укрывались: „стара штука“, приговаривали бывалые старики.

Графъ Воронцовъ и его штабъ, оставаясь все это время на Киркинскомъ перевалѣ, по другую сторону долины, слѣдили за нами въ подзорныя трубы—какъ изъ ложи въ оперѣ. Говорятъ, зрѣлище было великолѣпное: мы казались горстью людей, разбросанныхъ по скату этой огромной горы, которую отстаивала масса лезгинъ въ живописныхъ костюмахъ и тюрбанахъ, съ своими значками, гордо воткнутыми въ землю. По временамъ, по долинѣ стлались облака и, попеременно, то закрывали, то открывали насъ зрителямъ, погружая ихъ въ безпокойство и поселяя у нихъ сомнѣніе въ успѣхѣ штурма [1]. Что касается моихъ егерей, то они были увѣрены въ успѣхѣ. Съ самаго начала дѣла одинъ молодой солдатъ, размахивая въ воздухѣ винтовкой, крикнулъ: „прочь татары, Куринцы идутъ“!

Это восторженное восклицаніе стало какъ бы общимъ боевымъ кличемъ, перекатилось среди горъ въ тысячи эхо и возбудило нашихъ храбрецовъ. Безъ единаго выстрѣла, благодаря только силѣ ногъ атакующихъ, захватили мы первый выступъ, занятый наиболѣе быстроногими.

Я не имѣлъ чести лично и непосредственно участвовать въ этомъ лихомъ налетѣ по физической тому невозможности: я былъ уже утомленъ продолжительнымъ утреннимъ хожденіемъ, напряженіе же, потраченное мной на эту эскаладу, окончательно меня обезсилило: у меня пошла пѣна горломъ и, несмотря на то, что меня поддерживали при подъемѣ два моихъ егеря, я упалъ совершенно изнеможенный.

Я думаю, что я такъ бы и остался тутъ, на мѣстѣ, и до днесь, если бы по близости не случился одинъ достойный житель Кахетіи, геркулесъ по сложенію, нѣкто Х...

Я, такъ сказать, запрегъ его, ухватившись обѣими руками за его поясъ, и потащился наверхъ этимъ способомъ, подталкиваемый къ тому же еще сзади двумя егерями, и также достигъ перваго возвышеннаго уступа, гдѣ и нашелъ своихъ людей, лежавшихъ за гребнемъ и завязавшихъ отсюда живую перестрѣлку съ горцами, продолжавшими удерживать самую вершину горы.

---

[1]) Другой очевидецъ, бывшій въ штабѣ Воронцова и наблюдавшій съ нимъ этотъ штурмъ, говоритъ: „между зрителями, смотрѣвшими на бой съ нашей площадки, нашлись шутники, которые назвали это дѣло „bataille Anchimer (en chimère), намекая, что побѣда досталась дешево, но, въ сущности, дѣло было труднѣе, чѣмъ оно казалось намъ сверху“. Очевидецъ этотъ шт.-кап. баронъ Дельвигъ весь успѣхъ этого дѣла приписываетъ талантамъ и рѣшительности Пассека, котораго онъ ни въ чемъ не обвиняетъ во всей этой Анчимееровской операціи.

Б. Колюбакинъ.

Немедленно принялъ я всѣ мѣры задержать пылъ моихъ людей, запретивъ имъ дальнѣйшее наступленіе, съ цѣлью дать подсобраться всѣмъ отставшимъ, такъ какъ намъ необходимо было сосредоточиться, дабы не дать себя уничтожить значительно насъ превосходившими силами горцевъ. Непріятель видѣлъ нашу малочисленность и легко могъ насъ подавить.

Еще ранѣе, до насъ достигли звуки пѣнія священной пѣсни— „Ла-иллахъ-иль-алла“ (нѣтъ Бога кромѣ Бога), запѣваемой правовѣрными мучениками ислама въ тѣхъ случаяхъ, когда они обрекаютъ себя неминуемой гибели за вѣру. Но этотъ, когда-то столь почитаемый священный напѣвъ теперь уже не имѣлъ того дѣйствія, которое имѣлъ въ первыя времена мюридизма, когда онъ производилъ сильное впечатлѣніе на послѣдователей Кази-муллы, священный стихъ пересталъ быть истиной, и теперь горцы прибѣгали къ нему скорѣе подъ давленіемъ чувства страха. „Ничего, Ваше Сіятельство, насъ не надуешь“, обратился ко мнѣ по этому случаю мой вѣрный казакъ Игумновъ, „мы знаемъ, что они подлецы“.

Во время удачнаго дѣла кавказскій солдатъ становится очень болтливъ, и нѣтъ никакой возможности зажать ему ротъ,—льется неистощимый потокъ шутокъ, прибаутокъ и острыхъ словечекъ; старики же, кромѣ того, очень расположены тогда давать совѣты, которые рѣдко бываютъ плохи [1]).

Мы продолжали перестрѣливаться, пули сыпались на насъ градомъ, и было необходимо выйти изъ этого положенія. Я сдался на просьбу карабинеровъ и предоставилъ имъ съ ихъ храбрымъ командиромъ честь ударить на горцевъ съ фронта. Непріятель стойко встрѣтилъ атаку и часть грузинской милиціи была уже опрокинута, когда во-время поспѣлъ Пассьетъ съ ударомъ въ штыки.

Минута была рѣшительная. Я съ егерями (три роты) взялъ въ обходъ вправо; значки непріятеля почти повсюду исчезли, скопище его обратилось въ полное бѣгство, и на вершинѣ Анчимеера гремѣло побѣдное ура 1-го баталіона Куринцевъ. Штурмъ длился три четверти часа [2]).

---

[1]) Какъ цѣнны всѣ эти наблюденія Бенкендорфа, всегда готоваго воздать должное всѣмъ, кромѣ себя самого, котораго онъ ставитъ на послѣднемъ планѣ, и сколько жизненной правды въ его воспоминаніяхъ!

Б. К.

[2]) Послѣ грузинской милиціи и 1-го баталіона Куринцевъ, ударившихъ на позицію горцевъ у Анчимеера съ фронта, и уже послѣ отступленія гор-

За опьяненіемъ первой побѣдой послѣдовало полное изнеможеніе; покачали офицеровъ, которыми люди остались наиболѣе довольны, указали мнѣ отличившихся нижнихъ чиновъ, немного погорланили и попѣли, но, въ концѣ концовъ, измученные и изнеможенные мы всѣ повалились на землю. Когда Пассекъ пріѣхалъ насъ привѣтствовать, мы могли подняться лишь съ неимовѣрнымъ трудомъ. Я лично испытывалъ сильнѣйшую боль въ области сердца, мнѣ не хватало воздуху, я задыхался и свободно, какъ всегда, началъ я дышать только значительно позднѣе и тогда, когда я вылечивался отъ ранъ, полученныхъ 5 недѣль спустя.

Грузинскіе милиціонеры рѣзко отъ насъ отличались: превосходные пѣшеходы, почти всѣ поголовно горные жители, они превосходили нашихъ солдатъ въ умѣніи лазить по горамъ. Вмѣсто отдыха, тѣсно ставъ другъ къ другу и положивъ каждый правую руку на плечо сосѣда, они принялись за національные круговые танцы, сопровождая ихъ монотоннымъ пѣніемъ, прерываемымъ изрѣдка громкими возгласами. Музыка—можетъ быть и не была красива, но она напоминала имъ славное прошлое ихъ боевой жизни. Эти пѣсни пѣвались еще ихъ отцами во время всѣхъ войнъ, а война была настоящей стихіей былой Грузіи. Эти пѣсни распѣвались на берегахъ Инда, въ эпоху побѣдной здѣсь войны Надиръ-Шаха, когда 5.000 грузинъ составляли отборное ядро его арміи.

Грузины вообще отличаются поразительной храбростью, переходящей зачастую предѣлы благоразумія.

Напримѣръ, у Тушинъ (бывшихъ въ составѣ этой Грузинской милиціи) существовали обычаи: свадебный подарокъ принимался лишь при условіи одновременнаго поднесенія женихомъ семи кистей рукъ, отрѣзанныхъ у непріятеля во время боя, или,—тушинская дѣвушка никогда не вышла бы замужъ за человѣка, раненаго сзади.

Трудно себѣ представить что-либо живописнѣе, воинственнѣе и

цевъ, слѣва вышелъ 1-й баталіонъ Литовскаго полка, а сзади постепенно подходили первые баталіоны Апшеронскаго и Житомирскаго полковъ. Честь же удара и сбитія противника всецѣло принадлежала 1-му баталіону Куринцевъ и грузинской милиціи, и если бы эти части были опрокинуты, то одинъ отрядъ Пассека едва-ли захватилъ бы Анчимееръ.

Успѣху этого труднаго дѣла мы обязаны конечно умѣнью Пассека дѣйствовать въ горахъ, его чудесному глазомѣру, сообразительности и рѣшительности и, кромѣ Пассека, болѣе всего молодецкому баталіону Куринцевъ и храброй грузинской милиціи князя Левана Меликова, начавшаго здѣсь свою карьеру.

Б. К.

болѣе дикое, чѣмъ эта бывшая передъ нашими глазами группа грузинскихъ милиціонеровъ [1]).

Когда солнце сѣло, мы еще находились на самой вершинѣ горы, спускавшейся къ сторонѣ противника болѣе отлого, чѣмъ къ сторонѣ нашего восхожденія; вдали, кое-гдѣ, еще виднѣлись значки непріятеля. Мой доблестный грузинъ не былъ мною забытъ, и я предложилъ ему все золото, имѣвшееся налицо въ моемъ карманѣ, но онъ мнѣ заявилъ, что ни за что не возьметъ денегъ, что онъ дворянинъ и оказаніе мнѣ помощи было дѣломъ чести. Ему не пришлось раскаяться въ своемъ безкорыстіи, и онъ, и его братъ (который тутъ былъ ни при чемъ), оба получили по моему ходатайству нѣкоторое повышеніе по службѣ. Впослѣдствіи, желая сдѣлать ему пріятное, я доставилъ его брату должность переводчика, хотя онъ ни слова не зналъ по-татарски. Казалось, это должно было бы положить основаніе его карьерѣ, но, думаю, что успѣхъ этого рода службы требовалъ моего возвращенія въ Грузію. Оказавшій мнѣ услугу старшій братъ былъ очень хорошій человѣкъ, простой и добродушный, словомъ—истый кахетинецъ. Онъ меня часто навѣщалъ потомъ въ Тифлисѣ и приносилъ плоды своего сада. На пасху, по обычаю между друзьями, онъ подносилъ мнѣ обыкновенно совершенно бѣлаго и безъ малѣйшаго пятнышка барашка.

Взятіе Анчимеера произвело въ горахъ потрясающее впечатлѣніе. Уже 7-го іюня событіе это стало извѣстнымъ въ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова, дѣйствовавшаго въ Южномъ Дагестанѣ. Въ извѣстіи, доставленномъ горцами въ упомянутый отрядъ, упоминалось и о *трехглазомъ полковникѣ*, въ которомъ я былъ признанъ всѣми меня знавшими (по моему моноклю).

Результаты нашего успѣха были весьма значительны для отряда, вслѣдствіе оставленія противникомъ Мичикальскаго ущелья, и горцы собрались въ значительныхъ силахъ только уже въ Андіи.

Графъ Воронцовъ былъ очень доволенъ и засыпалъ насъ своимъ вниманіемъ. Въ ознаменованіе этого славнаго дѣла, въ Высочайшемъ приказѣ отъ того же 5-го іюня, Куринскій полкъ наименованъ „*Егерскимъ графа Воронцова*“. Имя Куринскаго полка мало

---

[1]) Чудесные картины и рисунки мюнхенскаго художника Горшельта, обезсмертившаго кавказскую войну въ своихъ изображеніяхъ, превосходно дополняютъ впечатлѣніе Бенкендорфа.

Б. К.

что говоритъ нашей арміи въ Россіи, но это имя настолько связано съ боевой славой нашихъ войскъ на Кавказѣ, что тамъ оно не можетъ быть предано забвенію.

Главнокомандующій, въ своемъ обращеніи къ полку, какъ его шефъ, со свойственнымъ ему тактомъ не преминулъ подчеркнуть тотъ почетъ, который былъ связанъ съ именемъ полка: „не имя мое соединяетъ насъ", говорилъ онъ полку, „а насъ соединяетъ заслуженная мною честь носить мундиръ Куринскаго полка".

Ночь съ 5-ое на 6-ое, проведенная нами на вершинѣ Анчимеера, была очень холодная, и такъ какъ къ намъ не подошли наши вьюки, то намъ пришлось лечь спать голодными и подъ открытымъ небомъ, укрывшись однѣми бурками [1]).

Моя бурка была потеряна, но къ счастью мой маленькій Мамудъ раздобылъ мнѣ другую, съ помощью которой, хорошо ли, дурно ли но я кое-какъ примостился въ расщелинѣ скалы.

Мамудъ—молодой чеченецъ, родомъ изъ Шали, давно уже служилъ намъ лазутчикомъ; дурное обращеніе, которое ему пришлось перенести отъ своего деверя—Шамиля (сестра его имѣла честь раздѣлять ложе этого великаго человѣка), заставило его бѣжать изъ Дарго и искать нашего покровительства. Мы его встрѣтили въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, гдѣ онъ находился въ качествѣ политическаго ссыльнаго, и такъ какъ я зналъ, что съ нимъ сносился Лобановъ, что онъ былъ очень смышленъ и на все годенъ, то и пріютилъ его у себя. Судьбу свою онъ связалъ съ моей или, говоря попросту, завязалъ знакомство съ кухней моего Семена; меня именовалъ своимъ ауломъ.

Мамудъ отличался удивительнымъ знаніемъ географіи своей страны и умѣніемъ разбираться по картѣ, не имѣя ранѣе никакого о ней представленія. Стоило только оріентировать карту по странамъ свѣта и указать ему главнѣйшіе рубежи, какъ онъ уже постигалъ все остальное.

Въ этотъ вечеръ онъ меня много забавлялъ, повѣряя мнѣ (на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ, перемѣшанномъ татарскими словами), что въ первый же разъ, какъ у насъ будетъ вино, онъ

---

[1]) Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, почему въ штабѣ отряда не были приняты всѣ мѣры для доставленія прежде всего обоза войскамъ отряда Пассека, хотя бы часть его? Воронцовъ поднялъ отрядъ налегкѣ, а вслѣдъ за нимъ слѣдовало направить и обозъ его и, конечно, Воронцову слѣдовало сговориться и условиться съ Пассекомъ, а не оставлять его безъ малѣйшихъ указаній.

Б. К.

отомститъ Магомету, напившись пьянымъ, такъ какъ въ сегодняшнемъ дѣлѣ пуля прострѣлила ему рукавъ, что вынуждаетъ его прервать всякую связь съ религіозными постановленіями Магомета. Въ то время онъ былъ еще очень милъ, но когда я покидалъ Тифлисъ, онъ уже измѣнился: милости, которыми онъ былъ осыпанъ, и невоздержная жизнь въ городѣ создали изъ него порядочнаго негодяя,—обычное явленіе порчи нравовъ при соприкосновеніи цивилизаціи съ первобытными нравами населенія, а отсюда то суровое презрѣніе къ этой цивилизаціи со стороны послѣдователей корана.

Генералъ Пассекъ назначилъ двѣ роты Литовцевъ для сопровожденія нашихъ раненыхъ къ главному отряду и въ числѣ таковыхъ было и 17 человѣкъ Куринцевъ, принятыхъ съ той заботливостью и живѣйшей симпатіею, съ которыми принимаютъ обыкновенно первыхъ раненыхъ. Графъ Воронцовъ далъ имъ денегъ, въ ихъ пользу была открыта подписка, а для доставленія ихъ въ Темиръ-ханъ-Шуру были назначены лучшія черводарскія лошади. Но впослѣдствіи, когда этихъ раненыхъ пришлось имѣть постоянно передъ глазами, то люди, мало-по-малу, привыкли ко всѣмъ этимъ ужасамъ и страданіямъ. Послѣ описываемыхъ событій, я, какъ-то будучи въ Дрезденѣ, смотрѣлъ пьесу (передѣланную изъ романа „Мемуары дьявола“), въ которой одинъ изъ актеровъ разсказывалъ массу ужасовъ и преступленій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, начиналъ онъ свой разсказъ грустнымъ тономъ, каждый разъ заканчивая его фразой: „но вѣдь къ этому скоро привыкаешь“ (Aber man gewöhnt sich!). Эта сцена живо напомнила мнѣ всѣ тѣ бѣдствія и страданія, которыя уже прошли передъ моими глазами, и то впечатлѣніе, которое когда-то онѣ на меня производили.

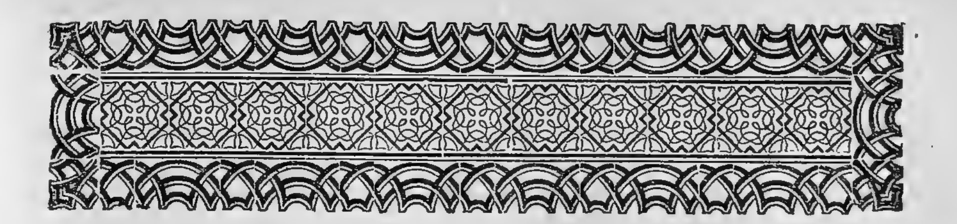
Боже мой! До чего справедливо это—„ко всему привыкаешь“!..

Война служитъ богатой школой грустныхъ и безотрадныхъ опытовъ надъ самимъ собой.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXXIII [1]).

Ночь прошла благополучно. Наступилъ канунъ одного изъ величайшихъ праздниковъ Ислама—„рожденіе Магомета“. Али не проспалъ утренней службы и отправился въ мечеть.

Прислуга доложила, что пришли два паликара и желали имѣть секретный разговоръ съ консуломъ.

Прибывшіе сообщили много новаго въ слѣдующей версіи.

За хорошія деньги имъ удалось подкупить шпіона, тайнаго ренегата изъ черкесовъ, который выдалъ имъ весь планъ заговора.

Оказалось, что духовенство, озлобленное выходкой грека, пришло въ крайнюю степень раздраженія и стало подстрекать гарнизонъ немедленно приступить къ расправѣ съ христіанами.

Тогда былъ наскоро созванъ совѣтъ, и принято рѣшеніе вызвать всѣхъ турокъ, жившихъ въ горахъ и долинахъ, открыть арсеналъ и раздать имъ оружіе, а военной эскадрѣ было отдано приказаніе повернуть всѣ пушки противъ европейской части города на случай упорнаго сопротивленія оттуда.

Всѣ присутствовавшіе съ энтузіазмомъ принялись готовиться къ нападенію; но вернувшійся изъ Конака главный шейхъ не одобрилъ порыва горячихъ головъ и предложилъ нѣчто другое.

Прежде всего онъ объяснилъ собранію, что по распоряженію начальника края не будетъ допущенъ пріемъ шифрованныхъ депешъ впредь до всесторонняго обсужденія характера и причинъ кроваваго

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1910 года.

происшествія, но не иначе, какъ совмѣстно съ иностранными резидентами, которые могли бы въ своихъ поспѣшныхъ донесеніяхъ неправильно освѣтить факты и тѣмъ вызвать дипломатическое осложненіе. Такимъ образомъ, пока Кіамиль-паша будетъ возиться съ агентами державъ, эскадрѣ и крѣпостному гарнизону, по указанію шейха, надлежало занять пассивное положеніе и быть въ резервѣ, а для активнаго выступленія противъ дерзкихъ гяуровъ призвать съ берега изъ окрестностей Чесмы нѣсколько бандъ зейбековъ и спрятать ихъ до времени въ трюмахъ военныхъ кораблей. Послѣ праздника, т. е. съ воскресенья на понедѣльникъ, выпустить малоазіатскихъ гостей прогуляться по острову и предоставить имъ свободу дѣйствій, что могло быть совершенно достаточно для достиженія извѣстной цѣли. На могущее послѣдовать вмѣшательство дипломатіи отписаться не составитъ труда, сваливъ все на башибузуковъ, и тогда дѣло уладится само по себѣ, а невѣрные все-таки получатъ возмездіе за оскорбленіе магометанской святыни.

Передавъ въ подробностяхъ все вышеизложенное, паликары объяснили намъ, что греческимъ населеніемъ Хіоса уже приняты мѣры на случай самообороны, и что сейчасъ формируется многочисленный отрядъ партизановъ, часть котораго засядетъ на палубахъ коммерческихъ судовъ для наблюденія за рейдомъ, а главныя силы расположатся за выступами прибрежныхъ скалъ; въ укрытомъ мѣстѣ будетъ собрано множество шлюпокъ и лодокъ, нагруженныхъ запасами оружія, патроновъ, топоровъ и другими боевыми принадлежностями.

— Нашъ планъ таковъ, — говорилъ одинъ изъ пришедшихъ, Христофоръ Сарико, извѣстный среди греческой молодежи своей несравненной отвагой и неустрашимостью:—при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи турокъ мы немедленно спускаемъ на воду всю нашу флотилію и плывемъ къ эскадрѣ; затѣмъ подходимъ къ ней вплотную, рубимъ цѣпи якорей, взбираемся наверхъ и захватываемъ пушки...

— Но это безуміе,—перебилъ его дядя,—васъ перерѣжутъ и перетопятъ, какъ барановъ!..

— О, нѣтъ!—самоувѣренно возражалъ храбрый Сарико,—насъ слишкомъ много по сравненію съ численностью экипажа съ башибузуками вмѣстѣ, да мы и проворнѣе ихъ! Едва-ли они успѣютъ шевельнуться, какъ уже будутъ отправлены нашими молодцами за бортъ въ даръ Посейдону—туда имъ и дорога!.. съ свирѣпою радостью договорилъ молодой человѣкъ и, получивъ отъ дяди нѣкоторую сумму денегъ для фонда организаціи, отправился съ тѣмъ же порученіемъ къ другимъ консуламъ.

Въ то же утро собрались у насъ всѣ резиденты западныхъ державъ и агенты коммерческихъ конторъ для совмѣстнаго обмѣна взглядовъ и мнѣній.

Разсчитывать на успѣхъ предпріятія, задуманнаго греками, казалось ребячествомъ; но такъ или иначе, а надо же было защищаться.

Пассажирскихъ пароходовъ, какъ нарочно, ранѣе вторника не ожидалось по расписанію ни одного, а слѣдовательно на ихъ помощь въ передачѣ донесенія нечего было и надѣяться; прорваться хотя бы на парусной шкунѣ сквозь стражу, высланную къ выходу въ открытое море, также не имѣлось никакихъ шансовъ.

Тогда пошли на компромиссъ и составили такой планъ дѣйствій: отправиться всей компаніей къ губернатору и, не затрагивая вопроса о шифрованныхъ депешахъ, выразить ему полное довѣріе и увѣренность, что онъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, возстановитъ собственной властью порядокъ въ странѣ. Въ то же время Австро-Венгерскому консулу, г. Буковичу, какъ представителю монархіи, которая наравнѣ съ Англіей пользовалась также особенными симпатіями Блистательной Порты, испросить для себя спеціальное разрѣшеніе паши на отправку телеграммы въ Смирну по личному якобы торговому дѣлу, но только со славянскимъ текстомъ, хотя и написаннымъ латинскимъ шрифтомъ. Начальникъ края принялъ консуловъ чрезвычайно любезно, обстоятельно разъяснилъ имъ, по какимъ собственно побужденіямъ онъ установилъ цензуру, очень извинялся за причиненное безпокойство и далъ обѣщаніе, что въ его владѣніяхъ миръ и согласіе никогда не будутъ нарушены.

Настала очередь г. Буковича: Кіамиль-паша видимо колебался; но, вѣроятно, опасаясь испортить отношенія съ агентомъ дружественной державы, далъ ему разрѣшительный билетъ къ цензору, предварительно обязавъ австрійца честнымъ словомъ, что въ его депешѣ не будетъ ничего, касающагося прискорбнаго инцидента; но это нисколько не помѣшало послѣднему по окончаніи аудіенціи отправить въ контору „Ллойда“ краткое изложеніе случившагося съ убѣдительной просьбой похлопотать о присылкѣ къ воскресенью военнаго корабля.

Долго вертѣли въ рукахъ турецкіе чиновники подозрительный листокъ съ неизвѣстнымъ содержаніемъ; но предъявленный документъ за подписью губернатора заставилъ ихъ повиноваться.

Никто тогда не могъ понять причинъ, побуждающихъ Кіамиль-пашу дѣйствовать такъ коварно, когда расправа съ христіанами уже была предрѣшена.

Но современемъ выяснилось, что въ этомъ ужасномъ дѣлѣ онъ

только игралъ роль простой пѣшки въ рукахъ хитроумныхъ шейховъ. По ихъ же указаніямъ онъ также не отмѣнилъ цензуры до слѣдующей недѣли, чтобы, такимъ образомъ, дать возможность осуществиться заговору безъ всякой помѣхи извнѣ.

Глава XXXIV.

Наступали часы вечерней службы въ мечетяхъ.

Солнце ушло съ зенита и склонялось къ вершинамъ могучаго Тавра, зажигая на немъ розовые лучи заката. Небо сіяло лазурью и дышало зноемъ на раскаленную землю. Все предвѣщало душную, жаркую ночь. Я вышла на плоскую крышу дома, чтобы освѣжиться, и залюбовалась несравненной панорамой моря во всемъ его удивительномъ очарованіи. Оно было величаво и прекрасно, отражая въ себѣ разнообразіе красокъ угасающаго дня.

— Какой восторгъ это дивное, лучезарное море,—пѣло въ моей душѣ,—и какое счастье жить на берегу его и слушать плескъ прибоя!.. Какъ хороша жизнь сама по себѣ: молодость, любовь... А что такое „любовь" въ сущности?—уже переходя изъ лирическаго настроенія на элегическій тонъ, задумалась я:—Это волна, что взбѣжала вотъ сейчасъ на отмель, блеснула изумрудами и откатилась бѣлой пѣной... Ничто не вѣчно въ подлунномъ мірѣ, сказалъ какой-то мудрецъ —пусть будетъ и такъ. Люблю ли я его? Кажется, что да? Онъ обѣщалъ мнѣ рай—правда, во вкусѣ Магомета; но не все-ли равно, если и туда заглядываетъ счастье. И надо же было подвернуться этому ничтожеству, этимъ хитрымъ голубымъ глазамъ... И я заплакала горько и неутѣшно о „потерянномъ раѣ".

Какая-то лодочка причалила къ агентству, и чей-то громкій голосъ назвалъ меня по имени, привѣтствуя на турецкомъ языкѣ: „Селямъ аллейкюмъ!"

Смотрю и глазамъ не вѣрю: менѣе всего можно было ожидать въ такое тревожное время появленія турецкаго офицера подъ окнами христіанскаго дома.

А это оказался тотъ самый артиллеристъ, съ которымъ я видѣлась наканунѣ у входа въ конакъ.

— Хассанъ-эфенди!—крикнула я, спускаясь внизъ,—аллейкюмъ селямъ! но почему вы не въ мечети—скоро зажгутъ плошки на минаретахъ, и какъ бы не вышла непріятность для васъ?

— Успѣю еще, не безпокойтесь! соскучился я о жемчужинѣ моего сердца,—перевелъ онъ на французскій языкъ турецкій ком-

плиментъ,—и вотъ, какъ видите, не утерпѣлъ; очень испугались вы вчера?

— О! нисколько,—уклонилась я отъ истины, — кто же станетъ обижать насъ, не правда ли? кому мы дѣлаемъ вредъ?

— Конечно, конечно,—нерѣшительно и колеблясь отвѣтилъ онъ,— только, знаете, злыхъ людей на свѣтѣ больше, чѣмъ добрыхъ — объ этомъ-то я хотѣлъ побесѣдовать съ вами, алмазъ мой драгоцѣнный!

— Подождите, — перебила я, — ваша „порція“ готова, сейчасъ принесу.

Слезы благодарности показались на глазахъ старика.

А „порція“ эта состояла всегда изъ нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ, сладкихъ пирожковъ, конфектъ и разныхъ бездѣлушекъ для его дѣтей.

Каждый четвергъ, т. е. въ кануны еженедѣльныхъ праздниковъ Ислама, въ извѣстный часъ, незадолго до вечерней службы, къ стѣнамъ нижняго этажа подплывалъ каикъ Хассанъ-эфенди, и я вручала ему пакетъ, прозванный въ шутку домашними „порціей Хассана“. Такъ продолжалось до настоящаго дня. Обыкновенно онъ сердечно благодарилъ за подарки и спѣшилъ, не задерживаясь излишними разговорами, къ себѣ въ крѣпость.

Но на этотъ разъ, высказанное имъ желаніе поговорить о людской злобѣ озадачило и встревожило меня. Положивъ свертокъ на дно лодки и поцѣловавъ собственную ладонь правой руки въ знакъ глубокой признательности, эфенди продолжалъ начатый разговоръ и, къ удивленію моему, высказалъ почти то же самое, что и кавасъ Али, только съ небольшими варіаціями.

Такъ, онъ сообщилъ, что въ Смирну уже пришла британская эскадра подъ вымпеломъ герцога Эдинбургскаго, и что, по слухамъ, ждали на-дняхъ „Свѣтлану“, сопровождаемую большимъ отрядомъ военныхъ судовъ подъ командой адмирала Бутакова.

— Вообразите же себѣ какое веселье и торжество наступятъ тамъ,—съ воодушевленіемъ разсказывалъ Хассанъ-эфенди, стараясь выражаться какъ можно цвѣтистѣе, чтобы привести меня въ восхищеніе своими новостями, — иллюминаціи, танцы, катанья въ горы... А сколько русскихъ офицеровъ будутъ за вами ухаживать! Все это народъ образованный, съ утонченнымъ воспитаніемъ, не то, что греческія свиньи съ торговыхъ шкунъ, дикіе паликары,— и онъ такъ же, какъ и Али, презрительно плюнулъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, драгоцѣнный мой перлъ, украшеніе души вашего вѣрнаго Хассана,—говорилъ онъ съ трогательной мольбой, прижимая руки къ сердцу: — обѣщайте мнѣ именемъ Ал-

лаха, что вы сейчасъ же пойдете къ вашему доброму дядѣ и будете очень, очень просить его отправить васъ, обѣихъ дамъ, въ Смирну и непремѣнно въ субботу, такъ какъ къ воскресенью, я слышалъ, затѣваютъ тамъ что-то необыкновенное!—схитрилъ бѣдняга, украдкой вытирая набѣгавшія слезы.

У меня сжалось сердце тоской—я прекрасно поняла его: благодарный другъ въ довольно ясныхъ намекахъ предупреждалъ о грозившей опасности, но не смѣлъ выдать тайны постановленій совѣта шейховъ. Малоазіатскихъ разбойниковъ боятся даже коренные турки, съ которыми они не всегда церемонятся и, ради добычи, съ удовольствіемъ ограбятъ и зарѣжутъ любого мусульманина, какъ и всякаго другого. Къ услугамъ этого сброда прибѣгаютъ, правда, въ исключительныхъ обстоятельствахъ или по секретнымъ мотивамъ въ родѣ, напримѣръ, даннаго случая, а правительство, какъ извѣстно, формируетъ изъ нихъ иррегулярную конницу, т. е. отряды „башибузуковъ", что въ переводѣ означаетъ „сорви-голова".

Уѣхать въ Смирну—чего бы лучше! Но объ этомъ я не могла и мечтать, да и совѣстно какъ-то было останавливаться на такой мысли: дядя мой по долгу службы не имѣлъ права отлучаться изъ консульства безъ особеннаго на то разрѣшенія посольства, тѣмъ болѣе въ виду наступающихъ событій; жена его, и говорить нечего, не бросила бы мужа одного, а я, не столько по долгу совѣсти, сколько по сердечному побужденію намѣрена была раздѣлить общую участь.

Глава XXXV.

Однако, какія неправдоподобныя вещи разсказываетъ авторъ, подумаютъ, какъ мнѣ кажется, многіе: офицеръ турецкой арміи еженедѣльно приходилъ къ христіанкѣ за подаяніемъ?..

Удивляться и недовѣрять можно всему; но узнать и понять причину такого ненормальнаго явленія, это уже совсѣмъ другое дѣло.

Хотя я достаточно говорила о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи военныхъ въ Оттоманской Имперіи, но позволяю себѣ опять напомнить читателю то же самое для ясности разсказаннаго случая.

Послѣдніе годы царствованія Абдулъ-Азиса были печальной эпохой въ исторіи турецкаго народа.

Въ началѣ даже очень популярный и подававшій блестящія надежды, монархъ этотъ къ концу своей жизни сдѣлался жестокимъ

самодуромъ, безумнымъ расточителемъ государственныхъ финансовъ и привелъ бы страну къ полнѣйшему банкротству, если бъ не золото Англіи, съ помощью котораго она же и убрала его съ престола.

Дошло до того, что истощенной казнѣ стало не подъ силу платить жалованье чиновникамъ въ провинціяхъ и войскамъ.

Первые, съ молчаливаго согласія, еще кое-какъ прозябали бакшишами, а послѣдніе, даже офицеры, не получая долгими мѣсяцами содержанія, бѣдствовали ужасно. Жить хочется, и ѣсть надо, но взять негдѣ—поневолѣ и руку протянешь.

Вотъ какую грустную картину представляла собой служба турецкаго воина, такъ что сомнѣваться въ достовѣрности приведеннаго мною факта не имѣется основанія.

Для иллюстраціи къ сказанному еще нѣсколько словъ.

Въ хіосской цитадели хранилось до 1876 года, какъ любопытные памятники былыхъ временъ владычества генуэзцевъ надъ Архипелагомъ, нѣсколько пушекъ удивительной формы. Одна изъ нихъ была, напримѣръ, точная копія тыквы, съ жерломъ, обращеннымъ къ небесамъ: какъ стрѣляли изъ нея и куда попадали—на этотъ вопросъ Хассанъ-эфенди, опытный артиллеристъ, не далъ мнѣ отвѣта.

Однажды я пришла въ крѣпость къ нему въ гости и не нашла интересныхъ орудій на своихъ мѣстахъ. Тогда почтенный эфенди объяснилъ, что на дняхъ пріѣзжала комиссія и увезла ихъ на монетный дворъ, гдѣ не хватило металла для чеканки піастровъ.

Таково было состояніе финансовъ подъ скипетромъ Абдулъ-Азиса; но измѣнилось ли все къ лучшему при послѣдовавшихъ перемѣнахъ—то уже иной вопросъ.

А сейчасъ я разскажу, какимъ образомъ пришлось мнѣ выручать изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ турецкаго офицера. О бѣдственномъ положеніи послѣдняго я узнала отъ дочери Кіамиль-паши, которая, хотя и не изъ числа сердобольныхъ, со слезами на глазахъ посвятила меня во всѣ подробности его горестной судьбы. Большая семья Хассанъ-эфенди буквально голодала, такъ какъ жалованья не выдавали уже второй годъ, кредиторы преслѣдовали безпощадно, а чиновники Высокой Порты требовали непосильныхъ взятокъ за перемѣщеніе на болѣе выгодное мѣсто. Къ тому времени освобождалась въ Хіосѣ вакансія пріемщика артиллерійскихъ запасовъ, должность, дававшая маленькій посторонній заработокъ.

Но безъ бакшиша кому слѣдуетъ, какъ мѣсто получить?

Въ такую скверную минуту жизни бѣдный эфенди послалъ свою жену въ гаремъ губернатора съ просьбой одолжить ему взаймы

небольшую сумму, чтобы извернуться. Но тамъ отвѣтили, что и рады бы всей душой, да самимъ, молъ, не очень-то жирно живется.

Тогда, послѣ нѣкотораго раздумья, остановились на мнѣ. Онѣ считали моихъ родныхъ очень богатыми, а меня слишкомъ доброй, судя по тѣмъ подачкамъ, которыя расточала я провожатымъ и посыльнымъ изъ солдатъ.

Элиме пріѣхала ко мнѣ и все объяснила. Къ данному моменту въ моей шкатулкѣ собралось довольно порядочное количество золотыхъ лиръ и серебра, которыми не скупились одаривать меня дядя и его жена.

Мнѣ самой до боли стало жаль несчастнаго старика, и я немедленно занялась устройствомъ его дѣлъ, отославъ ему прежде всего 200 рублей, что оказалось вполнѣ достаточно для достиженія цѣли.

Послѣ того я пріобрѣла особенное расположеніе въ средѣ мусульманскаго населенія и даже настолько, что, когда мнѣ приходилось бывать въ крѣпости и проходить мимо часовыхъ, то послѣдніе, замѣтивъ меня издали, радостно улыбались и отдавали воинскую честь, что дѣлалось, конечно, только по сердечному побужденію.

Зато и гордилась же я такимъ исключительнымъ вниманіемъ и, сознаюсь откровенно, мнѣ чрезвычайно нравились эти привѣтствія карауловъ.

Теперь мнѣ предстоитъ не легкая задача съ достаточной убѣдительностью выяснить на этихъ страницахъ, въ чемъ собственно проявилась сила подвига двухъ преданныхъ намъ мусульманъ Хассана и Али.

Заранѣе предвижу основательныя возраженія; но попробую, какъ умѣю.

Прочитавъ уже данную мною раньше характеристику выдающимся чертамъ душевнаго склада турка, кто - нибудь скажетъ мнѣ такъ:

— Положимъ, что отъ благодарныхъ сердецъ можно было бы ожидать нѣсколько болѣе опредѣленныхъ указаній на степень опасности для вашей жизни, а не одних только осторожныхъ и туманныхъ намековъ, да и то издали. Каждый изъ насъ по долгу совѣсти безъ всякихъ колебаній предостерегъ бы ближняго отъ бѣды—вотъ и все!

Такова, несомнѣнно, наша этика, а какова она у пламеннаго обожателя Магомета—въ этомъ - то вопросѣ и надо разобраться.

— Хорошо, — отвѣтитъ мнѣ воображаемый оппонентъ, выслушавъ всѣ доводы о святости присяги и о страшной отвѣтственности,

налагаемой Исламомъ, за нарушеніе ея,—станемъ всецѣло на мусульманскую точку зрѣнія: оба ваши доброжелателя были, конечно, солидарны со всѣми присутствовавшими на тайномъ совѣщаніи улемовъ и также, какъ и прочіе, жаждали отомщенія гяурамъ, оскорбившимъ величайшую ихъ святыню.

— Но по отношенію къ вашей семьѣ, что же особеннаго сдѣлали признательные друзья? Угощая васъ экивоками, разнообразными метафорами и, по обычаю Востока, живописными сравненіями, какъ тотъ, такъ и другой не подумали даже сознаться просто и откровенно въ собственномъ безсиліи оградить своихъ благодѣтелей отъ роковыхъ случайностей момента, и не разъяснивъ даже, почему они съ такой настойчивостью добивались вашего отъѣзда изъ Хіоса.

Такъ гдѣ же здѣсь отраженіе высокихъ порывовъ души, и гдѣ же тутъ подвигъ?—спроситъ европеецъ; но я намѣрена возражать и на это.

— Такое ясное предупрежденіе иностранца со стороны правовѣрнаго, побывавшаго въ совѣтѣ шейховъ, было бы равносильно слѣдующему признанію: „сюда приглашены малоазіатскія банды; вы, конечно, сами знаете для какой цѣли, а потому скорѣе вызывайте военные корабли съ дессантами и расправляйтесь съ нами"!

Ну, можно ли требовать что-либо подобное „отъ магометанина", давшаго клятву на реликвіяхъ пророка хранить безусловную тайну?!

Я подчеркиваю слова „отъ магометанина", потому что наше просвѣщенное понятіе о святости присяги очень таки растяжимо: кому не извѣстно, напримѣръ, что нѣтъ ничего легче, какъ найти лжесвидѣтеля по самому безсовѣстному дѣлу.

Не такъ относится мусульманинъ къ трактуемому предмету—вотъ эту разницу взглядовъ я и хочу объяснить.

Когда возникаетъ броженіе умовъ по поводу религіозныхъ недоразумѣній въ родѣ того, о чемъ идетъ рѣчь, духовенство приводитъ къ присягѣ на знамени пророка всѣхъ присутствующихъ въ закрытомъ собраніи.

Тогда каждый клянется въ благоговѣйномъ сознаніи величія и святости этого акта съ непоколебимымъ намѣреніемъ исполнить въ точности данное обѣщаніе и принимаетъ на себя тяжкую отвѣтственность за малѣйшее уклоненіе въ сторону.

Доведенные до экстаза опаснымъ настроеніемъ своихъ руководителей, исламиты даютъ страшную клятву въ такой, приблизительно, формулѣ: они обязуются ни при какихъ обстоятельствахъ и принужденіяхъ, даже пыткахъ, не обмолвиться хотя бы единымъ словомъ о рѣшеніяхъ совѣта, чтобы неосторожнымъ выраженіемъ не навести

хитраго франка на нѣкоторыя догадки и тѣмъ испортить планъ заговора.

Въ противномъ случаѣ виновный объявляется преступникомъ противъ Ислама, лишается жизни и самаго главнѣйшаго блага для набожнаго и вѣрующаго почитателя пророка: его душѣ воспрещается входъ въ рай Магомета.

Въ такихъ-то ужасныхъ условіяхъ находились бѣдные наши друзья, оба турка, когда пытались удалить насъ изъ Хіоса и, такимъ образомъ, давали намъ достаточно внушительное предостереженіе. Они очень хорошо понимали, что и этотъ шагъ съ ихъ стороны могъ бы заставить опытнаго консула насторожиться и принять соотвѣтствующія мѣры. Тѣмъ не менѣе, оба безъ оглядки рискнули своимъ благополучіемъ, какъ въ здѣшней, такъ и въ загробной жизни.

Это ли не высочайшій подвигъ самопожертвованія?

Конечно, холодному европейцу, давно потерявшему вѣру въ Промыселъ и Творца и живущему бездушными доктринами, не подъ силу понять психологію мусульманина, глубоко убѣжденнаго, что его религія есть та самая истина, которую ищетъ человѣчество.

Глава XXXVI.

Всѣ живущіе на островахъ турецкаго Архипелага, благодаря близкому сосѣдству съ Малой Азіей, прекрасно знаютъ, что за теплая компанія эти зейбеки, лазы, курды и прочія племена „Леванта“, какъ называютъ въ Турціи Анатолію.

Каждую ночь на своихъ проворныхъ, легкихъ лодочкахъ они разъѣзжаютъ у береговъ сосѣдей, высаживаются въ закрытыхъ мѣстахъ около скалъ и дѣлаютъ набѣги по преимуществу внутрь страны, гдѣ живутъ колонисты, владѣльцы цвѣтущихъ плантацій.

Излюбленнымъ мѣстомъ левантскихъ экскурсантовъ всегда былъ Хіосъ, какъ наиболѣе населенный греческими богачами—коммерсантами; но и городскими обывателями они также интересовались, въ чемъ пришлось самолично и по опыту убѣдиться, и о чемъ я разскажу современемъ.

Островитяне привыкли къ подобнымъ любезностямъ анатолійскихъ визитеровъ и принимали мѣры къ самоохранѣ, не разсчитывая на помощь гарнизона по причинѣ его отдаленности отъ загородныхъ колоній. Да и вообще, турецкія власти ничего не могутъ съ ними подѣлать.

Хіотяне еще съ незапамятныхъ временъ пользуются особеннымъ

вниманіемъ племени зейбековъ, какъ ближайшихъ къ нимъ аборигеновъ Малой Азіи.

Въ мусульманской Азіи такъ уже сложилось само собой, что когда возникаютъ вспышки фанатизма между магометанами и христіанами, то почти всегда къ мѣсту потасовки являются башибузуки, но, конечно, болѣе изъ любви къ грабежамъ, чѣмъ по идейнымъ мотивамъ. Появленіе ихъ каиковъ прошлою ночью у эскадры не удивило бы никого въ обыкновенное время, если бы не сигнальныя ракеты изъ Чесмы и свѣдѣнія, добытыя шпіономъ въ мечети, а потому не трудно было догадаться, что на этотъ разъ бандамъ назначалась роль исполнительная...

Весь день субботы я не отходила отъ окна и съ понятнымъ волненіемъ наблюдала горизонтъ, въ надеждѣ увидѣть на немъ дымокъ военнаго корабля; но одновременно всѣ мы сознавали ясно, что столь желанная помощь едва-ли устранитъ надвигающуюся бѣду.

Кто можетъ отвѣтить за своеволіе и безчинства малоазіатскихъ разбойниковъ? да никто, какъ и всегда!

И какая получится отъ того польза для населенія, если линейное судно, въ случаѣ безпорядковъ, выпуститъ нѣсколько гранатъ по городу и высадитъ роту солдатъ? Ровно никакой—только насмѣшитъ буйныхъ анатолійцевъ, и больше ничего! При первомъ же выстрѣлѣ изъ орудія эти господа удерутъ въ горы, а оттуда на противоположную сторону острова, сядутъ въ свои быстрокрылыя лодки и улетятъ къ себѣ на берегъ съ тѣмъ, чтобы вернуться опять, когда непрошенные гости уберутся съ Хіосскаго рейда. А пока тамъ будетъ тянуться безконечная волокита дипломатической переписки, можно сто разъ наверстать потерянное время.

Наблюдавшій въ подзорную трубу съ плоской крыши дома секретарь нашего консульства, Артуръ Триконъ [1]), сбѣжалъ внизъ и радостно объявилъ, что показался военный корабль. Слава Богу! Она пришла, эта помощь; но какая?...

Къ рейду подошло небольшое авизо подъ британскимъ флагомъ, и на его кормѣ мы прочли: „Coquette“.

Она бросила якорь и тотчасъ же спустила на воду шлюпку, въ которую сѣло нѣсколько офицеровъ. Гребцы направили ботъ прямо къ пристани цитадели, гдѣ прибывшіе были встрѣчены комендантомъ и администраціей.

По правиламъ международнаго этикета моряки прежде всего

---

¹) Здравствуетъ по нынѣ и служитъ въ Хіосѣ агентомъ „Русскаго Пароходства и Торговли“.

сдѣлали визитъ губернатору, отъ него отправились къ своему консулу, а затѣмъ къ остальнымъ агентамъ европейскихъ державъ.

Настала и наша очередь: лодка причалила къ агентству, и гордые сыны Альбіона, важно озираясь, вошли по мосткамъ въ контору, а оттуда поднялись къ намъ наверхъ. Ихъ пригласили въ пріемную. Капитанъ, рыжій, красный дѣтина, еле волоча ноги, пыхтѣлъ, какъ паровикъ, и надо было полагать, что онъ уже изрядно нагрузился джиномъ.

Помощникъ его, типичный британецъ, длинный, костлявый, съ огромными клыками вмѣсто зубовъ и съ огненными бакенбардами направлялъ свой лорнетъ во всѣ стороны и, съ удивленіемъ разсматривая обстановку комнаты, какъ будто очутился на лунѣ.

— Ого! — бормоталъ онъ на плохомъ французскомъ языкѣ:—въ Хіосѣ европейскій комфортъ — интересно! — Прочіе ничего не говорили, а только моргали сонными глазами. Имъ подали угощеніе въ англійскомъ вкусѣ: хересъ, бисквиты и честеръ. Тогда они сдѣлались общительнѣй и рѣшили, что попали не къ дикарямъ.

Капитанъ совсѣмъ оживился, проглотивъ стаканъ любимаго напитка и, закусывая сыромъ, соблаговолилъ сообщить намъ о цѣли своего прибытія.

— Мы командированы къ вамъ,—говорилъ онъ съ превеликимъ достоинствомъ, — чтобы освѣтить въ настоящемъ видѣ характеръ безпорядковъ и, ознакомившись съ подробностями инцидента, пришли къ заключенію, что игра не стоитъ свѣчъ: на базарѣ подрались два дурака, а умные люди испугались и надѣлали шуму. Изъ такого вздора нельзя безпокоить эскадры, которая имѣетъ несравненно болѣе важное назначеніе, чѣмъ разбирать домашнія дрязги по захолустьямъ Эгейскаго моря. На Востокѣ всегда дерутся отъ скуки: то за Магомета, то за Моисея, стоитъ ли обращать вниманіе на подобныя глупости,—уже съ громкимъ хохотомъ договорилъ командиръ авизо, допивая третій стаканъ вина.

Возраженія и доводы моего дяди не привели ни къ чему и только насмѣшили англичанъ. Бойкій помощникъ капитана отвѣтилъ за всѣхъ такъ:

— Ваши опасенія весьма преувеличены: странно, что вы боитесь башибузуковъ? Вѣдь эти негодяи отчаянные трусы! возьмите каждый по палкѣ и разгоните ихъ; слишкомъ много чести вызывать для подобной дряни военные корабли!

Убѣдившись, что спорить съ людьми предвзятыхъ мнѣній не стоитъ труда, мы перевели разговоръ на другія темы.

Мнѣ захотѣлось сказать что-нибудь пріятное нашимъ гостямъ,

и я выразила имъ сожалѣніе, что до сихъ еще не видѣла гордости ихъ флота, фрегата „Девастейшинъ“ [1].

Какъ видно было, это очень понравилось самолюбивымъ мореплавателямъ, потому что они стали чрезвычайно любезны и взапуски всѣ сразу принялись описывать мнѣ несравненныя достоинства своего „Опустошителя“.

Зубатый помощникъ съ неподражаемымъ самомнѣніемъ началъ доказывать, что весь Хіосъ—это съ его-то стотысячнымъ населеніемъ!—и со всѣми зейбеками на придачу, могли бы свободно размѣститься на палубахъ и въ трюмахъ англійскаго „чудовища“.

Прочіе моряки вторили ему и, въ концѣ концовъ, довольные мной, такъ разошлись, что стали усиленно приглашать меня непремѣнно пріѣхать въ Безикскую бухту, гдѣ имѣлъ стоянку удивительный корабль, чтобы осмотрѣть пушки, ядра и другія чудеса „Опустошителя“.

Рыжій капитанъ съ ловкостью медвѣдя расшаркался передо мной и попросилъ заранѣе разрѣшенія сопровождать мою особу въ качествѣ кавалера на ихъ эскадру, обѣщая, во что бы то ни стало, исходатайствовать для меня разрѣшеніе—не спрашивая на то моего согласія — быть представленной начальнику всѣхъ морскихъ силъ Великобританіи, адмиралу лорду Сеймуру. Рисуя мнѣ столь заманчивую перспективу, онъ думалъ, конечно, что я или умру немедленно отъ счастія или же, по крайней мѣрѣ, сойду съ ума.

Но я почувствовала приливъ патріотизма и заявила ему, что у насъ есть точно такое же „чудовище“ морей—это фрегатъ „Петръ Великій“.

Надо было видѣть эффектъ послѣднихъ словъ: англичане презрительно переглянулись, а помощникъ командира досталъ изъ кармана сигару и, протягивая ее мнѣ, съ гримасой отвѣтилъ:

— Вотъ ваши пушки на „Петрѣ Великомъ“, а вотъ наши!— и онъ описалъ руками такой громадный кругъ, что невольно пришлось усумниться въ вѣроятіи подобнаго размѣра орудій; но, желая переспорить хвастливыхъ моряковъ, я, къ сожалѣнію, сказала другую глупость:

— Наша царь-пушка въ Московскомъ Кремлѣ самая большая въ мірѣ по своей величинѣ, а потому вы ничѣмъ не удивите насъ.

Кажется, что эта выходка уронила меня въ ихъ глазахъ, и капитанъ авизо со смѣхомъ возразилъ:

— Вашу „царь-пушку“ можно заряжать только горохомъ и стрѣлять по воробьямъ.

---

[1] Въ переводѣ значитъ „опустошитель“.

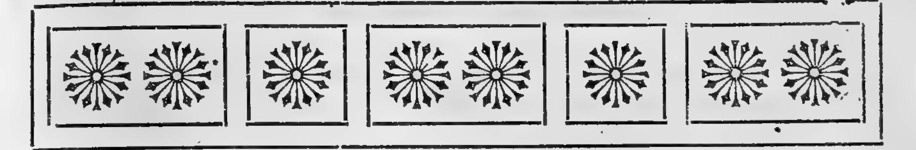
Наконецъ, интересные визитеры стали прощаться и снова повторили приглашеніе посѣтить бухту Безики, чтобы сравнить „Девастейшинъ“ съ „Петромъ Великимъ“.

Почему-то они воображали, что для меня это былъ вопросъ жизни и смерти. Но такова національная черта британца: съ кѣмъ бы онъ ни сталкивался, каждый обязанъ былъ, по его глубокому убѣжденію, склониться передъ міровымъ превосходствомъ Англіи и помнить, что она выше всѣхъ странъ на свѣтѣ...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Овсянниковъ и Юханцевъ въ Красноярскѣ.

Въ октябрьской книжкѣ „Русская Старина“, за 1907 годъ, появились записки „судебнаго дѣятеля“, принадлежащія талантливому перу многоуважаемаго А. Ѳ. Кони.

Въ нихъ уважаемый авторъ, между прочимъ, останавливается съ глубокимъ интересомъ и ярко рисуетъ оригинальныя черты,—еще и по сіе время живо сохранившагося въ памяти русскаго общества,—интендантскаго подрядчика-милліонера, Степана Тарасовича Овсянникова.

Все, что относится въ запискахъ А. Ѳ. Кони—до Овсянникова, русскою прессою, какъ столичною, такъ и провинціальною было перепечатано и публикою прочтено съ глубокимъ интересомъ.

Однако, о жизни интереснаго старика въ городѣ Красноярскѣ, куда былъ сосланъ Овсянниковъ, авторъ, видимо, при всемъ его желаніи,—не далъ положительной характеристики своего героя,—по неимѣнію, конечно, достаточно основательныхъ данныхъ, а только гадательныя предположенія, вычитанныя случайно въ газетахъ. Автору настоящихъ строкъ тоже нѣсколько разъ приходилось читать газетныя статьи о жизни въ Сибири Овсянникова и Юханцева, жившихъ въ одномъ городѣ,—но въ большинствѣ случаевъ газетныя статьи далеки отъ истины.

Послѣднее обстоятельство и побудило меня, лѣтъ восемъ тому назадъ, написать свои личныя воспоминанія объ этихъ двухъ „прототипахъ современныхъ героевъ“, изъ которыхъ Овсянникова, въ 1881 году, я имѣлъ возможность наблюдать весьма близко; относительно же Юханцева—только могъ собрать самыя точныя данныя о его жизни отъ людей достойныхъ полнаго довѣрія, а именно отъ

доктора А. И. Бургера и чиновника енисейскаго губернскаго правленія, К. Д. Добошинскаго, которые оба въ Юханцевѣ принимали самое близкое участіе.

I.

Въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1881 года, въ г. Красноярскѣ случился пожаръ, жертвой котораго сдѣлались около шести сотъ домовъ, въ томъ числѣ и нѣсколько церквей. Самая богатая и большая часть города совершенно выгорѣла.

Послѣ этой страшной катастрофы, недѣли черезъ двѣ, мнѣ пришлось пріѣхать въ этотъ городъ по дѣламъ службы и, между прочимъ, познакомиться съ однимъ страховымъ агентомъ, занимавшимъ, кромѣ того, въ губернскомъ правленіи должность казначея.

Вотъ этотъ-то агентъ, К. Д. Добошинскій, будучи лично и коротко знакомъ съ Овсянниковымъ и Юханцевымъ, и повѣдалъ мнѣ кой-что объ ихъ житьѣ-бытьѣ, чѣмъ я и хочу подѣлиться здѣсь съ читателями.

Оба героя въ ссылку пріѣхали на собственныя средства, которыхъ у Овсянникова оказался избытокъ; напротивъ, у Юханцева едва-едва хватило доѣхать; а изъ цѣнныхъ вещей осталась только одна шуба, которую было можно оцѣнить рублей въ шестьсотъ, но и ту ему пришлось скоро реализировать, конечно, значительно за меньшую сумму, и Юханцевъ остался „въ чемъ Богъ велѣлъ“.

Овсянниковъ былъ старикъ лѣтъ за семьдесятъ; высокаго роста; широкія плечи показывали его когда-то богатырскую физическую силу; съ огромной головой на толстой шеѣ; лицо типично-широкое, съ небольшой окладистой бородой; руки огромныя и мохнатыя, какъ лапы медвѣдя; голосъ грубый и повелительный, не терпящій возраженій; брови густыя и нависшія надъ глазами, съ торчащими, грубыми, какъ щетина, волосами. Одежда экс-милліонера граничила чуть не съ рубищемъ: на шеѣ черная засаленая „косынка“, изъ-подъ которой не было видно бѣлья; такіе же сюртукъ и брюки, изъ которыхъ рукава перваго доходили чуть не до локтей, а низки вторыхъ поднимались высоко на рыжія голенища огромныхъ, и, неособенно опрятныхъ и стоптанныхъ въ каблукахъ,— сапогъ. Если ко всему сказанному еще добавимъ его стеганый картузъ съ огромнымъ кожанымъ козырькомъ и выцвѣтшее отъ времени старое и короткое пальтишко, то будемъ имѣть полное понятіе о внѣшней фигурѣ Степана Тарасовича. О духовной

жизни его намъ сообщили очень мало свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, что Овсянниковъ весьма часто посѣщалъ церкви, почти ежедневно, а также и ближайшіе монастыри. А чтобы дать понятіе о его домашней жизни, то мы на эту тему должны разсказать объ его отношеніяхъ къ одному страховому обществу (Россійскому, учрежденному въ 1827 году), въ которомъ состояло на страхѣ его имущество, въ суммѣ 3.800 рублей, а также и въ тотъ моментъ, когда происходилъ огромный пожаръ въ Красноярскѣ, т. е. въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1881 года.

По правиламъ (уставамъ) всѣхъ страховыхъ обществъ тотъ кліентъ его, у котораго сгорѣло застрахованное имущество, обязанъ сдѣлать агентурѣ заявленіе объ этомъ происшествіи, указавъ въ немъ: все ли сгорѣло имущество, или только часть его и какая именно; кромѣ того, потерпѣвшій убытокъ обязанъ сообщить и о причинѣ пожара, если она ему извѣстна; въ противномъ случаѣ, сказать въ своемъ заявленіи стереотипную фразу „пожаръ произошелъ отъ неизвѣстной причины“.

Вотъ такую-то именно формальность и былъ обязанъ продѣлать Овсянниковъ относительно своего застрахованнаго имущества, что онъ и исполнилъ, изобразивъ въ своемъ заявленіи, что его имущество „сгорѣло до тла“.

Между тѣмъ, страховому агенту было уже отлично извѣстно, что Степанъ Тарасовичъ свое имущество спасъ отъ пожара совершенно все, не исключая даже и всевозможныхъ маринадовъ и вареній хранившихся въ погребу, такъ какъ тотъ домъ, въ которомъ квартировалъ Овсянниковъ, началъ горѣть только черезъ десять часовъ, послѣ начала всеобщаго пожара.

— По крайней мѣрѣ не спасли ли вы, Степанъ Тарасовичъ, хоть святыя иконы?—вѣжливо и спокойно задалъ ему вопросъ страховой агентъ.

Иконы были застрахованы въ 2.000 рублей.

— Даже и ихъ, Константинъ Домениковичъ (агентъ), къ моему великому горю не успѣлъ вынести!.. Не удостоился, видно, по грѣхамъ своимъ... Такъ ужъ, видно, суждено мнѣ отъ самого Господа Бога, за мои прегрѣшенія!.. Охъ грѣхи, грѣхи наши тяжкіе....

— Но вѣдь ваша квартира и домъ были объяты пламенемъ только черезъ десять часовъ послѣ начала всеобщаго пожара?— продолжаетъ задавать вопросы агентъ своему страхователю,—и вы могли спасти отъ пожара совершенно все свое имущество,—что и были обязаны сдѣлать даже въ силу извѣстныхъ страховыхъ пра-

вилъ, изложенныхъ въ имѣющемся у васъ уставѣ. Почему же вы, почтеннѣйшій Степанъ Тарасовичъ, этого не сдѣлали?

— Какъ мнѣ не знать вашихъ уставовъ; слава Богу, не мало имѣлъ дѣлъ со страховыми обществами и поплатилъ имъ денежекъ; да черезъ нихъ и несчастнымъ-то сдѣлался и теперь страдаю!.. Знаю, что и въ теперешній пожаръ былъ обязанъ спасать свое имущество, застрахованное у васъ, и знаю, что общество возмѣстило бы мнѣ всѣ убытки, если бы я какіе произвелъ, сохраняя отъ огня имущество, но Богъ не привелъ, видно, по грѣхамъ моимъ!.. Представьте себѣ какой тогда, въ пожаръ, со мной случай вышелъ, да и случай небывалый, такъ сказать, рѣдкостный. Я уже давно по ночамъ мучаюсь безсонницей, а тутъ на меня навалился такой крѣпкій, просто сказать—мертвецкій сонъ, что и растаскать не могли!.. Проснулся уже тогда только, какъ стала загораться моя квартира и меня, на рукахъ, какъ бревно, изъ нея потащили!.. Что подѣлаете, на все божеская воля и Его соизволеніе... А то непремѣнно бы спасъ все имущество и теперь не просилъ бы отъ васъ вознагражденія.

— Спали до утра и въ такое время, когда въ городѣ горѣло разомъ до шестисотъ домовъ?!—удивляясь наглости Овсянникова, переспросилъ агентъ.

— Что же тутъ удивительнаго? Сонъ накатился такой и все тутъ!... Я уже говорилъ вамъ, до этого времени, страдалъ безсонницей лѣтъ пять, а тутъ, на притчу-то и заснулъ мертвымъ сномъ. Да и то сказать: горѣли не мои дома, а я старикъ и тушить пожары во весь свой вѣкъ не умѣлъ; мое же имущество было застраховано, слѣдовательно, можно было и спать спокойно и ни о чемъ не безпокоиться,—съ какой-то ироніей и не моргнувъ глазомъ, возразилъ старый милліонеръ страховому агенту.

Во всякомъ, солидномъ коммерческомъ предпріятіи неизмѣнно существуетъ основной принципъ — всѣми мѣрами избѣгать по дѣлу судебныхъ процессовъ и, ради него, всѣ солидныя фирмы готовы, иногда, бросить нѣсколько десятковъ, даже сотенъ тысячъ рублей, лишь бы избѣжать судебныхъ процессовъ, и онѣ прибѣгаютъ къ нимъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Исходя изъ выше сказаннаго правила, страховой агентъ предложилъ Овсянникову въ полное вознагражденіе отъ общества 2.000 рублей.

Это предложеніе какъ-бы обожгло каленымъ желѣзомъ и возмутило старика до глубины души, и онъ разомъ превратился въ героя былыхъ и счастливыхъ для него временъ. Со сверкающими

глазами и моментально покраснѣвшимъ лицомъ, онъ быстро соскочилъ съ кресла и, выпрямившись во весь ростъ, зычнымъ голосомъ заговорилъ:

— Какъ!... мнѣ?!.. мнѣ, Степану Тарасовичу Овсянникову, за сгорѣвшее имущество мое на 3.800 руб., вы предлагаете только 2.000 рублей?!... Н..нѣтъ- съ, этому не бывать!.. Тысячу разъ н..нѣтъ-съ!.. Я получу все или ничего, но на такія сдѣлки не пойду-съ!!.. Я буду на васъ жаловаться. Меня въ Питерѣ еще не забыли тѣ, съ кѣмъ я тамъ такъ долго водилъ хлѣбъ-соль!... У меня еще тамъ есть добрые люди и находятся „у дѣлъ“ и хорошо еще помнятъ стараго Степана Тарасовича Овсянникова!... Они не дадутъ еще меня въ обиду, при моемъ несчастномъ и незаслуженномъ моими дѣлами положеніи!!!....

— Но вы напрасно волнуетесь, Степанъ Тарасовичъ; намъ уже доподлинно извѣстно, что вы спасли совершенно все имущество,— прервавъ Овсянникова, заявилъ страховой агентъ. Намъ лучше бы все это покончить миромъ: и для насъ было бы меньше хлопотъ и для васъ непріятностей...

— Вздоръ все... у меня сгорѣло все!!..—съ дикой хрипотой въ голосѣ величественно прогремѣлъ эксъ-милліонеръ и гордо вышелъ изъ комнаты, забывъ захватить даже свой стеженый картузъ, съ огромнымъ козырькомъ, который ему вынесла уже горничная агента на улицу.

Въ свою очередь и страховой агентъ былъ возмущенъ наглостью стараго эксъ-милліонера и, въ данномъ случаѣ, далеко не зауряднаго страхователя, а извѣстнаго по своимъ темнымъ дѣламъ всей Россіи. Не теряя времени, агентъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ полицейскихъ властей и, съ ними вмѣстѣ, произвелъ объ имуществѣ Овсянникова, такъ называемый „повальный обыскъ“.

Этотъ „повальный“ обыскъ далъ самые блестящіе и неожиданные результаты. Оказалось, что знаменитый старикъ спасъ не только все застрахованное имущество, въ томъ числѣ и св. иконы въ дорогихъ украшеніяхъ, но даже самъ своими руками, еще вечеромъ, какъ только пожаръ принялъ грандіозные размѣры, вытаскалъ изъ погреба грибы и капусту,—какъ показали его „метрески“, каковыхъ на иждивеніи почтеннаго старца содержалось восемь штукъ, разсѣянныхъ по разнымъ частямъ города.

„Повальный обыскъ“ и его результаты, для Овсянникова, какъ ссыльнаго по суду за преступленія,—были не пустой игрушкой, а довольно таки непріятной исторіей, т. к. сибирская администрація того времени, при исполненіи своихъ обязанностей относительно

ссыльныхъ, руководствовалась еще дореформенными законами, а послѣдніе давали право даже маленькому полицейскому чину угощать „березовой кашей“, и, даже, плетьми—до 25 ударовъ,—тѣхъ лицъ изъ сосланныхъ, которые на мѣстѣ ихъ водворенія совершили новое преступленіе уголовнаго характера.

Послѣ „обыска“ эксъ-милліонеръ до того сократился, что уже не показывался не только въ агентуру, но и даже на улицу и въ церковь.

Только уже послѣ, мѣсяца черезъ два, инспекторъ Россійскаго страховаго общества, 1827 года, въ то время вернувшійся изъ Красноярска въ Екатеринбургъ, получилъ отъ агента такую телеграмму: „N 000,000 (страховой полисъ Овсянникова)—согласенъ дѣло покончить миромъ. Готовъ получить вмѣсто двухъ одну тысячу рублей, чтобы откупиться отъ полиціи“.

Деньги 2,000 рублей были немедленно переведены.

Изъ сказаннаго выше легко убѣдиться, что Овсянниковъ и въ ссылкѣ не смирился въ своемъ всемогуществѣ и не имѣлъ настолько силы воли, чтобы удержаться отъ привычки любостяжанія, не считаясь ни съ препятствіями и ни съ послѣдствіями.

Отъ обывателей города Красноярска Степанъ Тарасовичъ не пользовался никакими симпатіями.

Какъ провелъ въ ссылкѣ эксъ-милліонеръ послѣдніе годы, до помилованія, сказать, къ сожалѣнію, ничего не могу, а потому и заканчиваю о немъ свой безхитростный разсказъ и перейду къ другому герою.

II.

Не такъ жилось Юханцеву въ ссылкѣ; да и не таковъ онъ былъ человѣкъ, какъ Овсянниковъ.

Выше уже было говорено, что Юханцевъ въ Сибирь явился чуть не безъ гроша денегъ, имѣя только одну болѣе или менѣе цѣнную вещь—шубу, которую вскорѣ и долженъ былъ продать за безцѣнокъ. Деньги, вырученныя за нее, конечно, были прожиты скоро, и Юханцевъ остался въ чужомъ городѣ, среди незнакомаго народа, лишенный свободы и безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ.

Не дай Богъ никому находиться въ подобномъ положеніи. Но и доводить себя до такого состоянія—тоже не слѣдуетъ, чтобы потомъ не сѣтовать на свою судьбу. Впрочемъ, какъ мнѣ передавалъ К. Д. Добошинскій,—Юханцевъ и не жаловался на свое тяже-

лое положеніе, а стоически, безъ всякаго ропота переносилъ свою ссылку, какъ должное себѣ искупленіе. А сознаніе человѣкомъ собственной вины есть всегда вѣрнѣйшій признакъ, что онъ сохранилъ въ себѣ гордость и человѣческое достоинство. Кто сберегъ эти качества, тому не страшны никакія превратности житейскихъ невзгодъ; такія качества доказываютъ нравственную силу въ человѣкѣ и уваженіе къ себѣ. Плохо вездѣ только тому, кто къ себѣ это уваженіе потерялъ: такой человѣкъ уже прямо пропащій и ни на что порядочное не способенъ въ будущемъ.

Юханцевъ былъ человѣкъ развитой, всесторонне-образованный, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ; собою видный мужчина, молодъ, въ обхожденіи ловокъ, въ бесѣдѣ занимателенъ,—поэтому и неудивительно, что онъ по прибытіи въ Красноярскъ быстро привлекъ къ себѣ симпатіи всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ людей, которые потомъ приняли въ немъ живое участіе, жалѣли его и его прошлаго, блестящаго положенія, на которомъ онъ не умѣлъ удержаться только по слабости, или, вѣрнѣе, мягкости своего характера; на сколько было возможно, всѣ старались облегчить Юханцеву участь ссылки и сдѣлать сносною его жизнь.

Такое же участіе въ Юханцевѣ принималъ и вышеупомянутый К. Д. Добошинскій и, имѣя много связей въ городѣ, досталъ ему службу въ одномъ изъ административныхъ учрежденій, съ жалованьемъ 25 руб. въ мѣсяцъ.

Излишне, конечно, говорить, что опытный и широкообразованный ссыльный для сказаннаго учрежденія былъ не служака, а находка. Ему, почти тотчасъ же по поступленіи на службу, стали поручать для рѣшенія такія дѣла, какія были по плечу только самымъ опытнымъ чиновникамъ. Исправность и усердіе къ службѣ Юханцева были прямо образцовыми.

Почемъ знать, быть можетъ Юханцевъ долго бы прослужилъ въ этомъ учрежденіи, если бы не случилось одного крупнаго инцидента, хотя и вовсе не имѣющаго ничего общаго съ его служебными обязанностями.

Въ Красноярскѣ Юханцевъ, между прочимъ, познакомился и былъ радушно принятъ въ домѣ нѣкоего состоящаго на дѣйствительной службѣ, полковника Z, человѣка недавно женатаго на молоденькой и хорошенькой барышнѣ.

Юханцевъ весьма часто бывалъ у Z и всегда засиживался у нихъ—за полночь; лѣтомъ же постоянно экскурсировалъ вмѣстѣ съ ними на загородные пикники, которымъ Z посвящалъ положительно все свое свободное время, изъ любви къ природѣ.

Вотъ на одномъ изъ подобныхъ пикниковъ и произошелъ тотъ казусъ, который тяжело отозвался на Юханцевѣ, противъ всякаго его ожиданія. Впрочемъ, это не наше мнѣніе; наше совершенно иное...

Расположившись на избранномъ мѣстѣ среди природы, угостившись вволю, даже съ избыткомъ,—полковникъ Z обратился по какому-то поводу къ своей женѣ, приглашая ее подойти къ нему.

— Оленька!... Оленька!...

— Охъ, ужъ эта „Оленька"!... „Оленька"!... какъ-то грустно и въ полголоса повторилъ за полковникомъ Юханцевъ.

— Что?... „Оленька" называешь мою жену?... да какъ ты смѣешь?!... вспыливъ, заоралъ полковникъ во все горло.

— Во-первыхъ, г. Z, я не „ты",—вамъ бы стыдно называть меня такъ; а во-вторыхъ: произнося это, дорогое для меня женское имя, съ которымъ тѣсно связана моя жизнь,—я не имѣлъ въ виду вашей супруги; а потому вамъ, полковникъ, совершенно нѣтъ никакого основанія такъ волноваться и быть со мной грубо-невѣжливымъ,—хладнокровно возразилъ Юханцевъ.

Но полковникъ, вмѣсто того, чтобы внять голосу благоразумія и справедливости, еще больше разгорячился отъ замѣчаній Юханцева и ударилъ своего мнимаго врага. Тѣмъ же отвѣтилъ полковнику и Юханцевъ и, будучи почти атлетическаго сложенія, такъ намялъ своему противнику бока, что тому пришлось долго возиться съ компрессами.

Благодаря прислугѣ, скандалъ быстро облетѣлъ не только всѣ закоулки маленькаго городишка, но и уѣзда, не минуя, конечно, и высшихъ сферъ, да и не только мѣстныхъ, но и столичныхъ.

Вскорѣ полковникъ, отъ своего начальника, за сближеніе съ Юханцевымъ получилъ, точно не упомню: не-то выговоръ, не-то переводъ въ какое-то захолустье, или даже отставку, только что-то въ этомъ родѣ.

Относительно же Юханцева и его службы въ казенномъ учрежденіи кому слѣдуетъ было сдѣлано отеческое внушеніе, и онъ лишился своего миніатюрнаго жалованья.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1881 года, я уѣхалъ изъ Красноярска и съ тѣхъ поръ не бывалъ въ немъ; но все же и до сихъ поръ, черезъ много-много лѣтъ, не отказываюсь о немъ побесѣдовать. Въ теченіе этого времени мнѣ не мало встрѣчалось аборигеновъ Красноярска, которые охотно сообщали, между прочимъ, свѣдѣнія и о дальнѣйшей жизни Юханцева. Овсянниковъ же, лѣтъ черезъ пять послѣ пожара, былъ возвращенъ изъ ссылки, съ правомъ проживать въ Царскомъ Селѣ.

Вотъ этими-то сообщеніями я и хочу въ короткихъ словахъ подѣлиться съ читателями, оставляя всю справедливость разсказовъ объ Юханцевѣ на ихъ отвѣтственности; хотя я, лично, имъ вполнѣ довѣряю; да въ этомъ меня подкрѣпляютъ и тѣ отрывочныя замѣтки, которыя изрѣдка попадали на страницы столичныхъ газетъ.

III.

Вскорѣ послѣ инциндента съ полковникомъ Z. Юханцевъ нѣкоторое время жилъ гдѣ-то недалеко отъ Красноярска, на „заимкѣ", — не то на мельницѣ, не то на пасѣкѣ, вверхъ по теченію рѣчки Качи, впадающей въ могучій Енисей, почти въ самомъ городѣ. Затѣмъ раздобывшись ружьишкомъ, Юханцевъ пропадалъ въ окрестныхъ дебряхъ дремучихъ лѣсовъ, но не удаляясь на продолжительное время отъ Красноярска, гдѣ онъ появлялся въ базарные дни, въ качествѣ продавца дичи: рябчиковъ, куропатокъ, тетеревей,—во множествѣ висѣвшихъ на его плечахъ. Въ это время костюмъ Юханцева ничѣмъ не отличался отъ одежды мѣстнаго промысловаго охотника: такіе же огромные бродни на ногахъ; войлочная шляпа на головѣ съ широкими полями,—деревенскаго издѣлія; на плечахъ чекмень, изъ сукна той же фабрикаціи; такого же сорта было и бѣлье экс-камергера.

Но такими мелочами этотъ человѣкъ, въ былое время сорившій огромныя деньги на цыганокъ, ни мало теперь не смущался, а частенько бывалъ веселъ и добродушно шутилъ надъ своимъ превращеніемъ, не произнося ни одной жалобы на свою „горькую судьбу", какъ дѣлаютъ обыкновенно всѣ фарисеи и мелочные людишки.

Далѣе, какъ мнѣ передавали, Юханцевъ съ матеріальной стороны былъ сравнительно обезпеченъ, но жилъ весьма скромно и вполнѣ корректно; отъ всѣхъ знавшихъ его пользовался любовью и уваженіемъ.

Онъ, до полученія помилованія и выѣзда въ Россію, долгое время завѣдывалъ въ Красноярскѣ знаменитою библіотекою г. Юдина; дѣлалъ для нея переводы съ иностранныхъ языковъ; давалъ уроки дѣтямъ мѣстныхъ интеллигентныхъ аристократовъ.

Но, наконецъ, Юханцеву была возвращена свобода на всѣ четыре стороны, кромѣ столицъ, и онъ воспользовался ею.

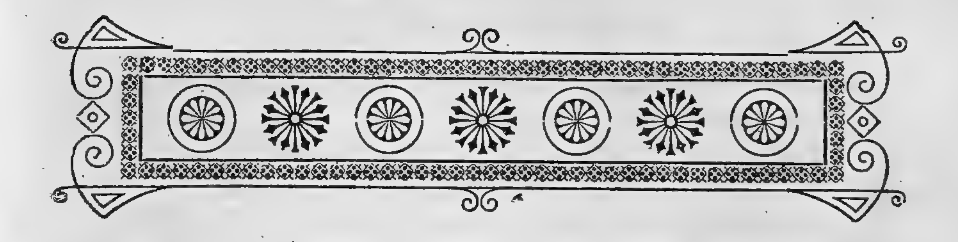
Выѣхалъ этотъ герой изъ Красноярска уже не тѣмъ орломъ, какъ прибылъ въ него, а почти дряхлымъ старикомъ; безъ вся-

кихъ признаковъ былого молодечества и красоты, съ которыми онъ прибылъ въ ссылку, вскорѣ послѣ жгучихъ ласкъ цыганки, Ольги Шишкиной!..

Юханцевъ, какъ и Раскольниковъ, вернулся къ свободной жизни съ новыми и прочными принципами и, думается намъ,—съ совершенно иными и спокойными взглядами на стремленія человѣческія.

К. А. Сапѣгинъ.

Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ [1].

(Воспоминанія запаснаго).

Матурань—это большая деревня, гдѣ были сосредоточены огромные интендантскіе склады и разныя тыловыя учрежденія арміи.

Теперь недалеко отъ Матурани шелъ ожесточенный бой отряда генерала Голембатовскаго и какъ говорили потомъ: храбрые полки, входящіе въ составъ этого отряда, молодецки дрались, переходя нѣсколько разъ въ стремительныя атаки, которыя увѣнчивались замѣтнымъ успѣхомъ, такъ какъ было взято въ этотъ день много японцевъ въ плѣнъ, а равно удалось захватить и нѣсколько ихнихъ пулеметовъ. Словомъ, какъ говорили, успѣхъ былъ на нашей сторонѣ, но тѣмъ не менѣе въ Матурани было очень неспокойно. Когда еще мы подходили къ Матурани, то помню, встрѣтили полкъ, идущій впередъ на поддержку войскъ Голембатовскаго. Солдаты шли бодро и весело. Видимо, движеніе впередъ ихъ воодушевляло. „Идемъ японца изъ деревни вышибать", отвѣчали они на предлагаемые имъ вопросы; и по лицамъ этихъ людей было видно, что они справятся съ честью съ той задачей, которая на нихъ была возложена. А въ той сторонѣ, куда они шли съ такимъ порывомъ и отвагой, слышался несмолкаемый грохотъ боя. Въ близъ лежащей деревнѣ упавшимъ непріятельскимъ снарядомъ что-то такое взорвало: послышался страшный оглушительный трескъ, и къ небу поднялся огромный клубъ темнаго дыма, въ которомъ видны были

---

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1910 г.

разлетающіеся въ разныя стороны какіе-то деревянные обломки. Что это взорвало,—такъ для насъ и осталось неизвѣстнымъ.

— Ишь, грохнула, проклятая,—говорили солдаты, глядя на расползающійся по небу огромный мрачный дымный клубокъ.

— А и сила же, братцы,—говорили другіе.

Интенданты въ Матурани, не получая никакихъ инструкцій отъ своего начальства, положительно не знали—что имъ дѣлать съ тѣми огромными складами продовольствія и фуража, которые здѣсь были заготовлены. Увезти ихъ не было никакой возможности, а на счетъ сжиганія они не получали никакихъ указаній.

И дѣйствительно, положеніе этихъ бѣдныхъ людей было очень затруднительное, тѣмъ болѣе, что въ Матурань начали уже временами падать непріятельскія шимозы. Бросить склады—скажутъ зачѣмъ не сожгли, а начать сжигать безъ разрѣшенія было рисковано, потому что этого не допускала всѣмъ извѣстная канцелярская формальность. Вотъ поэтому-то они и метались теперь, совершенно растерянные, ища всюду свое начальство, но онаго почему-то нигдѣ не находили.

По всему было видно, что мы не намѣрены долго задерживаться въ Матурани. Всюду здѣсь было какое-то спѣшное движеніе: укладывались и запрягались повозки и двуколки; денщики бѣгали съ озабоченными и потными лицами, вынося вещи штабныхъ офицеровъ на повозки; сами эти офицеры, чистенькіе и щеголевато одѣтые, стояли на глиняныхъ заборахъ фанзъ и съ биноклями въ рукахъ наблюдали за картиной жестокаго боя. Эскадронъ полевыхъ жандармовъ, подъ командою браваго ротмистра, строился на дворѣ одной изъ фанзъ, готовый тронуться въ путь по первому приказанію.

Мимо нашего полка, который сталъ за деревней совмѣстно съ другими полками дивизіи, проскакалъ какой-то генералъ изъ штабныхъ, съ одутловатымъ скопческимъ лицомъ—и на вопросъ командира полка о томъ, какія послѣдуютъ дальнѣйшія приказанія, грубо отвѣтилъ: „вы ихъ своевременно получите“ и, хлопнувъ нагайкой своего коня, поскакалъ дальше—конечно не впередъ.

— Знаемъ мы это „своевременно“, пробурчалъ себѣ подъ носъ командиръ. Онъ былъ золъ, потому что раненая рука давала о себѣ знать.

Такъ до солнечнаго заката мы простояли за Матуранью, не получая никакихъ „своевременныхъ“ приказаній, а потомъ кажется уже безъ всякихъ приказаній потянулись на Даваньганьпу, которая отстояла отъ Матурани въ верстахъ трехъ по направленію на Мукденъ.

У Даваньганьпу остановились, не зная что дѣлать дальше. Такъ

какъ оставалось только одно: во что бы то ни стало дождаться какихъ-нибудь приказаній, то начальникъ дивизіи остановилъ насъ, выславъ одинъ полкъ въ прикрытіе къ сторонѣ Матурани. И мы начали ждать, стоя на открытомъ полѣ.

Мимо насъ безпрерывно тянулись какія-то повозки, потомъ ящики, потомъ опять повозки, орудія, ящики, повозки, потомъ опять орудія. Все это тянулось медленно, идя въ нѣсколько рядовъ и очень часто останавливаясь, и исчезало гдѣ-то во тьмѣ, которая окутала уже землю чернымъ холоднымъ саваномъ.

Матурань горѣла. Вѣроятно интенданты, не получивъ своевременныхъ указаній, сами облили свое добро керосиномъ и устроили великолѣпную иллюминацію.

Въ темнотѣ послышался рѣзкій и крикливый голосъ, принадлежащій какому-то очевидно артиллерійскому начальнику, который сцѣпился съ какимъ-то генераломъ изъ штабныхъ: „я вамъ говорю, ваше превосходительство, кричалъ чуть-ли не съ пѣной у рта артиллеристъ: извольте дать мнѣ диспозицію, я не знаю до сихъ поръ—куда мнѣ идти со своей артиллеріей“.

Штабный генералъ отвѣчалъ тихо и, конечно, не имѣя при себѣ никакой диспозиціи, старался оправдаться, но артиллеристъ не уступалъ.

„Нѣтъ-съ ужъ вы не увиливайте, ваше превосходительство, а потрудитесь вручить мнѣ диспозицію; довольно уже намъ въ потемкахъ ходить“.

И такъ долго раздавался раздраженный рѣзкій голосъ артиллериста, но все же, надо полагать, ему и на сей разъ не удалось получить отъ штабного генерала не только диспозиціи, но даже и указаній относительно того—куда слѣдовать и что дѣлать.

— Однако онъ его ловко отбрилъ, говорили офицеры; давно бы пора за этихъ штабныхъ господъ приняться.

Пошелъ снѣгъ, а мы стояли въ полнѣйшемъ невѣдѣніи—что намъ дѣлать и куда слѣдовать. Въ Даваньганьпу также были огромные склады, и они теперь пылали такъ же ярко и сильно, какъ и въ Матурани. Между этой послѣдней и Даваньганьпу были сложены громадныя скирды гаоляна, и теперь эти скирды вдругъ запылали, и пламя начало освѣщать мѣстность по крайней мѣрѣ на версту во всѣ стороны. Картина полнаго разрушенія была ужасна и неописуема. Кругомъ пылали огромныя пожарища; пламя горячими языками поднималось почти къ самымъ низко ползущимъ надъ землею тучамъ, изъ которыхъ на землю медленно падали снѣговые хлопья. И при свѣтѣ пожарищъ эти медленно падающіе хлопья и тучи и земля были красны и казалось, что падающій на землю

снѣгъ покрываетъ ее краснымъ покровомъ; какъ будто кровью поливались теперь эти ужасныя поля, на которыхъ въ безпорядочномъ хаосѣ перемѣшались повозки и орудія, голодныя и усталыя лошади и не менѣе голодные и утомленные люди, которые не спали уже третью ночь.

Среди пламени и пожарищъ слышался несмолкаемый грохотъ ружейной перестрѣлки; это брошенные патроны сгорали въ морѣ огня, дополняя своимъ несмолкаемымъ трескомъ всю эту ужасную картину, на фонѣ которой главную роль играли безчисленныя фигуры валявшихся на землѣ въ полномъ изнеможеніи грязныхъ, озябшихъ и полубезумныхъ людей.

Такъ простояли мы часовъ до двухъ ночи; наконецъ дошло и до насъ приказаніе, въ которомъ главную роль играло слово „немедленно“.

Немедленно нашему начальнику дивизіи было приказано собрать такіе-то полки (нѣкоторые изъ нихъ были не изъ нашей дивизіи и начальнику дивизіи было совершенно неизвѣстно—гдѣ они находятся); немедленно взять такія-то батареи (мѣсто нахожденія ихъ было тоже неизвѣстно) и немедленно же слѣдовать съ этимъ отрядомъ черезъ такія-то и такія-то деревни—туда-то (по картѣ выходило верстъ 25) и тамъ поддержать такого-то генералъ-лейтенанта, который уже дерется съ непріятелемъ.

Конечно, самъ упоминаемый генералъ-лейтенантъ и не думалъ даже драться, какъ объ этомъ старались насъ увѣрить въ отданномъ приказаніи. Внѣ всякаго сомнѣнія, онъ только отдавалъ соотвѣтствующія приказанія и потомъ, судя по ходу боя, доносилъ своему начальству о томъ, что онъ или „потѣснилъ“ или „атаковалъ“ или обошелъ, или наконецъ самъ обойденъ. Но такъ уже принято.

Было приказано прибыть и оказать поддержку дерущимся войскамъ обязательно къ разсвѣту наступающаго дня, то есть 18 февраля. Другими словами: на сборъ отряда и на прохожденіе 25 верстъ давалось около 4-хъ часовъ времени.

Собрать отрядъ, но вѣдь это легко сдѣлать, когда всѣ части его находятся въ одномъ мѣстѣ, но извольте-ка вы ночью собрать разрозненные и неизвѣстно гдѣ находящіеся полки и батареи; но самымъ умилительнымъ „перломъ“ въ этомъ достопримѣчательномъ стратегическомъ измышленіи было то, что намъ необходимо было во что бы то ни стало въ теченіе 4—5 часовъ отмахать 25 верстъ; и это должны были исполнить люди, которые вотъ уже два дня только то и дѣлали, что дрались съ непріятелемъ, когда было свѣтло, а когда начинало темнѣть и наступала ночь, то ихъ, какъ барановъ, голодныхъ и усталыхъ, съ помутившимися мозгами, гнали куда-то

въ невѣдомую даль, и люди эти шли, какъ пьяные, спотыкаясь и падая и не зная, куда и зачѣмъ они идутъ и уже третью ночь не имѣютъ отдыха и не могутъ обогрѣться.

Непосильно было выполнить то, о чемъ приказывалось, но все же нужно было исполнить приказаніе. Невольно закрадывается мысль о томъ, что и самое-то приказаніе было отдано только для того, чтобы успокоить свою совѣсть и, въ случаѣ чего, чтобы можно было сказать высшему начальству, что приказаніе было отдано такъ-то и такъ-то, но почему тотъ, кому это было приказано, не сдѣлалъ такъ—въ этомъ уже его вина.

Поскакали адъютанты и ординарцы розыскивать назначенные въ отрядъ полки и батареи, но добрыхъ два часа прошло, прежде чѣмъ отрядъ наконецъ былъ сформированъ и могъ двинуться по назначенію.

Среди глубокой ночи, подъ падающими съ неба кровавыми хлопьями, среди этого моря пожарищъ, протискиваясь между запрудившими всю мѣстность орудіями, ящиками и повозками и топча по ногамъ валявшихся на землѣ полумертвыхъ отъ усталости людей, мы шли по указанному въ приказаніи направленію; шли очень медленно и неувѣренно, потому что была ночь, и мѣстность для насъ была совершенно незнакома.

Люди едва волочили ноги, качаясь и спотыкаясь на ходу; всѣ угрюмо молчали, и лишь только изрѣдка чей-нибудь тоскливый, страдальческій вздохъ да тихое восклицаніе: „о Господи, Царь небесный, милостивый“, давали понять ту тоску и муку, которую унесли эти люди въ сердцахъ своихъ.

Къ разсвѣту мы пришли въ Суходяпу, не сдѣлавъ и 10 верстъ; оставалось еще верстъ 15, и при данныхъ печальныхъ условіяхъ мы могли дойти до назначеннаго мѣста только къ вечеру.

Влѣво отъ насъ уже слышался грохотъ канонады; это вѣроятно и былъ тотъ бой, въ который мы должны были поспѣть къ разсвѣту—бой русскаго генералъ-лейтенанта съ японскимъ генералъ-маіоромъ.

Въ Суходяпу былъ полный хаосъ; да теперь мы такъ уже привыкли къ картинамъ безпорядочно-хаотическаго содержанія, что онѣ насъ и не поражали. Въ сердцѣ чувствовалась та преступная на войнѣ апатія ко всему, которая такъ страшна и нежелательна при данныхъ условіяхъ. Мчатся по дорогѣ, обгоняя одна другую, какія-то перегруженныя повозки и двуколки, — ну, чтожъ, пусть ихъ мчатся. Какіе-то солдаты во дворѣ одной изъ фанзъ галдятъ и ругаются, растаскивая сложенные здѣсь запасы, ну, чтожъ — пусть ругаются, пусть даже передерутся между собою, если это

имъ такъ нравится. Зарядный ящикъ свалился въ канаву, — ну, чтожъ, пусть себѣ валится, пусть пропадаютъ разсыпавшіеся по землѣ снаряды. Полная апатія, полное изнеможеніе и полный сумбуръ въ больныхъ мозгахъ.

Слава Богу, насъ, кажется, хотятъ остановить на привалъ: вотъ передній полкъ свернулъ съ дороги и строится въ колонну, за ними слѣдующій и слѣдующій, и мы становимся на высокомъ, обрывистомъ берегу рѣки, при чемъ съ равнины, распростершейся на той сторонѣ, до насъ доносится несмолкаемый гулъ жестокой канонады, да тянетъ холодный и рѣзкій вѣтеръ, осыпающій насъ густыми облаками пыли, перемѣшанной со снѣгомъ. Холодно и непривѣтливо. Замерзшая рѣка покрылась какимъ-то буроватымъ пыльнымъ налетомъ; растущій по берегу чахлый тальникъ, колеблемый вѣтромъ, совершенно окоченѣлъ отъ стужи; онъ, порывисто и какъ бы нервно содрогаясь, гнется къ землѣ и, кажется, молитъ кого-то объ избавленіи отъ страданій. А въ дали все бухаютъ и грохочутъ пушки, вырывая въ каждую данную минуту человѣческія жизни, и люди тамъ умираютъ, покорные неумолимой судьбѣ, и быть можетъ безъ особаго сожалѣнія разставаясь съ этимъ грустнымъ міромъ.

На наше счастіе кашевары въ теченіе ночи успѣли сварить намъ горячую похлебку, которую мы наскоро и поѣли, согрѣвъ и насытивъ наши голодные желудки.

Простоявъ съ полчаса на этомъ мѣстѣ, мы пошли дальше, черезъ какую-то большую деревню, въ которой находился одинъ изъ госпиталей. Здѣсь у воротъ фанзы стояли, помню, двѣ молодыя и смазливыя сестры, которыя о чемъ-то весело щебетали съ нѣсколькими окружавшими ихъ врачами, пропуская мимо себя утомленные полки и какъ бы любуясь запыленными, грязными солдатами. Не могу понять, почему эта молодая компанія была такъ весела въ это далеко не веселое время.

Къ полдню мы пришли въ Мадяпу и стали на большой привалъ. Картина хаоса и здѣсь была полная, и здѣсь все время мимо насъ дефилировали безчисленныя повозки, тѣснясь около единственнаго моста и торопясь скорѣе переѣхать на другую сторону рѣки. Временами повозокъ этихъ скапливалось такъ много, что онѣ запружали собою всю дорогу, сцѣпливаясь другъ съ другомъ колесами, и тогда конюха поднимали ужасный крикъ и пускали въ оборотъ самыя отборныя ругательства. Грохотъ канонады не прекращался, и теперь мы все приближались къ ней. Близъ самаго Мадяпу раздался вдругъ оглушительный взрывъ, который произвелъ нѣкоторый переполохъ среди людей. Сначала думали, что это какой-нибудь тяжелый непріятельскій снарядъ былъ направленъ въ стоя-

щую на бивакѣ колонну нашего отряда и, конечно, если бы японцы въ дѣйствительности были бы въ состояніи обстрѣлять насъ артиллерійскимъ огнемъ, то этимъ, благодаря нашей скученности, они нанесли бы намъ огромный вредъ. Но какъ оказалось, это былъ умышленно произведенный нашими инженерами взрывъ какого-то сооруженія, и опасность сама собою миновала.

Выступивъ изъ Мадяпу, мы пошли вдоль высокой насыпи, которая когда-то была сдѣлана для предполагаемой здѣсь желѣзной дороги, но въ верстахъ двухъ отъ Мадяпу эта насыпь прекращалась, и тутъ открывался огромный кругозоръ на мѣстность, находящуюся по ту сторону насыпи.

Пока мы шли за насыпью, мы были скрыты отъ непріятеля, но едва нашъ авангардъ миновалъ насыпь и вышелъ на совершенно ровное и открытое поле, какъ съ лѣвой стороны посыпались ружейныя пули. Непріятель видимо владѣлъ уже этой мѣстностью и по отношенію нашей колонны занималъ фланговое положеніе.

Авангардъ развернулъ боевой порядокъ, готовый принять на себя ударъ, а колонна главныхъ силъ, во главѣ которыхъ шелъ нашъ полкъ, дойдя до конца насыпи, остановилась, дабы не обнаруживать себя передъ непріятелемъ впредь до выясненія обстановки.

Но какъ выяснить эту обстановку. Кавалеріи у насъ не было. Завязать перестрѣлку авангардомъ, — но это едва-ли къ чему-нибудь привело бы, такъ какъ японцы, отвѣчая на наши выстрѣлы, конечно постарались бы нарочно умалить свои силы съ тѣмъ, чтобы, выманивъ насъ на поле, обрушиться на насъ всею массою тогда, когда мы, представляя имъ свой флангъ, тянулись бы въ колоннѣ.

Начальникъ дивизіи, видя, что силы его слишкомъ незначительны для такого рискованнаго предпріятія, какъ фланговый маршъ вблизи противника, силы котораго были ему совершенно неизвѣстны, къ тому же сознавая, что части его отряда чрезмѣрно утомлены, созвалъ совѣтъ. Не знаю, что тамъ говорили, но только намъ было приказано повернуть кругомъ и идти обратно въ Мадяпу, съ тѣмъ, чтобы перейти на другую дорогу, которая шла параллельно нашей теперешней, но только версты на три дальше отъ непріятеля.

Повернули и медленно потянулись назадъ.

Артиллерія наша почему-то застряла на заворотѣ, и мы простояли около желѣзно-дорожной насыпи до наступленія полной темноты, дожидаясь, пока артиллерія не двинется съ мѣста, а она все стояла и стояла вѣроятно потому, что ей мѣшали проходящіе черезъ Мадяпу обозы и парки.

Наконецъ, уже когда совсѣмъ стало темно, мы тронулись и,

пройдя Мадяпу, очутились въ какой-то небольшой деревушкѣ—въ верстѣ отъ послѣдней, гдѣ почему-то было приказано остановиться, построиться въ резервный порядокъ и ждать дальнѣйшихъ приказаній, а пока таковыя послѣдуютъ—выслать двѣ роты въ сторожевое охраненіе.

Все это было исполнено, и мы начали ждать.

Въ совершенной темнотѣ и не обращая уже вниманія на холодный вѣтеръ, люди повалились на землю, стараясь хоть немного заснуть, но полагаю, что никто не уснулъ, потому что было очень холодно.

Кругомъ на далекомъ горизонтѣ безпрестанно вспыхивали какіе-то таинственные огоньки; поднимались къ небу какія-то ракетки, которыя и разсыпались снопами красныхъ искръ въ вышинѣ, и все это производилось при полномъ молчаніи, и только холодный вѣтеръ выль свою монотонную и заунывную пѣсню.

Очевидно, всѣ эти огоньки-ракетки, которыя вспыхивали и потухали, были не что иное, какъ сигналы, съ помощью которыхъ непріятельскіе военачальники вели между собою переговоры и посылали моментальныя извѣстія за десятки верстъ.

Взлетитъ такая ракетка гдѣ-то далеко-далеко на одномъ краю темнаго небосклона, взлетитъ и таинственно разсыплется на тысячи красныхъ искръ—беззвучно и безшумно и, смотришь, через минуту на противоположномъ краю горизонта взлетаетъ такая же ракетка и также таинственно разсыпаетъ свои красныя искры въ безпредѣльной тьмѣ. Потомъ снова взлетаютъ двѣ ракетки на прежней части горизонта, и имъ вторятъ такія же двѣ противоположной его части.

Дѣло сигнализаціи въ японской арміи очевидно было доведено до совершенства, и вѣроятно эти взлетающія ракетки и вспыхивающіе огоньки имѣли свой языкъ, слова котораго только для насъ составляли глубокую тайну, но были такъ ясны и понятны для тѣхъ, кто ими пользовался.

Часовъ въ 12 ночи получилось приказаніе слѣдовать въ деревню Янсытунь, до которой было около 4 верстъ, но мы для того, чтобы пройти это ничтожное разстояніе, употребили цѣлую ночь и только лишь къ разсвѣту 19 февраля прибыли въ Янсытунь. Причиной этому было то, что весь путь былъ совершенно загроможденъ артиллеріей, парками и обозами, которые въ нѣсколько рядовъ загромоздили дорогу и, казалось—не были въ состояніи двинуться съ мѣста: настолько плотно они сцѣпились между собою и стояли густой безпорядочной массой.

Кое-какъ, лавируя между повозками, проходя подъ мордами

утомленныхъ и апатично стоявшихъ лошадей, обходя, гдѣ было можно, эту безпорядочную толпу стороной, мы шагъ за шагомъ продвигались впередъ и, надо просто удивляться тому—какъ это мы всѣ не разбрелись, не потерялись въ этой темнотѣ и полнѣйшей неурядицѣ.

Но вотъ въ деревнѣ Фоганьтунь, отстоящей всего только въ одной верстѣ отъ Янсытуня, мы наткнулись на такое столпотвореніе вавилонское, что ужаснѣе этого трудно себѣ что-либо представить. Въ этой деревнѣ были огромные склады, которые по нашему обыкновенію были отданы на расхищеніе проходящимъ войскамъ.

Странное и непонятное обыкновеніе, которое весьма нерѣдко приходилось наблюдать во время нашихъ злополучныхъ отступленій. Казалось, что тѣ люди, по иниціативѣ которыхъ отдавались подобныя странныя распоряженія, какъ бы нарочно дѣлали это для того, чтобы усугубить тотъ безпорядокъ, который и безъ того почти неизбѣженъ во время отступательныхъ маршей вообще, а ночныхъ въ особенности.

Боже мой, что здѣсь творилось: невообразимая путаница, шумъ, гвалтъ, споры и ссоры между солдатами, крики офицеровъ; вороха бѣлья, разбросанные всюду, полушубки, папахи, даже помню ящикъ съ конфетами, который схватилъ какой-то солдатъ и, чувствуя, что онъ очень тяжелъ, швырнулъ его объ землю со словами: „тащи, ребята,—сласти принесъ"; и огромная толпа солдатъ, толкая и давя другъ друга, набросилась на эти конфеты и почти съ остервенѣніемъ начала набивать ими свои рты и карманы.

Какіе-то глубокія канавы и высокіе валы, черезъ которые пришлось перелазить, подсаживая другъ друга, и толпа, толпа, толпа, безсмысленная и ужасная толпа, которой нѣтъ удержу, съ которой невозможно справиться и которая не только не понимаетъ, но даже и не слушаетъ никакихъ убѣжденій, не признаетъ никакихъ резоновъ, кромѣ развѣ хорошаго тумака. И все это вблизи непріятеля, гдѣ-то притаившагося среди сумрака холодной ночи; того непріятеля, которому и эта ночь не мѣшаетъ осмысленно дѣлать задуманное дѣло,—энергично стремиться къ разъ намѣченной цѣли и вести переговоры о томъ, какъ окончательно нанести намъ пораженіе.

Тяжело вспоминать о всѣхъ этихъ безобразіяхъ, но еще тяжелѣе переживать ихъ: самое же ужасное—это сознавать свое полнѣйшее безсиліе помочь горю.

Къ чести нашего полка опять-таки скажу, что наши люди не принимали участія во всѣхъ этихъ безобразіяхъ и единственно, чѣмъ попользовались наши солдаты—это консервами и сахаромъ,

недостатокъ чего сильно у насъ ощущался, но и это пользованіе, благодаря распорядительности и вниманію офицеровъ, было упорядочено. Людямъ говорили: „берите консервы, берите сахаръ, берите что вамъ нужно, но черезъ десять минутъ будьте всѣ вотъ на этомъ мѣстѣ“, и люди такъ и поступали.

То обстоятельство, что солдаты запаслись консервами и сахаромъ, принесло намъ огромную пользу, такъ какъ во время пятидневнаго боя въ Янсытунѣ наши кухни могли подвозить пищу только по ночамъ, да и то ночью не всегда было спокойно; тутъ же, имѣя при себѣ изобиліе консервовъ, сахару и сухарей, люди этимъ питались и поддерживали свои упавшія силы.

Наконецъ, когда уже начало свѣтать, намъ удалось выбраться изъ этого проклятаго Фоганьтуня, и вскорѣ мы пришли въ Янсытунь, гдѣ и расположились на какомъ-то дворѣ, обнесенномъ невысокой глинобитной стѣнкой.

Это было 19 февраля утромъ.

Мы узнали, что здѣсь насъ присоединили къ отряду генерала Церпицкаго, и были очень довольны, потому что храбрость этого генерала и его способность и умѣнье дѣйствовать на войска были уже извѣстны въ арміи, и вообще онъ въ глазахъ войскъ считался однимъ изъ лучшихъ и надежныхъ.

Въ деревнѣ мы зашли въ одну изъ фанзъ, которая вся была переполнена китайцами. Они еще спали въ двухъ комнатахъ, расположенныхъ по обѣ стороны передней. Вышелъ какой-то старикъ, съ непривѣтливымъ и озлобленнымъ лицомъ, нервно захлопнувъ за собою дверь, чѣмъ и показалъ намъ, что дальше передней насъ пускать не намѣрены. Мы конечно не стали домогаться пропуска въ обитаемыя помѣщенія, а остались тутъ же. Черезъ четверть часа обитатели фанзы начали просыпаться. Въ переднюю одна за другой выползали грязныя и неуклюжія бабы въ синихъ балахонахъ съ огромными трубками въ рукахъ. Тутъ были и старухи и молодыя, и всѣ онѣ были необычайно грязны и безобразны. Изъ полуотворенныхъ дверей въ жилыя помѣщенія неслся довольно ощутительный „ароматъ“, который конечно нельзя сравнить съ тѣмъ тонкимъ ароматомъ, который насыщаетъ собою воздухъ въ изящномъ будуарѣ красавицы. Но конечно на эти мелочи никто не обращалъ вниманія. Проснувшіеся мужчины не вступали съ нами рѣшительно ни въ какіе разговоры и даже старались дѣлать видъ что какъ будто бы они насъ и совсѣмъ не замѣчаютъ.

Не долго намъ пришлось быть въ бездѣйствіи. Солдаты едва успѣли закусить разогрѣтыми консервами и побаловаться горячень-

кимъ чайкомъ, какъ уже получилось свѣдѣніе о появленіи съ запада со стороны деревни Нингуаньтунь японцевъ.

Полкъ закопошился. Роты спѣшно начали строиться, и черезъ 10 минутъ мы уже тянулись длинной колонной на ровное и открытое мѣсто между деревнями Янсытунь и Фогантунь, которое мы и должны были занять. Когда вышли на открытую площадь, то съ запада до насъ начали долетать уже пули, хотя, правда, и не частыя, но во всякомъ случаѣ показывающія, что непріятель появился.

Редутъ, что былъ возведенъ на западной окраинѣ Янсытуня, былъ уже занятъ однимъ изъ полковъ нашего отряда, а намъ было приказано стать во вторую линію и въ случаѣ атаки противника поддержать войска первой линіи.

Конечно, самое удобное было бы для этого расположиться за деревней, но здѣсь мѣсто было уже занято другою частью войскъ, а потому насъ и повели въ промежутокъ между деревнями, разсчитывая развести полкъ по-ротно и укрыть роты за могилками и небольшими рощицами, которыя были разбросаны на этой площади. Такъ оно и было сдѣлано, но оказалось, что только нѣкоторыя роты были въ состояніи укрыться за мѣстными предметами, а остальнымъ пришлось остаться на совершенно открытой мѣстности, и если бы японцы открыли артиллерійскій огонь, то полкъ неминуемо понесъ бы огромныя потери.

Положеніе было непріятное, но къ счастью для насъ непріятель вѣроятно еще не успѣлъ подвезти сюда свою артиллерію и продолжалъ пока только обстрѣливать насъ рѣдкимъ и дальнимъ ружейнымъ огнемъ, который не принесъ намъ, слава Богу, никакихъ потерь.

Съ часъ мы пробыли на этомъ мѣстѣ, и на наше счастье получилось отъ начальника дивизіи приказаніе, указывающее, что задача полка состоитъ въ томъ, чтобы въ случаѣ атаки помочь центру и правому флангу, въ виду чего и приходилось уходить съ этого мѣста.

Рота за ротой осторожно мы перебрались за Янсытунь и тутъ кое-какъ размѣстились во рвахъ и за стѣнками деревни, и лишь только мы очистили это ровное мѣсто, какъ японцы открыли по немъ жестокій артиллерійскій огонь. Странно, неужели они не замѣтили, какъ отсюда постепенно отходили наши роты. Хороши бы мы были, если бы этотъ огонь засталъ насъ на этой ровной площади, но Богъ помиловалъ, и мы избѣжали излишнихъ и напрасныхъ потерь.

Обстрѣлявъ эту площадь, непріятель перенесъ огонь на самую

деревню и до самаго вечера забрасывалъ насъ снарядами, видимо стараясь во что бы то ни стало найти нашу артиллерію, которая, будучи расположена въ ложбинѣ за деревнею, энергично отвѣчала на огонь непріятеля.

Въ полку за этотъ день было нѣсколько десятковъ раненыхъ, хотя канонада достигала временами до ужасающей силы; шимозы, шрапнели и шестидюймовыя осадныя бомбы оглашали воздухъ потрясающими звуками разрывовъ, свистомъ пуль и осколковъ, а ружейныя пули дополняли этотъ концертъ своимъ довольно непріятнымъ пѣніемъ.

Въ этотъ день японцы насъ не атаковали, и лишь только утромъ изъ деревни Нингуаньтунь вышла какая-то пѣхотная часть и стремительно повела атаку на редутъ, сооруженный къ западу отъ Янцытуня, вѣроятно думая, что быть можетъ онъ еще не занятъ нашими войсками, но энергичный командиръ занимавшаго этотъ редутъ полка—полковникъ Ю. подпустилъ ихъ шаговъ на 800, а потомъ открылъ жестокій огонь, и они, потерявъ много людей убитыми и ранеными и бросивъ ихъ тутъ же на полѣ, повернули назадъ, и надо думать, что это нѣсколько ослабило ихъ пылъ.

Какъ бы въ отместку, они, какъ уже было сказано, держали насъ цѣлый день подъ такимъ сильнымъ огнемъ, что даже дрожала земля, и деревня очень часто исчезала совершенно въ облакахъ бураватаго дыма и пыли.

Къ вечеру стрѣльба утихла.

Утро 20 февраля было ясное и тихое. Воробьи такъ громко и мирно чирикали, сидя на оголенныхъ деревьяхъ; они радовались, что вотъ сейчасъ на этомъ ясномъ безоблачномъ небѣ взойдетъ солнце и согрѣетъ и приголубитъ ихъ.

Для нихъ—веселыхъ и довольныхъ, перепархивающихъ съ сучка на сучекъ, это солнце было по истинѣ „солнцемъ правды", а намъ, людямъ, оно несло со своимъ восходомъ снова непріятные часы и минуты тяжелаго ожиданія.

И дѣйствительно, какъ только первые лучи пронизали холодный неподвижный воздухъ и освѣтили верхушки деревьевъ и фанзъ, такъ сейчасъ же заревѣли пушки, и люди снова начали убивать другъ друга.

А воробьи по-прежнему беззаботно и радостно чирикали, перепархивая стаями съ дерева на дерево.

Вотъ проносится неподалеку отъ такого веселаго общества, размѣстившагося на сучьяхъ огромнаго дерева, непріятельскій снарядъ и грохается со всего размаха объ мерзлую землю. Ву-у-у!—разлетаются съ визгомъ осколки въ разныя стороны. Воробьи на секунду

сразу смолкаютъ, какъ бы удивляясь, „что сей сонъ значитъ“. Потомъ они всѣ снимаются съ этого дерева и перелетаютъ на другое и тамъ снова начинаютъ весело и беззаботно щебетать, какъ бы дѣлясь своими впечатлѣніями и подсмѣиваясь надъ довольно глупыми съ воробьиной точки зрѣнія шутками, которыми теперь забавляются эти двуногія твари, вездѣ и всюду валяющіяся по землѣ. Прилетаетъ шрапнель и рвется неподалеку отъ дерева: тр-рах-піу-у-у!—раздается въ воздухѣ, и воробьи слетаютъ дружной стаей, какъ бы по командѣ улетаютъ далеко—далеко, вѣроятно сообразивъ, что шутки этихъ двуногихъ тварей и для нихъ—воробьевъ, могутъ окончиться очень плачевно.

Мы наблюдали въ бинокль за тѣмъ, что дѣлается впереди, а тамъ съ самаго утра японцы начали энергично ломить впередъ, напирая повидимому на Фоганьтунь и забрасывая насъ на Янсытунѣ снарядами, вѣроятно для того, чтобы не дать намъ возможности помочь сосѣдямъ.

Видно было, какъ по ровному полю двигались ряды людей, скакали какія-то лошади, видны были повозки, которыя опрометью носились по полю, вѣроятно или подвозя патроны, или же стараясь укрыться отъ огня. И все это двигалось въ дыму отъ безпрестанно и всюду разрывающихся снарядовъ.

Наша пѣхота положительно „исходила“ свинцомъ. Казалось, что рвали какіе-то огромные куски матеріи и рвали ихъ безпрерывно. Съ трескомъ барабана нельзя сравнивать бѣглый боевой огонь; это именно такое же впечатлѣніе, какое получилось бы, если бы заставить тысячи людей разрывать на куски какую-нибудь плотную и толстую ткань. Въ бинокль было ясно видно, какъ падали люди, и какъ новые и новые ряды напирали все впередъ и впередъ.

Шла бѣшеная атака.

— Господи, помоги, крестясь, говорили солдаты: поддержи, Господи. Лица у большинства были блѣдныя, и руки нервно сжимали винтовки.

И странно: эти люди, которые сами три дня тому назадъ отбивали въ теченіе цѣлаго дня атаки непріятеля, которые на другой день послѣ этого шли подъ жестокимъ огнемъ впередъ, прикрывая отступленіе товарищей и которые раньше еще до этого сплошной и могучей лавиной ломили на непріятеля, желая во что бы то ни стало выбить его изъ деревни,—теперь эти же люди были блѣдны. Безсонныя ли ночи, постоянное ли нервное напряженіе повліяло на нихъ, объяснить этого не берусь, но пишу такъ, какъ оно и было на дѣлѣ.

Прискакалъ отъ начальника дивизіи молодой и симпатичный юноша—ординарецъ, бывшій прапорщикъ нашего полка и, запыхав-

шись, началъ докладывать командиру: „господинъ полковникъ, японцы атакуютъ; одна рота сосѣдняго съ нами полка уже отступила. Начальникъ дивизіи приказалъ вамъ поддержать боевую линію хотя бы однимъ баталіономъ“.

—„Въ ружье!“—сейчасъ же раздалась команда. Солдаты, крестясь, начали разбирать ружья и мѣшкотно выстраивались за стѣнками, за которыми они только что сидѣли.

—За мной, шагомъ маршъ! снова раздалась громкая и энергичная команда, и тотъ, кто командовалъ, ставъ во главѣ ротъ, повелъ ихъ на улицу деревни, которая направлялась къ войскамъ передовой линіи.

Вдоль улицы несся намъ навстрѣчу ураганъ свинца; снаряды грохотали во всѣхъ направленіяхъ. Наши роты шли, держась ближе къ продольной стѣнкѣ съ тѣмъ, чтобы хоть немного укрыться отъ огня. Люди сгибались и шли какъ-то вяло—нерѣшительно. Полковникъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что за нимъ идетъ не болѣе 50 человѣкъ, а остальные люди только по одиночкѣ выбѣгали изъ-за стѣнокъ и, согнувшись, догоняютъ товарищей.

—Стой! закричалъ онъ,..... этакіе. Что, японскихъ штыковъ испугались.—И тутъ послѣдовало крѣпкое словцо.

Моментально картина перемѣнилась. Люди выпрямились и стройно стали въ отдѣленіе.—К., обратился полковникъ къ молодцу зауряд-прапорщику: бѣгите какъ можно скорѣе и гоните людей изъ-за стѣнокъ; пока всѣ не придутъ—не поведу впередъ, потому что стыдно вмѣсто баталіона подводить какую-то несчастную горсть.

Не прошло и минуты, какъ весь баталіонъ собрался.

— Шагомъ маршъ!—снова раздалась громкая команда, и теперь уже по улицѣ двигалось не стадо испуганныхъ гусей, а могучая россійская пѣхота, которая мѣрно отбивала шагъ по мерзлой землѣ и которую, казалось, нельзя было сокрушить непріятельскимъ штыкомъ.

Вскорѣ мы пришли на назначенное мѣсто. Здѣсь былъ и начальникъ дивизіи.

— Здорово, братцы!—раздался его не громкій, но спокойный голосъ.

— Здравья желаемъ!—отвѣтили на привѣтствіе любимаго начальника сотни бодрыхъ солдатскихъ голосовъ.

Тутъ же я замѣтилъ, какъ нѣсколько солдатъ вели подъ руки раненнаго пулею въ голову начальника дивизіоннаго штаба. Пуля прошла ему на вылетъ въ обѣ щеки, выбила нѣсколько зубовъ и повредила челюсть.

Мы подошли тогда, когда атака была уже отбита, и начальникъ

дивизіи сказалъ, что вызвалъ насъ только для того, чтобы подбодрить войска, а то вотъ рота одна уже отступила, и можно было опасаться за то, что этотъ примѣръ подѣйствуетъ пагубно и на прочія части; словомъ, необходимо было влить свѣжую часть, такъ какъ это сильно подбодряетъ людей.

Отступившая рота была изъ того полка, который по сосѣдству съ нами занималъ деревню Фогантунь. Часть людей этой роты — человѣкъ 25 прибыла въ Янцытунь, и теперь эти люди какъ-то приниженно жались около стѣнокъ, не смѣя отъ стыда смотрѣть прямо передъ собою. Помню, среди нихъ былъ юноша вольноопредѣляющійся; былъ также одинъ солдатъ,—рослый и красивый молодецъ съ крестомъ на груди; было и нѣсколько бородачей запасныхъ, и всѣ они теперь смотрѣли сконфуженно и приниженно. Жаль было этихъ несчастныхъ людей, которые выносили теперь въ своихъ сердцахъ смертельную тоску и муку. Помню, что многіе, очень многіе старались уколоть самолюбіе этихъ несчастныхъ, не стѣсняясь называли ихъ подлыми трусами, и называли даже такіе люди, которые не имѣли нравственнаго права произносить этого слова, а они, оплеванные и униженные, какъ-то съежились и молча стояли, переживая смертельную тоску.

Какъ оказалось это впослѣдствіи, они совсѣмъ и не думали быть трусами, потому что до конца выполнили бы свой долгъ, какъ честные солдаты, но обстоятельства сложились для нихъ такъ невыгодно, что они принуждены были оставить свой постъ.

Ихъ рота занимала совершенно ровный и открытый участокъ, и они не успѣли сдѣлать окоповъ, за неимѣніемъ надлежащаго шанцеваго инструмента; а между тѣмъ началась убійственная канонада и непріятель повелъ атаку. Несмотря на это, они все же таки не покидали своего поста и, теряя многихъ своихъ товарищей, отстрѣливались, на сколько были въ силахъ. И вдругъ на нихъ съ тыла полетѣли свои же шрапнели и начали вырывать и безъ того сильно порѣдѣвшіе ряды. Вотъ то положеніе, въ которомъ ради ошибки, столь возможной на войнѣ и довольно не рѣдко случавшейся, очутились эти несчастные люди. Есть ли хоть какая-нибудь возможность—быть въ ихъ ужасномъ положеніи и не дрогнуть, и они дѣйствительно дрогнули,—не вынесли этой невозможной пытки, а за это ихъ теперь клеймили позоромъ.

Не знаю, что сталось съ этими несчастными, но вѣрьте, если вы еще живы, что и вы—честные солдаты, и что если васъ тогда оскорбляли, такъ только потому, что всѣ эти ужасы, вся эта кровь, трупы и вопли также сильно дѣйствовали на вашихъ судей, и что эти судьи сами переживали нечеловѣческія нравственныя муки,

которыя и сдѣлали ихъ слишкомъ жестокими и черствыми при произнесеніи надъ нами приговора.

До самаго почти вечера непріятель производилъ атаку за атакой, и перестрѣлка то утихала, то поднимался такой адскій грохотъ, что хоть уши затыкай.

Помню, въ нашъ полкъ безпрестанно приводили подъ стражу какихъ-то китайцевъ, которые были кѣмъ-то пойманы, какъ шпіоны. Многіе изъ нихъ были ранены и всѣхъ ихъ отсылали въ ровъ, который былъ за деревней; тамъ подъ карауломъ они и содержались до наступленія темноты, послѣ чего ихъ препровождали въ штабъ отряда.

Помню, привели какого-то здоровеннаго солдата Н—скаго полка, который хотѣлъ перебѣжать къ японцамъ, но былъ пойманъ и задержанъ товарищами. Его вели связаннаго; одежда на немъ была порвана; лицо грязное и со слѣдами кровоподтековъ, а глаза свѣтились какой-то особенной грустью. Подвели его къ командиру полка.

—Ваше Высокоблагородіе, заговорилъ этотъ солдатъ тихимъ и сдавленнымъ голосомъ: вѣдь всѣ мы-братья во Христѣ, а Онъ училъ насъ никого не обижать и не убивать....

—Ну-ну-ну, веди его, нечего тутъ растобаривать, сказалъ командиръ съ досадой. И его повели.

Какъ потомъ разсказывали, онъ долго лежалъ молча, связанный, а потомъ не выдержалъ и началъ страшно ругаться; ругалъ онъ всѣхъ самыми отборными словами, даже какъ говорили — и богохульствовалъ; и въ этой ругани было что-то ужасное — что-то не человѣческое—безумное. Разсказывали потомъ, что его разстрѣляли.

Помню, въ этотъ же день произошелъ одинъ трогательный случай, котораго никогда не забуду: во время сильнѣйшей канонады, когда воздухъ трясся отъ безпрестанныхъ оглушительныхъ взрывовъ шести-дюймовыхъ бомбъ, шимозъ и шрапнелей, вдругъ на улицѣ деревни появилась древняя старуха-китаянка. Она шла съ клюкой и нащупывала ею дорогу, изъ чего и можно было заключить, что она слѣпа, а такъ какъ звукъ падающихъ и рвущихся снарядовъ видимо не производилъ на нее никакого впечатлѣнія, то, вѣроятно, и чувство слуха у нея было атрофировано. Она едва передвигала ноги и шла съ такою скоростью, что, вѣроятно, ползущая рядомъ съ нею черепаха давно бы обогнала ее и прибыла бы на мѣсто назначенія значительно раньше.

Солдаты долго и молча смотрѣли на эту передвигающуюся тѣнь,—на это напоминаніе о давно минувшей молодости и быть можетъ и красотѣ.

— Однако, братцы, ушибетъ бабушку-то, сказалъ какой-то солдатъ.

— Извѣстно, ушибетъ. И зачѣмъ только въ такую непогодь изъ дому вышла.

Послышался сдержанный смѣхъ.

— Надо провесть бабушку, а то грѣхъ будетъ, сказалъ другой молодой солдатъ, съ лихо заломленной на затылокъ папахой, которая открывала его дышащее здоровьемъ, доброе и симпатичное лицо, на которое положительно можно было любоваться.

Сказавъ это, онъ быстро подбѣжалъ къ старухѣ, схватилъ ее подъ руку и быстро повелъ. Старуха и не упиралась, и вскорѣ они исчезли за поворотомъ улицы.

Минутъ черезъ пять солдатъ этотъ вернулся.—И Боже Ты мой, говорилъ онъ: привелъ эту я бабушку въ фанзу, а тамъ биткомъ китаемъ набито; всѣ плачутъ и вопль такой, что я бросилъ тамъ бабушку да и назадъ; мочи нѣтъ смотрѣть-то на нихъ: этта бомба, значитъ, грохнула недалеко отъ фанзы; что народу перекалѣчила,—страсть; и старики и бабы и дѣти,—всѣмъ на орѣхи попало.

— Вотъ, братцы мои, и за что это, къ примѣру, энтому бѣдному Китаю влетаетъ; мы, къ примѣру, солдаты, наше дѣло стало быть такое, а онъ—Китай, ничѣмъ, къ примѣру, тутъ не повиненъ.

— Н—да, братъ: это точно что не за что; такъ ужъ ему такая незадача въ жисти выпала. И солдаты замолчали, не будучи въ состояніи разрѣшить этихъ вопросовъ, да и едва-ли кто-либо въ состояніи разрѣшить ихъ.

Фанза, въ которую сносили раненыхъ, была тутъ же—въ деревнѣ. На дворѣ были сложены убитые. Они лежали рядышкомъ, кто на спинѣ, кто на боку. У нѣкоторыхъ сжатыя въ кулаки руки были подняты къ верху, какъ будто бы они грозили этими кулаками самому небу. Тутъ же валялись убитыя лошади; у одной, помню, была перебита задняя нога, и окровавленная кость торчала наружу. Почему-то эта кость особенно рельефно выдѣлялась на общемъ фонѣ картины.

Въ самой фанзѣ была давка. Три доктора едва успѣвали справляться со своимъ дѣломъ; все подносили и подносили раненыхъ, и не было уже мѣста на канахъ, а потому ихъ и сваливали прямо на полъ. Нѣкоторые хрипѣли въ предсмертной агоніи, нѣкоторые бредили и ругались отборными словами, а нѣкоторые такъ ужасно и протяжно стонали, что не было возможности выносить этихъ звуковъ, выражающихъ нечеловѣческія мученья. Всюду грязь, кровь, куски рваной одежды, запахъ карболки и непріятный запахъ крови. Раненый начальникъ штаба сидѣлъ на канѣ. Онъ не могъ говорить, потому что пуля, пробивъ ему обѣ щеки, выбила зубы и по-

вредила челюсть. Онъ только перекрестилъ нашего командира, который зашелъ сюда перевязаться. У обоихъ на глазахъ были слезы. Доктора положительно сбились съ ногъ, дѣлая перевязки; руки и лица у нихъ были въ крови, а они работали, работали и работали, и казалось, что нервы у нихъ уже окончательно притупились, и они видѣли передъ собою не искалѣченныхъ мучающихся людей, а какихъ-то истукановъ, которые хрипятъ, корчатся, стонутъ и мычатъ не потому, что имъ больно, а потому, что въ каждомъ изъ нихъ вставлена машинка, которая и издаетъ все время одинъ и тотъ же звукъ.

Скверно и невыносимо тяжко быть на перевязочномъ пунктѣ.

Подъ вечеръ нашему полку было приказано усилить одной ротой гарнизонъ редута, который былъ при выходѣ изъ деревни, а четырьмя ротами—усилить его фланги. Ожидали ночного штурма, а потому и принимали эти мѣры.

Часа за два до наступленія темноты непріятель открылъ такой убійственный огонь по деревнѣ, какого, кажется, еще не было. Шестидюймовыя бомбы одна за другой грохались объ землю, и земля буквально вздрагивала отъ ихъ тяжелаго паденія. Пудовые осколки ударялись объ стѣнку, пробивали ихъ, или же отскакивали, дѣлали прыжки и рикошеты по землѣ, страшно и сердито фурча въ воздухѣ и убивая на смерть попадавшихъ имъ на дорогѣ людей. Пули отъ этихъ чудовищныхъ снарядовъ наполняли воздухъ адскимъ визгомъ. Пыль поднялась такая, что вмѣстѣ съ дымомъ она закутала все какъ-бы завѣсой и затмила собою склоняющееся къ горизонту солнце.

Непріятель видимо готовился къ штурму и открылъ эту пальбу, съ цѣлью перебить у насъ возможно больше людей и тѣмъ облегчить себѣ выполненіе задачи.

Снаряды летѣли на насъ и съ фронта и слѣва. Помню, одна шести-дюймовая бомба упала какъ разъ около первой роты нашего полка и вырвала сразу семь человѣкъ. Земля задрожала отъ страшнаго взрыва; пули и осколки съ визгомъ разлетѣлись, и въ облакѣ дыма послышались отчаянные вопли.

— Санитары! санитары! вопили растерявшіеся солдаты. Многіе крестились, вздыхали и говорили: О Господи, всѣхъ перебьетъ, всѣмъ смерть пришла.

Блѣдные и измученные санитары, которые отъ усталости едва не валились съ ногъ, сгибаясь подъ летящими пулями и снарядами и неся пропитанныя кровью носилки, побѣжали къ тому мѣсту, куда ихъ звали, и вскорѣ двое носилокъ несли уже мимо насъ; остальные люди были мертвы, и ихъ нечего было уже выносить.

— Держи налѣво; въ улицу ту держи, кричали солдаты растерявшимся санитарамъ; прямо пойдешь—пришибетъ: ишь палитъ „проклятый“—свѣту не видать.

— Да влѣво, „дьяволы“, держите, влѣво—вонъ улица-то, въ нее и заворачивай, все сильнѣе и сильнѣе орали солдаты, видя, что санитары никакъ не могутъ понять—куда ихъ направляютъ.

И вотъ во время этихъ криковъ падаетъ позади нихъ бомба. Санитары летятъ на землю; раненые валятся съ носилокъ, а санитары, бросивъ ихъ, крестясь, стараются укрыться за стѣнку сосѣдняго двора. Ишь „дьяволы“ струсили, проклятые, обалдѣли и раненыхъ покидали, кричатъ люди.

Безпомощные, окровавленные раненые тихо стонутъ, лежа на землѣ рядомъ съ брошенными носилками.

— Братцы, родненькіе, вынесите, молятъ они тихо; смерть пришла наша; вынесите, братцы.

Нѣсколько солдатъ идутъ и осторожно кладутъ раненыхъ на носилки.

Санитары, снова крестясь и вздыхая, выползаютъ изъ-за стѣнокъ и снова взваливаютъ на плечи свою тяжелую ношу.

— Вы, ребята, вотъ сюды—въ улицу-то, значитъ, а какъ дошли до конца, такъ стало быть направо вертай, а тутъ ужъ дорога одна; тамъ нашъ и перевязочный. (Перевязочный пунктъ нашего полка былъ въ верстахъ двухъ отъ деревни). „Ладно, ладно, теперь мекаемъ. Ишь бомба-то грохнула,—ровно бы и спужались маленько. А пятерыхъ-то на смерть пришибло“, добавляютъ они и скрываются за поворотомъ въ улицу.

— Свѣтопредставленіе да и только, говорятъ солдаты, возвращаясь на свои мѣста.

Помню, одна изъ бомбъ угодила подъ корень огромнаго столѣтняго дуба. Закачался гигантъ и тяжело съ хряпомъ рухнулъ на землю, чуть не подавивъ собою близъ находящихся людей.

— Во, ребята, силище-то, говорили солдады: гляди, какой дубъ, а какъ соломину срѣзала.

— Она срѣжетъ и не энтакій, чаво ей; ишь проклятущая реветъ-то какъ.

— Хорошо, что хряпнулъ-то не въ нашу сторону; сколько бы народу задавилъ.

Распростершійся гигантъ легъ на томъ мѣстѣ, гдѣ быть можетъ онъ болѣе ста лѣтъ стоялъ, давая тѣнь и прохладу подъ своими могучими вѣтвями, а теперь эти вѣтви, со страшнымъ трескомъ, подломились, не выдержавъ давленія его грузнаго, рухнувшаго на землю тѣла. А нѣкоторыя изъ нихъ безпомощно торчали къ верху,

какъ-бы прощаясь съ тѣмъ небомъ и съ тѣмъ солнцемъ, которыя дали ему и жизнь, и силу, и красоту.

До наступленія темноты продолжалась сильная канонада.

Отъ генерала Церпицкаго нѣсколько разъ пріѣзжали ординарцы—узнать, что у насъ дѣлается. Генералъ видѣлъ, что Янсынупь весь покрытъ дымомъ, и безпокоился за наши положенія. Да и было дѣйствительно отъ чего безпокоиться, но мы держались прочно и упорно.

Съ наступленіемъ темноты, командиръ повелъ роты на поддержку гарнизона редута.

Рекогносцировка мѣстности была сдѣлана еще засвѣтло—во время самаго разгара канонады; ее производили храбрые офицеры: капитанъ Р. и подпоручикъ Я. Они, не обращая вниманія на огонь, пошли на указанные имъ участки и высмотрѣли обстоятельно мѣста, наиболѣе удобныя для расположенія ротъ. Теперь, съ наступленіемъ тьмы, мы шли на эти мѣста,—шли тихо и осторожно, дабы не производить шума и тѣмъ не привлечь на себя вниманія непріятеля. Вотъ какой-то большой прудъ, покрытый гладкимъ льдомъ. Солдаты гуськомъ перебираются по льду, стараясь не шумѣть, но никакъ не могутъ этого достигнуть: ноги тяжело шуршатъ по льду, а котелки—эти вѣчно брякающіе котелки, и теперь стучатъ и брякаютъ въ ночной тишинѣ.—Тише, черти, чего стучите,—слышится временами чей-нибудь сдавленный голосъ, но стукъ отъ этого нисколько не уменьшается, и вереница закутанныхъ въ башлыки людей продолжаетъ неуклюже скользить по гладкой поверхности льда; нѣкоторые падаютъ, грохоча объ ледъ винтовками, и потомъ кряхтя поднимаются и догоняютъ товарищей. А впереди тьма непроглядная и тишина, тишина, тишина; и что-то жуткое шлетъ собою эта тишина; кажется, что тамъ среди этого непрогляднаго мрака что-то такое уже затѣвается; кажется, что вся эта непроглядная тьма уже наполнилась цѣлыми милліонами какихъ-то злыхъ существъ, которыя все ползутъ и ползутъ впередъ—на животахъ ползутъ, съ оскаленными отъ злобы зубами и держа въ рукахъ ружья съ примкнутыми къ нимъ огромными ножами, которыми они собираются пороть животы всѣмъ этимъ неуклюжимъ, закутаннымъ въ башлыки и переутомленнымъ людямъ, повалившимся на берегу пруда и старающимся разсмотрѣть страшный и таинственный мракъ впереди.

— О Господи, вздыхаютъ эти люди, ночь-то дюже холодна.—Нѣкоторые зѣваютъ, крестя рты и приговаривая: „Господи, Царь батюшка милостивый“; нѣкоторые, болѣе спокойные, уже свернулись калачиками и храпятъ подъ ватными китайскими одѣялами. Такихъ сиба-

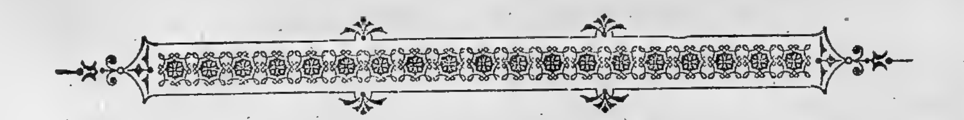
ритовъ будятъ товарищи, толкая ихъ безцеремонно подъ бока кулакомъ или прикладомъ и приговаривая: „вставай, чортъ, ишь спать здоровъ, лѣшій!“ Потревоженный на минуту вылазитъ изъ-подъ одѣяла, всматривается въ темноту, но глаза у него снова слипаются, и черезъ минуту онъ опять уже храпитъ, уткнувшись носомъ въ прикладъ винтовки.

Двѣ другія роты расположились за лѣвымъ флангомъ редута. Здѣсь какъ будто лучше: не такъ пустынно и безлюдно. Здѣсь нѣтъ пруда, покрытаго льдомъ, отъ котораго вѣетъ могильнымъ холодомъ, но есть фанзы и стѣнки, а слѣдовательно часть людей можетъ стоять за стѣнками наготовѣ, а другая часть отдыхать.

Н—чъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТРИ ПИСЬМА ЦЕСАРЕВИЧА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА КЪ П. И. ЛИНДЕСТРЕМУ.

(1812).

Въ царствованіе Императора Александра I масонство сотнями насчитывало своихъ членовъ въ высшихъ слояхъ общества. Съ 1810 г. масонскія ложи пользовались терпимостью правительства и, обязанныя строгимъ, быстрымъ и подробнымъ отчетомъ о своей дѣятельности, въ сущности перестали быть тайнымъ обществомъ. Исключеніемъ было только нѣсколько малочисленныхъ, тайныхъ ложъ, не дававшихъ отчета въ своей дѣятельности. Печатные списки членовъ, предназначавшіеся только для братьевъ союза, попадали, однако, по своей многочисленности въ руки непосвященныхъ. Списки пестрятъ именами съ коронами въ различное число зубцовъ, отъ дворянской до княжеской, и высокіе гражданскіе и военные чины попадаются въ иныхъ пожалуй даже чаще, чѣмъ мелкіе.

Семейное преданіе сохранило свѣдѣніе, что извѣстный врачъ, лейбъ-медикъ Петръ Ивановичъ Линдестремъ принадлежалъ къ масонству. Фактъ этотъ очень любопытенъ, если принять во вниманіе то довѣріе, которымъ пользовался П. И. Линдестремъ со стороны Цесаревича Константина Павловича, тоже масона. Въ семейныхъ бумагахъ контръ-адмирала В. В. Линдестрема сохранились собственноручныя письма Цесаревича къ П. И. Линдестрему. Письма открываютъ одну изъ страничекъ сердечной жизни Цесаревича—его горячую любовь къ своему побочному сыну, Павлу Константиновичу Александрову, родившемуся въ 1808 г. Матерью П. К. Александрова была Жозефина Фридрихсъ, француженка по происхожденію. Въ письмахъ Цесаревичъ постоянно благодаритъ за попеченіе о сынѣ. Отъ 1812 г. сохранилось 20 писемъ, изъ коихъ два письма въ апрѣлѣ, 2—въ маѣ, 11—отъ іюня и 5 отъ іюля; встрѣчаются письма, писанныя два дня подрядъ.

Еще маленькое замѣчаніе. Впослѣдствіи Фридрихсъ вышла замужъ за Вейса, который былъ тоже масономъ и состоялъ членомъ ложи Храма Постоянства въ Варшавѣ.

Печатаемыя ниже письма приводятся съ любезнаго разрѣшенія Владиміра Владиміровича Линдестрема.

М. С.

I.

(Переводъ). Такъ какъ война началась, то я отправилъ m-me Фридрихсъ черезъ Люценъ и Островъ на Псковъ. Такъ что посылайте ей теперь извѣстія о маленькомъ сынѣ туда, по адресу: экипажъ Его Высочества Цесаревича. Чувствую себя хорошо. Скоро начнутся военныя дѣйствія. Дай Богъ, чтобы все шло хорошо. Мы сосредоточиваемся болѣе въ тылу арміи. Все идетъ хорошо и пойдетъ еще лучше. Поцѣлуйте Павлика отъ меня и скажите ему, что нѣтъ на дню такой минуты, когда бы я не думалъ о немъ и о его доброй, прекрасной матери, которую я люблю всѣмъ сердцемъ. Передайте привѣтъ Опочинину и Клейнмихелю.

Цѣлуя васъ отъ всего сердца, мой дорогой Линдестремъ, весь вашъ.

Константинъ.

Свѣнцяны. 16 іюня 1812 г.

P. S. Сегодня утромъ корпусъ нашей арміи вошелъ въ Ливонію.

II.

(Переводъ). Много обязанъ за ваше письмо, которое получилъ вчера, и за добрыя вѣсти, присланныя вами о дорогомъ моемъ Павликѣ. Жандръ, вернувшись сюда, разсказывалъ мнѣ о немъ столько хорошаго, что мнѣ нетерпѣливо хочется его скорѣе увидѣть. Богъ знаетъ, когда мнѣ это удастся по теперешнимъ обстоятельствамъ. Поцѣлуйте мальчика отъ меня и скажите ему, что я его очень люблю и всегда думаю о немъ. Поклонъ англичанкѣ и дѣтямъ, такъ же какъ Опочинину и Клейнмихелю. А васъ, дорогой мой, цѣлую отъ всего моего сердца.

Весь вашъ Константинъ.

агерь при Дриссѣ.
28 іюня 1812 г.

III.

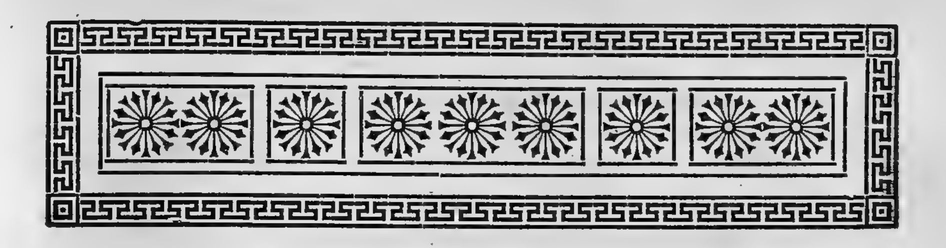
(Переводъ). Дорогой мой Линдестремъ. Не хочу пропустить сегодняшній день, не попросивъ васъ поцѣловать отъ меня моего сына, чтобы поздравить его съ днемъ его Ангела. Да сохранитъ его всеблагій Богъ и сдѣлаетъ его счастливымъ. Скажите ему, что я его очень люблю и всегда о немъ думаю. Поклонъ англичанкѣ и дѣтямъ, такъ же какъ Опочинину и Клейнмихелю. Что относится до васъ, дорогой мой Линдестремъ, примите въ этотъ день мои благодаренія за труды, которые вы полагаете на моего сына. Да воздастъ вамъ за это всеблагій Господь щедрою рукою. Цѣлую васъ отъ всего сердца.

Константинъ.

29 іюня 1812 г.
Въ лагерѣ при Дриссѣ.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Изъ далекаго прошлаго.

Памяти именитаго предка.

Среди множества фамильныхъ портретовъ, которыми украшены стѣны стариннаго дома въ М., обращаетъ на себя особенное вниманіе большая превосходно исполненная гравюра, изображающая относительно молодого человѣка въ бѣломъ жилетѣ, со звѣздой на фракѣ, опушенномъ дорогимъ бобромъ, съ красивыми чертами благороднаго лица. Внизу надпись „Ser Robert ker Porter 1808“, по обѣимъ сторонамъ двухъ молодыхъ Misses Jane и Maria Porter, изъ которыхъ одна жизнерадостная съ цвѣтами на причудливой шляпѣ, другая—сосредоточенная, съ глазами Мадонны, устремленными къ небу.

О ser Robert ker Porter я только знала, что онъ посланникъ британскаго правительства въ Венецуелѣ, въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія, былъ отцомъ моей бабушки М. Р. К. (тетка моей матери по княжнѣ Маріи Өедоровнѣ Щербатовой, лэди Портеръ), скончавшейся въ 1824 г. и погребенной въ склепѣ, въ Мещерѣ, подъ алтаремъ ею построенной церкви.

Мнѣ всегда жаль было, что въ живыхъ не осталось никого, кто бы могъ сообщить хотя какія-либо данныя о томъ именитомъ предкѣ, въ воспоминаніе котораго кромѣ портрета сохранилась только маленькая лакированная визитная карточка „Ser Pobert ker Porter“, а внизу „Ambassador of Venesuella Karacas“, да описаніе герба рода Портеръ.

Только недавно, совершенно случайно, нашла я, въ хранившейся подъ низкими сводами М. кладовой, въ одной изъ книгъ English Revsiew за 1842 г. интересную біографію, написанную не-

сомнѣнно однимъ изъ друзей сэра Роберта и посвященную памяти его, какъ одного изъ видныхъ политическихъ дѣятелей сего времени, извѣстнаго батальнаго живописца и талантливаго писателя историка.

Сэръ Робертъ Кэръ Портеръ родился въ Англіи въ 1762 году. Рано лишившись отца, погибшаго въ сраженіи въ 7-лѣтнюю войну (въ 1756—1763), онъ вмѣстѣ съ двумя сестрами остался на попеченіи матери. Потерявшая мужа на полѣ брани лэди Портеръ несочувственно относилась къ стремленіямъ сына на военную службу и его мечтамъ о воинскихъ доблестяхъ. Замѣтивъ еще въ дѣтствѣ способности къ рисованію, она въ раннемъ возрастѣ опредѣлила его въ королевскую академію въ Лондонѣ. Выдающимися способностями онъ сразу обратилъ на себя вниманіе президента лорда Верьямина Вестъ и былъ впослѣдствіи другомъ его преемника Sir Mortin Shee. Картина его, „Штурмъ при Серингапартнаменъ", выставленная въ академіи въ 1801 году, стяжала ему, тогда еще 19-ти-лѣтнему юношѣ, громкую извѣстность. Картины его, относящіяся къ этой эпохѣ, до сихъ поръ имѣются въ Лондонѣ, въ коллекціи многихъ антикваріевъ. Вслѣдъ за тѣмъ появились его картины „Битва при Agincoart", „защита адмираломъ Сидней Самитъ St.-Jean d'Aere", „смерть на полѣ брани сэра Ральфа Аберкромбія (Ralf Abercrombia)" и многія другія. Избравши своею спеціальностью историческую, по-преимуществу, батальную живопись, воспроизведенія на холстѣ славной боевой эпохи конца XVIII и начала XIX столѣтія, сэръ Портеръ, будучи знакомъ съ выдающимися военными и политическими дѣятелями своей эпохи, изучалъ защиту крѣпостей и укрѣпленій различными родами оружія. Недовольствуясь этимъ ознакомленіемъ съ военнымъ бытомъ, онъ поступилъ во флотъ въ ряды войскъ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ морскомъ сраженіи при Веймерѣ (Vilmerra) и Корунна (Corunna) и находился при адмиралѣ Джонъ Муръ (Jonn Mour) въ минуту его смерти. Картины, изображающія оба сраженія, составляютъ собственность потомковъ знаменитаго путешественника по Африкѣ, полковника Денгама (Dengam). По возвращеніи своемъ изъ Португаліи сэръ Портеръ издалъ интересныя записки „Британскаго офицера" съ красивыми иллюстраціями.

Вслѣдъ за тѣмъ, оставивъ военную службу, онъ посвятилъ себя дипломатической дѣятельности, былъ назначенъ секретаремъ англійскаго посольства въ Россію и жилъ въ Петербургѣ. Какъ знаменитый батальный живописецъ, онъ сталъ лично извѣстенъ Императору Александру I и, по желанію его, написалъ двѣ картины, изображающія: одна — побѣду Императора Петра I надъ шведами

на морѣ, другая—позднѣйшая, на сушѣ—надъ турками, и вслѣдъ за тѣмъ портретъ во весь ростъ Императора Петра I, который находится по настоящее время въ конференцъ-залѣ, въ зданіи главнаго адмиралтейства, построеннаго великимъ преобразователемъ Россіи, создателемъ русскаго флота.

Получивъ изъ Петербурга важную дипломатическую миссію въ Персію, онъ посѣтилъ: Афганистанъ, Белуджистанъ, Мидію, Месопотамію, Вавилонъ и на этомъ важномъ дипломатическомъ посту находилъ возможность заниматься живописью. Такъ, однажды, когда ему пришлось быть въ Арменіи у подножія Арарата, онъ, въ благодарность братіи монастыря въ Эчміадзинѣ—давшей ему пріютъ и оказавшей широкое гостепріимство, оставилъ въ память своего посѣщенія—превосходный запрестольный образъ своей работы, изображающій благословеніе Спасителемъ собравшихся вокругъ Него дѣтей.

Къ лучшимъ художественнымъ произведеніямъ этой эпохи относится, кромѣ многочисленныхъ видовъ, большой портретъ Алишаха персидскаго.

По возвращеніи изъ Персіи, онъ издалъ свои иллюстрированные путевые очерки, имѣвшіе частный характеръ, такъ какъ все относящееся до его служебной командировки было собрано для доклада въ особый портфель.

Любя общество, вращаясь въ Петербургѣ въ высшемъ свѣтѣ, сэръ Портеръ былъ представленъ изящной, привлекательной фрейлинѣ вдовствующей Императрицы (княжнѣ Маріи Ѳедоровнѣ Щербатовой), владѣвшей нѣсколькими родовыми вотчинами въ Московской и Рязанской [1]) губерніяхъ, унаслѣдованными ею по женской линіи отъ ея предковъ, кн. Мещерскихъ. Молодая княжна приняла благосклонно его предложеніе и съ согласія Императора Александра I и вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны состоялось, въ 1810 году, въ Петербургѣ, вѣнчаніе по православному и реформатскому обрядамъ.

Императрица, продолжая благосклонно относиться къ своей бывшей фрейлинѣ, выразила готовность быть въ 1813 году воспріемницей ея единственной дочери Маріи, прислала ей цѣнный брилліантовый парюръ и зачислила дѣвочку кандидаткой въ С.-Петербургскій Екатерининскій институтъ.

По окончаніи института, дочь лэди Портеръ, наслѣдовавшая грацію и привлекательность матери, умъ и способности отца—вышла

---

[1]) Село Снѣжетокъ, Мещера тоже, дер. Анино, Озерки тожъ, дер. Андреевка.

замужъ за поручика л.-гв. Семеновскаго полка, впослѣдствіи адъютанта графа Клейнмихеля, П. Е. Кикина.

Въ 1812 году, когда лэди Портеръ, какъ истая патріотка, на свои личныя средства снарядила въ помощь арміи отрядъ ополченцевъ (изъ людей своихъ вотчинъ), сэръ Робертъ Портеръ, сочувствуя ея благородному порыву, оказывалъ ей самую дѣятельную помощь въ этомъ благородномъ дѣлѣ. Переживая въ Россіи всѣ невзгоды, именно: нашествіе Наполеона, пожаръ Москвы, кровопролитный бой подъ Бородинымъ и наконецъ бѣгство французовъ, выступленіе арміи за границу, сэръ Портеръ во все это трудное время аккуратно велъ дневникъ, который съ портретомъ фельдмаршала Кутузова въ заголовкѣ издалъ въ Петербургѣ.

Въ 1835 г. онъ получилъ назначеніе министра-резидента британскаго правительства въ республикѣ Венецуэлѣ и провелъ 16 лѣтъ въ ея столицѣ Каракасѣ. Здѣсь ему представлялась трудная задача—оградить жизнь, собственность и интересы британскихъ подданныхъ въ странѣ непрерывныхъ кровопролитій, инсургентскихъ возстаній. Умомъ, тактомъ, твердостью и рѣшимостью ему удалось въ республикѣ, гдѣ фанатизмъ католиковъ доходилъ до изступленія, до инквизаціи,—добиться какъ для своихъ единомышленниковъ, такъ и для протестантовъ другихъ національностей, различныхъ правъ и привилегій, а именно, право пріобрѣтенія въ собственность участковъ земли для храма, кладбища, жилища священнослужителей и проч., получить разрѣшеніе на пріѣздъ изъ Бриджтауна[1]) Д. Кольриджа—епископа Барбадосскаго для освященія имъ сооруженной церкви. Принятый съ большою торжественностью въ Каракасѣ Д. Кольриджъ былъ первымъ протестантскимъ епископомъ, вступившимъ на католическую территорію Венецуэльской республики.

Въ 1841 году сэръ Портеръ получилъ отъ своего правительства отпускъ, желая навѣстить сестру въ Англіи, покинулъ Каракасъ, въ которомъ онъ за 16 лѣтъ своего служенія заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе, оставивъ на долго добрую память по себѣ во всѣхъ тѣхъ лицахъ, которымъ приходилось прибѣгать къ нему за помощью и защитой. Британское правительство по возвращеніи сэра Портера въ Англію—оцѣнивъ его заслуги и 16 лѣтнюю благотворную дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ въ Венецуэлѣ, оказало ему въ Лондонѣ радушный пріемъ. Проведя 3 мѣсяца въ обществѣ сестры Jane, единственной изъ всѣхъ родныхъ, оставшейся въ жи-

---

[1]) Островъ Барбадосъ изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ, принадлежащій Англіи.

выхъ, и среди многочисленныхъ друзей своихъ, сэръ Портеръ порѣшилъ съ сестрой навѣстить въ Россіи свою единственную дочь, жившую въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы ранней весной, вернувшись въ Англію—принять назначеніе на новый дипломатическій постъ.

Гостепріимство и радушіе дочери и зятя, жившаго тогда въ Петербургѣ, милостивый пріемъ, оказанный ему Императоромъ Николаемъ I, посѣщеніе баловъ при Высочайшемъ дворѣ, знакомство съ друзьями и знакомыми своей молодой, привлекательной любившей выѣзды, пріемы, дочери, дѣлали ему при его общительности пребываніе въ Петербургѣ чрезвычайно пріятнымъ.

Не могъ онъ только, прожившій много лѣтъ въ южныхъ Американскихъ штатахъ, въ почти тропической атмосферѣ, свыкнуться съ холоднымъ, суровымъ климатомъ столицы Россіи. Онъ постоянно простуживался, часто болѣлъ; чувствуя недомоганіе, онъ разсчитывалъ въ самомъ началѣ весны возвратиться въ Англію. Но отъѣздъ затянулся. 3 мая только могъ онъ поѣхать откланяться въ Зимній дворецъ. Благосклонно принятый Императоромъ Николаемъ I и его августѣйшей семьей, онъ былъ удостоенъ приглашенія Государя Императора прибыть непремѣнно въ Петербургъ, на освященіе вновь строившагося тогда Николаевскаго моста, этого величественнаго и колоссальнаго сооруженія, украшенія Петербурга. Возвратясь изъ дворца, онъ въ каретѣ почувствовалъ себя дурно; съ трудомъ доѣхавъ до дому и войдя въ комнату сестры, онъ, потерявъ сознаніе, упалъ на порогѣ. Усилія немедленно вызванныхъ знаменитѣйшихъ врачей—не привели къ желательнымъ результатамъ. Въ продолженіе 14 часовъ онъ не открывалъ глазъ, дышалъ часто, прерывисто, тяжело, и въ 5½ часовъ утра 4 мая, не приходя въ сознаніе, скончался—къ великой скорби своей единственной дочери, любимой сестры, тотчасъ же послѣ погребенія навсегда покинувшей въ Россіи могилу самаго близкаго, дорогого ей существа.

И эти скорбные глаза Miss Jane Porter, устремленные на меня съ ея портрета, краснорѣчиво говорятъ—о той невозвратимой утратѣ, которую понесла она въ лицѣ даровитаго, горячо любимаго брата,—портретъ котораго занимаетъ средину—между портретами сестеръ.

М. Бардакова.

English Review 1842 № 11.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА V.

Русскія дѣла въ Туркестанѣ.

Я долженъ прервать нить моего разсказа, чтобъ поговорить о случаѣ, не лишенномъ интереса и значенія.

Этотъ случай интересенъ для насъ потому, что въ первый разъ въ это время Ольга Алексѣевна и г-нъ Гладстонъ дѣятельно сотрудничали, чтобъ вліять на общественное мнѣніе Англіи въ пользу Россіи.

Письмо Гладстона отъ 1-го октября, содержаніе котораго было приведено въ послѣдней главѣ, за исключеніемъ послѣдняго параграфа, въ которомъ онъ коснулся вопроса, возбудившаго горячія пренія: Гладстонъ ихъ велъ съ своей стороны, а газета „Pall Mall Gazette“ была во главѣ съ другой стороны.

Г-жа Новикова въ своемъ письмѣ упомянула о трудностяхъ пролить лучъ правды на нѣкоторые факты; г. Гладстонъ отвѣчалъ:

„Я очень желаю отстранить отъ васъ одно ошибочное понятіе. Въ Англіи каждый имѣетъ право быть выслушаннымъ. Никакія жестокости, англійскія, русскія, или другія, не могутъ быть скрыты. Я съ своей стороны скажу: помоги Богъ всякому, кто изобличитъ ихъ, въ особенности, если онѣ касаются Англіи.

„Въ настоящую минуту я главнымъ образомъ занятъ чтеніемъ „Туркестанъ“, Скайлеръ. Исправить его не въ моихъ силахъ, но я

[1]) См. „Русская Старина“ май 1910 г.

желаю знать и долженъ сообщить въ слѣдующемъ „Современномъ обозрѣніи“ („Contemporary Review“), были ли ложными его показанія и насколько. Если вы имѣете возможность дать мнѣ немедленно средства исправить какую бы то ни было его ошибку, я буду вамъ очень признателенъ. Но съ этимъ надо торопиться, такъ какъ моя статья должна быть отправлена на дняхъ“.

Намекъ въ этомъ письмѣ касается попытки туркофильской прессы, преимущественно „Pall Mall Gazette“, противопоставить возбужденіе, вызванному жестокостями турокъ, возбужденію жестокостями, приписываемыми русскимъ въ Средней Азіи. Г-нъ Шиллеръ только что издалъ свою книгу въ Туркестанѣ, въ которой онъ заявляетъ, что послѣ взятія Хивы, генералъ Головачевъ далъ слѣдующій приказъ войскамъ, посылаемымъ покорить туркменовъ:

„Всѣхъ ихъ убивайте, безъ пощады пола или возраста“. Шиллеръ увѣряетъ, что казаки входили въ такой азартъ, что рѣзали безъ различія: ребенка и старика.

„Это дало сильные аргументы въ руки враговъ Россіи и „Pall Mall Gazette“, издаваемой въ то время г. Гринвудомъ,—продолжалъ г. Гладстонъ.

Ольга Алексѣевна немедленно отозвалась на это желаніе, обратясь съ просьбой къ русскому военному агенту въ Лондонѣ, генералу Горлову, доставить г-ну Гладстону желаемыя имъ свѣдѣнія. Генералъ Горловъ прислалъ ей меморандумъ, который она отправила въ Гоуварденъ съ замѣчаніемъ, что она боялась затрудненій помѣстить его въ какую бы то ни было англійскую газету. 20-го октября Гладстонъ отвѣчалъ:

„Будьте увѣрены, что ваши опасенія лишены основанія. Всякое объясненіе любого русскаго офицера или частнаго лица по вопросу о Туркменскомъ походѣ будетъ услышано. Я наведу справки. Присланный меморандумъ я прочиталъ съ большимъ интересомъ. Многое изъ него я уже записалъ себѣ на память. Въ виду предстоящей критики моя обязанность назвать вамъ тотъ пунктъ, который теперь нуждается въ подкрѣпленіи. Я говорю о (Шиллеръ 11,—356), упомянутомъ приказѣ № 1167, помѣченномъ Хива 6/18 о поголовномъ истребленіи туркменовъ и ихъ семействъ. Не знаю, вѣрно ли переведенъ оригиналъ. Генералъ Горловъ утверждаетъ, что этотъ приказъ не былъ исполняемъ. „Какъ же такъ? вѣдь Скайлеръ увѣряетъ, что приказъ убивать женщинъ и дѣтей“ былъ данъ (стр. 8).

Этотъ вопросъ можетъ разъясниться со временемъ. Вѣроятно, генералъ Горловъ хочетъ сказать, что у него нѣтъ подъ рукой, въ данную минуту, документальныхъ доказательствъ, но онъ не вѣ-

ритъ въ существованіе приказа и думаетъ, что даетъ основательное опроверженіе.

„Надѣюсь быть у васъ во вторникъ въ три часа.

Вашъ искренно Гладстонъ“.

„Вы, не правда ли, того мнѣнія, что генералъ Горловъ разрѣшитъ подъ статьей—подписать его фамилію? Попытаюсь удержать Вашъ пакетъ до послѣ завтра“.

Черезъ два дня онъ пишетъ опять: у него было тяжелое воскресное дѣло: окончаніе статьи для „Contemporary Review“ о русскихъ дѣлахъ въ Туркестанѣ“, но это дѣло правды и милосердія.

„Возвращаю Вамъ рукопись генерала Горлова, которой я очень воспользовался для статьи, мною назначенной черезъ десять дней къ печати.

Англійскій языкъ меморандума генерала Горлова очень ясенъ и производитъ впечатлѣніе, онъ нуждается въ самыхъ ничтожныхъ поправкахъ формъ. Онъ долженъ бы, мнѣ кажется, быть публикованъ подъ его именемъ и съ его разрѣшенія. Я Вамъ говорилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ о его помѣщеніи. Я думаю, его бы приняли „Daily News“, а можетъ быть и „Times“. Я могъ бы спросить издателя „Daily News“, но думаю, было бы лучше, если бы генералъ Горловъ лично отъ себя спросилъ издателя, котораго онъ считаетъ самъ болѣе подходящимъ.

„Надѣюсь привезти Вамъ оттискъ моей статьи. Полагаю, что Вы ее найдете справедливой. Я также полагаю, что Скайлеръ ошибается на счетъ приказа. Но „Pall Mall Gazette“ говоритъ, что онъ отлично знаетъ русскій языкъ. Свою статью я кончаю нападеніемъ на „Pall Mall“.

23-го октября Гладстонъ телеграфируетъ ей:

„Телеграмму получилъ, не могу противорѣчить. Очень счастливъ быть у Васъ, надѣюсь около трехъ“.

Онъ пріѣхалъ въ Euston въ четверть третьяго и отправился съ своимъ дорожнымъ мѣшкомъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Г-жа Новикова и онъ сразу окунулись въ medias res. Представилось затрудненіе въ напечатаніи письма. Генералъ Горловъ былъ совершенно согласенъ подписать его; этому воспротивился графъ Шуваловъ. Безъ подписи трудно было его помѣстить, но необходимо было, чтобы оно появилось прежде, чѣмъ появится въ „Contemporary“ статья г-на Гладстона, оттиски которой онъ привезъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 23-го октября, въ которой онъ ссылается на сообщенія генерала Горлова.

Изобрѣтательность и находчивость Гладстона не обманули его. Онъ послалъ рукопись Горлова редактору „Daily News“ съ просьбой ее напечатать, сопровождая ее словами:

„Хотя это письмо анонимное, но мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что оно происходитъ изъ весьма авторитетнаго источника“.

Г-жа Новикова также видѣлась съ редакторомъ въ своемъ отелѣ и сообщила ему, что Гладстонъ очень заинтересованъ письмомъ генерала Горлова.

Въ оттискахъ своей статьи въ „Contemporary Review“ Гладстонъ упомянулъ о письмѣ, написанномъ Горловымъ, но, узнавъ, что этому противится Шуваловъ, онъ измѣнилъ свое выраженіе. Онъ такъ сказалъ въ защиту Кауфмана:

„Я нахожу подтвержденіе моихъ словъ въ письмѣ недавно напечатанномъ въ „Daily News“ за подписью „Русскій“ (A Russian), которое по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ одного моего друга, разрѣшено генераломъ Горловымъ, русскимъ военнымъ агентомъ въ Лондонѣ“.

„Письмо это появилось въ „Daily News“ 27-го октября, это нужно замѣтить потому, что въ этотъ день джингоистская пресса бросила тѣнь на добросовѣстность Гладстона въ этомъ дѣлѣ [1]).

Теперь это старая исторія, но она интересна уже потому, съ какой силой Гладстонъ обрушился на „Pall Mall Gazette“, газету, которая въ то время, какъ я замѣтилъ однажды г-ну Гладстону, была недобросовѣстной монополіей туркофильской партіи. Заключительныя строки статьи Гладстона пробуждаютъ эхо прошедшихъ битвъ.

---

[1]) Лондонскій корреспондентъ „Glasgow News“ сказалъ: генералъ Горловъ, желая отличиться, по своему честолюбію, былъ намѣренъ подписать своей фамиліей письмо, но его болѣе осторожный начальникъ, графъ Шуваловъ, запретилъ ему это. Тогда былъ уговоръ между г-жей Новиковой, г-мъ Гладстономъ и генераломъ Горловымъ, чтобы два письма были посланы въ „Daily News“, первое съ подписью Русскій (A Russian), второе съ подписью „Другой Русскій“ (anothes Russian), это послѣднее написано г-жей Новиковой, и чтобы Гладстонъ сослался на эти письма въ своей статьѣ, въ „Contemporary Review“, какъ на доказательство, подтверждающее его отрицаніе русскихъ жестокостей въ Туркестанѣ. Такимъ образомъ очевидно, что письма, которыя г-нъ Гладстонъ будто бы нашелъ въ „Daily News“, были въ дѣйствительности помѣщены имъ самимъ, потому что онъ опубликовалъ письмо ранѣе, чѣмъ послать его въ эту газету, и слѣдуетъ замѣтить, что „другъ“, о которомъ онъ случайно упоминаетъ, какъ о сообщающемъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія, не кто иной, какъ г-жа Новикова, которой принадлежитъ честь обращенія г-на Гладстона, судя по дипломатическимъ сплетнямъ.

„Разоблачать жестокость хорошо, но есть другія свойства, кромѣ жестокости, которыя должны быть разоблачаемы, и между ними отъявленное мошенничество совѣтника, которому довѣряютъ или который, по его собственнымъ словамъ, отвѣтственъ. Ложь даже съ благонамѣренной цѣлью дурна и низка. Она не вызоветъ слезъ за туркменовъ, хотя бы они были въ иномъ случаѣ заслуженными: она имѣетъ цѣлью сѣять раздоръ съ рискомъ кровопролитія, и цѣль, какъ и средство, стоютъ одна другого“.

„Статья, писалъ Гладстонъ, можетъ надѣлать много шума, ибо рѣдко случается, чтобъ газету обвиняли, какъ я это дѣлаю, въ прямомъ мошенничествѣ и лжи“.

30-го октября Гладстонъ писалъ: „Прощайте, и да поможетъ Богъ въ каждомъ усиліи освободить Боснію, Герцоговину и Болгарію отъ турецкаго правительства. Надѣяться на это составляетъ желаніе и молитву народа этой страны“.

3-го ноября Гладстонъ писалъ:

„Вы прочтете отвѣтъ мнѣ „Pall Mall Gazette“. По моему мнѣнію онъ только увеличиваетъ ея позоръ.

„Меня обвиняютъ въ томъ, что я слишкомъ преданъ Россіи, но это невѣрно, я ей завидую, потому что вся честь освободительной работы предоставлена вамъ. Я чувствую себя униженнымъ, потому что наши лондонскія газеты, или большинство ихъ, довольствуются тѣмъ, что лаютъ и ворчатъ на васъ, какъ дворняжки на прохожаго по улицѣ, не смѣя даже его укусить за пятку.

„Это мнѣ больно. Это для моего вкуса самый горькій плодъ дизраелизма“.

Черезъ три дня онъ пишетъ:

„Я былъ очень доволенъ ругательнымъ отвѣтомъ „Pall Mall Gazette“. Они меня обвиняютъ въ упущеніи не факта, а просто мнѣнія Скайлера, которое, собственно говоря, очень нелѣпо“.

Этотъ случай интересенъ тѣмъ, что онъ побудилъ Ольгу Алексѣевну написать первое письмо въ англійскую газету. Оно было адресовано въ „Daily News“ (Ежедневныя Новости) по поводу анонимнаго письма генерала Горлова. Прежде чѣмъ его отправить, Ольга Алексѣевна послала его Гладстону. Онъ возвратилъ ей письмо съ замѣчаніемъ:

„Не нахожу никакого возраженія противъ Вашего письма, которое возвращаю“.

Письмо было слѣдующаго содержанія.

Лондонъ, 26 октября 1876 г.

„Издателю „Daily News“.

Милостивый Государь. Мало найдется русскихъ, которые не выразили бы Вамъ благодарности за напечатаніе вчерашняго письма, касающагося нѣкоторыхъ заявленій г-на Скайлера, которыя многими приводились, какъ доказательство русской жестокости.

„Сказать, или допустить, одно слово въ пользу Россіи почти геройство, имѣющее для насъ прелесть новизны.

„Но нѣкоторые читатели въ Англіи, повидимому, выводятъ странныя заключенія изъ вышеозначеннаго письма. Вы можетъ быть будете такъ добры, что разрѣшите мнѣ нѣсколько замѣчаній по этому поводу.

„Говорятъ и повторяютъ, что если мы отрицаемъ вѣрность заявленій Скайлера относительно нашей Средне-Азіатской политики, то мы не имѣемъ права принимать за истину его отчеты о болгарскихъ жестокостяхъ.

„Совершенно вѣрно, что мы безъ всякаго колебанія приняли его донесенія, но это потому, что они вполнѣ согласовались съ тѣмъ, что намъ уже было извѣстно о турецкихъ безчинствахъ. Если бъ англійская печать, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться переводомъ нелѣпыхъ пасквилей (такъ сильно порицаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи), соблаговолила слѣдить за тѣмъ, что писалось во всѣхъ русскихъ газетахъ съ самаго начала славянскаго возстанія, она была бы вполнѣ приготовлена къ разоблаченіямъ „Daily News“ и Скайлера.

„Услуга, оказанная послѣднимъ въ столь дорогомъ дѣлѣ для каждаго русскаго, дѣлаетъ весьма непріятной и даже тяжелой необходимость обратить вниманіе на нѣкоторыя его ошибки по отношенію къ намъ. Попытки сравнивать Россію съ Турціей—недостойны англійской печати.

„Россія не желаетъ покорить христіанскія княжества. Все величіе теперешняго движенія русскихъ въ защиту ихъ угнетаемыхъ братьевъ исчезла бы, если бы ихъ цѣль была матеріальная и низкая. Русскіе, сражающіеся за своихъ единовѣрцевъ, знаютъ прекрасно, что ихъ ожидаютъ только лишенія и жертвы. Если мы не можемъ имъ подражать на дѣлѣ, будемъ по крайней мѣрѣ цѣнить ихъ.

Другой Русскій“.

23-го ноября въ заключеніи длиннаго письма (см. предыдущую главу) Гладстонъ говоритъ:

„Одно слово еще, касаясь стараго спора о Туркестанѣ.

„Нельзя ли добыть въ Военномъ Министерствѣ въ Петербургѣ приказъ генерала Кауфмана, и нельзя ли добиться чего-либо отъ Громова? Скорое и хорошее объясненіе произвело бы подавляющее дѣйствіе“.

Меня поражало нетерпѣніе Гладстона на равнодушіе русскихъ властей къ клеветѣ ихъ враговъ. „Говорятъ? пусть говорятъ“— часто бываетъ девизомъ русскаго правительства.

Какъ часто я приходилъ въ ярость отъ ихъ небрежности, отъ недостатка энергіи воспользоваться случаемъ, чтобы дать врагу сильный отпоръ.

Политика была жестокая. Г-нъ Фриманъ свелъ итогъ всѣхъ пререканій, когда онъ писалъ:

„Если каждая европейская нація будетъ осуждать всякое дурное дѣло другой націи, никто не выйдетъ съ чистыми руками. Но относительно Туркестантскихъ сплетенъ, что я могу сдѣлать? Я не имѣю средствъ подтвердить, или отвергнуть, показанія Скайлера. Я могу только привести логическіе доводы. Правдивы они или ложны, они чужды настоящему вопросу“.

ГЛАВА VI.

Константинопольская конференція.

Сентъ-Джемская конференція дала лорду Солизбери дружелюбное направленіе. Руководствомъ всего положенія стало содѣйствіе Англіи и Россіи въ сдерживаніи турокъ. По пріѣздѣ своемъ въ Константинополь лордъ Солизбери нашелъ русскаго посланника готовымъ встрѣтить его съ распростертыми объятіями.

Лордъ Солизбери выѣхалъ въ Турцію съ разными предубѣжденіями и подозрѣніями относительно генерала Игнатьева. За нѣсколько мѣсяцевъ до его отъѣзда каждая почти газета въ Лондонѣ была наполнена жестокими извѣтами на русскаго посланника. Лордъ Солизбери получилъ понятіе о генералѣ Игнатьевѣ, какъ о настоящемъ Макіавели, который будетъ главнымъ его противникомъ на конференціи. Но какъ только онъ пріѣхалъ въ Константинополь и увидалъ Игнатьева, его подозрѣнія разсѣялись, и онъ вошелъ въ самыя искреннія отношенія съ человѣкомъ, противъ котораго онъ предполагалъ стать во враждебныя.

По словамъ генерала Игнатьева, перемѣна произошла очень просто и самымъ естественнымъ образомъ. Онъ встрѣтилъ лорда Солизбери, на обѣдѣ, вскорѣ послѣ его пріѣзда, и англійскій упол-

номоченный въ разговорѣ замѣтилъ своему русскому vis-à-vis: „я слышу, что вы ужасный человѣкъ, что у васъ множество шпіоновъ и агентовъ вездѣ на Востокѣ“. Игнатьевъ отвѣтилъ: „совершенно вѣрно, у меня много помощниковъ. Но кто они? я бы желалъ, чтобы вы поѣхали въ провинціи и сами увидали моихъ агентовъ. Наемныхъ агентовъ у меня нѣтъ; ни рубля не трачу я за помощь, но вы убѣдитесь, что каждый сражающійся за свое отечество, за свою вѣру, каждый борющійся за свободу, на этихъ земляхъ, мнѣ другъ, мой агентъ, мой помощникъ. Такихъ я имѣю тысячи—да, двадцать тысячъ, и въ нихъ моя сила. А вы поддерживаете дикость и тиранію турокъ“.

Не по вкусу это замѣчаніе было лорду Солизбери, но правота его, повидимому, задѣла его за живое. При второй встрѣчѣ генералъ Игнатьевъ замѣтилъ въ немъ все еще подозрительность и антагонизмъ. „Но“, сказалъ онъ: „лордъ Солизбери трудолюбивый человѣкъ, и я также. Когда я увидѣлъ, что онъ старается узнать истину, я далъ въ его распоряженіе всѣ мои бумаги и помогалъ ему во всемъ, какъ только могъ. Не вѣрьте тому, что я говорю, я ему сказалъ, пока вы не провѣрите и не убѣдитесь сами, тогда вы увидите, правду ли я говорю“. Лордъ Солизбери принялъ вызовъ и результатомъ его остался доволенъ. Генералъ Игнатьевъ далъ ему меморандумъ на турецкую конституцію. Лордъ Солизбери его прочиталъ, сказалъ ему, что удовлетворенъ его правильностью, и что турки дѣйствительно лгали. Съ той поры онъ ничего не имѣлъ противъ генерала Игнатьева, когда тотъ ему сказалъ своимъ простымъ прямымъ тономъ: „теперь вы должны рѣшить, хорошій ли вы христіанинъ, или вы хорошій турокъ. Если вы рѣшили быть хорошимъ христіаниномъ, я приму вашу программу, какъ собственную и во всемъ буду честно васъ поддерживать, но если вы за турецкую тиранію, я возьму русскую программу и буду настаивать на ней всѣми силами. Это конечно будетъ несравненно хуже для турокъ. „Лордъ и лэди Солизбери были добрые христіане, на этомъ именно мы и сошлись, сказалъ мнѣ генералъ Игнатьевъ. Я зналъ прекрасно всѣ его качества и недостатки. Онъ впечатлителенъ и пылокъ, я склонилъ эти качества въ мою сторону вмѣсто того, чтобы они были противъ меня, и я успѣлъ. Но успѣлъ я потому, что я дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ, честно и вѣрно, поддерживая его. Я его не смѣшивалъ“, сказалъ онъ, употребляя странное выраженіе. „Я говорилъ правду и дѣйствовалъ прямо. Если вы посмотрите на протоколы конференціи, вы убѣдитесь, что я его всегда поддерживалъ. Нельзя быть болѣе умѣреннымъ, болѣе миролюбивымъ, чѣмъ былъ я. Конференція не достигла цѣли благодаря сэру

Генри Эллiоту, Биконсфильду и Бисмарку, но никакъ не лорду Солизбери, или мнѣ".

Во время конференціи энергичная попытка была сдѣлана, чтобъ ограничить пространство, которое надѣлялось автономными учрежденіями, сѣверомъ Балканъ. Генералъ Игнатьевъ немедленно обратился къ лорду Солизбери и сказалъ ему: „что скажутъ въ Англіи, гдѣ возникла мысль о конференціи, въ отвѣтъ на агитацію Гладстона противъ жестокостей, совершенныхъ на югѣ Балканъ, если конференція будетъ покровительствовать болгарамъ сѣверныхъ Балканъ, которые не пострадали, и не позаботится о тѣхъ, надъ которыми происходили жестокости"? Лордъ Солизбери сейчасъ же согласился съ справедливостью этого возраженія и настаивалъ въ конференціи на распространеніи автономіи на всю территорію, занимаемую болгарами. То, что называется Великой Болгаріей Санъ-Стефано, не что иное, какъ болѣе точное и ученое опредѣленіе той площади, которую лордъ Солизбери обозначалъ Болгаріей на конференціи.

Лордъ Солизбери вмѣстѣ съ генераломъ Игнатьевымъ были творцы той Великой Болгаріи, для разрушенія которой лордъ Солизбери, годъ позже, почти ввергнулъ было Англію въ войну съ Россіей.

Дружба между генераломъ Игнатьевымъ и лордомъ Солизбери длилась безпрерывно до роспуска конференціи. Впрочемъ, это преждевременно говорить. Для насъ интересъ въ Лондонѣ, а не въ Константинополѣ.

Генералъ Черняевъ, послѣ геройскихъ усилій держать въ страхѣ турецкую армію, сбродомъ сербской милиціи, подкрѣпленнымъ четырьмя тысячами русскихъ волонтеровъ, пріѣхалъ въ Лондонъ въ декабрѣ. Онъ жилъ въ той же гостиницѣ, Саймондсъ на Brook Street, гдѣ жила Ольга Алексѣевна сдѣлавшейся главной квартирой неоффиціальной Россіи, на которую смотрѣла не совсѣмъ дружелюбно оффиціальная Россія.

Генералъ Черняевъ видѣлъ многихъ убѣжденныхъ противниковъ Турціи, но упустилъ случай съ извѣстнымъ историкомъ и славянофиломъ Фриманъ къ обоюдному ихъ сожалѣнію.

Забавный инцидентъ произошелъ во время его пребыванія въ Лондонѣ. Каррикатуристъ журнала „Ярмарка Тщеславія" (Vanity fair) просилъ Черняева позировать; Черняевъ отказалъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ. „Негодяй имѣлъ наглость сказать мнѣ, объявилъ онъ, что онъ имѣетъ особенное желаніе, чтобъ я позировалъ, потому что лицо мое превосходно поддается каррикатурѣ! Какъ вамъ это нравится? такъ что просьба особенно была забавна". Черняевъ

не былъ красивъ. Среди разныхъ споровъ профессоръ Тиндаль оставался безстрастнымъ, углубленный въ науку. Въ его перепискѣ не видно увлеченія ни къ славянину, ни къ турку. Но онъ былъ доволенъ успѣхомъ конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Голѣ, такъ какъ онъ думалъ, что она послужила утѣшеніемъ его другу, г-жѣ Новиковой. Хотя онъ не былъ особеннымъ врагомъ турокъ, тѣмъ не менѣе онъ устроилъ въ декабрѣ свиданіе Ольги Алексѣевны съ Несторомъ нашихъ историковъ и руссофиловъ.

9-го декабря Тиндаль поѣхалъ съ нею въ Cheyne Row, чтобы познакомить ее съ Томасомъ Карлайль. 7-го декабря Тиндаль писалъ: „племянница г-на Карлайль Miss Aitkin, которая такъ заботится о немъ, въ настоящее время, была здѣсь сегодня и сообщила мнѣ, что ваше посѣщеніе въ любой день до трехъ часовъ по полудни доставитъ большое удовольствіе ея дядѣ. Старикъ весьма любезенъ, и самъ бы поѣхалъ къ вамъ вмѣсто того, чтобы васъ приглашать, будь его здоровье крѣпче“. Это посѣщеніе было началомъ дружбы, длившейся до смерти Карлайля [1]).

Г-нъ Гладстонъ возвратился въ Гоуварденъ послѣ Сентъ-Джемской конференціи. 13-го декабря онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Послѣднія извѣстія, слышанныя мной передъ отъѣздомъ изъ Лондона, были, что турокъ станетъ на дыбы и откажется отъ всего. Независимость его несомнѣнно еле держится, какъ бы ни была неприкосновенна его территорія. Если генералъ Игнатьевъ это знаетъ, а если это правда, то онъ знаетъ навѣрное, онъ остережется входить въ споръ съ лордомъ Солизбери, т. е. порвать съ нимъ прежде, чѣмъ убѣдиться въ намѣреніяхъ Порты.

„Я радъ, что существуетъ соревнованіе между ними, но мнѣ не нравится слухъ, что Англія хочетъ предложить отсрочку для выполненія Портою реформъ съ тѣмъ, чтобъ могло быть вмѣша-

---

[1]) Наканунѣ конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Голѣ Карлайль писалъ: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я имѣлъ ясное убѣжденіе, что русскіе были и есть добрый и даже благородный элементъ въ Европѣ. Съ минуты появленія у нихъ Петра они стали преуспѣвать въ развитіи. Въ наше время они послужили Богу и людямъ, научая порядку и миру всѣ анархическіе народы въ ихъ сосѣдствѣ. Нынѣ царствующаго императора Россіи я считаю необыкновенно честнымъ и справедливымъ человѣкомъ, словомъ, я имѣю увѣренность, что русскимъ предстоитъ совершить великія дѣла въ мірѣ и быть очевиднымъ благомъ для ближнихъ прямымъ или косвеннымъ путемъ. Въ 1876 г. онъ сказалъ съ характерной силой: газетные возгласы противъ Россіи не важнѣе для меня, чѣмъ крики въ Бедламѣ, такъ какъ они происходятъ отъ глубокаго невѣжества, эгоизма и жалкой національной зависти.

тельство, если это потребуется. Это предложеніе, по-моему, было бы нелѣпо.

„Епископъ Штросмейеръ пишетъ мнѣ опять. Онъ всецѣло за автономію, какъ единственное удовлетворяющее соглашеніе. Въ этомъ я съ нимъ согласенъ вполнѣ и думаю, что хотя иностранная оккупація можетъ быть нужной мѣрой, это будетъ только шагъ и неудобный шагъ для пути.

„Россія имѣетъ полное основаніе дѣлать существенныя предложенія. Если она ихъ не будетъ дѣлать, можно подумать, что ея политика не въ освобожденіи дѣйствительно христіанъ, а въ томъ, чтобъ поддерживать раздраженіе между ними и Портой, а себѣ оставить открытую дверь для вмѣшательства, когда ей вздумается.

„Пошли, Господи, побѣду правому дѣлу!"

Гладстонъ никогда ничего не дѣлалъ на половину. Мы видимъ въ этомъ письмѣ, что онъ побуждаетъ Россію настаивать на энергичныхъ мѣрахъ. Въ томъ же письмѣ онъ касается и Туркестанскаго вопроса.

„Я это время читалъ „Поѣздка въ Хиву" капитана Бурнаби. Правы, или виноваты ямудскіе татары, но все же я нахожу, что авторъ плохо излагаетъ свои взгляды. Будь я на мѣстѣ русскаго посланника, я бы зорко слѣдилъ за всѣми такими изданіями съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на нихъ, по мѣрѣ надобности. У насъ всегда можно отвѣтить, и эту гласность и равноправіе въ спорахъ я всегда считалъ нашимъ большимъ преимуществомъ передъ другими государствами".

Ольга Алексѣевна немедленно отвѣтила, спрашивая, какіе разсказы въ прессѣ требовали бы отвѣта, если бъ онъ былъ русскимъ посланникомъ, Гладстонъ отвѣчалъ:

18-е декабря.

„Когда я говорилъ о строгомъ наблюденіи за англійской прессой, съ цѣлью исправленія ея ошибокъ, я не ожидалъ чести преподавать совѣты въ частности и не чувствую себя пригоднымъ для этого. Въ данномъ случаѣ, однако, я бы совѣтовалъ не обращать вниманія на лорда Джонъ Хей, если у васъ нѣтъ подлинныхъ сообщеній, или сильныхъ фактовъ въ рукахъ, которые вы бы могли предъявить со стороны черногорцевъ. Что меня касается, я думаю, что они должны быть ангелы такъ же, какъ и герои, которыми я ихъ считаю. Ясно теперь, что это злополучное турецкое владычество способно повредить всѣмъ племенамъ, съ которыми оно приходитъ въ столкновеніе. Если они останутся кроткими, какъ болгары, они потеряютъ свою бодрость и свое мужество, необходимыя условія для высокихъ достоинствъ народа.

„Жена ѣдетъ въ городъ около 26-го, собственныя мои передвиженія теперь, какъ были всю осень, не опредѣлены. Будьте увѣрены только въ томъ, что я сдѣлаю все, что отъ меня можетъ потребовать великій Восточный вопросъ. Надѣюсь застать васъ еще въ городѣ.

„Я читаю Мольтке—Кампанія 1829 г.. Удивительно интересно".

Такъ какъ самому Биконсфильду было ясно, что война за турка была отвергаема національнымъ чувствомъ, воинственная партія занялась любимой тактикой науськивать народное мнѣніе противъ Россіи. Набросились на Среднюю Азію, на Сибирь, на Польшу и на евреевъ. Въ декабрѣ 1887 г. была очередь поляковъ и уніонистовъ.

Туркофильская партія собралась демонстративно въ Страфордъ-Гаусъ въ половинѣ декабря; 22-го декабря Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Я огорченъ и нѣсколько пристыженъ поступкомъ въ Stafford House'ѣ... Я всегда говорилъ вамъ, многіе изъ нашихъ важныхъ, богатыхъ людей не правы въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда они бываютъ, но сама нація права.

„Дама, католичка, одна изъ моихъ друзей, огорчена тѣмъ, что я ничего не сказалъ о русскомъ образѣ дѣйствій, принуждающемъ поляковъ къ уніатству, и присылаетъ мнѣ маленькое анонимное сочиненіе: Les Missionaires Moscovites chez les Ruthenes-Unis (Paris Typogr. Poloner et Joseph.), въ которомъ плачевныя повѣствованія. Знакомы ли вы съ нимъ? или можете ли мнѣ сказать, гдѣ и подъ какимъ заглавіемъ можно достать русское объясненіе Польскаго вопроса. Къ чести моей пріятельницы долженъ сказать, что на Восточный вопросъ она, повидимому, смотритъ такъ же, какъ вы и я.

„Наступаетъ время, когда слѣдуетъ смотрѣть со страхомъ на начало Рождественскихъ праздниковъ въ Турціи. Завтра, какъ видно, назначенъ день появленія великаго обмана для всѣхъ, конституціи, которая, надѣюсь, провалится. Да пошлетъ Богъ въ своемъ милосердіи, правотѣ и справедливости избавленіе.

Пожелать ли вамъ счастливыхъ праздниковъ? Да, тревожны они, конечно, будутъ; но вы ищете справедливости, надѣетесь на нее, боретесь за нее, такъ что праздники, бывъ тревожными, могутъ быть и счастливыми".

Вопросъ о преслѣдованіи уніатовъ задѣлъ за живое Ольгу Алексѣевну. Брошюра показалась ей католическимъ пасквилемъ, и она это сказала съ присущей ей горячностью. Но Гладстонъ, зорко слѣдя за всякой попыткой чернить Россію, возвращается ко дню Рождества.

„Я вполнѣ раздѣляю ваше впечатлѣніе о католическомъ партизанствѣ и нахожу, что тамъ, гдѣ оно есть, оно существуетъ къ величайшему вреду. Но, конечно, было бы большой ошибкой не замѣчать фактовъ, вмѣсто того, чтобы ихъ обнаруживать и опровергать.

„Въ то же время я далекъ отъ мысли, что вы какъ бы то ни было должны предпринять такую обязанность. Также мои взгляды на Восточный вопросъ не руководимы отношеніемъ къ какому-нибудь спорному дѣлу въ Туркестанѣ, Польшѣ или другомъ мѣстѣ. Когда я спрашивалъ, можете ли вы мнѣ доставить объясненіе съ русской стороны это было по старой привычкѣ мысли, особенно необходимой для политика, заставляющей его желать выслушать обѣ стороны, когда ихъ двѣ. Это желаніе положительно вызвано у меня со времени моего послѣдняго письма. Я получилъ отъ анонимной дамы эту чорную книгу, о которой вы, мнѣ кажется, какъ-то упоминали. Вступительное изложеніе въ ней произвело на меня отталкивающее впечатлѣніе, потому что оно обращено къ британскому эгоизму и написано въ туркофильскомъ или анти-русскомъ духѣ, но оно содержитъ необыкновенно важные факты, могущіе внушить ужасъ тѣмъ, кто ихъ приметъ, и которые заслуживаютъ, по моему мнѣнію, и громко требуютъ опроверженія. Они совершенно личнаго характера касательно именъ и мѣстностей, хотя числа, я думаю, рѣдки и неясны. Вотъ на подобныя сочиненія въ англійской печати, я думаю, было бы хорошо, чтобъ обращали вниманіе агенты какой бы то ни было иностранной державы. Я могу понять, что обстоятельства Россіи въ Польшѣ допускаютъ и даже извиняютъ строгія мѣры, но я долженъ надѣяться, что девятнадцать изъ двадцати фактовъ, сказанныхъ въ Черной книгѣ, могутъ быть успѣшно отрицаемы. Я поражаюсь, какъ „Pall Mall Gazette“, которая думала произвести шумъ по поводу Іомудскаго дѣла, не ухватилась за эту книгу. Если она добивается быть замѣченной, я не удивлюсь, если она произведетъ порядочный эффектъ, прежде, чѣмъ на нее отвѣтятъ. Я увѣренъ, что вы истолкуете снисходительно все сказанное мной, а я постараюсь теперь описать мое настроеніе относительно главнаго вопроса.

„Повидимому, мы и вся Европа должны представлять рекомендаціи сообща съ вами и получить отказъ, одинаково на насъ дѣйствующій.

Поэтому мы всѣ должны удалиться, сложить руки и предоставить Россіи быть оружіемъ Европы.

„Это меня изумляетъ. Я не понимаю и не нахожу удовольствія въ этомъ удаленіи въ тѣнь. Я думаю, что Европа не имѣетъ права возлагать на Россію безраздѣльную отвѣтственность или воздавать

ей безраздѣльную честь. Мнѣ казалось поведеніе Пруссіи и Австріи, во время Крымской войны, довольно низкимъ, и мнѣ не понравится, если мы ему будемъ слѣдовать. Справедливость къ Россіи, къ туркамъ, къ раю, все требуетъ, по-моему, другого направленія.

„Жена моя будетъ очень рада видѣть васъ или получить извѣстіе. Она ѣдетъ завтра; приглашеніе дочери можетъ отнять у нея время. Повторяя самыя лучшія желанія вамъ по случаю торжественнаго наступленія Рождества, остаюсь искренно преданный

Е. Гладстонъ".

Ольга Алексѣевна отвѣчала поздравленіемъ его съ днемъ рожденія и указывала на невозможность отвѣчать подробно на всѣ клеветы католическихъ враговъ Россіи. Гладстонъ отвѣчалъ:

Гоуарденъ, 29 декабря 1876 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я очень тронутъ вашимъ поздравленіемъ съ важнымъ событіемъ, приключающимся со мной сегодня. Года мои промелькнули. Я надѣялся, что каждый изъ нихъ, уходя, оставитъ меня нѣсколькими ступенями далѣе отъ шума и народной борьбы. Сегодня все это не такъ: я иду назадъ, а не впередъ. Все же сожалѣть нечего, когда принимаю во вниманіе теперешнее значеніе минуты и какъ бы торжественный призывъ въ моихъ ушахъ, сдѣлать то немногое, что въ моихъ силахъ, для моихъ собратьевъ-христіанъ на Востокѣ. Я послалъ вамъ вчера „Les Missionaires Moscovites". Не думайте, что я ихъ рекомендую, и еще разъ позвольте мнѣ сказать, что не вамъ я проповѣдую политику отвѣтовъ на важныя нападенія. Когда я увидѣлъ вашу фамилію на страницахъ черной книги, я оставилъ ее, просто, безъ вниманія, потому что тамъ не было никакихъ подробностей мѣста, числа или обстоятельства. Но по мѣрѣ того, какъ я продолжалъ, я не могу выразить, какъ меня поражаютъ въ этой брошюрѣ, напримѣръ, свѣдѣнія о двухъ лицахъ „Береша и Густъ", которыя должны обратить вниманіе вашего посольства и правительства. Это разсказы, которымъ несомнѣнно повѣрятъ въ Россіи, если ихъ не опровергнуть.

„Я еще не благодарилъ васъ за предложеніе мнѣ „Россіи" Уоллеса: позвольте подождать немного, пока я самъ пріѣду въ городъ за ней, если вы находите ее стоющей чтенія. Къ сожалѣнію, у насъ много пишется дряни на вопросы дня, вѣроятно, въ томъ разсчетѣ, что, когда аппетиты разгораются отъ событій, публика не слишкомъ требовательна къ качеству пищи.

Опять, дай намъ Богъ успѣхъ въ Константинополѣ и переходъ отъ придирокъ и обмана къ свѣту яснаго дня. Желаю вамъ счастливыхъ Рождества и Новаго года, когда они настанутъ.

Всегда вашъ искренно

Е. Гладстонъ.

P. S. Говоря о хорошихъ и дурныхъ книгахъ, самая лучшая англійская книга, какую я знаю, по Восточному вопросу, это объемистый томъ Miss Jrby и Miss Mackenzie подъ названіемъ: Турки, Греки, Славяне. Разсказы о Сербіи въ ней очень интересны и это, что рѣдко встрѣчается, старательно написанная книга".

Наканунѣ Рождества Ольгѣ Алексѣевнѣ писалъ Фриманъ, напоминая ей ея обѣщаніе провести Новый годъ въ Сомерлизъ и повторяя свое излюбленное слово, что Лондонъ не Англія, онъ пишетъ:

24-е декабря.

„Я именно ожидалъ бы получить письмо отъ вашего брата, но я надѣюсь, что вы ему вполнѣ дали понять, что еврей Дизраели не есть Англія и что лондонскіе свѣтскіе круги тоже ее не представляютъ. Я, конечно, не могъ предвидѣть обмана со стороны лорда Карнарвонъ или отъ сэра Стаффордъ Нордкотъ; но они унизились, сидя въ совѣтѣ нечестивыхъ, потому я полагаю, что они выполняютъ законъ, что человѣкъ не можетъ коснуться грязи и не запачкаться".

Константинопольская конференція собралась въ первый разъ 23-го декабря. Въ тотъ же день была провозглашена, Митхатъ-пашей, новая Оттоманская конституція. Слѣдующія засѣданія были 28-го, 30-го декабря, 1-го января и послѣднее 15-го января. Державы представляли свои предложенія, на которыя турки возражали, потомъ предъявили собственныя контръ-предложенія. Въ концѣ концовъ въ засѣданіи 15-го января предложенія державъ свелись къ двумъ пунктамъ, какъ несокращаемый минимумъ реформъ. 1-й былъ, чтобы губернаторы, назначаемые султаномъ съ согласія покровительствующихъ державъ, были назначены въ болгарскія провинціи, въ Боснію и Герцоговину; 2-й, чтобы международная комиссія, назначенная Европой, безъ исполнительной власти, имѣла надзоръ надъ установленіемъ преобразованій въ управленіи Балканскими княжествами. Этотъ несокращаемый минимумъ единодушно требовался отъ турокъ всѣми державами Европейскаго концерта.

Рѣчь лорда Солизбери была какъ нельзя лучше желать; но турки не слушали Солизбери, они слушали Биконсфильда. Они помнили его рѣчь въ Гильдхолѣ. Ихъ постоянно увѣряли его органы

печати, что Англія никогда не приметъ участія въ принудительныхъ мѣрахъ, чтобы заставить Европу вліять на султана, и многіе самые крикливые биконсфильдовскіе органы объявляли, кстати и некстати, что если бы Россія попыталась заставить турокъ подчиниться волѣ Европы, она бы встрѣтила отпоръ въ британской арміи и флотѣ. Оставалось одно возможное положеніе, чтобы сильныя слова лорда Солизбери были поддержаны рѣшимостью употребить силу, чтобъ вызвать покорность. Не нужно было собирать международный крестовый походъ; нужно было, чтобы Англія совмѣстно съ Россіей заставила турокъ сказать „кирнетъ", признавая, что воля Аллаха была безспорно очевидна въ его глазахъ. Къ несчастью совмѣстнаго понужденія Турціи Россіей съ Англіей меньше всего желалъ лордъ Биконсфильдъ! Онъ все еще жаждалъ англо-турецкаго союза, а друзья его прилежно возбуждали антирусскія чувства, на которыя онъ разсчитывалъ опереться со временемъ, чтобъ подвинуть Англію на войну съ Россіей. Турки, убѣжденные въ симпатіяхъ лорда Биконсфильда, не могли отрѣшиться отъ мысли, что въ крайности всегда могутъ разсчитывать на поддержку Англіи. Они отказались отъ несократимаго минимума конференціи, какъ несогласнаго съ неприкосновенностью, самостоятельностью и достоинствомъ имперіи. Къ этому рѣшенію пришли 18-го. 20-го конференція была распущена, и Европа стала лицомъ къ лицу съ неизбѣжной войной.

Легко себѣ представить, съ какимъ лихорадочнымъ интересомъ Гладстонъ и англійская нація слѣдили за событіями въ Константинополѣ. Гладстонъ опять сообщалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ свои сомнѣнія и надежды. На Новый годъ онъ писалъ:

„При чтеніи телеграммъ съ Востока я положительно прихожу въ недоумѣніе. Въ одной—угрожающій намекъ лорда Солизбери и положительный отказъ султана; въ другой—обсужденіе подробностей съ огромными планами и расположеніями и приведеніе разногласія къ минимуму. По-моему, необходимо ни на іоту не мѣняться, и я думаю, что таково мнѣніе и большинства англійскаго народа. Не сожалѣю объ уходѣ сэра Генри Еллiота, если это правда".

На слѣдующій день онъ возвращается къ тому же предмету:

Гоуарденъ, 2-е января 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Мои убѣжденія о положеніи дѣлъ не имѣютъ никакого значенія. Все же они уже извѣстны всему міру, и каждый день ихъ укрѣпляетъ.

„Всякій планъ, удерживающій власть Турціи въ предѣлахъ

географическихъ границъ, принятый какъ санкція администраціей, въ моихъ глазахъ никуда не годенъ.

„Это относится какъ до гражданскихъ властей, такъ и до силы военной или полицейской, на которую должна опираться гражданская власть для исполненія своихъ рѣшеній.

„Пока власть находится у Порты, въ гражданскихъ дѣлахъ невозможно устранить господствующее магометанское вліяніе изъ ея отношеній къ не-исламу. Довѣріе къ турецкимъ обѣщаніямъ не что иное, какъ презрѣнный фарсъ.

„Гарантія, зависящая отъ Турціи, вовсе не есть гарантія.

„Должна ли Порта имѣть какой-нибудь голосъ или вето относительно состава новыхъ властей, какъ было предположено въ Греціи первоначальнымъ протоколомъ 1826 г.—другой вопросъ, но, конечно, это не долженъ быть правящій голосъ.

„Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, находящимся въ газетахъ (а другихъ свѣдѣній я не имѣю), полагаю, что всѣ труды цѣлаго года кончаются неудачей. Напримѣръ, постановленіе, чтобы создать пробную систему, и чтобъ державы вновь собрались и рѣшили: выполнила ли Турція свои обѣщанія? Всякая исполнительная власть, оставленная въ ея рукахъ, мнѣ кажется, прямой насмѣшкой.

„Повторяю: настоящее положеніе переговоровъ мнѣ совершенно неизвѣстно, сужу по слухамъ! Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ.

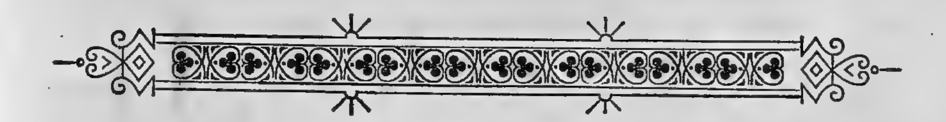
Я не отрицаю, что то, что я называю насмѣшкой въ настоящее время, можетъ имѣть цѣну въ будущемъ, какъ открытая дверь, въ которую намъ придется войти.

P. S. 2 ч. пополудни. Радъ видѣть, что турецкій контръ-проектъ отстраненъ согласно сегодняшнимъ извѣстіямъ. Какое нахальство!“

Было бы полезно для общаго мира и для будущности Востока, если бы преобладали совѣты Гоуардена вмѣсто Константинопольскихъ.

Сообщено Е. С. М.

Оригинальная резолюція епископа Смоленскаго Іосифа I-го.

Въ 1821 году на Смоленскую древнѣйшую каѳедру былъ назначенъ епископъ Іосифъ Величковскій. Онъ пробылъ на Смоленской каѳедрѣ до 1834 года, и въ ранней молодости, полный энергіи и силъ, ушелъ на покой. Про него среди духовенства ходитъ масса разсказовъ, какъ объ архіереѣ очень умномъ и добромъ. Резолюціи свои онъ писалъ иногда стихами, оригинально и остроумно. Очень давно, пишущему эти строки, случайно въ одномъ селѣ при ревизіи архіереемъ удалось видѣть старика-помѣщика, который въ молодости своей видѣлъ этого архіерея и былъ знакомъ съ нимъ. При многочисленномъ собраніи духовенства и разныхъ гостей онъ разсказалъ, при какихъ обстоятельствахъ ушелъ на покой, молодой еще, архіерей Іосифъ I-й. На нашей каѳедрѣ былъ еще и другой епископъ Іосифъ Дроздовъ съ 1874 по 1881 годъ, умершій у насъ въ Смоленскѣ.

Въ 1834 году черезъ Смоленскъ проѣзжалъ Государь Николай Павловичъ. Грознаго Государя ожидали всѣ со страхомъ. Къ пріѣзду Государя долго готовился и Іосифъ. Онъ приготовилъ замѣчательную проповѣдь и хотѣлъ торжественно, съ крестнымъ ходомъ, встрѣтить Императора на площадкѣ соборсмъ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Но когда Государь подъѣхалъ къ собору, вышелъ изъ коляски и, подойдя къ епископу, пристально посмотрѣлъ на него, взгляда суроваго и пронизывающаго архіерей не вынесъ. Онъ едва удержался на ногахъ, проповѣдь вылетѣла изъ головы. Не помня себя отъ страха, Іосифъ часто началъ Святою водою кропить Государя. Идя впередъ его въ соборъ, Іосифъ нѣсколько разъ оборачивался къ Государю и продолжалъ его кропить. Государь, внѣ себя отъ гнѣва, сказалъ Іосифу: „что Вы, Владыко, бѣсовъ изъ меня выгоняете, видно? Вы совсѣмъ облили мнѣ мундиръ!“ Въ тотъ же день Государь уволилъ его на покой и назначилъ ему жить въ Кіевѣ въ Лаврѣ. При прощаніи съ Смоль-

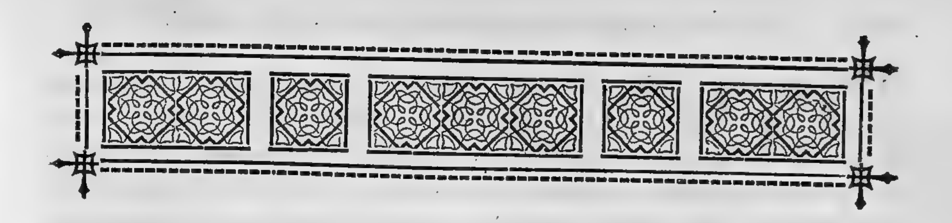
янами Іосифъ сказалъ прощальную рѣчь, которая была настолько задушевна и сказана съ такимъ сильнымъ чувствомъ, что всѣ бывшіе при прощаніи въ соборѣ плакали навзрыдъ.

Про резолюціи этого умнаго архіерея среди духовенства Смоленской епархіи ходитъ, какъ я сказалъ ранѣе, много разсказовъ, нѣкоторые изъ нихъ я слышалъ отъ моего тестя протоіерея, глубокаго старика, бывшаго священникомъ 48 лѣтъ. Тесть его тоже, сельскій священникъ, былъ рукоположенъ самимъ Іосифомъ. Такъ что резолюціи Іосифа были въ средѣ духовенства того времени еще въ памяти.

Въ селѣ Покровѣ, Порѣчскаго уѣзда, Смоленской епархіи, былъ очень многочисленный причтъ, семь священниковъ, три діакона и 8 псаломщиковъ. Среди причта такого были частыя ссоры, жаловались священники одинъ на другого и на своихъ подчиненныхъ діаконовъ и псаломщиковъ. Приходилось и самому архіерею разбирать ихъ жалобы. Наконецъ надоѣли они больно своими кляузами архіерею, и онъ положилъ такую резолюцію: „Семь поповъ, одинъ Покровъ, берегите, чтобъ онъ отъ васъ всѣхъ не ушелъ“.

Сообщ. А. Ильенковъ.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе [1]).

Предстояло представиться начальнику генеральнаго штаба генералу Мольтке.

Я и къ нему отправился съ графомъ В. П. Голенищевымъ-Кутузовымъ, разсказывалъ Мих. Ив.—Кромѣ того, что Вас. Павл., для соблюденія этикета, надо было самому, послѣ долгаго отсутствія, повидать главу военнаго міра,—онъ прямо подогналъ свое посѣщеніе ко дню моего визита; сдѣлалъ онъ это изъ любезности ко мнѣ, что явилось для меня какъ нельзя болѣе кстати во всѣхъ отношеніяхъ.

* * *

Помѣщеніе, которое занималъ во время служебныхъ занятій генералъ Мольтке, находилось въ верхнемъ этажѣ большого казеннаго зданія и состояло изъ двухъ очень обширныхъ залъ одинаковой величины—пріемной и собственнаго его кабинета.

Въ пріемной, кромѣ трехъ дюжинъ простыхъ старинныхъ съ мягкимъ сидѣньемъ стульевъ не было ничего. Адъютантъ,—обычнаго типа очень подтянутый и кордонный молодой офицеръ, поздоровавшись съ Кутузовымъ, познакомился со мной и отправился доложить генералу о нашемъ приходѣ.

Минуты три мы посидѣли; адъютантъ не возвращался.

„Что онъ такъ долго, забурчалъ Кутузовъ; это совсѣмъ не похоже на старика; всегда онъ такъ скоро, безъ задержки, принимаетъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ май 1910 г.

На замѣчаніе Мих. Ив—ча о томъ, что нельзя сразу оторваться отъ важнаго дѣла, графъ поторопился разсказать, что особо важныхъ дѣлъ у Мольтке не бываетъ; все, чѣмъ онъ когда-либо занятъ, въ одинаковой степени важно; оторваться же отъ какихъ бы то ни было занятій, во всякую минуту,—ему совершенно ни по чемъ; этою рѣдкою способностью онъ славится: на чемъ бы его ни перебили, онъ спокойно оторвется, а потомъ такъ же спокойно продолжаетъ прерванное; было это за нимъ замѣчено въ его молодости, съ приближеніемъ старости развивалось, а теперь замѣчается еще рѣзче.

Способность, по-истинѣ рѣдкая и завидная, говорилъ Мих. Ив.; Наполеонъ, со своей запальчивой нетерпѣливостью, этимъ даромъ не обладалъ;—отвлеченный на полудѣлѣ, онъ терялъ нить и потомъ долженъ былъ опять искать ее съ самаго начала.

— На-дняхъ я вскользь упомянулъ вамъ, продолжалъ разсказывать Голенищевъ-Кутузовъ, что Бисмаркъ навѣрное никому ничего изъ задуманнаго имъ въ отношеніи Австріи не повѣдалъ; казалось, нельзя было не подѣлиться этимъ съ Мольтке;—возможно ли о такомъ дѣлѣ, о такихъ планахъ не сообщить тому, у кого въ рукахъ находятся всѣ пружины механизма вооруженія арміи, кому всецѣло переданы вооруженныя силы страны! Но врядъ ли Бисмаркъ въ этомъ дѣлѣ посмотрѣлъ на Мольтке, какъ на исключеніе: зная близко всѣ обстоятельства, онъ также твердо зналъ, что готовность силъ, находящихся въ рукахъ этого геніальнаго хозяина арміи, во всякое время обезпечена и, будетъ ли Мольтке знать о предстоящей войнѣ за три недѣли или за три мѣсяца,—для успѣшности вооруженія это не представляетъ никакой разницы. „Суровый кудесникъ всегда одинаково готовится и потому во всякое время вполнѣ готовъ“...

При этой фразѣ дверь изъ кабинета отворилась и къ намъ спокойно вышелъ „кудесникъ“.

Оказалось, какъ послѣ мы узнали, въ самую минуту доклада адъютанта о насъ, у генерала обильно хлынула кровь изъ носа; лишь эта случайность явилась причиной того, что мы были приняты не сразу.

Поздоровавшись съ нами совершенно просто, Мольтке провелъ насъ въ кабинетъ; все убранство его составляли шесть такихъ же стульевъ и четыре громадной величины письменныхъ стола, заваленныхъ книгами, бумагами и раскрытыми картами; въ обѣихъ комнатахъ по угламъ была составлена масса свернутыхъ картъ.

Болѣе получаса бесѣдовалъ съ нами угрюмый старикъ, пронизывая насъ своимъ свѣтлымъ взоромъ.

Поражала необыкновенная свѣжесть вида старика и моложа-

вость: ему шелъ 67-й годъ, но нельзя было подумать, чтобы года его перевалили даже за пятый десятокъ [1]).

Если на Мих. Ив. Драгомирова графъ Бисмаркъ, при первомъ знакомствѣ, произвелъ большое впечатлѣніе, то, по собственному его признанію, послѣ перваго своего визита къ Мольтке онъ остался рѣшительно подъ обаяніемъ этого „военнаго мудреца".

* * *

За все время бесѣды, старикъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о необыкновенныхъ заботахъ и трудахъ, которыми несомнѣнно былъ обремененъ тогда по случаю предстоявшаго новаго испытанія его генія; войны какъ будто не ожидалось.

Поговоривъ коротко съ В. М. Кутузовымъ объ его поѣздкѣ, „мудрецъ-кудесникъ" перешелъ на разговоръ объ условіяхъ военной жизни, о войскахъ вообще и объ русской арміи въ особенности; онъ хвалилъ стойкость и закаленность нашихъ войскъ, хорошій, ровный составъ ихъ и добрыя отношенія между офицерами и солдатами; по поводу стойкости и выносливости онъ прямо говорилъ, что ни одна армія въ мірѣ не имѣетъ возможности похвалиться чѣмъ-либо похожимъ на то, что составляетъ въ этомъ отношеніи выработанную, безспорную и крайне завидную принадлежность арміи русскаго Царя.

Затѣмъ, коснувшись въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ посторонниxъ предметовъ, онъ предложилъ гостямъ получить и тутъ же вручилъ имъ по два экземпляра детальныхъ крупнаго масштаба картъ Австрійской имперіи.—Пока они тутъ же завертывали этотъ благопріобрѣтенный, очень цѣнный багажъ, Мольтке, серьезно и убѣжденно, видимо съ полнымъ отсутствіемъ желанія угощать пустыми комплиментами, сказалъ: „у васъ въ Россіи съ особой тщательностью издаются военные карты и планы; заботы русскаго военнаго министра генерала Милютина объ этомъ предметѣ увѣнчали дѣло большимъ успѣхомъ; его можно поздравить; изготовленіе картъ, этого драгоцѣннаго предмета, помогающаго движеніямъ арміи—вещь далеко не простая и не легкая; это не то что нарисовать портретъ мусульманской женщины, слегка улыбнулся Мольтке,—единственный разъ за все время своего съ ними разговора. „Я вообще съ особымъ удовольствіемъ читаю карты, издаваемыя вашимъ топографическимъ депо и картографическимъ заведеніемъ. На картографію должно быть всегда обращаемо самое серьезное вниманіе: это одно изъ самыхъ важныхъ подспорій для войскъ;

---

[1]) Гелльмутъ Мольтке родился въ самомъ началѣ 1800 г.

безъ нихъ передвиженіе немыслимо; карта представляетъ собою во время военныхъ дѣйствій проводника войскъ и часто, по мѣстнымъ условіямъ, единственнаго; кто такимъ образомъ запасается лучшимъ и наиболѣе вѣрнымъ „колонновожатымъ“, тотъ, тѣмъ самымъ,— при умѣломъ съ нимъ обращеніи,—въ большой мѣрѣ обезпечиваетъ себѣ громадную долю успѣха въ борьбѣ съ врагомъ“, сказалъ Мольтке, прощаясь и выйдя изъ кабинета для того, чтобы проводить гостей черезъ всю ширь громадной пріемной.

Никогда я не представлялъ себѣ, чтобы этотъ старикъ могъ столько наговорить; ко всему тому, чѣмъ онъ славится, надо прибавить и поставить на первомъ планѣ его необычайную, какую-то сверхъестественную, молчаливость, торопливо разсказывалъ гр. Голенищевъ-Кутузовъ Мих. Ив—чу, въ то время когда они, вполнѣ довольные своимъ визитомъ, спускались съ лѣстницы; вѣдь про него говорятъ, что онъ постоянно, неизмѣнно и прекрасно „молчитъ на семи языкахъ“; вѣроятно, при всемъ своемъ чудовищномъ спокойствіи, старикъ эти дни волнуется... Географическія же карты, продолжалъ гр. Кутузовъ, составляютъ самую большую слабость старика; съ большимъ рвеніемъ онъ, состоя еще въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, занимался съемками во время своего долговременнаго пребыванія въ Турціи при султанѣ Махмудѣ въ тридцатыхъ годахъ; тогда имъ лично была превосходно снята чуть ли не вся территорія владѣній падишаха. А какъ только ему въ Пруссіи пришлось твердой ногой стать близко къ высшему военному управленію, онъ тотчасъ же сталъ усиленно развивать и широко развилъ эту важную отрасль — военно-временнаго снабженія войсковыхъ частей и штабовъ необходимыми картами и планами предстоявшей и даже только вѣроятной для военныхъ дѣйствій мѣстности.

По поводу своего визита къ Мольтке Мих. Ив. разсказывалъ, что какъ военнаго ученаго, а также какъ стратега онъ его хорошо зналъ и изъ его сочиненій и изъ множества статей о немъ; но какъ съ человѣкомъ былъ очень мало съ нимъ знакомъ, и въ это первое свиданіе съ нимъ крайне имъ заинтересовался; мало случалось вообще встрѣчать такихъ даровитыхъ людей, говорилъ Мих. Ив. Бросалось въ глаза, что Бисмаркъ во всемъ беретъ волей, энергіей, Мольтке же рѣшительно на все налагаетъ печать своего ума,— яснаго, обширнаго и разносторонняго; этимъ, изъ ряду выходящимъ, умомъ онъ все порабощаетъ.

Черезъ нѣсколько дней гр. Голенищевъ-Кутузовъ привезъ Мих. Ив—чу мелкія записки, которыя Мольтке, будучи капитаномъ генеральнаго штаба, велъ въ видѣ писемъ во время своего пребы-

ванія въ Турціи; прежде они Мих. Ив—чу попадались на глаза, но до той поры ему не довелось прочесть ихъ [1]).

* * *

Среди приготовленій къ выступленію въ походъ, тамъ же въ Берлинѣ, Мих. Ив. съ большимъ интересомъ, между дѣломъ, прочелъ „Письма Мольтке о событіяхъ въ Турціи за періодъ времени 1835—39 г.г.“, въ нихъ описанъ его египетскій походъ, а также его участіе въ турецкомъ походѣ въ Сербію. Кромѣ того онъ прочелъ и письма Мольтке изъ Россіи.

„На прочтеніе этихъ записокъ я не могъ тогда“, говорилъ Мих. Ив., „смотрѣть иначе, какъ на дѣло болѣе или менѣе серьезное; время, употребленное на знакомство съ ними, было далеко непотеряннымъ: записки тѣ являлись какъ бы автобіографіей человѣка очень крупныхъ дарованій, онѣ дали мнѣ случай близко познать его; такимъ образомъ довелось ближе изучить характеръ и нравъ не только большого человѣка вообще, но и главнѣйшаго дѣятеля, съ которымъ предстояло непосредственно сноситься въ такой важный для него и для Европы историческій моментъ. Я остался навсегда очень благодарнымъ графу Голенищеву-Кутузову

[1]) Извѣстно, что Мольтке въ ранней молодости проявилъ большую страсть къ путешествіямъ; въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, разъѣзжая по востоку и знакомясь въ подробностяхъ съ мусульманскими странами, онъ однажды въ Константинополѣ былъ поставленъ въ крайнюю необходимость представиться самымъ высшимъ турецкимъ властямъ. Султанъ очень заинтересовался имъ, полюбилъ его и оцѣнилъ его способности — большая честь Махмуду, говорилъ Мих. Ив. по поводу этого. Затѣмъ обстоятельства сложились такъ, что Мольтке взялъ очень продолжительный отпускъ именно въ Турцію и, съ разрѣшенія короля, занялся, кромѣ изученія страны, еще и переформированіемъ (вѣрнѣе сформированіемъ) оттоманскихъ войскъ. Всегда, а въ особенности въ тѣ времена, прусское правительство поощряло такія поѣздки своихъ офицеровъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, говаривалъ Мих. Ив., въ томъ, что всѣ богатыя дарованія, коими былъ одаренъ Мольтке отъ природы, развились въ немъ наиболѣе счастливо подъ вліяніемъ этой его самостоятельной дѣятельности, происходившей при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и наиболѣе подходящихъ къ тому обстоятельствахъ. Въ 1834 году Мольтке уѣхалъ изъ Пруссіи; съ 1835 по 1839, до смерти султана Махмуда, онъ, при его поддержкѣ и подъ его покровительствомъ, проработалъ и, если своей работой принесъ какую-нибудь пользу османлисамъ, то, во всякомъ случаѣ, большую себѣ и громадную самой Пруссіи, такъ какъ всѣ свои способности, развитыя еще болѣе этой сложной и поучительной работой, а также нажитыя ею знанія, онъ всецѣло положилъ на алтарь своего отечества,— въ этомъ дѣлѣ оно получило отъ него сторицею.

за то, что онъ такъ кстати доставилъ мнѣ къ этому возможность,— именно въ то время".

„Не разъ тогда приходило мнѣ въ голову", говорилъ Мих. Ив., „что любезный графъ сдѣлалъ это именно потому, что замѣтилъ всю глубину впечатлѣнія, произведеннаго на меня великимъ умомъ. Кромѣ того, удивленный небывалою разговорчивостью старика, гр. Голенищевъ-Кутузовъ былъ совершенно пораженъ его шуткой—такая это была рѣдкость въ особености въ тѣ его годы! Перечитывая записки Мольтке, Мих. Ив. нашелъ въ нихъ съ отмѣткой Кутузова то мѣсто, которымъ выясняется смыслъ шутки, вызвавшей во время ихъ бесѣды единственную улыбку на суровомъ лицѣ старика; дѣло крылось въ стародавнихъ воспоминаніяхъ его.

На страницахъ „Писемъ о событіяхъ въ Турціи" Мольтке, тогда еще сравнительно молодой человѣкъ, описывая производившіяся имъ съемки въ Костантинополѣ въ декабрѣ 1836 года во время свирѣпствовавшей тамъ чумы, видимо пришелъ въ веселое настроеніе и, между прочимъ, въ игривомъ тонѣ разсказалъ объ отношеніи турецкаго населенія къ этимъ съемкамъ.

„Ни въ какой другой столицѣ", говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „я не могъ бы работать такъ безпрепятственно, какъ здѣсь. Турки спокойно проходили мимо и при этомъ какъ будто бы говорили: мы въ этомъ ничего не понимаемъ. Нерѣдко меня съ моимъ землемѣрнымъ столикомъ принимали за „маалибиджи", т. е. за разносчика сладостей съ его бѣлымъ подносомъ, вслѣдствіе чего уличные ребятишки заискивали моего расположенія. Болѣе всего любопытными въ Турціи оказываются женщины. Имъ во что бы то ни стало хотѣлось знать, что именно я рисую на бумагѣ, зачѣмъ это нужно падишаху, говорю ли я по-турецки или по крайней мѣрѣ по-гречески и т. д. Такъ какъ мои тѣлохранители отрицали это, то онѣ смотрѣли на меня, какъ на полудикаго, съ которымъ можно объясняться только знаками. Необыкновенное удовольствіе имъ доставляетъ, когда ихъ срисовываютъ, вѣроятно потому, что это воспрещено. Ничего не можетъ быть легче, какъ рисовать ихъ: большое бѣлое покрывало, изъ котораго выглядываютъ два глаза, кончикъ носа и широкія, сходящіяся брови. Представленіе подобной литографіи любой изъ этихъ любопытныхъ дамъ, какъ ея портретъ, было ей очень пріятно, она конечно находила его схожимъ" [1]).

---

[1]) См. „Письма о событіяхъ и приключеніяхъ въ Турціи отъ 1835 до 1839 г.г." Гелльмута Мольтке, капитана генеральнаго штаба, нынѣ генералъ-фельдмаршала. Спбургъ 1877 года (Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ № 15).

Вотъ какой эпизодъ, очевидно, вспомнилъ изъ своей молодости Мольтке, подшутивъ въ разговорѣ о географическихъ картахъ. Трудно вообразить, что это когда-то продѣлывалъ солидный капитанъ генеральнаго штаба Мольтке, а еще труднѣе себѣ представить, что это вспоминалъ и этимъ шутилъ въ серьезнѣйшія минуты своей жизни суровый, стоявшій во главѣ прусской арміи, стратегъ, не имѣвшій, казалось, рѣшительно ничего общаго съ чѣмъ-нибудь похожимъ на желаніе и умѣнье шутить вообще...

„Мелкіе факты“, говаривалъ Мих. Ив. „нерѣдко глубже всего опредѣляютъ существо натуры и характеръ геніальнаго человѣка, котораго они касаются“.

* * *

Съ большими подробностями разсказывалъ М. И. впослѣдствіи объ этихъ временахъ, а также о томъ, чего пришлось ему тогда,— въ 1866-мъ году,—наслушаться о Россіи, объ ея движеніи впередъ и предсказывавшейся тогда во всѣхъ отношеніяхъ ея будущности; съ тяжелымъ чувствомъ грусти онъ добавлялъ, что совершенно заслуженной безпристрастной похвалы, слышанной тогда изъ устъ великаго Мольтке, мы уже давно перестали быть достойными. Во всѣхъ мелочахъ мы умудряемся падать; такъ, между прочимъ, не говоря о томъ, что самое искусство производства географическихъ картъ у насъ упало,—не стараемся мы и вообще создавать раіоновъ картъ крайне для насъ необходимыхъ, не стремимся поддержать блеснувшую въ нашей репутаціи, хотя бы въ этомъ дѣлѣ, свѣтлую линію.

М. И. Драгомировъ хорошо помнилъ то время, когда генеральнаго штаба подполковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ завѣдывалъ съемками въ военной академіи и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; осматривая и провѣряя топографическія работы въ Петергофскомъ кадетскомъ лагерѣ, онъ занимался этимъ необыкновенно ретиво и очень умѣло пріохочивалъ юныхъ учениковъ своихъ къ дѣлу [1]). Въ совершенствѣ понимая и цѣня важное значеніе точныхъ географическихъ картъ для военнаго времени, Дм. Алекс. всегда неустанно прилагалъ свои старанія къ тому, чтобы постановку картографическаго дѣла у насъ поднять во всѣхъ отношеніяхъ на наибольшую высоту; слѣды его трудовъ по этой части были видны за

[1]) Это было въ 1845 и 46 г.г., когда Драгомировъ состоялъ въ числѣ питомцевъ Дворянскаго полка. Тогда въ Петергофѣ собирались на лѣтнее время въ лагерь: 1-й, 2-й и Павловскій кадетскіе корпуса, Дворянскій полкъ, Пажескій корпусъ, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Никол. кавал. училище), Николаевское инженерное училище и Михайловское артиллерійское училище.

время бытности его на разныхъ ступеняхъ службы; въ особенности же онъ преуспѣвалъ въ этомъ, будучи всесильнымъ начальникомъ штаба Кавказской арміи при главнокомандующемъ князѣ Александрѣ Ивановичѣ Барятинскомъ,—героѣ покоренія Кавказа и плѣненія Шамиля съ его легіонами фанатиковъ мюридовъ, а затѣмъ еще больше въ должности военнаго министра; вѣрная и безпристрастная оцѣнка этихъ трудовъ со стороны такого авторитета, какимъ навсегда останется Мольтке, являлась для него несомнѣнно весьма лестною.

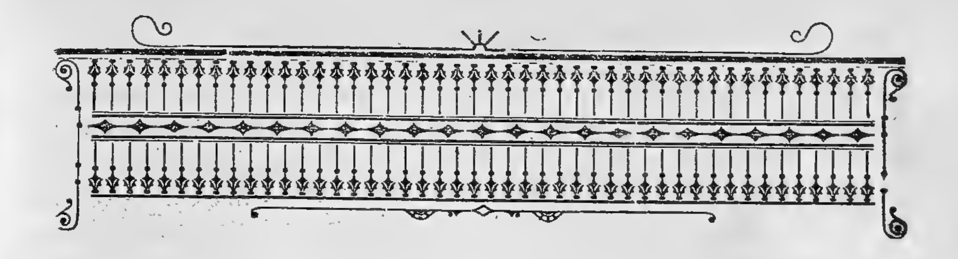
Генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, въ бытность военнымъ министромъ, по словамъ Мих. Ив-ча,также прилагалъ немало заботъ о томъ, чтобы это дѣло, по крайней мѣрѣ, не могло заглохнуть, и мы долго еще, послѣ ухода графа Милютина съ поста военнаго министра, могли считать себя въ этомъ отношеніи богатыми.

Трудно сказать, когда именно начали мы свое паденіе по части дѣла изданія картъ, но мы дошли до него, и можно себѣ представить, какъ къ этому отнеслись и какъ разсуждали съ теченіемъ времени о насъ, отдававшіе намъ справедливость, такіе цѣнители нашего искусства, каковы фельдмаршалъ графъ Мольтке и его сподвижники,—когда видѣли, что мы не сумѣли долго удержаться на должной высотѣ въ этомъ первостепенной важности дѣлѣ, а параллельно и въ другихъ. Въ печальнѣйшемъ своемъ положеніи опустились мы на столько, что отважились начать и вести одну изъ серьезнѣйшихъ войнъ, не имѣя картъ той невѣдомой страны, въ которой пришлось намъ проливать въ изобиліи дорогую кровь сыновъ Руси-Матушки. Съ какимъ-то непонятнымъ и, можно сказать, дерзкимъ равнодушіемъ мы рѣшились вступить въ предѣлы Манчжуріи, безъ наличности того самаго „колонновожатаго“, о крайней необходимости котораго дружески, но серьезно, предостерегалъ „чужой страны геніальный фельдмаршалъ“, въ свое время, быть можетъ, въ душѣ завидовавшій постановкѣ у насъ дѣла изготовленія этихъ нѣмыхъ, но много говорящихъ, безконечно необходимыхъ „проводниковъ“.

Такъ, со слезами на глазахъ, высказывался въ послѣдніе годы своей жизни М. И. Драгомировъ, уже почти на смертномъ одрѣ слѣдя за ходомъ злосчастнѣйшей для насъ войны,—Японской...

А. Е. К.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Александръ I и Восточная политика Россіи [1]).

(Окончаніе).

Съ заключеніемъ Бухарестскаго мира политическое положеніе Россіи значительно упрочилось. Пріобрѣтеніе Бессарабіи и обусловленное этимъ господство надъ устьями Дуная, упроченіе русскаго вліянія въ Молдавіи и Валахіи, богатыя пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіей на Кавказѣ, и, наконецъ, признанное этимъ договоромъ за Россіей право покровительствовать христіанскимъ подданнымъ Турціи—все это возбуждало радужныя надежды на будущее, а въ данный моментъ, русское правительство получило возможность употребить для борьбы съ Наполеономъ войска, стоявшія у турецкой границы, но у него не было увѣренности въ томъ, будетъ ли Турція соблюдать строгій нейтралитетъ въ случаѣ, если побѣда склонится на сторону Наполеона. Дѣйствительно, былъ моментъ, когда султанъ, гордость котораго была уязвлена Бухарестскимъ миромъ, былъ готовъ ринуться въ новую войну съ Россіей: осенью 1812 г. французскій посланникъ въ Константинополѣ, графъ Андреосси, былъ увѣренъ, что война будетъ объявлена и что его цѣль будетъ достигнута, но извѣстіе объ отступленіи Наполеона изъ Москвы разрушило его планы.

Послѣдовавшія за этимъ событія первостепенной важности, окончившіяся паденіемъ Наполеона, преисполнили Порту радостью. Наконецъ палъ человѣкъ, передъ которымъ она такъ долго трепетала и дальнѣйшіе планы котораго угрожали ея существованію; но ея радость омрачалась возраставшимъ могуществомъ Россіи. Уже

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1909 г.

въ февралѣ мѣсяцѣ 1814 г. распространился въ Константинополѣ слухъ, что императоръ Александръ ищетъ предлога къ разрыву съ Турціей. Опасенія эти поддерживались извѣстіями, что Россія возводила укрѣпленія въ Бессарабіи и держала усиленные гарнизоны въ тѣхъ городахъ Азіи, которые Турція все еще у нея оспаривала. Опасенія Порты оказались въ данномъ случаѣ неосновательны; Россія не желала въ то время войны съ Турціей, которая была бы для нея обременительна; она только хотѣла упрочить за собою пріобрѣтенія, доставшіяся ей по Бухарестскому миру.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Турціи въ этихъ обстоятельствахъ служило отношеніе въ ней Австріи. Меттернихъ поручилъ австрійскому посланнику передать султану, что онъ и въ умѣ не имѣлъ вмѣсто одной опасности создавать другую и сократить могущество Франціи для того только, чтобы замѣнить его вліяніемъ Россіи, и что онъ болѣе чѣмъ когда-либо смотритъ на Порту, какъ на одинъ изъ существенныхъ элементовъ, необходимыхъ для поддержанія равновѣсія Европы.

Въ тотъ критическій моментъ, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, для союзныхъ державъ было въ высшей степени важно, чтобы Турція не создала имъ затрудненій, поэтому препровождая ей декларацію, подписанную ими 13 марта 1815 г., державы выразили надежду, что Порта раздѣляетъ изложенные въ ней взгляды и присоединяется къ нимъ, т. е. что турецкое правительство не приметъ уполномоченныхъ Наполеона и не допуститъ въ свои воды судовъ, плавающихъ подъ его флагомъ.

Султанъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Когда французскій посланникъ Руфинъ поднялъ на зданіи французскаго посольства трехцвѣтный флагъ и велѣлъ прибить вмѣсто королевскаго герба—гербъ Наполеона, было приказано отобрать отъ него стражу, состоявшую изъ семи янычаръ, и удалить гербъ Наполеона. Порта прекратила всякія дѣловыя сношенія съ Руфиномъ и передала всѣ дѣла секретарю посольства Девалю, который остался вѣренъ своимъ роялистскимъ взглядамъ; агентъ Наполеона, Жуберъ, вынужденъ былъ выѣхать изъ Константинополя. Желаніе союзныхъ монарховъ исполнилось, но до чего они боялись, что Порта будетъ дѣйствовать въ иномъ духѣ, видно изъ того, что императоръ Александръ поручилъ своему посланнику, графу Италинскому, передать турецкому министерству отъ его, государя, имени, что хотя его возвращеніе въ Петербургъ и замедлилось вслѣдствіе послѣднихъ чрезвычайныхъ событій, тѣмъ не менѣе Порта должна быть твердо увѣрена, что какъ только обстоятельства дозволятъ ему вернуться въ столицу, онъ тотчасъ озаботится урегулировать вопросъ о границахъ такъ,

что Порта будетъ вполнѣ удовлетворена и не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Обѣщаніе императора, конечно, не было искреннимъ да оно и не достигло цѣли, такъ какъ вслѣдствіе происковъ англійскаго посланника Листона, Порта, два дня спустя послѣ полученія этого обѣщанія, обратилась (20 мая 1815 г.) къ державамъ съ деклараціей, въ которой просила о содѣйствіи „дружественныхъ“ ей державъ, чтобы принудить Россію выполнить принятыя ею на себя обязательства.

Шагъ, сдѣланный Портою, былъ для Россіи не только непріятенъ, но послѣ сдѣланнаго ею заявленія даже оскорбителенъ. Впрочемъ, начавшееся вскорѣ возстаніе въ Сербіи и пораженіе, нанесенное Наполеону при Ватерлоо, заставили Порту понизить тонъ. Боязнь передъ Россіей взяла верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, когда, вскорѣ по возвращеніи Александра въ Петербургъ (13 октября), разнесся слухъ, что императоръ готовится къ войнѣ съ Турціей. Прежде всего Порта постаралась уладить дѣла въ Сербіи: Бѣлградскій паша, Сулейманъ, жестокость котораго довела народъ до возстанія, былъ смѣненъ и назначенный на его мѣсто Ибрагимъ-паша удовлетворилъ справедливыя требованія сербовъ на столько, что въ началѣ 1816 г. спокойствіе въ Сербіи было возстановлено и въ Константинополѣ радовались тому, что у Россіи не было болѣе повода вмѣшиваться въ турецкія дѣла, какъ вдругъ одно за другимъ были получены два извѣстія, крайне встревожившія султана: въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1815 г. была признана независимость Іонической республики, подъ протекторатомъ Англіи, и въ февралѣ 1816 г. возникъ Священный Союзъ.

Послѣднее какъ громомъ поразило Порту: улемы и всѣ образованные турки воспылали гнѣвомъ къ Россіи: ихъ озлобленіе сообщилось янычарамъ. Страшный пожаръ, уничтожившій въ августѣ 1816 г. въ богатѣйшемъ кварталѣ города 1.200 домовъ и болѣе 3.000 лавокъ, былъ дѣломъ ихъ рукъ, также какъ и пожаръ, вспыхнувшій въ ночь съ 1 на 2 октября въ гаремѣ, во время котораго султану едва удалось спасти своего единственнаго четырехлѣтняго сына, а его младшая дочь съ бонной и четырьмя невольницами погибла, задохнувшись отъ дыма.

Таково было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, когда туда прибылъ, въ половинѣ сентября, новый русскій посланникъ, баронъ Строгановъ. На него была возложена трудная миссія: заставить Турцію уступить во всемъ требованіямъ Россіи и обезпечить ей свободу торговли на Черномъ морѣ и безпрепятственное плаваніе ея военныхъ судовъ на Босфорѣ и Дарданеллахъ.

Прусскому посланнику Строгановъ сообщилъ словесно, что ему

велѣно щадить Порту, но не допускать, чтобы въ Константинополѣ утвердилось чье-либо постороннее вліяніе.

При первыхъ же дѣловыхъ переговорахъ съ Рейсъ-эффенди, въ декабрѣ 1816 г., Строгановъ сдѣлалъ крупную ошибку, изложивъ ему сразу всѣ свои требованія и жалобы. Ихъ совѣщаніе продолжалось четыре часа и происходило въ присутствіи любимца султана, Галебъ-эффенди. Рейсъ-эффенди, не ожидавшій подобныхъ требованій со стороны Россіи, едва сдерживалъ свой гнѣвъ. Несмотря на то, что помѣщеніе, въ которомъ происходило совѣщаніе, было холодное, у него струился по лбу потъ. Но онъ овладѣлъ собою, просилъ посланника изложить всѣ его требованія письменно и обѣщалъ, что они будутъ разсмотрѣны.

„Россія, говорилъ съ горечью Рейсъ-эффенди, владычествуетъ надъ двумя третями Персіи; три четверти побережья Каспійскаго моря заняты русскими войсками, она скоро подниметъ воинственное населеніе Курдистана и Бухары и вызоветъ тамъ опасное броженіе“.

Порта была крайне встревожена, однако, разсчитывая на поддержку Англіи, она отвѣчала на всѣ требованія Строганова отказомъ. Ему было даже замѣчено, что онъ не имѣлъ права предъявлять относительно Сербіи какихъ-либо требованій, а могъ только дѣлать ей дружескія представленія. Было ясно, что Турція не пойдетъ добровольно на уступки. Также мало была склонна къ уступкамъ и Россія.

Всякій разъ, какъ въ Константинополѣ распространялся слухъ о переговорахъ, происходившихъ съ русскимъ посланникомъ, въ городѣ начиналось волненіе, и глубоко коренившаяся въ душѣ каждаго мусульманина ненависть къ гяурамъ проявлялась пожарами и возстаніями янычаръ. Суровыя мѣры, которыя принимались турецкимъ правительствомъ для подавленія этихъ волненій, еще болѣе разжигали всеобщее неудовольствіе. И въ данномъ случаѣ, переговоры, происходившіе со Строгановымъ, разумѣется, не могли остаться тайною и вызвали сильное волненіе янычаръ, завершившееся 14 августа страшнымъ пожаромъ: сгорѣло 4.500 домовъ, 3.600 лавокъ, двѣ греческія церкви и мечеть.

Чтобы выяснить создавшееся положеніе, императоръ Александръ прибѣгнулъ къ необычному шагу—онъ вмѣшался въ дѣло лично. 15 февраля 1819 г. прибылъ въ Константинополь русскій курьеръ съ новыми инструкціями Строганову и съ собственноручнымъ письмомъ отъ государя къ султану, въ которомъ Александръ высказывалъ свое удивленіе по поводу затрудненій, какія встрѣтились при переговорахъ со Строгановымъ, и заявлялъ, что онъ по-прежнему считаетъ постановленія Бухарестскаго договора обязательными для

обѣихъ сторонъ и что если они вызываютъ со стороны турецкаго министерства какія-либо недоумѣнія или превратныя толкованія, то онъ готовъ подвергнуть ихъ пересмотру, для чего барону Строганову даны соотвѣтственныя инструкціи.

Прошло три мѣсяца, пока послѣдовалъ отвѣтъ на это письмо; онъ весьма мало соотвѣтствовалъ ожиданіямъ императора и въ немъ было такъ много скрытой ироніи, что Строгановъ даже сомнѣвался нѣкоторое время, принять ли его.

Послѣ этого во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ державъ наступило охлажденіе, которое легко могло повести къ разрыву.

Между тѣмъ въ Россіи узнали о происходившей между австрійскими и турецкими сановниками тайной перепискѣ, благодаря которой Порта не только была всегда своевременно освѣдомлена о ходѣ дѣлъ европейской политики, въ духѣ, соотвѣтствовавшемъ интересамъ Австріи, но могла знать и о планахъ и намѣреніяхъ Россіи. Такъ она узнала о письмѣ Александра раньше, нежели оно было послано, и поэтому оно не произвело на турецкихъ сановниковъ ожидаемаго впечатлѣнія. Александру пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Восточной политикѣ Австрія являлась противникомъ, съ которымъ ему приходилось считаться—обстоятельство, имѣвшее для него огромное значеніе и повелѣвавшее ему дѣйствовать осмотрительнѣе.

Строганову повелѣно было сдѣлать все возможное, чтобы возобновить прерванные переговоры. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Порта ничего не отвѣчала на предложенія Россіи; какъ вдругъ Строгановъ получилъ оффиціальное извѣщеніе, что султанъ назначилъ двухъ комиссаровъ для пересмотра, согласно желанію императора, всѣхъ пунктовъ Бухарестскаго договора.

Первое засѣданіе прошло благополучно, но уже на второмъ обнаружилось разногласіе въ вопросѣ о денежномъ вознагражденіи и о Сербіи. Сразу выяснилось, что турецкое правительство старалось только затянуть дѣло и выиграть время.

„Любопытно было бы выяснить,—говоритъ проф. Шиманъ,—дѣйствительно ли Александръ желалъ заключить прочный миръ съ Портою? Несмотря на всѣ его увѣренія, повѣрить этому трудно. Русскіе государственные люди слишкомъ хорошо знали политику Порты, чтобы ожидать толка отъ переговоровъ съ нею, если онѣ не были бы поддержаны силою оружія. Они хотѣли повести дѣло такъ, чтобы виновницею въ разрывѣ оказалась Порта и чтобы Александръ, не нарушая фикціи своего миролюбія, могъ, съ согласія державъ, выступить во главѣ войска противъ исконнаго врага христіанскаго міра и Россіи.

„Доказать это документально невозможно, но если не принять

этого толкованія, то вся восточная политика Александра I покажется совершенно непонятной. Безкорыстіе въ политикѣ — таковъ былъ принципъ, служившій ему средствомъ для достиженія своихъ цѣлей и выгодъ. Въ этомъ и слѣдуетъ искать ключъ къ его политикѣ въ Польшѣ и на Востокѣ.

Въ началѣ 1821 г. Александръ поставилъ Порту въ такое положеніе, что если бы дѣло дошло до разрыва, то всякій призналъ бы за нимъ право объявить Турціи войну; эта цѣль была почти достигнута, когда необдуманный и несвоевременный шагъ Александра Ипсиланти лишилъ его плодовъ всѣхъ этихъ стараній. Создавшееся такимъ образомъ новое положеніе вещей и новыя затрудненія, съ какими пришлось бороться русской политикѣ, до того запутали императора Александра въ сѣтяхъ его истинныхъ и фиктивныхъ принциповъ, что онъ вращался цѣлыхъ пять лѣтъ, какъ въ заколдованномъ кругу, ни на іоту не приближаясь къ осуществленію своихъ желаній".

„Извѣстіе о вторженіи Александра Ипсиланти въ Молдавію и о томъ, что въ его предпріятіи принялъ участіе Михаилъ Суццо, было получено въ Константинополѣ 14 марта 1821 г. Магометанскимъ населеніемъ Константинополя овладѣло неописуемое волненіе—предвѣстникъ грядущихъ ужасовъ; началось возстаніе янычаръ. Въ первый моментъ казалось вѣроятнымъ, что Порта объявитъ Россіи войну. Султанъ, со своей стороны, былъ крайне взволнованъ и повелѣлъ великому визирю потребовать у Строганова объясненій.

Совѣщаніе состоялось 16 марта и было весьма бурное. Великій визирь потребовалъ отъ Строганова, чтобы онъ высказался опредѣленно о поступкѣ князя Суццо и его приверженцевъ и указалъ ему на то, что во главѣ мятежниковъ стояло болѣе русскихъ, нежели грековъ. Строгановъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ это и даже призналъ за Портою право употребить всѣ средства для подавленія мятежа. Между прочимъ онъ показалъ великому визирю письмо, адресованное имъ Ипсиланти, въ коемъ онъ рѣшительно осуждалъ его образъ дѣйствій. Возстаніе Ипсиланти было для него совершенной неожиданностью и хотя онъ не зналъ, какъ императоръ отнесется къ совершившемуся факту, но во всякомъ случаѣ онъ былъ увѣренъ, что Государь не сталъ бы осуществлять планы своей восточной политики этимъ путемъ.

Рейсъ-эффенди, казалось, былъ удовлетворенъ объясненіями Строганова, но истинныя свои чувства онъ высказалъ въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ, которому сказалъ: „Они не разъ надували насъ, надуютъ и теперь".

Турція ожидала возстанія въ Греціи, тревожилась на счетъ Сербіи и, вообще, опасалась возстанія всей райи при тайной, или явной поддержкѣ Россіи.

Все мусульманское населеніе Турціи стало вооружаться, въ то же время начались ежедневные аресты и казни. Персидскіе купцы, армянскіе и иностранные банкиры стали разъѣзжаться изъ Константинополя; торговля замерла.

Удивительно, что при этихъ обстоятельствахъ, Строгановъ рѣшился настаивать на возобновленіи конференціи для пересмотра Бухарестскаго договора, но объ этомъ, конечно, нечего было и думать.

13 апрѣля прибылъ, наконецъ, черезъ Одессу, изъ Лайбаха курьеръ, привезшій новыя инструкціи Строганову и письмо отъ Каподистрія къ Ипсиланти, написанное по порученію императора. Ипсиланти сдѣлалъ большую ошибку, когда, стараясь оправдать свои дѣйствія передъ императоромъ Александромъ, онъ сослался въ своемъ письмѣ къ нему на тайныя общества, въ которыхъ онъ нашелъ поддержку, и на право грековъ самимъ устроить свою судьбу. Это возстановило противъ него императора, который вначалѣ относился къ нему сочувственно. Александръ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что народы должны получать свободу и счастье отъ своихъ правителей, а не завоевывать ихъ революціоннымъ путемъ. Съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ эти письма, главнокомандующимъ 2 арміей, Витгенштейномъ, было получено повелѣніе соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Султанъ былъ весьма недоволенъ отношеніемъ Россіи къ Ипсиланти, который былъ только исключенъ изъ русской службы, но не лишенъ чиновъ, равно какъ и содержаніемъ письма, посланнаго ему отъ имени императора, въ которомъ Александръ обѣщалъ грекамъ свое покровительство. Очевидно, Россія поддерживала втайнѣ повстанцевъ.

При этихъ, чрезвычайно затруднительныхъ обстоятельствахъ, иностранные послы рѣшили обратиться къ Портѣ съ коллективной нотой, редактированіе коей взялъ на себя Строгановъ, но когда приступили къ обсужденію ея текста, то вновь назначенный англійскій посланникъ лордъ Странгфордъ заявилъ, что имъ получено отъ Рейсъ-эффенди письмо такого успокоительнаго свойства, что ихъ коллективный шагъ болѣе не нуженъ. Очевидно, Англія хотѣла поддержать Порту.

Положеніе Строганова становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Раздраженіе Порты противъ него росло. Впрочемъ, Рейсъ-эффенди жаловался болѣе на русское пра-

вительство, нежели на самого посланника. „Порта,—говорилъ Рейсъ-эффенди,—не хочетъ войны, но она готова вести ее, и ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ посторонняго вмѣшательства въ ея дѣла“. „Если насталъ часъ, когда мы должны будемъ покинуть Европу, да будетъ на то воля Господня, но мы исполнимъ прежде свой долгъ“. „Мы не потерпимъ, чтобы баронъ Строгановъ обращался съ нами пренебрежительно и дерзко. Этотъ человѣкъ ищетъ ссоры... пока онъ тутъ, намъ предстоятъ однѣ непріятности. Мы не нуждаемся ни въ чьей помощи, мы съумѣемъ защитить себя сами“. Такъ передавалъ англійскій драгоманъ въ своемъ донесеніи слова турецкихъ сановниковъ.

2 іюня въ Константинополь пришло русское судно, которое, вопреки формальному запрещенію Порты, прошло мимо укрѣпленія Фанараки, при входѣ въ Босфоръ. Султанъ приказалъ сказать Строганову чрезъ русскаго драгомана, что если судно не покинетъ Босфоръ въ теченіе двухъ сутокъ, то его заставятъ удалиться силой. Это ничуть не смутило Строганова, который отвѣчалъ, что онъ переселится съ чинами посольства и со всѣмъ имуществомъ въ свой дворецъ въ Буюкдере, передъ которымъ судно бросило якорь. 5 числа онъ привелъ свою угрозу въ исполненіе. Его поступокъ вызвалъ непріятныя объясненія съ Портой, окончившіяся перерывомъ оффиціальныхъ сношеній. Однако Порта не рѣшилась привести въ исполненіе свои угрозы и ограничилась наблюденіемъ за пакетботомъ. Но прибывшее недѣли двѣ спустя изъ Одессы второе судно, на которомъ ѣхалъ курьеръ къ Строганову, не было пропущено въ Босфоръ, хотя курьеру и было дозволено съѣхать на берегъ. Содержаніе привезенныхъ имъ депешъ осталось тайною, такъ какъ Строгановъ все еще не имѣлъ оффиціальныхъ сношеній съ Портой. Однако прошелъ слухъ, будто онъ въ половинѣ іюля покинетъ Константинополь.

Дѣйствительно, 16 іюля вечеромъ прибыло еще одно русское судно, съ конфиденціальными депешами на имя Строганова, и съ проектомъ ноты, которую онъ долженъ былъ предъявить турецкому правительству и которая походила скорѣе на ультиматумъ; ежели требованія Россіи не были бы исполнены въ недѣльный срокъ, то Строганову разрѣшалось покинуть Константинополь со всѣми чинами посольства. Въ нотѣ, которую онъ долженъ былъ вручить Портѣ, развивалась мысль, что державы терпятъ существованіе Турціи въ Европѣ лишь подъ условіемъ, что подвластные ей народы будутъ пользоваться правомъ свободно исповѣдывать христіанскую вѣру.

Въ краткихъ словахъ, требованія Александра сводились къ тому, чтобы разоренныя и разграбленныя христіанскія церкви были воз-

становлены, чтобы христіанскому вѣроисповѣданію были возвращены прерогативы, коими оно пользовалось ранѣе, и чтобы было обезпечено спокойствіе Молдавіи и Валахіи.

Письма и инструкціи, полученныя Строгановымъ, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что Россія рѣшила, въ случаѣ надобности, поддержать свои требованія силою оружія. На ультиматумъ, предъявленный Строгановымъ, отвѣта не послѣдовало, и 10 августа онъ покинулъ Константинополь.

Относительно образа дѣйствій Строганова существуютъ разныя мнѣнія. Несомнѣнно, что онъ дѣйствовалъ недостаточно сдержанно, какъ того требовали интересы Россіи, что онъ не съумѣлъ защитить христіанское духовенство, проживавшее въ Константинополѣ; что въ вопросѣ о занятіи турецкими войсками княжества онъ дѣйствовалъ также вначалѣ недостаточно энергично, а главное не съумѣлъ повести дѣло такъ, чтобы Порта сама начала войну и явилась такимъ образомъ отвѣтственной за нее. Директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, тн. сов. Дивовъ видѣлъ въ этомъ главную ошибку Строганова. По его мнѣнію, посланникъ долженъ былъ подкупить нѣкоторыхъ членовъ Дивана, чтобы они добились объявленія войны. Съ русской точки зрѣнія это было необходимо, несмотря на всѣ миролюбивыя увѣренія Александра, можно думать, что и для него этотъ исходъ былъ бы самымъ пріятнымъ. Положеніе было бы тогда ясно и опредѣленно, и вѣроятно удалось бы избѣгнуть вмѣшательства державъ. Теперь же, обстоятельства сложились такъ, что войну приходилось объявить самой Россіи и, хотя съ отъѣздомъ Строганова были прерваны всѣ дипломатическія сношенія, но, какъ оказалось, это было нелегко.

Вернувшись изъ Царскаго Села въ Лайбахъ, 5 іюня 1821 г., Александръ нашелъ тамъ такое политическое настроеніе, которое привело его въ большое смущеніе. Въ столицѣ всѣ симпатіи были на сторонѣ грековъ. Въ Лайбахѣ Каподистрія чувствовалъ себя одинокимъ; по возвращеніи же въ Россію онъ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ поддержку; генералъ Ермоловъ напр. говорилъ, что войну слѣдовало объявить немедленно. Это боевое настроеніе поддерживалось корреспонденціями, доходившими въ Петербургъ изъ второй арміи. Шаги, сдѣланные Александромъ, подѣйствовали на армію самымъ удручающимъ образомъ.

„Мы, живущіе тутъ, писалъ генералъ Киселевъ 12 (24) апрѣля изъ Тульчина, ген.-ад. Закревскому, „знаемъ, что такъ называемое возстаніе грековъ вполнѣ законно. Армія ожидала съ часа на часъ объявленія войны; 29 іюня, Закревскій, который былъ очень близокъ къ придворнымъ сферамъ, былъ увѣренъ, что война будетъ объявлена“.

Императоръ колебался, а въ Петербургѣ всѣ были заняты греческими дѣлами и хотя многіе хотѣли избѣжать войны, но никто не представлялъ себѣ, какъ это можно было бы сдѣлать. „Я стою за войну, писалъ Ермоловъ. „Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Грузію и желаю вамъ побѣды и славы".

22 августа Закревскій писалъ, что въ Петербургѣ еще не принято окончательнаго рѣшенія: „если война будетъ, то не ранѣе апрѣля, но возможно, что дѣло не дойдетъ до этого, такъ какъ многіе жаждутъ мира"; 19 ноября онъ писалъ, что „дерзость турокъ доходитъ до того, что если теперь не будетъ объявлено войны, то ее придется вести черезъ годъ, и тогда это будетъ гораздо труднѣе". Наконецъ, 1 февраля 1822 г. онъ жалуется, что „никому не извѣстно, будетъ война или нѣтъ, Императоръ повидимому склоненъ къ ней болѣе, чѣмъ когда-либо, но она будетъ стоитъ дорого, а у казны нѣтъ ни гроша денегъ; къ тому же Россію постигъ неурожай".

Это объясняетъ отчасти колебаніе Императора. Плохое состояніе русскихъ финансовъ, коими управлялъ неспособный Гурьевъ, доведшій Россію чуть не до банкротства, конечно играло въ этомъ вопросѣ видную, хотя все же не главную роль. „Въ отношеніи финансовъ", какъ мѣтко замѣтилъ однажды прусскій посланникъ Шёлеръ, „послѣ Наполеоновскихъ войнъ русское правительство сдѣлалось чрезвычайно легкомысленно". Къ тому же ему удалось сдѣлать въ октябрѣ мѣсяцѣ заемъ въ 40 мил. рублей. На рѣшенія Императора вліяли и другія, весьма сложныя соображенія личнаго и политическаго характера. Сказалось также вліяніе г-жи Криднеръ, которая, проживъ много лѣтъ въ Курляндіи какъ бы въ ссылкѣ, получила въ 1821 г. позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Еще въ 1818 г., она предсказывала, что Востокъ подымется и что Европѣ будетъ угрожать опасность. Позднѣе она говорила болѣе ясно о большой войнѣ съ Турціей, а теперь пророчествовала, что Александръ будетъ орудіемъ Божьимъ для освобожденія грековъ. Хотя, въ концѣ концовъ, Криднеръ было запрещено говорить о греческомъ вопросѣ, но ея рѣчи несомнѣнно имѣли вліяніе на Александра, который поддался уже въ то время мистицизму. Возможно, что на его рѣшеніе повліяло и полученное имъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г., по возвращеніи изъ Лайбаха, извѣщеніе ген.-ад. Васильчикова о существованіи въ арміи обширнаго заговора, имѣвшаго цѣлью введеніе въ Россіи конституціи. Сознаніе, что подобный заговоръ существуетъ, могло, разумѣется, повліять на рѣшенія Императора: съ одной стороны война, которая могла занять безпокойные элементы, такъ сказать, распылить ихъ, была желательнымъ исходомъ; но съ другой стороны симпатіи арміи къ грекамъ заставляли вѣрить въ

справедливость теоріи Меттерниха о единодушіи всѣхъ революціонныхъ элементовъ Европы.

Все это необходимо принять во вниманіе при сужденіи объ образѣ дѣйствій Александра въ разсматриваемомъ фазисѣ Восточнаго вопроса. Но важнѣе всего было, разумѣется, вліяніе общей политики и сознаніе, что онъ не найдетъ союзниковъ въ войнѣ съ Турціей.

Первый шагъ къ тому, чтобы выяснить себѣ отношеніе державъ въ этомъ вопросѣ, былъ сдѣланъ Александромъ лѣтомъ 1821 г. 22 іюня (4 іюля) европейскимъ кабинетамъ былъ разосланъ циркуляръ, въ коемъ выражалось желаніе Императора знать, какъ поступятъ державы въ случаѣ, если Порта не вступитъ на путь болѣе разумной политики.

Русское правительство, заявляя о томъ, что его войска не только готовы отразить нападеніе, но будутъ содѣйствовать всякому шагу, который союзныя державы примутъ совмѣстно для предотвращенія опасности, угрожающей Европѣ со стороны Турціи, ставило на видъ, что Россія не стремится къ расширенію своихъ границъ или къ утвержденію своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, а только желаетъ возстановленія мира, упроченія европейскаго равновѣсія и обезпеченія, совмѣстно съ другими державами, турецкимъ подданнымъ спокойнаго существованія.

„Анализируя это циркулярное посланіе", говоритъ Шиманъ, „ясно видимъ двѣ ошибки, сдѣланныя Александромъ, благодаря которымъ его политика въ Восточномъ вопросѣ не увѣнчалась успѣхомъ. Царь ставилъ себя въ зависимость отъ учрежденнаго имъ самимъ европейскаго ареопага и пренебрегалъ интересами Россіи, прикрывая ихъ неискренней политикой безкорыстія. При этомъ онъ отнюдь не думалъ отказываться отъ своей конечной цѣли — изгнанія турокъ изъ Европы, но хотѣлъ, чтобы „Европа" и созданный имъ „священный союзъ" раздѣлили съ нимъ отвѣтственность за этотъ шагъ; въ то же время онъ разсчитывалъ на естественное влеченіе христіанскаго населенія Балканскаго полуострова къ Россіи.

Александръ высказалъ свои затаенныя мысли французскому посланнику Лаферонне, приглашенному въ Царское Село нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ былъ разосланъ выше упомянутый циркуляръ. Александръ сказалъ ему, между прочимъ, что онъ со времени Ахенскаго конгресса разсчитывалъ на признательность Франціи и намекнулъ на то, что истинные интересы этой державы повелѣвали ей заключить миръ съ Россіей. Намекнувъ на необходимость изгнать турокъ изъ Европы, Александръ замѣтилъ по смущенію французскаго посланника, что онъ зашелъ слишкомъ

далеко; тогда онъ заговорилъ объ образованіи на Балканскомъ полуостровѣ одного или нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, Лаферонне передалъ все это въ своемъ донесеніи въ Парижъ и когда тамъ былъ полученъ русскій ультиматумъ, то французское правительство уже было предупреждено объ истинныхъ намѣреніяхъ Царя. Тѣмъ временемъ Александръ убѣдился, что ему придется считаться съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ его планамъ со стороны Австріи и Англіи, которыя старались сблизиться, и это заставило его еще упорнѣе добиваться союза съ Франціей.

Франція желала мира и предлагала произвести давленіе на Турцію, и побудить ее пойти на возможныя уступки. Въ случаѣ войны между Россіей и Портой, Франція обѣщала соблюдать нейтралитетъ, подъ условіемъ, что въ военныхъ дѣйствіяхъ не приметъ участія никакая иная держава и что Австрія не введетъ своихъ войскъ въ Турцію.

Теперь стало ясно, что отозваніе Строганова изъ Константинополя было ошибкой, Россія осталась безъ представителя въ Турціи и въ то же время вела съ нею переговоры, при посредствѣ представителей Англіи и Австріи, двухъ державъ, которыя были противниками Россіи въ восточномъ вопросѣ и, само собою разумѣется, отстаивали не русскіе, а англійскіе и австрійскіе интересы. Такъ какъ прусскій посланникъ, фонъ-Мильтицъ, находился то подъ англійскимъ, то подъ австрійскимъ вліяніемъ, а Франція утратила въ Константинополѣ всякое значеніе, то положеніе Порты въ данное время было самое благопріятное, а положеніе Россіи самое невыгодное. Александръ не понялъ этого, и такъ какъ Порта не только не вывела своихъ войскъ изъ княжествъ, но усилила ихъ, то онъ полагалъ, что союзныя державы будутъ, согласно заявленнымъ имъ принципамъ, дѣйствовать въ греческомъ вопросѣ съ нимъ заодно, ибо возстаніе грековъ было, по его мнѣнію, лишь „однимъ изъ проявленій общаго революціоннаго духа, охватившаго Европу“, съ которымъ державамъ слѣдовало бороться совмѣстно.

— Да, сказалъ онъ 30 ноября прусскому посланнику,—если союзные монархи выскажутся за войну, я начну ее немедленно, не задумываясь“.

Такъ закончился богатый событіями 1821 годъ. До войны дѣло не дошло. Благодаря воздѣйствію Англіи и Австріи, которыя всячески старались устранить возможность вооруженнаго столкновенія, султанъ началъ стягивать свои войска изъ княжествъ, но онъ отказался отъ участія въ конференціи, собравшейся въ Вѣнѣ, ссылаясь на то, что имъ исполнены всѣ 4 пункта русскаго ультиматума и что Россія не можетъ предъявлять къ нему дальнѣйшихъ требованій. Такимъ

образомъ Вѣнская конференція не привела ни къ чему. Поступая такъ, султанъ дѣйствовалъ въ увѣренности на поддержку Австріи и Англіи и въ томъ, что Россія одна не рѣшится начать войну.

Дѣйствительно, въ намѣреніяхъ Императора Александра совершился за это время большой переворотъ. Послѣ того какъ отъ Австріи было получено согласіе на новый конгрессъ въ Веронѣ, онъ выступилъ съ удивительнымъ предложеніемъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Испаніи для возстановленія такого тиранна, какимъ былъ король Фердинандъ.

Никогда еще Александръ не былъ такъ твердо увѣренъ въ согласованности дѣйствій всѣхъ революціонеровъ и не былъ такъ склоненъ къ соглашенію съ Турціей. Само собою разумѣется, что при такомъ настроеніи императора Каподистрія не могъ сохранить долѣе свой постъ. Ему не удалось, во время двухчасовой прощальной аудіенціи, убѣдить Государя въ необходимости для Россіи самостоятельнаго выступленія въ Восточномъ вопросѣ. Александръ остался при своемъ мнѣніи, „пожертвовавъ", по его собственному выраженію, „національными симпатіями народа священному союзу".

Въ данный моментъ его интересовало не столько освобожденіе Греціи, сколько возстановленіе власти Фердинанда VII.

Интересно прослѣдить, какъ по мѣрѣ успѣха въ Испаніи, и по мѣрѣ того какъ дѣла приняли тамъ желательное для него теченіе, Александръ измѣнилъ свой образъ дѣйствій относительно Порты, сталъ предъявлять ей болѣе рѣшительныя требованія и поднялъ снова греческій вопросъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1824 г. Россіей былъ сдѣланъ въ восточномъ вопросѣ рѣшительный шагъ. 9 (21) января, Нессельроде разослалъ державамъ записку, въ которой говорилось, что „Греческій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при коллективномъ участіи державъ, что Россія не настаивала до сихъ поръ на своихъ безспорныхъ правахъ единственно ради сохраненія мира, но что она не можетъ долѣе относиться равнодушно къ существующему порядку вещей и такъ какъ Турція никогда не признаетъ добровольно независимости Греціи, а греки со своей стороны никогда не захотятъ стать въ прежнія отношенія къ Турціи, то Россія предлагаетъ новую мѣру: она предлагаетъ образовать изъ греческихъ владѣній, по примѣру придунайскихъ княжествъ, три самостоятельныя государства. Если державы присоединятся къ этому плану, то Александръ готовъ настаивать на его исполненіи съ оружіемъ въ рукахъ". Но англійское и австрійское правительства твердо рѣшили не допускать войны; чѣмъ болѣе они вѣрили въ побѣду Россіи, тѣмъ болѣе боялись разрыва съ Турціей.

Послѣ долгихъ переговоровъ, 5 (17) іюня 1824 г. въ Петербургѣ собралась, для обсужденія новаго предложенія Россіи, конференція изъ представителей четырехъ державъ, но она не привела ни къ чему, такъ какъ никто изъ посланниковъ не имѣлъ должныхъ полномочій для веденія переговоровъ. Было выражено желаніе, чтобы совѣщанія продолжались въ Константинополѣ, когда туда будетъ вновь назначенъ русскій посланникъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, временное греческое правительство обратилось къ Англіи съ просьбой защитить Грецію въ ея борьбѣ за независимость и, хотя англійское правительство отклонило эту просьбу, ссылаясь на договоры, заключенные съ Турціей, но все же оно обѣщало соблюдать строгій нейтралитетъ и не принимать участія ни въ какихъ понудительныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты съ цѣлью навязать грекамъ непріемлемыя для нихъ условія. Что касается плановъ Россіи, то англійскій премьеръ заявилъ, что коль скоро турки и греки рѣшительно отвергли ихъ, то онъ не имѣетъ ни малѣйшей надежды на ихъ осуществленіе.

Было ясно, что Англія рѣшительно не сочувствовала идеямъ императора Александра.

„Туманные принципы, провозглашенные впервые Павломъ I и возведенные Александромъ I въ политическую систему, воплотившуюся въ идеѣ священнаго союза, которой великія державы обманывали послѣдніе годы самихъ себя и весь міръ, должны были разсѣяться предъ здравой, ясной и реальной политикой англійскаго кабинета“.

„Тотъ фактъ, что Греція рѣшительно отшатнулась въ ту пору отъ Россіи и возложила всѣ свои надежды на Англію, чрезвычайно знаменателенъ. Императору Александру стало ясно, что со стороны Англіи его планамъ оказывается систематическое противодѣйствіе. Стратфордъ Каннингъ, назначенный посланникомъ въ Россію, пріѣхавъ въ Петербургъ, засталъ Императора подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ страшнаго наводненія, постигшаго столицу; настроеніе Государя было удрученное, и онъ былъ не въ состояніи правильно оцѣнить сдержанную политику, которую Англія противупоставила его восточнымъ планамъ. Такъ какъ Стратфордъ Каннингъ не имѣлъ полномочія для участія въ совѣщаніяхъ конференціи, происходившей въ Петербургѣ, и къ тому же вскорѣ сталъ извѣстенъ отвѣтъ, данный англійскимъ премьеромъ временному греческому правительству, то императоръ рѣшилъ прекратить съ Англіей всякіе дальнѣйшіе переговоры по греческому вопросу.

Въ этомъ смыслѣ были посланы въ декабрѣ мѣсяцѣ 1824 г.

инструкціи Ливену, нашему посланнику въ Лондонѣ; Нессельроде также повелѣно было уклониться отъ переговоровъ о греческихъ дѣлахъ съ Стратфордомъ Каннингомъ.

„Toutes les fois qu'il me parlera Turquie ou Grèce“, писалъ онъ Ливену „je lui reponderais Amérique[1]“. Императоръ понялъ, что Стратфордъ, который долженъ былъ защищать въ Константинополѣ русскіе интересы, обманулъ его; это было совершенно справедливо; въ Вѣнѣ понимали это, и можно только удивляться, что въ Петербургѣ въ этомъ не убѣдились ранѣе.

24 февраля 1825 г. возобновились Петербургскія конференціи. Стратфордъ Каннингъ былъ въ то время еще въ Петербургѣ, но не принималъ участія въ нихъ и повидимому не сдѣлалъ ни шага къ тому, чтобы узнать, хотя бы окольнымъ путемъ, о ходѣ переговоровъ. Всего состоялось десять засѣданій; въ преніяхъ принимали главнымъ образомъ участіе Нессельроде и Лебцельтернъ. Самый малонаблюдательный человѣкъ долженъ былъ признать, что настоящимъ врагомъ русской политики была не столько Англія, сколько Австрія, собственно говоря Меттернихъ, котораго поддерживала Францiя, дѣйствовавшая со вступленія на престолъ Карла X болѣе самостоятельно. Роль Пруссіи, во всемъ этомъ фазисѣ восточнаго вопроса, была безцвѣтна.

Когда графъ Лебцельтернъ заявилъ, что онъ предпочелъ бы признать независимость Греціи, Нессельроде отвѣтилъ ему съ раздраженіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ могъ представитель Австріи сказать что-либо подобное и какъ могъ кабинетъ, державшійся всегда корректныхъ принциповъ, увлечься хоть на минуту этой мыслію. Такъ какъ Францiя высказалась также за полную независимость Греціи, то Россія оказалась изолированной.

Петербургская конференція не привела къ желаемому результату. Посланникамъ четырехъ континентальныхъ державъ, аккредитованныхъ въ Константинополѣ, было повелѣно начать дружескіе переговоры съ Портой и добиться ея согласія на вмѣшательство державъ для прекращенія недоразумѣній на Востокѣ. Болѣе ничего не удалось достигнуть, понятно, что этотъ результатъ раздражалъ Александра I.

Онъ считалъ, что Австрія измѣнила ему и, чтобы выяснить дѣло, еще разъ изложилъ свои требованія въ циркулярной нотѣ, которая была разослана державамъ.

Онъ добивался со стороны державъ признанія необходимости

---

[1] „Всякій разъ какъ онъ заговоритъ со мною о Турціи или Греціи, я буду отвѣчать ему объ Америкѣ“.

энергичнаго совмѣстнаго вмѣшательства въ турецкія дѣла и принятія противъ Турціи и Греціи принудительныхъ мѣръ.

Когда Меттернихъ рѣшительно, и даже съ оттѣнкомъ ироніи, отклонилъ самую мысль о какихъ-либо принудительныхъ мѣрахъ, то Александръ, полагая, что державы заключили тайное соглашеніе, чтобы парализовать его мѣропріятія, рѣшилъ круто повернуть дѣло.

6 (18) августа его посланникамъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Берлинѣ было послано повелѣніе не вступать болѣе ни въ какіе переговоры о русско-турецкихъ дѣлахъ и дать понять державамъ, что, такъ какъ императоръ не разсчитываетъ долѣе на ихъ поддержку, то и онъ со своей стороны не будетъ поддерживать ихъ въ другихъ вопросахъ.

Этотъ поворотъ русской политики произвелъ на всѣхъ одинаковое впечатлѣніе: путь, на которой вступилъ императоръ, по всеобщему убѣжденію, легко могъ повести къ русско-турецкой войнѣ.

Въ это время на политическомъ горизонтѣ возникло новое осложненіе: въ августѣ мѣсяцѣ 1825 г. греческое правительство рѣшило поставить Грецію подъ исключительное покровительство Англіи.

Если бы Греція съ островами перешла подъ владычество Англіи, то этимъ было бы обезпечено преобладаніе этой державы на Средиземномъ морѣ, и въ случаѣ возможнаго раздѣла Турціи, Дарданеллы очутились бы въ ея рукахъ. Это могло быть достигнуто лишь цѣною войны, въ которой Англія была бы совершенно изолирована; ей пришлось бы вести войну не только съ Турціей, но и съ Австріей, Россіей и Франціей. Нельзя сказать, чтобы подобная перспектива испугала англійскаго премьера, но онъ ни на минуту не допустилъ возможности подобной комбинаціи. 13 октября онъ отвѣтилъ греческому народному собранію отказомъ.

Ливенъ зналъ объ этомъ рѣшеніи еще 5 октября, и онъ воспользовался случаемъ, чтобы сблизиться съ Каннингомъ, который, со своей стороны, не уклонился отъ этого сближенія и держалъ себя предупредительно.

Въ письмѣ къ лорду Ливерпулю Каннингъ изложилъ впечатлѣніе, произведенное на него бесѣдою съ Ливеномъ.

— Посылаю вамъ меморандумъ [1]), писалъ онъ, о бесѣдѣ моей съ Ливеномъ, который пріѣхалъ сюда вчера изъ Брайтона (какъ было

[1]) „Изъ этого письма, говоритъ проф. Шиманъ, вытекаетъ ясно, что этотъ инцидентъ изложенъ Мартенсомъ въ его Recueil des traités, XI, стр. 335 и сл. невѣрно. Не Англія искала сближенія съ Россіей, а Россія заискивала у Англіи".

условлено). Онъ былъ въ восторгѣ, получивъ позволеніе пріѣхать, и я думаю, что онъ былъ со мною вполнѣ откровененъ.

— Во всякомъ случаѣ, ни одна континентальная держава не дѣлала намъ подобныхъ откровенныхъ признаній. Велика ненависть Россіи къ Австріи, или скорѣе къ Меттерниху, но надобно сознаться, что она имѣетъ къ этому основаніе.

— Мнѣ кажется, настало время что-либо предпринять... Для меня совершенно ясно, что Меттернихъ дѣйствуетъ не честно и что, имѣя дѣло съ нимъ, мы будемъ обмануты.

— Впрочемъ, не онъ одинъ поступаетъ такъ; если бы ему удалось обмануть насъ, это преисполнило бы его гордостью.

На почвѣ общихъ интригъ, между Каннингомъ и Ливеномъ снова произошло сближеніе. Ливенъ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія.

„Положеніе, занятое Вашимъ Величествомъ, возъимѣло уже желаемыя послѣдствія", писалъ онъ въ своемъ донесеніи Государю, „все даетъ право предполагать, что Вашимъ Величествомъ какъ и слѣдовало ожидать, будете имѣть въ этомъ важномъ вопросѣ рѣшающій голосъ".

Когда это донесеніе было получено въ Таганрогѣ, императоръ Александръ былъ при смерти, и его содержаніе осталось на вѣки ему неизвѣстнымъ. Рѣшеніе восточнаго вопроса зависѣло уже не отъ него.

— Какую же цѣль преслѣдовалъ онъ въ своей восточной политикѣ?

— На этотъ вопросъ, по мнѣнію проф. Шимана, можно отвѣтить только гадательно.

— Полагая, что Россія готова къ войнѣ, Александръ былъ согласенъ отстаивать русскіе интересы съ оружіемъ въ рукахъ. Греческій вопросъ онъ надѣялся рѣшить при помощи Англіи, но онъ не допускалъ мысли объ образованіи объединеннаго греческаго государства. Когда и какимъ образомъ могъ рѣшиться этотъ вопросъ, имъ не было предрѣшено; объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Возможно, что онъ сталъ бы добиваться согласія Австріи, Франціи и Пруссіи на вооруженное вмѣшательство Россіи въ Балканскія дѣла, это весьма вѣроятно, такъ какъ Александръ I шелъ обыкновенно къ разъ намѣченной цѣли весьма упорно. Но смерть положила всему предѣлъ.

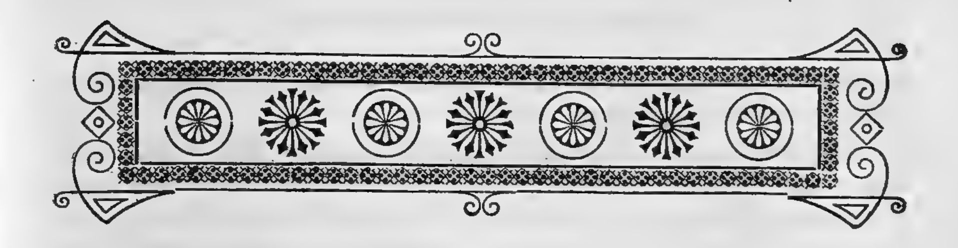
„Въ общемъ можно сказать, что восточная политика Александра была непрерывнымъ рядомъ роковыхъ ошибокъ, неудачъ, разочарованій и вольныхъ и невольныхъ противорѣчій, коими онъ вводилъ въ заблужденіе самого себя и весь свѣтъ. Онъ скончался въ тотъ моментъ, когда твердо принятое рѣшеніе и энергичный образъ

дѣйствій могли привести къ осуществленію его желаній. Если бы Россія, занявъ Придунайскія княжества, создала этимъ un fait accompli, съ которымъ державамъ пришлось бы считаться, тѣмъ самымъ была бы разрушена сѣть интригъ, въ которой она запуталась.

Въ такомъ случаѣ императору Александру пришлось бы вести войну съ Турціей, въ которой прочія державы явились бы только зрительницами, и событія показали бы, соотвѣтствовали ли нравственныя и матеріальныя силы Россіи великой задачѣ, выдвинутой восточнымъ вопросомъ".

В. Тимощукъ.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

ГЛАВА III[1]).

Крайне затруднительное положеніе, въ которое поставилъ себя Бонапартъ въ 1797 г. въ войнѣ противъ Австріи, вынудило его предложить эрцгерцогу Карлу войти въ соглашенія о мирѣ. Страхъ, что полководецъ, который постоянно одерживалъ побѣды надъ австрійцами въ Италіи, завоюетъ столицу имперіи, вынудилъ вѣнскій кабинетъ принять предложеніе. Заключая перемиріе ни та, ни другая изъ договаривавшихся сторонъ не возлагали надеждъ на успѣшный исходъ переговоровъ и разсчитывали только выиграть время для приготовленій къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій. Гордость такъ называвшейся Римской имперіи не могла помириться съ потерею голландскихъ областей и сѣверной Италіи. Ей снова хотѣлось, и съ лихвою, возвратить свои потери. Бонапартъ, перейдя Альпы, и не могъ остановить своихъ дѣйствій; а Директорія еще менѣе могла остановить его, опасаясь того значенія, которое онъ уже пріобрѣлъ, увлекаясь мыслью водворить повсюду республиканское правительство мечемъ и грабежемъ. Раштадтскій конгрессъ и переговоры въ Лиллѣ съ Англіею не привели къ мирнымъ соглашеніямъ; а внезапный, безъ всякаго повода, захватъ Мальты и экспедиція въ Египетъ вновь взволновали всю Европу. Образовалась новая коалиція противъ Франціи, гораздо болѣе грозная, нежели всѣ прежнія. Съ одной стороны ея дѣйствіямъ помогла Турція, вызванная на войну

[1]) См. „Русская Старина" февраль 1910 г.

за захватъ Египта, съ другой—Россія вступила въ вооруженный союзъ противъ республики.

Удаленный отъ начальства надъ войсками, Моро проживалъ безъ всякаго дѣла, посвящая досугъ изученію военнаго искусства. Испуганная угрожавшей опасностью, путаясь въ военныхъ соображеніяхъ для защиты, въ отсутствіе Бонапарта, послѣ смерти Гоша, Директорія рѣшилась призвать къ дѣятельности Моро.

Въ началѣ 1799 г., когда Суворовъ уже уѣхалъ начальствовать надъ русско-австрійскою арміей въ Италіи, Моро получилъ званіе генералъ-инспектора и былъ призванъ въ военный комитетъ, состоявшій при Директоріи для начертанія плановъ военныхъ дѣйствій, какъ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ, въ случаѣ успѣха обороны. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Моро, какъ боевой генералъ, не желалъ оставаться въ Парижѣ во время военныхъ дѣйствій и просилъ Директорію отправить его простымъ волонтеромъ въ италіанскую армію. Директорія исполнила его желаніе, отправила его къ Шереру, который предводительствовалъ этою арміею, съ тѣмъ, чтобы онъ находился при немъ и, конечно, просвѣщалъ его своими совѣтами. „Мое назначеніе“, говорилъ впослѣдствіи Моро, „не было блестящимъ, но силою обстоятельствъ потомъ сдѣлалось такимъ“. Конечно, только любовь къ военному дѣлу могла побудить Моро находиться въ качествѣ свидѣтеля дѣйствій военачальника, избраннаго Директоріей, неспособнаго, устарѣлаго и нерѣшительнаго. Не принимая въ соображеніе совѣтовъ Моро, Шереръ не успѣлъ воспользоваться обстоятельствами въ то время, когда передъ нимъ находились одни австрійскія войска, т. е. когда силы противника не превосходили тѣхъ, которыми онъ самъ могъ располагать, и находились еще безъ главнокомандующаго, такого же престарѣлаго генерала Меласа, который на долгихъ ѣхалъ изъ Вѣны на боевое поприще. Онъ дождался того времени, когда, такой же, правда престарѣлый, но бодрый духомъ и тѣломъ, вождь прибылъ на мѣсто дѣйствій во главѣ русскихъ войскъ, посланныхъ Императоромъ Павломъ въ помощь Австріи. Этотъ вождь былъ—Суворовъ.

Рядомъ побѣдъ немедленно ознаменовалось его прибытіе. Положеніе французскихъ войскъ было крайне затруднительное. Вынужденныя оставить линію рѣки Минчіо, прогнанныя за Оліо, они отступили за Адду. Духъ войскъ упалъ, ропотъ на главнокомандующаго усиливался со дня на день. Генералъ Шереръ разбросалъ на пространствѣ 100 верстъ свои войска, которыя и такъ были въ гораздо меньшемъ количествѣ по сравненію съ силами союзниковъ и, конечно, потерпѣли бы новыя пораженія. Но Шереръ былъ отозванъ Директоріею, которая предписала Моро принять начальство

надъ италіанскою арміей. Узнавъ объ этомъ назначеніи, Суворовъ сказалъ: „и въ этомъ я вижу перстъ Провидѣнія: мало славы разбить шарлатана; лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсть и зеленѣть“.

Но положеніе Моро было таково, что немногіе согласились бы добровольно занять его и принять на себя, въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица, полную отвѣтственность передъ страной въ виду правительства, которое не воздавало должнаго уваженія его заслугамъ и даже подозрѣвало его въ сочувствіи замысламъ роялистовъ. „Я позволяю себѣ думать“, говорилъ впослѣдствіи передъ судомъ Моро, „что отечество не забыло, что я былъ достойнымъ его сыномъ. Оно не забыло, съ какою преданностью къ нему я рѣшился драться съ Италіей, занимая второстепенныя должности. Оно не забыло, конечно, при какихъ условіяхъ я получилъ потомъ званіе главнокомандующаго, послѣ стольких пораженій нашихъ войскъ и послѣ начальника, прославившагося въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими несчастьями“. „Генералъ Моро имѣлъ право отказаться въ этомъ случаѣ отъ званія главнокомандующаго“, говоритъ знаменитый историкъ французской революціи. „Его разжаловали до чина дивизіоннаго генерала, и въ то время, когда кампанія оканчивалась полною неудачею, когда приходилось испытывать только новыя неудачи, его назначаютъ главнокомандующимъ. Однако же съ полною преданностью отечеству, которую не можетъ не восхвалить исторія, онъ принялъ пораженіе, принимая начальство надъ войсками въ тотъ вечеръ, когда линіи Адды угрожало уже нападеніе. Съ этого времени начинается наименѣе оцѣненная и наилучшая эпоха его жизни [1])“. Какъ военачальника, безъ сомнѣнія, исторія не могла бы осудить Моро, если бы онъ отказался принять начальство надъ войсками, которыя поставлены были въ такое положеніе, что не могли избѣгнуть пораженій. Въ военномъ дѣлѣ успѣхъ, побѣда покрываетъ все; „побѣдителей не судятъ!“ говорила великая императрица; побѣдителя съ большою осторожностью можетъ судить только исторія,—позволяемъ себѣ прибавить. Но тяжелая отвѣтственность достается на долю побѣжденнымъ, и нужно обладать горячею любовью къ отечеству и большою гражданскою доблестью, чтобы принять начальство надъ войсками съ полною увѣренностью, что невозможно одержать побѣды. Онъ долженъ былъ отступать, отражая нападенія противника до тѣхъ поръ, пока не соединится съ неаполитанскою арміею Макдональда, которому Директорія предписала идти въ сѣвер-

---

[1]) Thiers. Historie de la revolution, t. VIII p. 368.

ную Италію, на подкрѣпленіе Моро. Но прежде всего слѣдовало сосредоточить разбросанную на значительномъ пространствѣ армію и прикрыть Миланъ. Такой противникъ, какъ Суворовъ, конечно, не далъ ему для этого времени; онъ быстро прорвалъ французскія линіи, нанесъ имъ сильныя пораженія въ трехдневныхъ бояхъ при Аддѣ, открылъ дорогу въ Миланъ и занялъ немедленно эту столицу Ломбардіи, гдѣ повсемѣстно распространялось уже народное возстаніе противъ французовъ. Моро вынужденъ былъ, оставивъ крѣпкую линію на Аддѣ, отступать, чтобы прикрыть свои пути сообщенія какъ съ Франціею, такъ и съ Тосканой, откуда шелъ на подкрѣпленіе къ нему Макдональдъ. Съ этою цѣлью онъ занялъ выгодное положеніе недалеко отъ Александріи, гдѣ р. Танаро, выходя изъ Аппеннинъ впадаетъ въ По. Прикрытый обѣими рѣками, онъ могъ ожидать нападенія и въ то же время охранялъ путь, по которому долженъ былъ подойти Макдональдъ. Но Макдональдъ шелъ медленно. Его задерживали повсюду возникавшія народныя возстанія, для подавленія которыхъ онъ долженъ былъ ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны въ городахъ. Съ одной стороны это обстоятельство разстраивало соображенія Моро, а съ другой то, что противъ него дѣйствовалъ такой полководецъ, который не допустилъ бы его соединиться съ Макдональдомъ. Дѣйствительно, предупредить это соединеніе и разбить каждаго изъ французскихъ главнокомандующихъ порознь, послѣ занятія Милана, составляло цѣль дальнѣйшихъ дѣйствій Суворова. Несмотря на жалобы австрійскихъ войскъ на непривычную для нихъ быстроту движеній и предписанія австрійскаго императора и его военнаго совѣта не подвигаться слишкомъ впередъ, а заботиться объ осадѣ крѣпостей, онъ придвинулъ войска къ Тортонѣ и тѣмъ закрылъ для Моро отступленіе на Геную, а Макдональду путь къ Александріи, вдоль подошвы Аппенниновъ. Позицію, занятую Суворовымъ, нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей считаютъ до такой степени выгодною, между двумя враждебными арміями, что онъ никакъ не долженъ былъ оставлять ея, если бы способенъ былъ руководиться здравыми стратегическими соображеніями [1]. Но русскій полководецъ иначе понималъ задачи стратегіи и думалъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, какъ бы ни была хороша избранная имъ позиція, она должна быть оставлена, если совершенно перемѣнились обстоятельства; что въ безполезныхъ ожиданіяхъ на войнѣ не слѣдуетъ тратить времени, и что вѣрнѣе можно разбить двѣ непріятельскія арміи порознь, нежели дожидаться, чтобы онѣ напали на него съ двухъ сторонъ.

---

[1] Тьеръ, тамъ же, стр. 374.

Въ Тортонѣ нашъ полководецъ получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Макдональдъ принужденъ медленно подвигаться, задерживаемый народными возстаніями, долженъ ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны, что онъ находится еще въ Римѣ и не скоро появится на главномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ вѣнскій кабинетъ сообщалъ ему, что Директорія именно по случаю народныхъ возстаній противъ французовъ предписала даже Макдональду возвратиться въ Неаполь, а къ арміи Моро намѣрена послать подкрѣпленія изъ Франціи. Объ отправленіи этихъ подкрѣпленій писалъ ему съ полной увѣренностію въ вѣрности сообщаемаго извѣстія самъ римскій императоръ. При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, Суворовъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи, какъ бы ни была выгодна избранная имъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ позиція, и долженъ былъ начать военныя дѣйствія. Это понималъ и его противникъ, котораго смущала даже непродолжительная пріостановка дѣйствій нашего полководца, которому онъ отдавалъ должную справедливость, сравнивая его съ Наполеономъ [1].

Моро, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о движеніи Макдональда, могъ предполагать, что Суворовъ, оставивъ незначительный отрядъ передъ Александріей, съ главными войсками или пошелъ навстрѣчу Макдональду или двинулся къ Турину, въ тылѣ его арміи. Народныя волненія, распространившіяся по всему Піемонту, давали убѣдительный поводъ съ одной стороны дѣлать такія предположенія, а съ другой дѣйствительно опасаться за свой тылъ. Онъ рѣшился самъ начать дѣйствія и сдѣлать рекогносцировку. Если Суворовъ, дѣйствительно, увелъ главныя силы и передъ нимъ оставилъ незначительный отрядъ, то онъ предполагалъ разбить его и открыть себѣ путь отступленія въ Генуэзскую ривьеру черезъ Нови и Бокетскій проходъ. Если же онъ встрѣтилъ бы главныя силы Суворова, то, не вступая въ неравный бой, немедленно отступилъ бы на Геную, какимъ бы ни пришлось путемъ. Несмотря на крѣпкую позицію при впаденіи рѣки Танаро въ По, Моро рѣшился ее оставить при измѣнившихся обстоятельствахъ. Его положеніе было крайне затруднительно. Съ незначительнымъ количествомъ войскъ противъ гораздо болѣе сильнаго противника, обремененный огромными обозами, какъ военными, такъ и съ художественными произведеніями, награбленными еще Бонапартомъ по всей Италіи,—въ странѣ, гдѣ повсюду распространилось народное возстаніе противъ французовъ, не ожидая ни откуда скорой помощи и давно рѣшившись отступать,

---

[1]) Г. Милютинъ, война 1799 г. т. II, стр. 582, прим. 103.

онъ остановился на крѣпкой позиціи только въ ожиданіи, что Суворовъ немедленно нападетъ на него. Но бездѣйствіе послѣдняго вынудило его самого начать дѣйствіе. Наведя мостъ черезъ Бормиду, онъ двинулъ впередъ дивизію Виктора, которую встрѣтилъ кн. Багратіонъ и разбилъ при Маренго. Моро поспѣшилъ притянуть его къ себѣ и, оставивъ мысль о движеніи на Геную чрезъ Бокстскій проходъ, рѣшился отступить по трудному пути черезъ Аква и Каиро на Савонну. Преодолѣвъ многія затрудненія, онъ успѣлъ однако же, какъ спасти всѣ обозы, такъ и остатки своихъ войскъ, перейти Аппеннины и спуститься въ Генуезскую ривьеру. Суворовъ намѣревался его преслѣдовать мелкими отрядами у береговъ моря, а съ главными силами пошелъ на Туринъ и занялъ эту столицу Піемонта. „Едва прошло полтора мѣсяца", говоритъ историкъ этой блестящей кампаніи" [1]), со времени прибытія Суворова на Манчіо, какъ вся сѣверная Италія была очищена отъ непріятеля. Во власти французовъ остались только крѣпости Мантуя, Кони и цитадели Тортоны, Александріи и Турина;" но и тѣ вскорѣ сдались, одна вслѣдъ за другою; тѣмъ не менѣе Суворову помѣшали привести въ исполненіе его предположенія. Паденіемъ крѣпостей исполнялись всѣ желанія вѣнскаго кабинета; но занятіе Піемонта возбудило въ немъ корыстное намѣреніе присоединить эту страну къ имперіи, что, конечно, не входило въ виды русскаго полководца и еще менѣе русскаго императора, и что подготовило печальный исходъ этой блестящей кампаніи.

Моро сосредоточилъ и привелъ въ порядокъ свои разстроенныя войска у Генуи и двинулъ частные отряды въ Тоскану, чтобы открыть сообщеніе съ Макдональдомъ. Только соединившись съ нимъ, онъ считалъ возможнымъ открыть наступательныя дѣйствія, которыхъ постоянно требовала Директорія. „Побѣда въ Италіи",—писалъ онъ ей,—„необходима для Франціи, и я постараюсь сдержать ее. Я увѣренъ въ моихъ войскахъ, а они вѣрятъ мнѣ". Въ это время французскій флотъ появился у Генуи. Духъ войскъ поднялся, и Моро надѣялся даже одержать побѣду, но считалъ ее возможною лишь по соединеніи съ Макдональдомъ. Русскій полководецъ, однако, не далъ осуществиться этой возможности: онъ не допустилъ неаполитанскую армію соединиться съ италіанскою. Рядъ одержанныхъ имъ побѣдъ окончился совершеннымъ пораженіемъ Макдональда при Требіи. Въ то время, когда разбитыя войска Макдональда спасались въ Генуезскую Ривьеру, Моро выступилъ изъ нея, чтобы

---

[1]) Г. Милютинъ, война 1799 г., т. II, стр. 118.

дѣйствовать во флангъ и тылъ Суворову. У Бормиды онъ встрѣтилъ и разбилъ австрійскій корпусъ Бельгарда, осаждавшій Александрію; но, узнавъ потомъ объ участи неаполитанской арміи, не рѣшился идти далѣе на вѣрное пораженіе и снова отступилъ за Аппеннины, лишивъ возможности Суворова, который уже шелъ на него, „встрѣтить его такъ же, по его словамъ, какъ онъ встрѣтилъ Макдональда“ [1]).

Предположенія французскихъ военачальниковъ не удались. Недовольная ихъ дѣйствіями Директорія смѣнила обоихъ. На мѣсто Моро назначенъ былъ молодой генералъ Жуберъ, Макдональдъ замѣненъ Сенъ-Сиромъ. Суворовъ намѣревался двинуть войска въ Генуезскую Ривьеру, чтобы довершить ихъ окончательное пораженіе и очистить себѣ путь въ предѣлы Франціи. Южные департаменты волновались въ ожиданіи вторженія, осыпали упреками республиканское правительство и просьбами оказать имъ защиту. Это волненіе и собственная неспособность членовъ Директоріи вынудили измѣнить ея составъ. Но, съ этою перемѣною лицъ, не перемѣнился взглядъ на положеніе дѣлъ. Правительство Франціи попрежнему считало себя способнымъ руководить дѣлами Европы и дерзкимъ насиліемъ и грабежомъ водворить повсюду государственное устройство, котораго выдержать она сама не была способна. Коварная и корыстная политика вѣнскаго двора, бездарность надменнаго своею мудростью военнаго совѣта, который думалъ руководить изъ Вѣны дѣйствіями нашего полководца, вынудили его усилить осаду крѣпостей и особенно Мантуи, чего настоятельно требовалъ самъ императоръ.

Между тѣмъ, въ продолженіе этого времени Моро привелъ въ порядокъ войска, они получили новыя подкрѣпленія и доведены были до 40 т., когда прибылъ новый главнокомандующій, порывавшійся помѣряться силою съ противникомъ и выполнить ожиданія Директоріи. Прежде его прибывшій къ войскамъ Сенъ-Сиръ, собравшій свѣдѣнія о количествѣ войскъ, которыми могъ располагать Суворовъ, совѣтовалъ не вызывать его на бой, а ожидать прибытія новыхъ подкрѣпленій [2]). По пріѣздѣ Жубера, Моро немедленно хотѣлъ оставить армію; уступая его просьбамъ, онъ, однако, остался и, по свидѣтельству Сенъ-Сира, поддерживалъ наступательные замыслы Жубера, вѣроятно, не зная о сдачѣ Мантуи и усиленіи войскъ Суворова корпусомъ Края. Пока Жуберъ колебался, не

---

¹) Письмо Суворова къ Краю 11/22 іюля 1799 г.

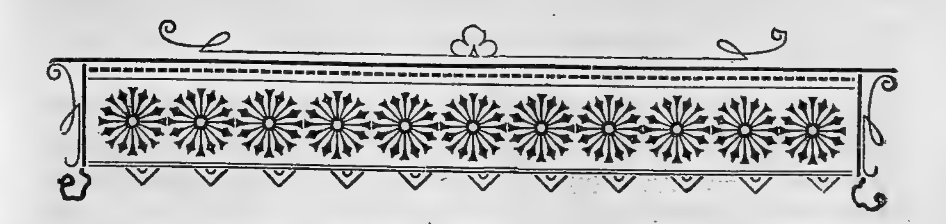
²) Memoire de marechale Gouvion Saint-Syr, т. 1, стр. 218 и слѣд.

зная, на что рѣшиться, Суворовъ вызвалъ его на бой. Побѣда при Нови окончила рядъ военныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи. При самомъ началѣ сраженія Жуберъ былъ раненъ на смерть, и на Моро пала тяжелая обязанность распорядиться войсками, потерять сраженіе и спасать разбитые остатки войскъ бѣгствомъ за Аппеннины.

Ал. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Слѣдующее лѣто я провелъ съ семействомъ очень пріятно въ Ревелѣ на дачѣ около Катариненталя.

Во время моего пребыванія въ Ревелѣ, я получилъ телеграмму отъ Мицкевича, директора канцеляріи м-ра финансовъ, съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ по желанію Грейга. По прибытіи въ Петербургъ оказалось, что Грейгъ вызвалъ меня, чтобы предложить мнѣ вакантный постъ директора Департамента Государственнаго Казначейства, который я, разумѣется, съ благодарностью принялъ. Въ это время въ Петербургѣ гостилъ Леруа-Больё. Я встрѣтился съ нимъ на обѣдѣ у С. А. Грейга, на который кромѣ меня были приглашены Ламанскій и редакторъ „Journal de St.-Pétersbourg" Горнъ.

Въ концѣ октября состоялось наконецъ назначеніе А. А. Абаза—министромъ финансовъ. На послѣднемъ докладѣ у Грейга, С. А. самъ сообщилъ мнѣ о своемъ уходѣ, затѣмъ пригласилъ меня къ завтраку, за которымъ мы оживленно съ нимъ бесѣдовали, при чемъ онъ мнѣ высказалъ много любезнаго по поводу нашихъ отношеній и моей служебной дѣятельности, во время его министерства.

1881.

Въ январѣ 1881 г. скончался князь Д. А. Оболенскій, съ которымъ я такъ долго вмѣстѣ работалъ въ таможенномъ департаментѣ, и съ которымъ я съ того времени находился въ близкихъ отноше-

[1] См. „Русская Старина" сентябрь 1910 г.

ніяхъ. По просьбѣ его вдовы, княгини Дарьи Петровны, просьбѣ, переданной мнѣ братомъ покойнаго, княземъ Юріемъ Александровичемъ, я написалъ некрологъ кн. Дм. Ал. Оболенскаго, который и появился въ „Голосѣ".

Немного времени спустя, мнѣ пришлось написать еще другой некрологъ, по случаю смерти м-мъ Пейкеръ. М-мъ Пейкеръ была одна изъ самыхъ ревностныхъ членовъ Пашковскаго кружка, я такъ часто съ нею видѣлся и очень сблизился. Это была очень умная и симпатичная женщина, проникнутая глубокимъ христіанскимъ чувствомъ. Узнавъ о ея смерти, я отправился къ ней на квартиру, чтобы проститься съ покойной, и случайно пришелъ ко времени служенія панихиды. Торжественная православная заупокойная служба, при участіи лицъ Пашковскаго кружка, произвела на меня глубокое впечатлѣніе, представляя какъ-бы желанное сближеніе глубоко вѣрующихъ пашковцевъ съ православною церковью. Нельзя было не сожалѣть, что это истинное христіанское движеніе, вызванное лордомъ Рэдстокомъ и сгруппировавшееся около Пашкова, уклонилось въ сторону сектантства, ибо оно могло дѣйствовать очень благотворно въ средѣ православнаго общества, какъ соль, на поднятіе внутренняго духовнаго чувства, въ противность формализму, который получилъ у насъ къ сожалѣнію распространеніе.

Насталъ роковой день 1-го марта. Это было воскресенье; я только что вернулся изъ церкви отъ обѣдни, какъ вдругъ въ мой кабинетъ вошла моя сестра въ крайне возбужденномъ состояніи и сообщила мнѣ, что только что произошло покушеніе на жизнь Государя. Нѣсколько времени спустя я вышелъ изъ дому, пошелъ на Екатерининскій каналъ и остановился противъ мѣста, гдѣ произошла катастрофа. Въ зданіи конюшеннаго вѣдомства, всѣ окна были раздроблены отъ взрыва—на мѣстѣ покушенія, по ту сторону канала, стояла полиція и разные другіе люди. Оттуда я отправился къ Зимнему Дворцу, вся площадь передъ Дворцомъ была наполнена народомъ, который стоялъ, обращая взоры на Дворецъ и ожидая извѣстій о положеніи Государя. Не долго я пробылъ на площади, какъ изъ Зимняго Дворца выѣхала коляска, сопровождаемая конвоемъ кавалеристовъ [1]); въ ней сидѣлъ Наслѣдникъ, въ этотъ моментъ уже Государь Александръ III. Было около 5 часовъ. Всѣ поняли, что великая катастрофа совершилась, Александръ II-й пересталъ существовать.

---

[1]) Вскорѣ послѣ того Императоръ Александръ III отмѣнилъ сопровожденіе его экипажа коннымъ взводомъ и въ теченіе всего своего царствованія уже не ѣздилъ съ конвоемъ.

Въ этотъ день Государь долженъ былъ завтракать у Вел. Кн. Екатерины Михайловны. Разсказываютъ, что утромъ у него былъ съ докладомъ гр. Лорисъ-Меликовъ, который сообщилъ Государю, что полиція напала на слѣдъ очень серіознаго заговора, что скоро все разъяснится, и просилъ Государя, по крайней мѣрѣ, одинъ день не выѣзжать, пока все не будетъ раскрыто, чтобы не подвергать себя опасности, въ случаѣ могущаго быть покушенія. Но Государь не согласился и поѣхалъ завтракать къ Великой Княгинѣ.

Заговорщики очевидно знали о его намѣреніи и приняли самыя широкія мѣры, для достиженія на этотъ разъ ихъ преступной цѣли. Государь отъ Великой Княгини могъ ѣхать или мимо Михайловскаго Дворца и театра по каналу или по Садовой улицѣ. И тутъ и тамъ заговорщиками была приготовлена засада. Нѣсколько метальщиковъ бомбъ расположились вдоль Екатерининскаго канала. Въ Садовой же былъ сдѣланъ подкопъ подъ средину улицы, начиненный громадною массою взрывчатаго вещества, который имѣлось въ виду взорвать электрическимъ проводомъ въ моментъ проѣзда Государя. Съ этою цѣлью заговорщики наняли сырную лавку и изъ нея производили подкопъ. Полиція почему-то возымѣла подозрѣніе и командировала инженернаго генерала Мравинскаго, отца извѣстной оперной пѣвицы, для освидѣтельствованія этой подозрительной лавки. Но Мравинскій ничего не нашелъ подозрительнаго, а между тѣмъ всѣ бочки, въ коихъ хранилось яко-бы масло,—подъ тонкимъ слоемъ масла и муки были наполнены землей, извлеченной изъ почвы при производствѣ подкопа. Впослѣдствіи были найдены кромѣ того еще динамитные мѣшки подъ нѣкоторыми мостами на Мойкѣ и по Екатерининскому каналу, погруженные въ воду.

Сигнальщикомъ заговора была Перовская. Она стояла по другой сторонѣ канала и въ тотъ моментъ, когда экипажъ Государя поравнялся съ Михайловскимъ театромъ и выѣхалъ къ каналу, подала сигналъ платкомъ. Когда экипажъ Государя выѣхалъ на набережную, одинъ изъ метальщиковъ бросилъ свою бомбу,—произошелъ первый взрывъ, но карета Государя пострадала незначительно, и самъ Государь не былъ раненъ, оказались только раненые и даже убитые въ средѣ конвоя. Кучеръ погналъ лошадей, чтобы скорѣе уѣхать съ опаснаго мѣста, но Государь приказалъ ему остановиться, вышелъ изъ кареты и подошелъ къ раненымъ. Въ этотъ моментъ была брошена вторая бомба, произошелъ второй взрывъ, самъ метальщикъ былъ опасно раненъ, а у Государя оторвало ногу—онъ упалъ. Поднялась ужасная суматоха, раненаго Государя, кажется, хотѣли снести въ близъ лежащій домъ, чтобы сдѣлать ему перевязку, но Государь выговорилъ слова: „домой во дворецъ умирать“.

Подали сани кого-то изъ свиты, въ нихъ посадили или скорѣе уложили Государя, съ нимъ сѣлъ кто-то изъ генераловъ свиты, имя котораго не помню. Первое время Государь оставался еще въ памяти, несмотря на ужасное израненіе; увидя на лицѣ ѣхавшаго съ нимъ генерала кровь, Государь улыбнувшись сказалъ: „и у тебя кровь“. Но когда сани доѣхали до Зимняго Дворца, то Государь уже потерялъ сознаніе, вслѣдствіе громадной потери крови во время пути, такъ какъ артеріи ноги были разорваны. Его внесли безпамятнаго во Дворецъ, при чемъ вся лѣстница обагрилась его кровью позвали духовника Государя, который пріобщилъ его св. тайнъ, но уже въ безсознательномъ состояніи, и затѣмъ скоро все кончилось, Государь Александръ II-й почилъ.

Смерть Государя вызвала ужасное смущеніе во всѣхъ сферахъ общества. Злодѣйское убіеніе Царя, который предпринялъ рядъ реформъ и еще въ послѣднее время при Л.-Меликовѣ намѣревался завершить эти реформы болѣе рѣшительными мѣрами—представлялось самымъ безумнымъ дѣйствіемъ крайней партіи анархистовъ. Въ умахъ господствовала удивительная путаница, никто въ сущности не давалъ себѣ яснаго отчета въ положеніи и не зналъ, чего ожидать въ будущемъ. Повсюду объ этомъ толковали и спорили, даже на университетскихъ каѳедрахъ. Такъ обратила на себя вниманіе рѣчь Соловьева, въ которой, порицая злодѣйское преступленіе анархистовъ, онъ однако развивалъ мысль, что виновныхъ не слѣдуетъ предавать смертной казни, такъ какъ ни при какихъ обстоятельствахъ нельзя оправдывать смертной казни. Вслѣдствіе этой рѣчи Соловьевъ долженъ былъ оставить профессуру. Доводы его, разумѣется, не были услышаны, и виновные были казнены повѣшеніемъ; особенное впечатлѣніе произвела казнь Перовской. Послѣ катастрофы она скрывалась въ Петербургѣ, — разъ ѣдучи на извощикѣ, она была узнана по фотографической карточкѣ чиномъ тайной полиціи, который ее и задержалъ. Она просила его отпустить ее и даже предлагала ему деньги, но, разумѣется, безрезультатно, и ее постигла должная кара, такъ какъ она во всемъ этомъ дѣлѣ играла выдающуюся роль, и только благодаря ея сигналу удалось преступленіе.

2-го марта происходило собраніе высшихъ чиновъ въ Дворцѣ для принесенія присяги воцарившемуся Государю. 3-го марта торжественная панихида въ дворянскомъ собраніи, а вечеромъ того дня перенесеніе изъ Дворца въ соборъ тѣла покойнаго Государя. Когда гробъ проносили чрезъ залы Дворца, всѣ находившіеся въ залахъ опустились на колѣни, это былъ возвышенный моментъ, который не могъ не произвести на всѣхъ глубокаго впечатлѣнія.

Въ одинъ изъ этихъ дней я провелъ вечеръ у баронессы Раденъ въ обществѣ принцессы Елены Георгіевны Мекленбургской и Ел. Ал. Нарышкиной. Баронесса пригласила бизкихъ ей лицъ, желая обмѣняться мыслями по случаю того печальнаго происшествія, которое мы переживали. Принцесса Елена разсказывала, что она присутствовала во Дворцѣ при смерти Государя и описывала, какое ужасное впечатлѣніе производило его изуродованное и окровавленное тѣло и слѣды крови во всей комнатѣ....

Въ первое время послѣ смерти Государя былъ принятъ рядъ мѣръ, который носилъ на себѣ характеръ той неопредѣленности и того смятенія, которыя вызвала въ обществѣ случившаяся катастрофа.

Въ Петербургѣ былъ образованъ совѣтъ выборныхъ при губернаторѣ. Губернаторомъ былъ назначенъ Барановъ, отличившійся во время послѣдней турецкой войны и находившійся въ антагонизмѣ съ В. Кн. Константиномъ Николаевичемъ. Въ этомъ совѣтѣ произносились самыя удивительныя, нелѣпыя рѣчи, и принимались не менѣе удивительныя мѣры; такъ временно былъ остановленъ въѣздъ въ Петербургъ, въ слѣдствіе чего прекратился подвозъ изъ деревни предметовъ потребленія, молока, живности... Совѣтъ этотъ просуществовалъ не долго и скоро былъ закрытъ, Барановъ тоже оказался не на высотѣ положенія и не долго оставался на своемъ посту. Затѣмъ была образована *охрана*, родъ спеціальной полиціи, которая должна была слѣдить за безопасностью особы Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ нѣкоторыхъ молодыхъ людей высшаго круга возникла мысль изъ своей среды образовать родъ негласной политической полиціи, для содѣйствія правительству въ дѣлѣ преслѣдованія анархистскаго движенія; вмѣшательство этихъ политическихъ добровольцевъ, кромѣ безпорядка и замѣшательства, ничего путнаго не дало, и этотъ негласный кружекъ полицейскихъ добровольцевъ былъ упраздненъ при гр. Толстомъ.

Вскорѣ послѣ смерти Государя стали говорить о томъ, что гр. Лорисъ-Меликовымъ былъ представленъ Государю проектъ законодательнаго собранія, чуть ли не конституція, съ которымъ Государь соглашался, но не успѣлъ его только окончательно утвердить. Говорили, что когда гр. Валуевъ, которому поручена была окончательная редакція проекта, привезъ его утромъ 1-го марта Государю, Государь, благосклонно отнесясь къ проекту, предложилъ при этомъ графу Валуеву показать предварительно этотъ проектъ графу Лорисъ-Меликову. Затѣмъ злодѣйское покушеніе лишило его возможности подписать проектъ. Россія была такимъ образомъ на порогѣ консти-

туціоннаго режима, и только смерть Государя воспрепятствовала его осуществленію.

Проектъ графа Лорисъ-Меликова вращался однако въ гораздо болѣе скромныхъ границахъ; ни о какой конституціи, ни даже о постоянномъ законодательномъ собраніи выборныхъ въ немъ не было рѣчи, какъ видно изъ подлиннаго текста проекта, напечатаннаго въ матеріалахъ Булыгинской комиссіи.

Проектъ этотъ заключался главнымъ образомъ въ слѣдующемъ; привожу здѣсь извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго доклада графа Лорисъ-Меликова.

„Возлагая на меня столь трудныя обязанности, въ тяжкую для Россіи минуту, В. В. соизволили преподать мнѣ указанія на необходимость, для успѣшнаго выполненія порученной мнѣ задачи, принятія мѣръ, направленныхъ не только къ строгому преслѣдованію вредныхъ проявленій соціальнаго ученія и къ твердому упроченію правительственной власти, временно поколебленной прискорбными событіями минувшихъ лѣтъ, но, главнымъ образомъ, и къ возможному удовлетворенію законныхъ потребностей и нуждъ населенія... Могу засвидѣтельствовать нынѣ предъ В. В., что первые шаги по этому пути принесли уже замѣтную пользу: постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію удовлетворяетъ въ значительной степени внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляетъ временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи. Объединеніе дѣйствія правительственныхъ органовъ, охраняющихъ государственный и общественный порядокъ, облегченіе участи административно высланныхъ, особенно изъ среды учащейся молодежи, внесеніе болѣе сердечнаго участія въ руководство учебною частію въ Имперіи, усиленное вниманіе правительства къ мѣстнымъ земскимъ нуждамъ въ широкомъ объемѣ, выразившееся какъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ ходатайствъ, оставлявшихся прежде безъ движенія, такъ и въ назначеніи сенаторскихъ ревизій съ главнѣйшею цѣлью изученія этихъ нуждъ; отмѣна ненавистнаго для народа соляного налога; предпринятый пересмотръ неудовлетворяющаго своей цѣли законодательства о печати, оказали и оказываютъ благотворное вліяніе на общество, въ смыслѣ успокоенія тревожнаго состоянія...

„Въ видахъ прочнѣйшаго установленія порядка, такимъ настроеніемъ необходимо воспользоваться. Великія реформы царствованія В. В., вслѣдствіе событій, обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, представляются до сихъ поръ отчасти не законченными, а отчасти

не вполнѣ согласованными между собою. Кромѣ того, многіе первостепенной важности вопросы, давно уже предуказанные Державною Волею, остаются безъ движенія въ канцеляріяхъ разныхъ вѣдомствъ. Для заключенія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ имѣется уже много матеріаловъ.... но и эти данныя, при окончательной разработкѣ ихъ, несомнѣнно окажутся недостаточными, безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями.

„Въ виду изложеннаго, нельзя, по моему убѣжденію, не остановиться на мысли, что призваніе общества къ участію въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, какое полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою.

Обращаясь къ изысканію способа осуществленія этой мысли, обязываюсь выразить, что, по глубокому моему убѣжденію, для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ мнѣ представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго Государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ земской думы или земскаго собора. Наше время на столько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей государства и современному его географическому очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и, во всякомъ случаѣ, опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему.

При такомъ воззрѣніи на высказываемыя въ средѣ нѣкоторой части общества мнѣнія о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ, для поддержанія порядка въ Россіи, и признавать, что мнѣнія эти составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, мнѣ представляется наиболѣе практическимъ способомъ дать законный исходъ этой потребности въ порядкѣ, испытанномъ уже при разработкѣ крестьянской реформы....

Исходя изъ этого основного начала и принимая во вниманіе, что на мѣстахъ имѣются нынѣ уже постоянныя учрежденія, способныя представить свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію высшаго правительства, мнѣ казалось бы, что слѣдуетъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подго-

товительныхъ комиссій на подобіе организованныхъ въ 1858 году редакціонныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ. Составъ подготовительныхъ комиссій могъ бы быть опредѣляемъ каждый разъ Высочайшимъ указаніемъ изъ представителей центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ свѣдущихъ и благонадежныхъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по той или другой отрасли государственнаго управленія или народной жизни. Предсѣдательство въ комиссіяхъ должно бы принадлежать особенно назначеннымъ лицамъ изъ числа высшихъ государственныхъ дѣятелей. Въ составъ комиссій войдутъ и ревизующіе сенаторы, по окончаніи ими ревизій.

Число комиссій должно бы быть ограничено, на первое время, двумя по главнымъ отраслямъ, къ которымъ могутъ быть отнесены предметы занятій: административно-хозяйственные и финансовые. Кругъ занятій первой изъ нихъ могли бы составлять нижеслѣдующіе предметы вѣдомства М. В. Д. Преобразованіе мѣстнаго губернскаго управленія, дополненіе крестьянскихъ положеній 19-го февраля, изысканія способовъ къ скорѣйшему прекращенію обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и къ облегченію выкупныхъ платежей, пересмотръ земскаго и городового положенія и организація продовольственныхъ запасовъ и мѣры къ охраненію скотоводства.

Предметы занятій финансовой комиссіи (вопросы податной, паспортной и др.) подлежали бы опредѣленію по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, основанному на предварительномъ соглашеніи съ М. В. Д.

Составленные подготовительными комиссіями законопроекты подлежали бы предварительному внесенію въ общую комиссію, имѣющую образоваться подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго Высочайшею Волею лица изъ предсѣдателей и членовъ подготовительныхъ комиссій, съ призывомъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а также отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, по два отъ каждой губерніи и города, при чемъ въ видахъ привлеченія дѣйствительно полезныхъ и свѣдущихъ лицъ, губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ должно быть предоставлено право избирать таковыхъ не только изъ среды гласныхъ, но изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города. Изъ губерній, гдѣ земскія учрежденія еще не открыты, могли бы быть призваны лица, по указанію мѣстной власти.

Для занятій общей комиссіи могло бы быть назначено крайнимъ срокомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Разсмотрѣнные и одобренные или исправленные общею комиссіею законопроекты подлежали бы внесенію въ Государственный Совѣтъ, съ заключеніемъ по онымъ министра, къ вѣдомству коего относится предметъ новаго законопроекта, при чемъ для облегченія Государственному Совѣту въ предстоящихъ его работахъ быть можетъ В. В. благоугодно будетъ повелѣть призвать и въ составъ его, съ правомъ голоса, нѣсколько, отъ 10 до 15 представителей отъ общественныхъ учрежденій, обнаружившихъ особенныя познанія, опытность и выдающіяся способности.

Работы не только подготовительныхъ, но и общей комиссіи должны бы имѣть значеніе исключительно совѣщательное и ни въ чемъ не измѣняющее существующаго нынѣ порядка возбужденія законодательныхъ вопросовъ и разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Установленіе изложеннаго выше и испытаннаго уже съ успѣхомъ порядка предварительной разработки важнѣйшихъ вопросовъ, соприкасающихся къ интересамъ народной жизни, не имѣетъ ничего общаго съ западными конституціонными формами. За Верховною Властью сохраняется всецѣло и исключительно право возбужденія законодательныхъ вопросовъ во время и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе Верховная Власть признаетъ за благо указать...

Весь личный составъ подготовительныхъ комиссій войдетъ въ составъ общей комиссіи и будетъ разъяснять и поддерживать выработанные проекты. Эта обязанность будетъ лежать на предсѣдателяхъ подготовительныхъ комиссій, въ качествѣ помощниковъ предсѣдателя общей комиссіи. Самый составъ общей комиссіи будетъ каждый разъ предуказываемъ Высочайшею волею, при чемъ комиссія будетъ получать право заниматься лишь предметами, предоставленными ея разсмотрѣнію...

Приготовительныя работы могутъ быть совершенно закончены къ осени текущаго года и переданы въ подготовительныя комиссіи. По открытіи тогда же въ нихъ занятій, дѣятельность ихъ должна быть ведена съ такимъ разсчетомъ, чтобы созывъ общей комиссіи, съ участіемъ общественныхъ представителей, могъ послѣдовать въ началѣ будущаго года, по окончаніи сессій губернскихъ земскихъ собраній.

Между тѣмъ такое учрежденіе можетъ дать правильный исходъ замѣтному стремленію общественныхъ силъ къ служенію престолу и отечеству, неминуемо внесетъ въ народную жизнь оживляющее начало и предоставитъ правительству возможность пользоваться

опытностью мѣстныхъ дѣятелей, ближе стоящихъ къ народной жизни, нежели чиновники центральныхъ управленій.

Соображенія эти, въ связи съ возбужденными въ благомыслящей части общества радостными ожиданіями дальнѣйшаго развитія великодушно предначертанныхъ В. И. В. преобразованій, не могутъ не заслуживать самаго серьезнаго вниманія. Позволяю себѣ повергнуть предъ Вами, Государь, глубокое мое убѣжденіе, что неудовлетвореніе приведеннымъ выше ожиданіямъ, въ настоящее время, неминуемо будетъ имѣть послѣдствіемъ, если не полное охлажденіе, то, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе къ общественному дѣлу, представляющія, какъ указалъ прискорбный опытъ недавно истекшихъ лѣтъ, самую удобную почву для успѣха анархической пропаганды“...

Проектъ графа Лорисъ-Меликова состоялъ поэтому изъ трехъ частей: подготовительныя комиссіи, общая комиссія и призывъ въ Государственный Совѣтъ съ правомъ голоса небольшого числа представителей отъ общественныхъ учрежденій по выбору отъ правительства.

Подготовительныя комиссіи не представляли ничего новаго, такія комиссіи уже были у насъ—редакціонныя комиссіи, на которыя впрочемъ, какъ на образецъ, указываетъ и самъ авторъ проекта, Барановская комиссія и др.

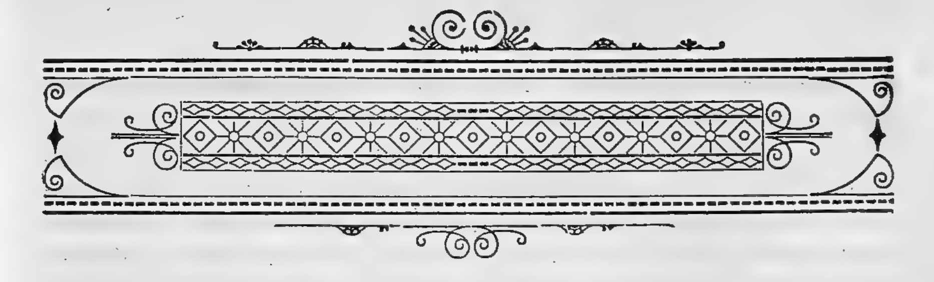
Общая комиссія, съ выборными изъ мѣстныхъ учрежденій, представляла нововведеніе. Это было совѣщательное учрежденіе для разсмотрѣнія законопроектовъ, но съ крайне ограниченной компетенціей. Разсмотрѣнію этой комиссіи предполагалось подвергать не всѣ, но только нѣкоторые законопроекты, по выбору двухъ министровъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ,—при чемъ засѣданія ея не должны были продолжаться болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Въ Государственный Совѣтъ уже прежде приглашались эксперты по назначенію отъ правительства; разница заключалась только въ томъ, что полагалось приглашать постороннихъ лицъ не какъ экспертовъ, а съ правомъ голоса, и не по спеціальнымъ дѣламъ, а повидимому, для постояннаго участія въ засѣданіяхъ Совѣта.

Трудно сказать, на сколько принятіе скромнаго проекта гр. Лорисъ-Меликова удовлетворяло бы въ свое время общественное мнѣніе,—но во всякомъ случаѣ этотъ проектъ составлялъ, несомнѣнно, шагъ впередъ по пути образованія представительныхъ учрежденій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) [1].

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Визирь рѣшился предложить Кутузову миръ и написалъ ему слѣдующее письмо: „Я на Васъ напалъ врасплохъ. 28 августа Вы сдѣлали со мной то же самое. Теперь, перейдя Дунай, мнѣ ничего не остается, какъ предложить миръ. Заключимъ же его. Будьте великодушны и не злоупотребляйте Вашими успѣхами“. Кутузовъ былъ великодушенъ. Заключить миръ было нетрудно, такъ какъ наши требованія были очень умѣренны. Послѣ того, что я написалъ Воейкову; послѣ того, что Кутузовъ сообщилъ Государю; послѣ того, что герцогъ Ришилье, въ своей секретной перепискѣ, не переставалъ представлять, Государь далъ секретныя приказанія, которыя прошли черезъ военнаго министра безъ вѣдома гр. Румянцева, но, по необъяснимымъ причинамъ, онъ упорствовалъ и хранилъ ихъ при себѣ, скрывая отъ канцеляріи и министра иностранныхъ дѣлъ, несмотря на явныя доказательства неправильности его взглядовъ, его полнаго ослѣпленія, упрямства и того зла, которое онъ приносилъ Россіи. Главные четыре пункта, которыхъ требовало заключеніе мира, были слѣдующіе: 1) границы въ Европѣ, 2) границы въ Азіи, 3) сербы и 4) деньги на покрытіе расходовъ войны.

При другихъ обстоятельствахъ, Бессарабія, Молдавія и Валахія

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1910 г.

не могли намъ заплатить за ту кровь и тѣ сокровища, которыхъ намъ стоила эта разорительная война, но положеніе, въ которомъ теперь находилась Россія, и то положеніе, въ которомъ она могла вскорѣ быть, требовало принесенія большихъ жертвъ для заключенія мира, сдѣлавшагося теперь необходимостью. Не только его непремѣнно нужно было заключить, но даже надо было добиться союза съ турками. Поэтому, мы должны были стараться не раздражать ихъ требовательными условіями, вслѣдствіе чего миръ, только что заключенный, могъ бы порваться.

Всѣ были слишкомъ долго ослѣплены поведеніемъ Франціи, но теперь можно было не сомнѣваться въ войнѣ съ Наполеономъ; она была неизбѣжна, и только война въ Испаніи нѣсколько задержала ее до того состоянія, въ которомъ мы тогда находились. У насъ было въ Польшѣ 200 тысячъ чел., что конечно было не слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что у насъ было мало резервовъ, но зато молдавская армія, возвращающаяся въ свои границы, составляла прекрасныя войска, только что перенесшія войну съ турками.

Если бы мы потеряли хоть два сраженія въ Польшѣ, то непріятель заставилъ бы наши войска перейти въ Бѣлоруссію, и тогда молдавская армія, абсолютно отрѣзанная, была бы принуждена поспѣшно отступать до Днѣстра, а можетъ быть и дальше.

Валахія была давно желаніемъ Вѣнскаго двора, который не съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ бы эту прекрасную страну въ нашихъ рукахъ, а намъ же давно хотѣлось похозяйничать тамъ, такъ какъ мы имѣли очень много противъ Вѣнскаго двора..

Получая Серетъ какъ границу, турки расширили бы разстояніе между нами и Австріей на 30—40 верстъ, но за то теряли больше половины Молдавіи, самую лучшую ея часть, богатую и здоровую страну, горы, соляныя залежи, золотые пріиски и т. д.

Если считать, что мы избрали границей Серетъ потому, что это была хорошая граница въ военномъ отношеніи, то такое соображеніе не имѣло никакихъ основаній, такъ какъ эта рѣка часто вездѣ проходима въ бродъ, о чемъ можно было въ точности узнать у мѣстныхъ жителей всей Молдавіи. Надо было бы подумать и о Валахіи, которую нельзя было оставлять въ угоду фанарскихъ грековъ, которые имѣютъ большое вліяніе на Порту, только для того, чтобы удовлетворить ихъ самолюбію и жадности.

Даже обладаніе Молдавіей было для насъ менѣе важно, чѣмъ границы въ Азіи. Главнымъ же образомъ здѣсь играло честолюбіе, но военный интересъ долженъ быть выше этого чувства. Прута

было бы достаточно для Европы, но въ Азіи нужно было имѣть Ахалцыхъ [1]) и Абхазію.

У насъ есть Анапа, и намъ не нужно было ее ни отдавать, ни даже разрушать. Поти для насъ мало важенъ, такъ какъ черкесы слишкомъ неудобны какъ сосѣди; у нихъ нѣтъ ни пороха, ни оружія, которое они бы получили только отъ турокъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, они должны были бы намъ подчиниться или, по крайней мѣрѣ, прекратить свои разбои, которые заставляютъ имѣть на Кубани цѣлую армію.

Результаты окончанія этой безконечной войны были бы для русскихъ выгоднѣе, нежели прибавленіе земель въ Молдавіи, пріобрѣтеніе которыхъ затрагивало интересы Турціи, бывшей подъ вліяніемъ грековъ, которые опасались потерять это княжество. Затѣмъ, турецкіе полномочные министры такъ же мало знали объ Азіатскихъ провинціяхъ, какъ и мы. Что касается денегъ, то мы были увѣрены, что ихъ никогда больше не получимъ. Турки никогда не согласились бы заплатить контрибуцію, требуемую отъ нихъ послѣ мира въ Кайнарджи и въ Яссахъ, и хотя мы крайне нуждались въ деньгахъ, но Государь имѣлъ настолько великодушія, что не требовалъ ихъ и настолько ловкости и умѣнья, что легко скрылъ свою нужду въ нихъ.

Нельзя было покинуть и сербовъ, не выказавъ этимъ къ нимъ нашу неблагодарность, хотя эта нація далеко не заслуживала той репутаціи и уваженія, которыя она тогда имѣла въ Европѣ. Они должны были быть свободны, имѣть свое особое управленіе и оставаться только данниками Порты. Бѣлградъ долженъ быть отданъ туркамъ вмѣстѣ съ военной дорогой, идущей къ расположенію войскъ, составлявшихъ его гарнизонъ.

Вотъ что я первый осмѣлился представить, но только не графу Румянцеву, который не понялъ бы моихъ благородныхъ стремленій для пользы отечества, а, черезъ Воейкова, военному министру Барклаю-де-Толли.

---

[1]) Кутузовъ говорилъ объ этомъ съ визиремъ, который отвѣчалъ ему, что если даже онъ отдастъ ихъ, то паши ни въ какомъ случаѣ не согласятся на это, и что намъ придется взять ихъ силой. Несомнѣнно, лучше было бы, если бы Гудовичъ и Тормасовъ, вмѣсто того, чтобы сражаться при Эривани, подумали о занятіи Ахалцыха. Истина заставляетъ меня сказать, что всѣ, начиная съ Кутузова, не имѣли никакого понятія о томъ, какъ важны намъ Азіатскія границы. У насъ даже не было географическихъ подробностей объ этихъ провинціяхъ. Въ этомъ можно было винить герцога Ришелье—генералъ-губернатора Кубани, человѣка хорошо знающаго все касающееся его области; онъ могъ бы хоть слово сказать намъ, но это молчаніе было большой небрежностью съ его стороны.

Обладая здоровымъ и справедливымъ умомъ и чувствуя искреннюю признательность къ своему повелителю, онъ никогда не пропускалъ случая сдѣлать что-нибудь полезное для своего отечества.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего перехода черезъ Дунай, Кутузовъ приказалъ также переправиться Грекову въ Туртукаѣ и Гамперу въ Силистріи. Обѣ экспедиціи кончились удачно. Грековъ, со своимъ казачьимъ полкомъ и шестью ротами пѣхоты Витебскаго и Куринскаго полковъ, переправился черезъ рѣку и, не встрѣтивъ на томъ берегу никакого сопротивленія, занялъ Туртукай и новыя укрѣпленія, построенныя турками. Паша успѣлъ спастись, но его сынъ былъ взятъ въ плѣнъ. Потери съ обѣихъ сторонъ были незначительны.

Гамперъ переправился черезъ Дунай съ отрядомъ въ 1.500 ч., состоявшихъ изъ Козловскаго пѣхотнаго полка, Смоленскихъ драгунъ и казаковъ Луковкина и Уральскаго полковъ, бывшихъ подъ начальствомъ самого Луковкина, дѣятельнаго, разумнаго и вполнѣ способнаго человѣка, подготовленнаго къ командованію и регулярными войсками, что очень рѣдко среди казаковъ.

Емикъ-Оглы, привыкшій быть захваченнымъ врасплохъ, перенесъ это еще разъ. Онъ началъ перестраивать въ Силистріи дома и поправлять валы, которые были легко взяты нашими войсками, такъ какъ для защиты ихъ было у турокъ слишкомъ мало войскъ. Мы взяли у нихъ 8 совершенно новыхъ пушекъ, которыя они только что получили изъ Константинополя, а бывшіе защитники, числомъ 3—4 тысячи, были разбиты или взяты въ плѣнъ. Самъ Емикъ-Оглы спасся верхомъ на лошади. Онъ имѣлъ порученіе отъ визиря произвести наступленіе на Каларашъ, для чего ему заранѣе и выслали 8 пушекъ, которыя онъ и потерялъ. Послѣ перехода Маркова черезъ Дунай, визирь писалъ ему: „эти невѣрующія собаки, по гнѣву Божію, занявшія нашъ лагерь, окружили армію правовѣрныхъ...“ и совѣтовалъ ему не предпринимать дальнѣйшаго наступленія. Мы нашли это письмо.

Совѣтъ былъ очень хорошъ, но визирь долженъ бы былъ еще прибавить, чтобы онъ былъ болѣе предусмотрителенъ и построилъ бы на берегу Дуная, среди развалинъ города, сильное укрѣпленіе вмѣсто того, чтобы чинить ретраншаменты на протяженіи 5 верстъ.

Послѣ этихъ двухъ удачныхъ экспедицій, которыя навели много страха въ странѣ, ничто уже не мѣшало Луковкину и Грекову идти на Шумлу и Разградъ, но въ это время, какъ разъ совершенно не кстати, заключили перемиріе, и это, къ большому сожалѣнію, должно было остановить ихъ.

Визирь сначала осмѣлился просить границей Днѣстръ, но ему

отвѣтили на это такъ, что онъ больше уже не рисковалъ повторять свое предложеніе. Тогда онъ предложилъ часть Бессарабіи и затѣмъ ставилъ границею Прутъ. Мы думали, что онъ такимъ образомъ дойдетъ до Серета, но вскорѣ увидѣли, что такую границу мы можемъ получить только послѣ новыхъ подвиговъ, ожидать которыхъ было уже поздно, такъ какъ намъ было некогда терять на это время.

Перемиріе.

Наконецъ, послѣ десятидневныхъ переговоровъ, несмотря на всѣ мои старанія продолжать военныя дѣйствія и, въ то же время, вести переговоры о мирѣ, Кутузовъ согласился на перемиріе, сведя къ нулю всѣ результаты, которыхъ мы ожидали отъ нашей побѣды.

Визирь испугалъ Кутузова, пославъ ему сказать, что такъ какъ турки желаютъ мира только для того, чтобы спасти Рущукъ и свою голову, то, въ случаѣ продолженія войны, онъ уйдетъ за Балканы и укрѣпится тамъ, не оставивъ никого для веденія мирныхъ переговоровъ.

Дѣло было въ томъ, что онъ обманулъ султана, донеся ему, что онъ принужденъ былъ оставить Рущукъ и прекратить операціи вслѣдствіе холоднаго времени года; что русскіе напали на его аррiергардъ и причинили ему нѣкоторыя потери и что онъ собирается вести переговоры о мирѣ. Никто изъ его арміи не зналъ или не смѣлъ писать иначе.

Если бы мы прогнали его изъ Рущука, а сами подошли бы къ Шумлѣ, тогда ему немыслимо было бы скрывать всю правду, и онъ не спасъ бы своей головы.

Различіе моихъ взглядовъ съ Кутузовымъ и, быть можетъ, рѣзкая манера объясняться съ нимъ породили нѣкоторую холодность въ нашихъ отношеніяхъ. Эта холодность была скоро замѣчена, и добрые друзья не преминули вмѣшаться въ наши отношенія. Марковъ, адъютанты, чиновники и волонтеры прибавляли яду къ моимъ словамъ, которыя и безъ того были довольно горячи, но въ общемъ все кончилось благополучно. Я былъ нуженъ Кутузову, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, съ 28 августа, я былъ единственнымъ, который велъ дѣла. Онъ объяснилъ мнѣ причины, заставлявшія его дѣйствовать такъ, а не иначе; и я, хотя былъ далеко отъ того, чтобы согласиться съ нимъ, послѣ нѣкотораго размышленія, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости покориться роли подчиненнаго; тѣмъ болѣе, что

я былъ вторымъ въ арміи. Эта роль накладывала на меня обязанность молчанія и подчиненія своему начальнику, хотя бы я и не сочувствовалъ его рѣшеніямъ.

Порѣшили собрать въ Журжевѣ конгрессъ, въ составѣ шести членовъ, по три съ каждой стороны. Отъ насъ были назначены: Италинскій, ген. Сабанѣевъ и старшій Фонтонъ, послѣдній не понравился туркамъ; а между тѣмъ, онъ прекрасно зналъ турокъ, хорошо говорилъ на ихъ языкѣ и, будучи долго первымъ драгоманомъ во французской миссіи, онъ въ совершенствѣ изучилъ мусульманскіе нравы и зналъ, какъ надо вести съ ними дѣла. Замѣчательно, что его назначеніе также не нравилось и русскимъ, такъ какъ его все еще подозрѣвали въ преданности туркамъ.

Турки же избрали своимъ полномочнымъ Ардоникадіа (полевой судья), называвшаго себя Селимомъ-Ефенди, который былъ улемомъ, т. е. человѣкомъ закона и культуры. Русскіе называли его г-мъ священникомъ. Вторымъ полномочнымъ былъ Галибъ-Ефенди, тогда Каябей въ арміи. Третьимъ они назначили Гамида-Ефенди, бывшаго зимой въ Бухарестѣ. Дмитрій Мурузи, первый драгоманъ въ Портѣ, также участвовалъ въ этомъ конгрессѣ. Это былъ человѣкъ образованный, необычайно хитрый и пронырливый. Кутузовъ считалъ его искренне преданнымъ нашимъ интересамъ, но жестоко ошибся, такъ какъ онъ, какъ и всѣ фанарскіе греки, занимался исключительно своими личными интересами. Намъ все-таки удалось привязать его къ себѣ, предложивъ ему въ перспективѣ владѣніе Валахіей, о чемъ онъ давно мечталъ, при нашей помощи или при содѣйствіи Кая-бея. Его мечты, впрочемъ, не оправдались, и онъ не получилъ Валахіи.

Молодой Антонъ Фонтонъ былъ нашимъ переводчикомъ; у турокъ переводчикомъ былъ грекъ Апостолаки-Сталю. Здѣсь я вспоминаю анекдотъ про него. Галибъ-Ефенди былъ очень маленькаго роста, и когда онъ садился на лошадь, то ему невозможно было закинуть ногу на сѣдло, тогда Апостолаки становился на четвереньки и, такимъ образомъ, служилъ ему скамейкой. Это совсѣмъ въ нравахъ турокъ.

Конгрессъ въ Журжевѣ поражалъ своей смѣшной стороной: Италинскій поражалъ своимъ большимъ, прямо гигантскимъ ростомъ; Селимъ-Ефенди также былъ большого роста и очень толстый; во время засѣданій онъ никогда не произносилъ ни одного слова и большею частью дремалъ. Сабанѣевъ и Кая-бей были просто карликами. Засѣданія конгресса происходили въ зданіи бывшаго кабака, извѣстнаго всѣмъ молодымъ людямъ. И въ такомъ-то отвратительномъ мѣстѣ рѣшалась судьба двухъ государствъ.

Этому конгрессу, еще до начала его, чуть не помѣшали нѣко-

торыя препятствія. Полномочные министры признались, что визирь не получилъ отъ султана разрѣшенія заключить миръ. Неправдоподобному такому заявленію никто не вѣрилъ, предполагая, что разрѣшеніе имѣется. Фонтонъ совѣтовалъ отослать полномочныхъ министровъ обратно, но Кутузовъ и на этотъ разъ былъ не энергиченъ и повѣрилъ визирю, который обѣщалъ, что непремѣнно получитъ уполномочіе на заключеніе мира. Конгрессъ открылся, но въ Бухарестѣ надъ нимъ смѣялись совершенно открыто; а французская и греческая партіи говорили, что миръ не будетъ заключенъ, такъ какъ прошло болѣе недѣли, а переговоры не начинались.

Можно было опасаться, какъ-бы французское вліяніе въ Константинополѣ дѣйствительно не помѣшало заключенію мира.

При взятіи турецкаго лагеря, была захвачена и печать визиря, который теперь обратился къ Кутузову съ просьбой возвратить ему ее, говоря, что безъ нея онъ не можетъ ни отправить ни одной бумаги, ни написать нужнаго для насъ договора, такъ какъ у турокъ печать прикладывается всегда рядомъ съ подписью.

Но насъ не могли провести этой ложью. Фонтонъ прекрасно зналъ государственную печать, которую визирь называлъ своей личной, но Кутузовъ и тутъ не могъ не выказать своей слабохарактерности и разрѣшилъ выдать визирьскую печать. Мнѣ принесли эту печать въ лагерь съ большой церемоніей, и я передалъ ее посланному визиря. Для него это былъ трофей, который онъ страшно берегъ.

Для того, чтобы прорéдактировать всѣ подробрости этого мира, нужно было не больше 5—6 засѣданій, но дипломаты не могутъ такъ быстро рѣшать вопросы, какъ военные; къ тому же турецкіе министры дольше другихъ тянутъ дѣла, особенно, если имъ хорошо платятъ. Эти три господина получали въ день по 25 дукатовъ столовыхъ денегъ, поэтому вполнѣ понятно, что они желали получать ихъ какъ можно дольше. Турки, какъ и евреи, обладаютъ коварствомъ и терпѣніемъ. Они готовы спорить цѣлый день за какое-нибудь слово или поступокъ.

Я предложилъ Кутузову помѣстить этихъ дипломатовъ (начиная съ Италинскаго) въ палаткахъ, между обѣими арміями, гдѣ бы дождь и градъ принудили бы ихъ приняться за свои обязанности. Кутузовъ принялъ мое предложеніе за шутку и только разсмѣялся въ отвѣтъ. Если бы я былъ начальникомъ, я не преминулъ бы привести свои мысли въ исполненіе.

Конечно, самымъ выдающимся изъ всего конгресса былъ Галибъ-Ефенди, пользовавшійся довѣріемъ визиря, и если бы ихъ отношенія продолжались такими же, то дѣла пошли бы болѣе успѣшно; но Галибъ сдѣлался положительно ненавистнымъ Ахмету. Между ними про-

изошелъ разладъ. Мы уже видѣли, что визирь скрылъ отъ султана всѣ непріятныя подробности постигшей его катастрофы. Султанъ былъ еще молодъ и неопытенъ, проводимый друзьями Ахмета, онъ былъ увѣренъ, что турки потеряли только арріергардъ въ 1.500 чел.; но если онъ и находился въ такомъ невѣдѣніи, то не по винѣ Галиба-Ефенди, который, бѣжавъ изъ лагеря въ Разградъ, написалъ султану всю правду. Въ своемъ письмѣ онъ не пощадилъ визиря, не надѣясь, что тотъ могъ продержаться визиремъ. Письмо это было вручено каймакаму (замѣститель визиря въ Константинополѣ во время его отлучекъ), который былъ другомъ Ахмета, и полученное письмо Галиба, вмѣсто того, чтобы быть переданнымъ султану, было отослано Ахмету. Понятно, что послѣ этого визирь уже не считалъ Галиба своимъ интимнымъ другомъ и сомнѣвался въ немъ, а отъ этого, къ сожалѣнію, страдали переговоры.

Прошелъ мѣсяцъ, а дѣла конгресса были въ такомъ же положеніи, какъ и въ первый день. Когда заболѣлъ курьеръ визиря въ Шумлѣ, то онъ послалъ сказать Кутузову, что оставляетъ этихъ „животныхъ“-министровъ (выраженіе было еще грубѣе), а самъ, какъ только получитъ уполномочіе султана, покончитъ, всѣ дѣла въ одну минуту. Въ ожиданіи этого, онъ собиралъ въ Рущукѣ войска и припасы, а время проходило. Затѣмъ, визирь сталъ распространять слухъ, что будто онъ получилъ приказаніе султана, въ случаѣ пораженія, вооружить матросовъ, „зимнее“ войско [1]) и оставшихся янычаръ, и что самъ онъ ежедневно ѣздитъ въ Варну.

Тогда Кутузовъ послалъ ему сказать, что если хоть 50 чел. прибудутъ въ Разградъ, то онъ немедленно прекращаетъ переговоры и начинаетъ наступленіе. Визирь отвѣтилъ, что ни одинъ человѣкъ не перейдетъ Шумлы. Я никогда не вѣрилъ въ движеніе этихъ войскъ.

Положеніе турокъ, запертыхъ въ своемъ лагерѣ, на лѣвомъ берегу Дуная, было такъ ужасно, что всякое человѣческое чувство возмущалось до крайности. По заключенному съ визиремъ договору мы ежедневно доставляли имъ 10 тысячъ полуторафунтовыхъ бѣлыхъ хлѣбовъ, соль и 300 фунт. говядины, за что визирь платилъ очень дорого. Посылаемой нами провизіи было бы вполнѣ достаточно этимъ несчастнымъ, чтобы не умерли съ голоду, но янычары и другіе состоящіе при начальникахъ были единственными, которые пользовались всѣми этими благами. Хотя алчность и жадность у

---

[1]) „Зимними“ войсками у турокъ называются тѣ, которыя, несмотря ни на какое время года, должны немедленно выступить въ походъ или держать гарнизоны.

турокъ доходятъ до ужасной степени, но этимъ порокомъ нація турокъ превосходитъ всѣ остальныя на земномъ шарѣ. Паши, завладѣвъ присланной нами провизіей, продавали ее солдатамъ, не состоящимъ въ ихъ свитѣ и не имѣющимъ протекціи, но имѣющимъ деньги (а ихъ имѣли не многіе); продавали же они въ 4 раза дороже, чѣмъ платили намъ. Больше половины солдатъ не получали рѣшительно ничего. Болѣзни увеличились до того, что ежедневно умирало больше 300 чел. Сначала умершихъ бросали въ Дунай, а затѣмъ уже не обращали на нихъ никакого вниманія и оставляли сгнивать на мѣстѣ смерти. Тысячи этихъ несчастныхъ кидались на колѣни передъ нашими аванпостами, чтобы выпросить у казаковъ кусокъ хлѣба, предлагая имъ все, что имѣли, даже свое самое драгоцѣнное оружіе. Болѣе 1.500 чел. бѣжали къ намъ; это были не люди, а какія-то тѣни, изнемогшія отъ нужды и бѣдствій. Своихъ лошадей кормили они желудями или корнями, выкапываемыми изъ земли, когда же лошадь издыхала, они тотчасъ же разрѣзали ее на части и ѣли сырое мясо.

Въ этомъ несчастномъ лагерѣ стоялъ такой ужасный смрадъ, что когда начиналъ дуть южный вѣтеръ, то и нашъ лагерь заражался смрадомъ. Нѣсколько разъ я предлагалъ имъ сдаться, но они никакъ не хотѣли согласиться безъ приказа визиря. Чапанъ-Оглы просилъ позволенія послать депутатовъ къ визирю, чтобы описать ему весь ужасъ положенія несчастныхъ, но Кутузовъ отказалъ въ этомъ, и предложилъ Чапану написать письмо, которое и будетъ передано визирю. Чапанъ же не хотѣлъ давать письма, говоря мнѣ, въ одно изъ нашихъ свиданій, что это письмо можетъ послужить визирю документомъ противъ него. Странная организація въ этой арміи, гдѣ каждая личность подозрѣваетъ одинъ другого, гдѣ господствуетъ деспотизмъ, распущенность, недовѣріе и жестокость. Чапанъ рубилъ головы за каждое рѣзкое слово или за таковой же жестъ, но тѣмъ не менѣе у него изъ палатки, нѣсколько разъ, воровали весь запасъ провизіи, которую мы ему посылали.

Наконецъ, 9 ноября, спустя 30 дней послѣ переправы Маркова, къ визирю прибылъ его курьеръ, но содержаніе привезенныхъ имъ бумагъ было для насъ тайной.

Кутузовъ уже начиналъ подозрѣвать, что онъ былъ обманутъ, но тутъ же сдѣлалъ снова ошибку. Онъ предложилъ туркамъ сдаться и пріѣхалъ ко мнѣ въ лагерь для пріема ихъ депутатовъ. Депутаты не являлись и вообще, казалось, не торопились, такъ что Кутузовъ принужденъ былъ возвратиться въ Журжево.

Незадолго передъ симъ, Кутузовъ получилъ отъ Государя письмо, полное похвалъ и благодарностей, и въ которомъ Государь

давалъ ему почти полную свободу дѣйствій. Съ этимъ же курьеромъ присланъ былъ Кутузову Георгій 2-й ст., въ которомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ [1]), ему нельзя было отказать, но ношеніе имъ этого креста не встрѣчено сочувственно въ арміи. Мы всѣ были крайне удивлены, что Кутузова не произвели въ фельдмаршалы или не дали Георгія 1-й ст. Онъ былъ сдѣланъ графомъ, что впрочемъ не особенно ему льстило.

Полномочіе султана было адресовано Галибъ-Ефенди, который былъ названъ имъ первымъ членомъ конгресса, что показалось намъ грозящей немилостью къ визирю.

Засѣданія и конференціи продолжались, но все съ одинаковой медленностью. Наконецъ, послѣ 94 дней бивачной жизни и 50 дней страданій, когда турки не могли уже болѣе перенести ихъ, и когда наши войска, расположенныя лагеремъ на болотѣ, были не въ силахъ терпѣть сырость, дожди, снѣгъ и грязь, визирь и Кая-бей заключили съ Кутузовымъ условіе, чтобы размѣстить турецкія войска по квартирамъ, подъ нашей стражей, но подъ честнымъ именемъ „Мусофиръ [2])“, но на самомъ дѣлѣ плѣнниками. Они должны ими быть въ дѣйствительности и носить это названіе, если бы миръ не былъ заключенъ, въ противномъ случаѣ, они должны быть вмѣстѣ съ своими пушками возвращены на правый берегъ Дуная.

Мы условились, что пушки и всѣ боевые запасы будутъ отправлены въ Журжево и охраняемы отрядомъ турецкихъ канонировъ и нашими артиллеристами; все оружіе должно быть уложено и запечатано, для храненія въ лагерѣ, а затѣмъ будетъ перевезено въ Журжево и охраняемо, какъ и пушки (послѣднихъ было 51. Марковъ же имѣлъ 10 и 2 мортиры).

Турки дотого подозрительны и такъ медленны въ своихъ рѣшеніяхъ, что имъ понадобилось 8 дней для раздумыванія, прежде чѣмъ они рѣшились выйти изъ своихъ убѣжищъ. Анатолійцы и янычары все еще были увѣрены, что мы ихъ задушимъ.

Наконецъ, они вышли изъ своего лагеря и расположились около деревни Мальки; совершенно же ихъ лагерь былъ очищенъ только черезъ 4 дня. Кутузовъ приказалъ мнѣ отправить больныхъ въ

---

[1]) 1827 г. Теперь у насъ 20 кавалеровъ Георгія 2-й ст. По настоящему положенію дѣлъ, я бы могъ его получить 7 разъ. Я имѣлъ его за взятіе Торна. Остальные дѣйствительно его заслужили блестящими подвигами, исключая тѣхъ, которые получили его за турецкую войну: гр. Сергѣя Каменскаго, Уварова и Маркова.

[2]) По-французски это слово нельзя перевести; не совсѣмъ точно это будетъ hôte.

Рущукъ, и я отослалъ туда 2.600 чел. совсѣмъ умирающихъ, а до 2.000 больныхъ послѣдовало за арміей. Знавшіе насъ раньше, узнавъ, что я хочу ихъ отправить въ Рущукъ, говорили, что если уже Богъ присудилъ ихъ умереть, то они спокойно умрутъ, если будутъ знать, что за ними ухаживаютъ русскіе, а не турки.

Когда мы вошли въ турецкій лагерь, то первое, что намъ бросилось въ глаза—это несчастные страдальцы, протягивающіе намъ руки за хлѣбомъ; когда же они его получили, то съ жадностью набрасывались на него и тутъ же умирали. Мы видѣли другихъ, которые кусали себѣ руку, чтобы съѣсть кусокъ своего собственнаго мяса. Никогда еще я не видалъ ничего подобнаго[1]), такъ ужасно было зрѣлище турецкаго лагеря. 8.000 труповъ лошадей, на половину сгнившихъ и истлѣвшихъ, валялись тутъ же на землѣ[2]); 2.000 человѣческихъ труповъ, въ такомъ же положеніи, окружали палатки!

Все, что только война и голодъ могутъ имѣть бѣдственнаго, все это сосредоточилось въ этомъ несчастномъ лагерѣ. Удивительно, что у насъ не было чумы или по крайней мѣрѣ эпидеміи. Когда турки вышли уже изъ своего лагеря, я замѣтилъ, что они, вопреки нашего условія, увозятъ свое оружіе на повозкахъ. Я предупредилъ объ этомъ Кутузова и хотѣлъ на полѣ же пересѣчь имъ дорогу, но главнокомандующій запретилъ мнѣ это и оставилъ ихъ въ покоѣ. Но все же онъ выразилъ неудовольствіе Чапану-Оглы, который признался въ своей неправотѣ и обѣщалъ, что какъ только они прибудутъ на квартиры, сейчасъ же отниметъ и отошлетъ оружіе къ намъ, а если бы начать отбирать его теперь, то на переговоры пойдетъ дней 8; затѣмъ, онъ добавилъ, что турки, забирая съ собой оружіе, имѣли намѣреніе продать его, что̀ они и сдѣлали по прибытіи своемъ въ Руссо-ди-Веде.

Въ с. Малькѣ они простояли 3 или 4 дня, во время которыхъ мы могли сосчитать ихъ, но результата никакого не получилось; мы знали, что приблизительно ихъ было 8.500 чел., изъ коихъ 500 „топчисъ“ или артиллеристовъ были посланы въ Журжево, а затѣмъ въ Родоваго на р. Аржишѣ. Остальные были отправлены: въ Руссо-ди-Веде, Мавродію, Могару и др. сосѣднія деревни, окруженныя нашими войсками. Начальствованіе надъ этой арміей поручено было мнѣ, а помощникомъ моимъ назначили ген. Булатова.

---

[1]) Мнѣ это казалось тогда, но послѣ отступленія Наполеона отъ Москвы и перехода черезъ Березину я видѣлъ и не такіе ужасы.

[2]) Живыхъ лошадей въ лагерѣ осталось только 130.

Его дѣятельность, мягкость характера и услужливыя манеры дѣлали его достойнымъ довѣрія главнокомандующаго [1]).

Болѣе 1.500 несчастныхъ турокъ погибло уже на зимнихъ квартирахъ, вслѣдствіе перенесенныхъ ими страданій. Изъ 2.000 отправленныхъ мною въ госпиталь выжило только 500 чел.

Вообще потери турокъ при Слободзеѣ видны изъ слѣдующей таблицы:

Мы взяли въ плѣнъ.	8.500	чел.
Мы отослали обратно	2.600	„
Бѣжало къ намъ	1.600	„
Погибло отъ голода и нужды	2.000	„
Въ госпиталяхъ	3.000	„
Убито во время сраженіи	5.000	„
Возвратились на правый берегъ . .	1.000	„
Итого	23.700	чел.

Кутузовъ уѣхалъ въ Бухарестъ, куда перенесъ и засѣданія конгресса. Я же долженъ былъ остаться въ Журжевѣ, чтобы условиться съ визиремъ относительно плѣнниковъ. Мы никакъ не могли уговорить Кутузова посѣтить наши редуты и осмотрѣть наши позиціи и турецкій лагерь. Ни чувство долга, ни любопытство не могли заставить его хотя на время отрѣшиться отъ его обычной апатіи и лѣни.

У насъ было условлено, что турки сами будутъ кормить свои войска, и Кая-бей заключилъ контрактъ съ г. Шостакъ, комиссіонеромъ военныхъ госпиталей, по которому тотъ обязывался снабжать ихъ бѣлымъ хлѣбомъ, мясомъ, табакомъ и пр.; на всѣ эти припасы были назначены чудовищныя цѣны, но половина условленной суммы не была заплачена турками. Быть можетъ у нихъ не было денегъ или просто визирь не хотѣлъ платить такой большой суммы.

Однажды, какъ-то въ французской газетѣ мы прочитали замѣчательную для насъ фразу: „Теперь уже извѣстно, что великій визирь никогда не былъ блокированъ въ Рущукѣ, а находился онъ тамъ только для осмотра войскъ. Успѣхъ же русскихъ заключается во взятіи только небольшого корпуса въ 4.000 чел.“.

Кутузовъ получилъ заслуженное. Всегда люди, не умѣющіе поль-

---

[1]) Мнѣ, родившемуся въ Парижѣ, было странно, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ командовать русской и турецкой арміями и видѣть себя окруженнымъ казаками, спагами (конница мусульманъ), гренадерами и янычарами—бывшими подъ моимъ начальствомъ.

зоваться результатами своей славы, впослѣдствіи терпятъ много упрековъ.

Въ общемъ, Кутузовъ имѣлъ на своей сторонѣ счастье [1]), что не покидало его и въ эту войну. Мы предполагали, что эта кампанія не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, и тѣмъ не менѣе она была самой грозной и самой блестящей изъ всѣхъ предыдущихъ. Она могла бы кончиться еще лучше, если бы не слабый и нерѣшительный характеръ нашего главнокомандующаго. Но все-таки нельзя не признаться, что несмотря на наши блестящія побѣды и большія потери въ турецкой арміи, географическое преимущество осталось на сторонѣ непріятеля, такъ какъ онъ пріобрѣлъ Рущукъ, мы же не сохранили ничего на побережьѣ Дуная.

Военныя дѣйствія въ Малой Валахіи.

Мы уже видѣли, какую цѣну я предлагалъ за взятіе или, вѣрнѣе, за покупку флотиліи въ Виддинѣ. Кутузовъ и военный министръ раздѣляли мое мнѣніе по этому вопросу. Безспорно, что безъ флотиліи, состоящей изъ 150 или 200 малыхъ судовъ, турки мало бы имѣли возможности переправиться черезъ Дунай; а мы знаемъ, что если бы визирь, при своемъ переходѣ у Слободзеи, въ одну ночь могъ бы посадить на суда всю свою армію, то этимъ доставилъ бы намъ много затрудненій, особенно когда Булатовъ былъ отброшенъ.

Кутузовъ приказалъ Зассу ничего не жалѣть для пріобрѣтенія этой флотиліи, а Зассъ, всегда ловкій, хитрый и пронырливый, на этотъ разъ повелъ столь нужные переговоры очень неудачно. Не знаю, можетъ быть въ этомъ нужно обвинять его приближенныхъ, такъ какъ Зассъ, всегда очень слабый съ ними, легко подчиняется тому вліянію, которое сумѣетъ завладѣть его довѣріемъ. Онъ не очень разборчивъ въ средствахъ для добыванія денегъ; его грабительства достигли высшей степени, а такъ какъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ участвовали и его приближенные, то это обстоятельство сдѣлало его какъ бы зависящимъ отъ нихъ. Онъ уже не могъ обойтись безъ нихъ и больше всего боялся чѣмъ-нибудь разсердить ихъ.

Преступленіе дѣлаетъ равными всѣхъ его участниковъ. Главные представители этихъ злоупотребленіи были: 1) племянникъ и адъютантъ Засса—Штрандманъ, самый наглый изъ всѣхъ грабителей, 2) его аудиторъ, 3) его адъютантъ. Наконецъ, начали подозрѣвать одного молодого человѣка, Мавроса, который былъ у Засса драгома-

---

[1]) Достойно удивленія пристрастное отношеніе Ланжерона къ Кутузову, признававшему за Кутузовымъ только счастье. *Ред.*

номъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ грекъ и приходился родственникомъ Сутце, почему мы и хотѣли удалить его отъ Засса, но онъ крѣпко стоялъ за него, такъ какъ онъ сдѣлался уже необходимымъ для его личныхъ интересовъ. Мавросъ былъ умный и очень тонкій человѣкъ; его обвиняли въ томъ, что покупка флотиліи не совершилась.

Можетъ быть это была сплетня, а можетъ быть Мулла не могъ или не хотѣлъ ее отдать; легко можетъ быть, что онъ хотѣлъ заставить насъ лишь потерять побольше времени. Тѣмъ не менѣе, хотя ему и удалось упрочить свой грабежъ и заставить себя признать виддинскимъ пашей, онъ отлично зналъ, что если онъ дастъ возможность войскамъ визиря проникнуть въ Виддинъ, то ему не снести своей головы. Поэтому было рѣшено не впускать ихъ туда. Въ интересахъ своей торговли, онъ хотѣлъ быть намъ полезнымъ и для этого помѣшать приходу турокъ, но опасался одного—какъ-бы слишкомъ откровенное покровительство врагамъ его отечества не вызвало недовольства и мести со стороны жителей Виддина и даже его собственныхъ войскъ, хотя онъ еще весной отослалъ тѣхъ, на которыхъ не могъ надѣяться. Онъ оставилъ при себѣ 5 или 6 тысячъ, которыхъ считалъ вѣрными себѣ.

Тѣмъ болѣе онъ не могъ принимать въ Виддинѣ русскихъ, изъ боязни за свою голову, которая могла быть отрублена за это какъ правовѣрными, или изгнанными изъ города, что̀ для него было безразлично.

Ему предлагали 20 тысячъ дукатовъ за флотилію; ему бы дали больше, но алчный и жадный, какъ всѣ турки, онъ пытался уже вырвать эту сумму отъ насъ и согласился исполнить предложеніе Засса подняться на нѣсколькихъ лодкахъ вверхъ по рѣкѣ, чтобы Зассъ могъ бы его отвлечь отъ его позиціи, но не успѣлъ начать этого маневра, какъ около Виддина показался Измаилъ-Бей съ 12 или 15 тысячами войскъ.

Измаилъ-Бей былъ 3-хъ бунчужнымъ пашой или сераскиромъ—однимъ изъ первыхъ лицъ въ имперіи. Старость не измѣнила въ немъ предпріимчиваго и дѣятельнаго характера. Онъ командовалъ арміей въ 1810 году противъ сербовъ.

Мулла-паша не далъ ни ему, ни его войску взойти въ Виддинъ, а разрѣшилъ только нѣсколькимъ невооруженнымъ людямъ придти купить съѣстныхъ припасовъ, которые онъ продавалъ на вѣсъ золота. Онъ тоже не хотѣлъ позволить Измаилу основаться на большихъ островахъ, находящихся противъ города, но не осмѣлился ему отказать въ пользованіи своей небольшой флотиліей и уступилъ ее съ условіемъ получить обратно по окончаніи кампаніи.

Условіе, которое, быть можетъ, турки и не выполнили бы, если бы у нихъ было гдѣ размѣстить эту флотилію; но они видѣли, что не могли отойти отъ Виддина, не рискуя попасть въ наши руки.

Мулла далъ Измаилу-Бею нѣсколько гарнизонныхъ войскъ для разныхъ экспедицій, которыя онъ предпринималъ, но, по окончаніи экспедицій, войска эти возвращались въ городъ. Только въ Турціи, въ этой странѣ, гдѣ анархія, возстанія и безнаказанность идутъ рука объ руку съ несправедливостью, деспотизмомъ и жестокостью, только при такомъ безпорядочномъ правленіи и распущенности, съ ихъ религіей и принципами, можно видѣть генерала, предлагающаго подобныя условія другому генералу, часто враждующихъ между собой, при чемъ тотъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой вражды, награждался чинами и богатствами. Виддинъ расположенъ на границѣ съ Сербіей, на правомъ берегу Дуная, около поворота, который дѣлаетъ эта рѣка, мѣняя свое направленіе съ сѣвера на югъ; около Орсовы она принимаетъ новое направленіе съ запада на востокъ. Виддинъ—это складочное мѣсто для своза товаровъ Болгаріи, Сербіи, Валахіи и Венгріи; это большой городъ, очень многолюдный, богатый и торговый, хорошо укрѣпленный даже со стороны Дуная и другихъ точекъ важныхъ для Болгаріи. Противъ города находятся два острова, изъ которыхъ одинъ, довольно большой, лежитъ какъ разъ противъ города, а другой немного ниже. На первомъ островѣ Мулла расположилъ войска, которыя защищаютъ входъ съ лѣваго берега рѣки, но рукавъ Дуная, отдѣляющій островъ отъ этого берега—былъ очень узокъ, и можно было даже предполагать, что въ концѣ лѣта онъ пересыхаетъ, что̀ дѣйствительно случилось въ 1811 г.

На лѣвомъ берегу Дуная, немного выше Виддина, противъ западнаго предмѣстья, находилась чудная, громадная деревня Калафатъ, гдѣ графъ Клерфе, командовавшій австрійскимъ корпусомъ, разбилъ въ 1790 году турецкую армію. Деревни этой теперь не существуетъ [1]). Нѣсколько дальше отъ береговъ рѣки тянется довольно значительная возвышенность, которую перерѣзываютъ овраги, идущіе по направленію къ Дунаю. Отъ Калафата, ниже, верстахъ въ 5-ти или 6-ти находятся болота съ такими глубокими и вязкими днами, что они трудно проходимы даже тогда, когда пересыхаютъ, за исключеніемъ трехъ узкихъ дорожекъ, которыми и пользуются обыкновенно. Генералъ Зассъ полагалъ, что турки хотятъ атаковать сербовъ, и приготовился защищать ихъ, но онъ не ожидалъ перехода ихъ черезъ Дунай, который дѣйствительно былъ такъ же трудно предполагаемъ, какъ переходъ великаго визиря подъ Слободзеей.

---

[1]) Навѣрно существуетъ даже и въ настоящее время. *Ред.*

Зассъ всего имѣлъ 8 слабыхъ баталіоновъ, 15 эскадроновъ и 2 полка казаковъ, которыми и могъ располагать. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ отправилъ генерала-маіора графа д'Орурка въ Сербію. Этотъ генералъ пользовался его большимъ довѣріемъ и завоевалъ себѣ таковое же между сербами. Я ему далъ свой полкъ Волынскихъ уланъ въ 10 эскадроновъ, 4 баталіона и полкъ казаковъ, съ которыми онъ занялъ позицію на рѣкѣ Тимокъ, около крѣпости Неготина, въ 30-ти верстахъ отъ Дуная и 120-ти отъ Краіова. Два баталіона Нейшлотскаго полка были въ Бѣлградѣ и въ Делиградѣ. Великій визирь, обдумавъ свой планъ набѣга на обѣ Валахіи, приказалъ Измаилъ-Бею проникнуть въ Малую Валахію, тогда какъ самъ онъ пошелъ бы въ Большую. Они должны были соединиться въ Бухарестѣ, и Измаилъ-Бей не скрывалъ своей надежды быть скоро въ Краіовѣ. Генералъ Зассъ, не предполагая, что мулла отдастъ свой небольшой флотъ Измаилу-Бею, обращалъ вниманіе только на два пункта: Сербію и крѣпость Ломъ-Паланка.

Эта маленькая крѣпость, взятая въ 1810 году Желтышевымъ, была, я не знаю почему, всѣми покинута. Передъ нею находился хорошо укрѣпленный островъ, благодаря чему, турки могли съ безопасностью совершать вылазки съ помощью 60-ти или 80-ти маленькихъ лодочекъ, которыя они уже приготовили на рѣкѣ Ломъ. Измаилъ-Бей приблизился къ Виддину со своими войсками, состоящими изъ албанцевъ и анатоліанцевъ (послѣдніе были подъ начальствомъ Кара-Османъ-Оглы) и, получивъ пушки, которыя ему прислалъ великій визирь, 19-го іюля перешелъ Дунай, а 20-го іюля на маленькій островъ, находившійся противъ Виддина, тотчасъ-же приказавъ построить редуты и ретраншаменты, а затѣмъ перешелъ въ бродъ маленькій рукавъ Дуная и укрѣпился на лѣвомъ берегу.

Если бы турки съумѣли разсчитать свои дѣйствія и отправили бы другой корпусъ войскъ въ Ломъ-Паланку, то генералъ Зассъ очутился бы въ критическомъ положеніи и принужденъ бы былъ ретироваться къ Краіову, но подобныя соображенія выше силъ турокъ, и можно быть увѣреннымъ, что они безъ диверсіи всегда направляютъ свои силы на тотъ пунктъ, который они атакуютъ.

Генералъ Збіевскій находился со своимъ превосходнымъ Мингрельскимъ полкомъ противъ Лома; и какъ только онъ узналъ, что Измаилъ-Бей былъ около Виддина и уже перешелъ рѣку, онъ двинулся противъ него и засѣлъ около болотъ, которыя лежали на лѣвомъ берегу противъ Виддина. Одинъ батальонъ 27-го егерскаго полка оставленъ былъ въ Калафатѣ. Зассъ собралъ остатки своихъ войскъ, которыми можно было располагать, въ Чироѣ, въ 40 верстахъ отъ Виддина и въ 80 верстахъ отъ Краіова. Извѣстно,

что изъ Чироя можно было сообщаться со всѣми остальными пунктами.

22-го іюля, турки, перейдя Дунай, перешли болото по тремъ маленькимъ дорожкамъ и атаковали Збіевскаго, который только-что прибылъ. Этотъ генералъ и его полкъ, такой же доблестный, какъ и онъ самъ, увѣнчали себя славой въ данномъ случаѣ. Онъ осадилъ турокъ и очень долгое время сопротивлялся самъ, хотя былъ въ шесть разъ слабѣе ихъ, но въ концѣ концовъ былъ бы разбитъ, если бы къ нему на помощь не явились бы Зассъ и генералъ Рѣпнинскій съ 43 и 27 егерскими полками и кавалеріей. Пріѣхавъ въ деревню Чупурчени, вправо отъ турокъ, Зассъ узналъ объ ихъ наступленіи и тотчасъ же атаковалъ тѣ части ихъ войскъ, которыя засѣли за болотами на небольшой возвышенности, служившей для нихъ хорошей защитой, и выбилъ ихъ оттуда. Русской кавалеріи тутъ не пришлось много дѣйствовать. Между тѣмъ, турки выходили изъ-за болотъ, тогда одинъ эскадронъ Переяславскихъ драгунъ, подъ командою подполковника Зейдлера, встрѣтилъ ихъ ружейнымъ огнемъ и заставилъ одну изъ турецкихъ колоннъ отступить.

Сраженіе было долгое и упорное. Наконецъ, турки принуждены были перейти обратно болота и скрыться въ ретраншаментъ, который они построили уже на берегу рѣки. Такимъ образомъ, планъ Измаилъ-Бея съ перваго же момента былъ уничтоженъ храбростью Збіевскаго и дѣятельностью и умными распоряженіями генерала Засса.

Зассъ не имѣлъ и 3.500 челов. войска, но Измаилъ-Бей считалъ его сильнѣе и терялъ дорогое время на окапываніе. Его бездѣйствіе дало время Зассу приказать графу д'Орурку прибыть изъ Сербіи форсированнымъ маршемъ, съ двумя баталіонами пѣхоты и 5-ью эскадронами Чугуевскихъ уланъ, подъ командою полковниковъ Беренса и Бенкендорфа, оба прекрасные офицеры. Сюда же форсированными маршами спѣшилъ и графъ Воронцовъ съ тремя батальонами Выборгскаго полка, что было весьма полезно. Маленькая флотилія стояла на рѣкѣ Жіа, и часть ея, которая была противъ Турно, видѣла лѣвый флангъ Засса укрѣпленнымъ, что мѣшало туркамъ, спускавшимся внизъ по рѣкѣ, совершать высадки, которыя были бы для насъ весьма опасны.

Тогда турки были блокированы въ ихъ укрѣпленіяхъ. Но если имъ было трудно выйти оттуда съ надеждою на успѣхъ, то Зассу было еще труднѣе атаковать ихъ. Ихъ укрѣпленія были очень сильны и добраться до нихъ можно было не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ намъ извѣстно, что турки хорошо защищаются за закрытіями. Чтобы лучше удержать за собой позицію и

не утомлять войска, генералъ Зассъ приказалъ построить генералу генеральнаго штаба Мишо (котораго ему прислали, и который былъ его единственнымъ превосходнымъ помощникомъ) два сильныхъ редута и исправить три другихъ, возведенныхъ раньше, вдоль по болотамъ. Редуты были выстроены очень быстро и прекрасно расположены; въ нихъ размѣстили пандуровъ (пѣхота венгерскихъ выходцевъ).

Я уже замѣтилъ, что пандуры очень стойки въ ретраншаментахъ, такъ какъ они отлично знаютъ, что имъ нечего надѣяться на милости турокъ. Ихъ соединили съ нѣкоторыми регулярными войсками. Первая линія этихъ редутовъ была на половину вооружена пушками, взятыми изъ турецкихъ укрѣпленій; перестрѣлка была обоюдная и безконечная, но нашъ огонь былъ сильнѣе огня турокъ и причинялъ имъ больше вреда, чѣмъ ихъ намъ.

3-го августа Измаилъ-Бей сдѣлалъ дерзкую, хорошо направленную атаку на правый флангъ генерала Засса, котораго онъ хотѣлъ обойти. Но такъ какъ онъ не могъ занять большого острова, который находится противъ Виддина, потому что мулла-паша не уступалъ ему его, то онъ вытянулъ свои войска вдоль Дуная, противъ Калафата, котораго Зассъ не могъ занять, чтобы не очень растягивать свой фронтъ, и со всею силою напалъ на правый флангъ русскихъ. 43-й егерскій полкъ сражался цѣлый день и для усиленія огня стрѣлковъ были подведены Переяславскіе драгуны и казаки. Дѣло было горячее и стоило обѣимъ сторонамъ немало людей. Тогда графъ Воронцовъ еще не прибылъ, редуты наши еще не были совершенно окончены и, если бы туркамъ удалось зайти въ тылъ и отбросить войска Засса, то, не имѣя большого резерва, Зассъ принужденъ былъ бы отступить.

Красовскій, бывшій адъютантъ Засса, одинъ изъ главныхъ помощниковъ въ его неправильныхъ и несправедливыхъ поступкахъ, но прекрасный офицеръ, очень отважный [1]), измѣнилъ ходъ дѣйствій смѣлымъ, блестящимъ маневромъ, который украсилъ его славой.

Замѣтивъ, что до непріятельскихъ ретраншаментовъ нельзя было иначе добраться, какъ по узенькой тропинкѣ, но что высохшія направо болота позволяли пробраться по нимъ и ударить туркамъ въ тылъ, не рискуя подвергнуть себя такой же опасности, онъ

---

[1]) Красовскій не былъ еще тогда адъютантомъ Засса, онъ былъ маіоръ 13-го егерскаго полка, который былъ въ Яссахъ; но Зассъ добился, что онъ остался съ нимъ, такъ какъ былъ очень полезенъ ему для военныхъ и финансовыхъ операцій.

взялъ съ собой 70 смѣльчаковъ Мингрельскаго полка и ударилъ во флангъ и въ тылъ туркамъ, которые тотчасъ же остановили свою атаку и бросились на Красовскаго, но онъ скрылся въ болота, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока турки не вошли въ свои ретраншаменты. За это дѣло онъ былъ произведенъ въ подполковники, что̀ онъ безусловно заслужилъ.

Между тѣмъ, пора было подумать и о Ломъ-Паланкѣ, такъ какъ не слѣдовало подражать въ нерадѣніи туркамъ, которые никогда не думали о тѣхъ большихъ операціяхъ, которыя имъ предстояло вести. Наша регулярная флотилія, перешедшая на лѣвый флангъ Засса, потому что иначе снаряды съ противоположной стороны безпокоили ее, остановилась около острова, который находится противъ Лома; но огонь съ крѣпости и съ обоихъ редутовъ, построенныхъ на островѣ, заставилъ нашихъ храбрыхъ моряковъ ночью спуститься еще ниже, на 3 версты. Генералъ Кутузовъ, раздраженный этимъ малодушнымъ отступленіемъ стараго Акимова, вызвалъ его въ Журжево, а на его мѣсто послалъ подполковника Энгельгарда, волонтера, потерявшаго ногу въ Прусской войнѣ [1]).

Энгельгардъ былъ одаренъ умомъ и ловкостью, но былъ чрезвычайно высокомѣренъ и дерзокъ.

Кутузовъ, не подозрѣвая, что островъ на Ломѣ былъ занятъ и укрѣпленъ турками, приказалъ Энгельгарду съ баталіономъ Олонецкаго полка занять его. Этимъ баталіономъ командовалъ полковникъ Второвъ, прекрасный офицеръ, но Кутузовъ не зналъ его и, не справившись у насъ о его способностяхъ, отнялъ у него командованіе и передалъ его одному изъ волонтеровъ, не безъ основанія ненавидимыхъ въ арміи полковыми офицерами.

Но и Энгельгардъ не могъ взять этого укрѣпленнаго острова тремя ротами (одна оставалась на рѣкѣ Жіа); тогда генералъ Зассъ отправилъ туда еще подполковника Красовскаго съ однимъ баталіономъ Мингрельскаго полка, 43-го и 27-го егерскихъ полковъ и 2-мя эскадронами Дерптскихъ драгунъ.

28 августа, въ полночь, Энгельгардъ открылъ сильный огонь изъ 8-ми пушекъ по лѣсистой части острова, гдѣ находились турки, а затѣмъ вогналъ ихъ въ ихъ ретраншаменты и заставилъ ихъ поспѣшить отплыть обратно. Турки никакъ не ожидали подобной атаки, а сначала полагали, что эта канонада была съ цѣлью облег-

---

[1]) Это былъ незаконный сынъ подполковника Василія Энгельгарда, племянника князя Потемкина, о которомъ я говорилъ во второй части журнала за 1790 годъ.

чить движеніе флотиліи. Они отступили, чтобы избѣжать встрѣчи съ ней. При чемъ и наша флотилія не мѣшала ихъ отступленію.

Войска шли къ редутамъ въ двухъ колоннахъ: два батальона подъ начальствомъ подполковника Красовскаго двинулись справа, а одинъ баталіонъ слѣва. При наступленіи Красовскій взялъ небольшую флешь, не потерявъ ни одного человѣка; у турокъ же было убито 4 человѣка, прочіе скрылись въ ретраншаментахъ. Колонна, преслѣдовавшая бѣглецовъ, очутилась между двумя редутами. Красовскій тотчасъ же отправилъ капитана Ожаровскаго, волонтера, атаковать правый редутъ, а самъ занялъ берегъ, чтобы помѣшать непріятелю перейти Дунай и, въ то же время, чтобы поддержать первую колонну, когда въ томъ встрѣтится необходимость.

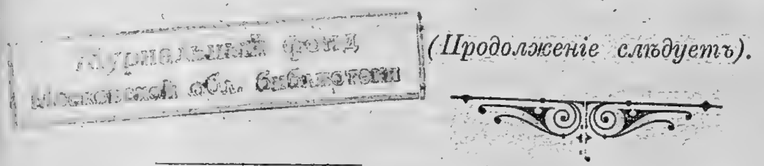
Ожаровскій овладѣлъ редутомъ, послѣ долгаго и довольно сильнаго сопротивленія. Турки, потерявъ 64 убитыми, бросились въ Дунай, гдѣ и потонули.

Колонна, двигавшаяся слѣва, направилась на редутъ, находившійся въ концѣ острова, съ цѣлью взять его приступомъ, но защитники его, послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, просили о капитуляціи. Имъ разрѣшили уйти со всѣмъ ихъ оружіемъ въ крѣпость Ломъ-Паланку. Русскимъ достался островъ со всѣми укрѣпленіями и двумя батареями. Турецкія же суда, не успѣвшія укрыться подъ защитой крѣпости, были уничтожены Энгельгардомъ, который велѣлъ поставить противъ нихъ 8 пушекъ, и въ три дня они были разбиты и потоплены [1]).

Въ этой экспедиціи мы потеряли одного убитымъ и пятерыхъ ранеными, кромѣ того, старшій сынъ генерала Обрѣзкова, адъютантъ Кутузова былъ убитъ, а Красовскій, Ожаровскій и три офицера были ранены. Генералъ Зассъ велѣлъ подполковнику главнаго штаба графу Людовику де Роше-Шонартъ построить на островѣ сильныя батареи, и, такимъ образомъ, подъ конецъ сраженія турецкія лодки оказались совершенно беззащитными.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Можно себѣ представить фанфаронство Энгельгарда послѣ этой экспедиціи. Онъ говорилъ, что онъ былъ 3-ій, уничтожившій морскія силы турокъ, графъ Орловъ въ Чесмѣ, князь Нассау въ лиманѣ Очакова и онъ—въ Ломѣ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

„Библіотекарь“. Журналъ общества библіотековѣдѣнія. С.-Петербургъ. 1910 г. № 1.

Этотъ прекрасный и полезный журналъ такимъ образомъ излагаетъ свой взглядъ на работы по библіотековѣдѣнію:

„Работа въ библіотекѣ требуетъ спеціальныхъ знаній; простое, на первый взглядъ, доступное, казалось бы, каждому интеллигентному человѣку, библіотечное дѣло скрываетъ въ себѣ массу мелкихъ и крупныхъ трудностей; онѣ растутъ вмѣстѣ съ ростомъ книжнаго запаса, съ увеличеніемъ оборотовъ библіотеки; не разрѣшенныя съ самаго начала, онѣ разстраиваютъ библіотечное хозяйство, обременяютъ массой лишняго труда библіотечный персоналъ, лишаютъ читателей возможности широко использовать богатства библіотеки. Вотъ почему библіотековѣдѣніе—ученіе о библіотекахъ — давно уже завоевало себѣ на Западѣ положеніе самостоятельной, хотя и маленькой, отрасли знанія; ей посвящена тамъ громадная литература—сотни монографій, десятки руководствъ, много періодическихъ изданій, успѣвшихъ отпраздновать уже четверть-вѣковой юбилей. Для изученія и развитія библіотековѣдѣнія во многихъ государствахъ давно организованы спеціальныя общества; происходятъ періодическіе съѣзды работниковъ библіотечнаго дѣла; существуютъ спеціальныя школы и курсы. Ничего или почти ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи нами. Русскіе библіотеки и библіотекари живутъ разрозненною жизнью; богатый опытъ, накопленный отдѣльными лицами и учрежденіями, остается неизвѣстнымъ другимъ; литература библіотечнаго дѣла — въ зачаткѣ. Мудрено ли поэтому, что въ громадномъ большинствѣ русскихъ библіотекъ постановка дѣла оставляетъ желать многаго. Эти соображенія вызвали къ жизни возникшее въ 1908 году въ С.-Петербургѣ общество библіотековѣдѣнія. Помочь усовершенствованію русскаго библіотечнаго дѣла—вотъ основная задача, поставленная себѣ обществомъ; съ этой же цѣлью предпринято обществомъ и изданіе настоящаго журнала“.

Далѣе упоминается, что сдѣлать богатства библіотеки наиболѣе доступными для публики, составить хорошій подборъ книгъ для библіотеки и снабдить ихъ собраніемъ свѣдѣній о рецензіяхъ на новыя книги, появляющихся въ главнѣйшихъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, ознакомиться у насъ и за границей съ положеніемъ библіотечнаго дѣла—таковы цѣли, поставленныя молодымъ, почтеннымъ журналомъ.

Надо по совѣсти сказать, что эти цѣли разбираемая нами книжка выдержала съ большимъ успѣхомъ въ статьяхъ: Плотникова — Народныя и общественныя библіотеки, Земскія народныя библіотеки, Е. Проскуряковой — Указатель лучшихъ, по отзывамъ печати, учебниковъ, П. Богданова—Обзоръ русской литературы по теоріи библіотековѣдѣнія и многихъ другихъ.

Къ этой книгѣ приложенъ уставъ общества библіотековѣдѣнія.

Шведская война 1808—1809. Ч. II. С.-Петербургъ. Переводъ со шведскаго группы офицеровъ бывшаго финляндскаго военнаго округа, подъ редакціей ген. штаба полковника А. М. Алексѣева.

Это обстоятельно составленное описаніе кампаніи 1808 г. съ февраля по май мѣсяцъ, когда почти вся Финляндія была завоевана русскими, и счастіе улыбнулось шведамъ только въ двухъ, неиспользованныхъ ими, побѣдахъ подъ конецъ военной кампаніи, и неприступный Свеаборгъ попалъ въ руки побѣдителя. Близость этого театра военныхъ дѣйствій къ Петербургу, операціонный планъ шведовъ для наступленія на Петербургъ, а также дѣйствія зимой въ Финляндіи—заслуживаютъ тщательнаго изученія этого похода въ русскихъ военныхъ кругахъ.

Среди русскихъ военачальниковъ тутъ встрѣчаемъ имена Багратіона, Раевскаго, Тучкова, Кульнева и другихъ будущихъ дѣятелей отечественной войны.

Въ рядахъ шведовъ встрѣчаемъ нѣкоторыя знакомыя и теперь имена Грипенберга, Аминова, Мунка, Шервиля, Фуругельма, Рамзая, Флеминага, Эрнрота, Лоде, Гротенфельда, Шарпантье и др.

Журналъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества. 1910 г. Кн. I.

Съ особымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ новый военно-историческій журналъ, который, судя по первой книгѣ, изданъ изящно и идетъ по вѣрному пути. Въ числѣ интересныхъ статей книги наиболѣе выдаются: Дневникъ барона Каульбарса о турецкой войнѣ 1789 г., съ описаніемъ побѣды Суворова при Фокшанахъ, съ прекрасно написаннымъ предисловіемъ; А. С. — Уголокъ архива графа Закревскаго; Доклады Н. С. Бѣляева и Д. П. Цвѣтаева—О документахъ Московскаго архива министерства юстиціи и др.

Военно-Историческій Вѣстникъ. Кіевъ. 1909 г. №№ 1—6.

Въ Кіевѣ тоже появился военно-историческій журналъ, взявшій совершенно правильный курсъ и очень хорошо изданный. Нѣкоторыя изъ указанныхъ книгъ журнала украшены прекрасными статьями профессоровъ: Иконникова, Завиткевича, Ляскоранскаго и др.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1910 г.
СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

